

ЖУРНАЛ 2016

'1-2 (76-77)

МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В ЭТОМ НОМЕРЕ

Главный редактор:
Андрей Владимирович
Селиванов

Редакционный совет:
Виктор Шадурский
(председатель)
Владимир Астапенко
Елена Бабкина
Сергей Балашенко
Юрий Бровка
Алексей Данильченко
Руслан Есин
Людмила Павлова
Анатолий Розанов
Андрей Русакович
Сергей Солодовников
Олег Старовойтов
Александр Шарapo

**Редактор английского
текста:**
Любовь Кравец

Художник:
Василий Гоголушко

Корректор:
Елена Мельникова

международное право

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

- Коллизионное регулирование гражданско-правового статуса физических лиц в Республике Беларусь (общие вопросы) *Н. Г. Маскаева* **5**
- Система принципов международного частного права *Н. В. Оксютчик* **1** 2
- Теоретические и практические аспекты применения в Республике Беларусь иностранного законодательства о банкротстве *А. Н. Скобей* **1** 9

МЕЖДУНАРОДНОЕ МИГРАЦИОННОЕ ПРАВО

- Роль Международной организации по миграции в обеспечении управления реадмиссией лиц *С. Н. Олейник* **2** 4

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

- Защита Европейским судом по правам человека свободы творчества в рамках Европейской конвенции по правам человека *Р. С. Мороз* **3** 0

международные отношения

- Да выхаду ў свет чатырохтомнага выдання «Беларусь у палітыцы заходніх і суседніх дзяржаў (1914—1991 гг.): зборнік дакументаў і матэрыялаў» *У. Е. Снапкоўскі* **3** 5
- Африканское направление внешней политики Бразилии в начале XXI в. *С. Д. Малая, А. А. Челядинский* **4** 4
- Участие Белорусской ССР в деятельности ЮНЕСКО и менталитет белорусского общества (1954—1964 гг.) *С. Ф. Свилас* **5** 0
- Пачатак дынастычнай барацьбы ў доме Вазаў і стаўленне да яе шляхты Вялікага Княства Літоўскага *А. В. Дземідовіч* **5** 9
- Геополитические взгляды Г. П. Федотова *М. И. Матюшевская* **6** 4
- Формирование политики ограничения иммиграции во Францию (1974—1981 гг.) *К. Л. Снисаренко* **7** 0
- Россия и Германия: внешняя торговля, энергетика, бизнес (2000—2013 гг.) *Ю. О. Пучинская* **7** 7
- Политика Турции в отношении Азербайджана (2002—2009 гг.) *И. Ш. Абилов* **8** 4
- История, особенности и перспективы отношений Швейцарской Конфедерации и Европейского союза *И. В. Зуев* **9** 4
- Отношения Республики Беларусь с НАТО в 1991—2015 гг. в белорусской историографии *О. С. Жураевская* **1** 0 0
- Федерализм и конфедерализм в евроинтеграционных устремлениях французских правозащитников *А. М. Гришель* **1** 0 5

ЖУРНАЛ 2016

'1-2 (76-77)

МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

международные экономические отношения

Функционирование экспортных кредитных агентств — органов государственного управления: перспективы для Республики Беларусь.....	<i>А. В. Данильченко, П. П. Артемьев</i>	1	1	1
Эволюция модели государственного регулирования экономического развития Республики Корея.....	<i>О Док Хи, Д. С. Калинин</i>	1	2	4
Стратегия Республики Беларусь в сфере внешней миграции: новые вызовы и возможности	<i>В. С. Загорец, И. В. Загорец</i>	1	3	1

Наш адрес:

Беларусь, 220701, Минск,
ул. Ленинградская, 20, комн. 1121
Международное общественное
объединение по научно-исследо-
вательским и информационно-
образовательным программам
«Развитие»

тел.: +375 17 209 57 40
тел./факс: +375 17 209 57 66

e-mail:
beljournal@evolutio.info

INTERNET:
<http://www.beljournal.evolutio.info/>

Издание зарегистрировано
в Министерстве информации
Республики Беларусь.
Свидетельство № 804
от 27 ноября 2009 г.

Учредитель и издатель:

Международное обще-
ственное объединение
по научно-исследо-
вательским и информаци-
онно-образовательным
программам «Развитие»

JOURNAL 2016

'1-2 (76-77)

OF INTERNATIONAL LAW AND INTERNATIONAL RELATIONS

IN THIS ISSUE

Editor-in-chief:
Andrey Selivanov

Editing Board:
Victor Shadurski
(chairman)
Vladimir Astapenka
Elena Babkina
Sergey Balashenko
Yury Brovka
Alexey Danilchenko
Ruslan Esin
Ludmila Pavlova
Anatoly Rozanov
Andrei Rusakovich
Sergey Solodovnikov
Oleg Starovoitov
Alexandr Sharapo

English Text Editor:
Liubou Kravets

Art Editor:
Vasily Gogolushko

Corrector:
Elena Melnikova

INTERNATIONAL LAW

INTERNATIONAL PRIVATE LAW

- Conflict-of-law Regulation of the Civil Status of Individuals in the Republic of Belarus (general issues) *Natalia Maskayeva* **5**
- The System of International Private Law Principles *Nicolai Oksyutchik* **1** 2
- Theoretical and Practical Aspects of Foreign Bankruptcy Law Application in the Republic of Belarus *Andrei Skabei* **1** 9

INTERNATIONAL MIGRATION LAW

- Role of the International Organization for Migration in the Readmission of Persons Management *Svitlana Oliinyk* **2** 4

HUMAN RIGHTS

- Protection of Artistic Freedom by the European Court of Human Rights in Accordance with the European Convention on Human Rights *Raman Maroz* **3** 0

INTERNATIONAL RELATIONS

- Devoted to the Publication of a Four-volume Edition «Belarus in the Policy of Western and Neighboring States (1914—1991): Compilation of Documents and Materials» *Uladzimir Snapkouski* **3** 5
- African Direction of Brazil's Foreign Policy at the Beginning of the XXI Century *Svetlana Malaya, Alexandr Chelyadinsky* **4** 4
- BSSR' Participation in UNESCO Activities and Mentality of the Belarusian Society (1954—1964) *Svetlana Svilas* **5** 0
- Beginning of a Dynastic Struggle in the Vasa House and the Attitude of the Grand Duchy of Lithuania Aristocracy towards this *Alena Dzemidovich* **5** 9
- Georgy Fedotov's Geopolitical Views *Maryia Matsiusheuskaya* **6** 4
- Formation of the Policy of Immigration Restriction in France (1974—1981) *Konstantin Snisarenko* **7** 0
- The Russian Federation and Germany: Foreign Trade, Energy Policy, Business (2000—2013) *Yuliya Puchinskaya* **7** 7
- Turkey's Policy towards Azerbaijan in 2002—2009 *Igbal Abilov* **8** 4
- History, Peculiarities and Prospects of Relations between the Swiss Confederation and the European Union *Ilya Zuyeu* **9** 4
- Belarus—NATO Relations in 1991—2015 in the Belarusian Historiography *Volha Zhuravskaya* **1** 0 0
- Federalism and Confederalism in the European Integration Aspirations of French Center-right Political Forces *Aleksey Grishel* **1** 0 5

JOURNAL 2016

'1-2 (76-77)

OF INTERNATIONAL LAW AND INTERNATIONAL RELATIONS

INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

The Functioning of Export Credit Agencies — Public Administration Bodies: Prospects for the Republic of Belarus	<i>Alexey Danilchenko, Pavel Artsemyeu</i>	1	1	1
Evolution of the Model of the Economic Development State Regulation in the Republic of Korea	<i>Oh Dok Hee, Dmitry Kalinin</i>	1	2	4
Strategy of the Republic of Belarus in the Sphere of External Migration: New Challenges and Opportunities	<i>Uladzimir Zaharets, Iryna Zaharets</i>	1	3	1

Our address:

International Non-governmental
Association for Scientific Research,
Information and Educational
Programmes «Evolutio»
20, Leningradskaya str., room 1121,
Minsk, 220701, Belarus

tel.: +375 17 209 57 40
tel./fax: +375 17 209 57 66

e-mail:
beljournal@evolutio.info

INTERNET:
<http://www.beljournal.evolutio.info/>

The journal is licenced by the
Ministry of Information
of the Republic of Belarus.
Certificate N 804
27 November 2009

The founder and publisher:

International Non-govern-
mental Association for
Scientific Research, Infor-
mation and Educational
Programmes «Evolutio»

КОЛЛИЗИОННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ (ОБЩИЕ ВОПРОСЫ)

Наталья Маскаева

Статья посвящена анализу коллизионных норм Гражданского кодекса и международных договоров Республики Беларусь, касающихся общих вопросов гражданско-правового статуса физических лиц. С целью устранения пробелов и иных недостатков их законодательного регулирования предлагается внести в указанный Кодекс ряд изменений относительно личного закона бипатридов, обладающих гражданством Республики Беларусь и гражданством одного или нескольких иностранных государств, и апатридов, не имеющих страны постоянного проживания, а также разъяснить в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, как соотносятся статьи 1106 и 1115 Гражданского кодекса Республики Беларусь.

Ключевые слова: дееспособность, коллизионная норма, личный закон физического лица, правоспособность, право физических лиц на имя, признание физических лиц безвестно отсутствующими и объявление их умершими.

«Conflict-of-law Regulation of the Civil Status of Individuals in the Republic of Belarus (general issues)» (Natalia Maskayeva)

The article is dedicated to the analysis of the conflict-of-law rules of the Civil Code and the international treaties of the Republic of Belarus related to general issues of the civil status of individuals. In order to eliminate the gaps and other deficiencies of their legal regulation, it is proposed to introduce some changes to the above-mentioned Code pertaining to *lex personalis* of bipatrides with the Belarusian citizenship and citizenship of one or more foreign states and of apatrides having no country of permanent residence, as well as to clarify the correlation of Articles 1106 and 1115 of the Civil Code in the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Republic of Belarus.

Keywords: active legal capacity, conflict-of-law rule, declaring persons missing and dead, passive legal capacity, personal law of an individual, the right of individuals to a name.

Author:

Maskayeva Natalia — Candidate of Law (PhD), senior lecturer of the Department of International Private and European Law of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: maskayeva_nat@mail.ru
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., 220030, Minsk, BELARUS

Иntenсификация глобализации, рост трансграничной мобильности физических лиц обуславливает необходимость определения их гражданско-правового статуса в различных государствах, в том числе в Республике Беларусь, чему служат не только материальные, но и коллизионные нормы.

К общим вопросам гражданско-правового статуса физических лиц в международном частном праве относятся вопросы их правоспособности и дееспособности, признания физических лиц безвестно отсутствующими и умершими, а также права физических лиц на имя. В работах российских ученых (в частности, Е. Г. Бельковой [1], М. М. Богуславского [2], Г. К. Дмитриевой [3], И. В. Гетьман-Павловой

[4], Л. Ю. Михеевой [7], В. В. Григорьева [8], Д. С. Упорова [19], Н. И. Марышевой [20], В. В. Новикова [26], В. Л. Толстых [34]), как правило, подробно освещается коллизионная и материальная регламентация данных вопросов в отечественном праве, а анализу зарубежного опыта, включая Республику Беларусь, уделено недостаточно внимания. Белорусские ученые (В. С. Каменков [18], В. В. Подгруша [30] и др.) рассматривают лишь соответствующие коллизионные нормы Гражданского кодекса Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. (далее — ГК Республики Беларусь) [5], в то время как нормы международных договоров в данной сфере ими не анализируются. В связи с этим проведение исследования национально- и международно-

Автор:

Маскаева Наталья Геннадьевна — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры международного частного и европейского права факультета международных отношений Белорусского государственного университета, e-mail: maskayeva_nat@mail.ru
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Рецензенты:

Анцух Наталья Сергеевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры международного частного и европейского права факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Барбук Алексей Владимирович — кандидат юридических наук, начальник управления международных договоров главного договорно-правового управления Министерства иностранных дел Республики Беларусь

правового коллизионного регулирования общих вопросов гражданско-правового статуса физических лиц в Республике Беларусь представляется актуальным.

Целью настоящей статьи является выявление и решение проблем теоретического и практического характера в рассматриваемой области и формулирование предложений по совершенствованию белорусского законодательства.

1. Коллизионное регулирование вопросов правоспособности и дееспособности физических лиц. Согласно закрепленной в пункте 1 статьи 1104 ГК Республики Беларусь двусторонней коллизионной норме правоспособность и дееспособность физического лица определяются его личным законом. Комментируя аналогичные положения, содержащиеся в статье 1196 и пункте 1 статьи 1197 Гражданского кодекса Российской Федерации от 26 ноября 2001 г. [6], российские ученые М. М. Богуславский, С. И. Крупко и Л. Ю. Михеева отмечают, что сфера действия применимого в данном случае права охватывает вопросы возникновения и прекращения правоспособности, ее содержания, приобретения дееспособности и ее объема, восполнения дееспособности, «влияния на дееспособность юридических фактов по изменению пола, гражданства и места жительства» [7, с. 14] и др. Полагаем, что не подпадают под нее касающиеся правоспособности и дееспособности вопросы, относительно которых в ГК Республики Беларусь предусмотрено отдельное коллизионное регулирование, например вопросы признания физического лица недееспособным или ограниченно дееспособным (п. 5 ст. 1104 ГК Республики Беларусь).

Содержание понятия «личный закон» дифференцировано в статье 1103 ГК Республики Беларусь в зависимости от того, о какой категории физических лиц идет речь. Так, пункт 1 указанной статьи содержит разъяснения относительно личного закона граждан (подданных) какого-либо одного государства и лиц с двойным или множественным гражданством.

В отношении **первой категории субъектов** установлено, что их личным законом считается право страны, гражданство (подданство) которой они имеют. Выбор белорусского законодателя в данной ситуации в пользу *lex patriae* можно объяснить несколькими факторами. В частности, гражданство (подданство) представляет собой объективную и достаточно стабильную связь лица с определенным государством, что служит препятствием обходу закона. Кроме того, установление гражданства (подданства) не сопряжено со значительными сложностями. В качестве наличия доказательств принадлежности лица к гражданству (подданству) того или иного иностранного государства могут выступать официальные документы, содержащие указание на гражданство (подданство). Так, например, соглас-

но пункту 45 Положения о порядке рассмотрения вопросов гражданства Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 1325, наличие гражданства Российской Федерации удостоверяется паспортом гражданина Российской Федерации, в том числе заграничным, дипломатическим, служебным паспортом; удостоверением личности (военным билетом) военнослужащего с вкладышем, свидетельствующим о наличии гражданства Российской Федерации; свидетельством о рождении с отметкой, подтверждающей наличие гражданства Российской Федерации, проставленной должностным лицом полномочного органа; свидетельством о рождении, в которое внесены сведения о гражданстве Российской Федерации родителей, одного из родителей или единственного родителя; свидетельством о рождении с отметкой, подтверждающей наличие гражданства Российской Федерации, проставленной должностным лицом полномочного органа [27]. Следует иметь в виду, что при отсутствии у лица доказательств его принадлежности к гражданству (подданству) иностранного государства оно, согласно абзацу 11 статьи 1 Закона Республики Беларусь от 4 января 2010 г. «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь» [29] и части 2 статьи 9 Закона Республики Беларусь от 1 августа 2002 г. «О гражданстве Республики Беларусь» [28], считается в Республике Беларусь лицом без гражданства, соответственно, его личный закон в силу невозможности обращения к *lex patriae* будет определяться иным образом (об этом будет сказано ниже).

Личным законом лиц с **двойным или множественным гражданством** по общему правилу считается право страны, с которой лицо наиболее тесно связано. Вместе с тем, если лицо с множественным гражданством обладает наряду с гражданством **двух или более** иностранных государств гражданством Республики Беларусь, его личным законом считается право Республики Беларусь.

В соответствии с частью 1 статьи 11 Закона Республики Беларусь «О гражданстве Республики Беларусь» за лицом, являющимся гражданином Республики Беларусь, не признается принадлежность к гражданству иностранного государства, если иное не предусмотрено международными договорами [28]. Таким образом, поскольку данные лица не рассматриваются белорусским законодателем в качестве иностранных граждан, вопросы их правового статуса в Республике Беларусь, на наш взгляд, не должны разрешаться в соответствии с правом иностранного государства. В данной связи пункт 1 статьи 1103 ГК Республики Беларусь нуждается в изменении. Отметим, что заинтересованность в применении к лицам, имеющим несколько гражданств, своего нацио-

нального права путем закрепления односторонних коллизионных норм, устанавливающих для этих лиц отечественный порядок, проявляется многими государствами [25]. Среди них — Россия (п. 2 ст. 1195 Гражданского кодекса Российской Федерации [6]), Япония (п. 1 ст. 28 Закона Японии «Об общих правилах применения права» [35]), Тунис (ч. 3 ст. 39 Кодекса Тунисской Республики о международном частном праве [36]), Турция (п. b) ст. 4 Закона Турецкой Республики от 27 ноября 2007 г. «О международном частном и процессуальном праве» [37]), Корея (п. 1 ст. 3 Закона Республики Корея «О международном частном праве» от 7 апреля 2001 г. [38]) и др.

Согласно пункту 2 статьи 1103 ГК Республики Беларусь, личным законом **лица без гражданства** считается право страны, в которой это лицо постоянно проживает. Н. И. Марышева справедливо утверждает, что отсылка к данному праву выражает наиболее стабильный и устойчивый признак связи такого лица с территорией того или иного государства [см.: 20]. В законодательстве Республики Беларусь понятие страны постоянного проживания не раскрывается. Экономический суд Содружества Независимых Государств в своем решении от 15 января 2002 г. № 01-1/3-2001 указал, что в доктрине международного частного права под местом постоянного жительства понимается «место средоточия жизненных связей лица, центр его существования». Как следует из данного решения, установление того, является ли место жительства гражданина в том или ином государстве местом его постоянного жительства, должно осуществляться на основе выяснения всех обстоятельств, характеризующих его как место «средоточения его жизненных связей» (постоянная работа, длительность проживания, наличие вида на жительство и т. д.) [32]. Использование подобного подхода, по сравнению с формальным, предполагающим определение страны постоянного проживания лица на основе какого-либо одного критерия (в том числе закрепленного в законодательстве), на наш взгляд, позволяет наиболее объективно установить государство, на территории которого лицо фактически постоянно проживает. (Так, в качестве примера В. Л. Толстых приводит возможное закрепление в законодательстве какого-либо срока, на протяжении которого проживание лица в том или ином государстве должно признаваться постоянным. В качестве весомых аргументов против такого решения он указывает, что «существуют ситуации, когда лицо нигде постоянно не проживает в течение этого периода или когда строгое применение этого критерия нарушит традиционный принцип связи отношения и государства» [34, с. 396].)

Как видно, рассматриваемая норма не содержит ответа на вопрос о том, что понимать под личным законом апатридов, не имеющих

страны постоянного проживания. Это означает, что их правоспособность и дееспособность по общему правилу должны определяться на основании закрепленного в пункте 3 статьи 1093 ГК Республики Беларусь резервного коллизионного правила — «закона наиболее тесной связи». К сожалению, в законодательстве Республики Беларусь не закреплены критерии, позволяющие устанавливать наличие данной связи. Не выработаны они и правоприменительной практикой. В данной связи реализация как пункта 2 статьи 1103, так и иных норм ГК Республики Беларусь, оперирующих *lex connectionis fermitatis*, представляет для правоприменителя довольно сложную задачу, ведет к непредсказуемости выбора применимого права, а также не способствует единообразию правоприменительной практики. Отметим, что некоторые иностранные государства по-иному регулируют вопрос определения личного закона указанных субъектов. Так, согласно пункту 3 статьи 16 Закона Украины от 23 июня 2005 г. «О международном частном праве», в случае отсутствия у лица без гражданства страны местожительства его личным законом является право государства, в котором данное лицо пребывает [31]. Представляется, что данный подход может быть заимствован белорусским законодателем.

Пунктом 3 статьи 1103 ГК Республики Беларусь предусмотрено, что личным законом **беженца** считается право страны, предоставившей убежище. Данная норма «отражает тот факт, что в силу особых обстоятельств, при которых беженцы были вынуждены покинуть страну своего гражданства или постоянного проживания, их связь с данной страной утрачивается и определяющим для правового положения беженцев в целом становится право принявшей их страны» [21].

Следует иметь в виду, что содержащаяся в пункте 1 статьи 1104 ГК Республики Беларусь коллизионная привязка *lex personalis* выступает в качестве общего правила, из которого имеются изъятия.

Так, к гражданской дееспособности физического лица в отношении сделок, совершаемых в Республике Беларусь, и обязательств, возникающих вследствие причинения вреда в Республике Беларусь, подлежит применению законодательство Республики Беларусь (*lex loci actus*) (п. 3 ст. 1104 ГК Республики Беларусь).

Кроме того, к способности физического лица, осуществляющего предпринимательскую деятельность, быть индивидуальным предпринимателем и иметь связанные с этим права и обязанности по общему правилу применяется право страны его регистрации в качестве индивидуального предпринимателя. При отсутствии страны регистрации применяется право страны основного места осуществления данным лицом индивидуальной предпринимательской деятельности (п. 3

ст. 1104 ГК Республики Беларусь). Как верно отмечает в отношении данной нормы известный белорусский ученый В. В. Подгруша, «отсутствие страны регистрации может быть обусловлено не только отсутствием предписаний об обязательной регистрации, но и осуществлением предпринимательской деятельности в качестве индивидуального предпринимателя без регистрации при наличии в законодательстве требования об обязательной регистрации» [30]. Содержащаяся в указанном пункте субсидиарная коллизионная привязка должна, на наш взгляд, применяться в обеих ситуациях.

В пунктах 1 и 2 статьи 23 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г. (далее — Минская конвенция) [23] и в пунктах 1 и 2 статьи 26 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 7 октября 2002 г. (далее — Кишиневская конвенция) [24] в отношении **дееспособности** физических лиц в качестве генеральной закреплена коллизионная привязка «закон страны гражданства», в качестве субсидиарной (применяется только в случае отсутствия у физического лица гражданства какого-либо государства-участника, т. е. для определения дееспособности апатридов, постоянно проживающих на территории государства-участника) — «закон страны постоянного места жительства». В обеих конвенциях отсутствует коллизионное регулирование правоспособности физических лиц, дееспособности иностранцев, не обладающих гражданством ни одного из государств-участников, а также лиц без гражданства, которые не имеют ни в одном из государств-участников постоянного места жительства. Поэтому определение права, применимого к данным вопросам, должно осуществляться на основании коллизионных норм, закрепленных в актах законодательства указанных государств.

Соглашением о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности от 20 марта 1992 г., предусмотрено, что гражданская правоспособность и дееспособность предпринимателей определяется по законодательству государства — участника Содружества Независимых Государств, на территории которого они зарегистрированы (п. а) ст. 11) [33]. Иных коллизионных норм, касающихся гражданско-правового статуса физических лиц, данное Соглашение не содержит.

Большинство двусторонних международных договоров Республики Беларусь о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (далее — двусторонние договоры о правовой помощи), как и указанные конвенции, содержат только коллизионные нормы относительно дееспособности физических лиц (исключение — Договор между Союзом Советских Социали-

стических Республик и Венгерской Народной Республикой об оказании правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам от 15 июля 1958 г. (далее — Договор с Венгрией) [15], Договор между Республикой Беларусь и Республикой Польша о правовой помощи по гражданским, семейным, трудовым и уголовным делам от 26 октября 1994 г. (далее — Договор с Польшей) [9] и Договор между Республикой Беларусь и Социалистической Республикой Вьетнам о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным, трудовым и уголовным делам от 14 сентября 2000 г. (далее — Договор с Вьетнамом) [14]: в них закреплены коллизионные нормы, объем которых охватывает как дееспособность, так и правоспособность). В качестве единственной коллизионной привязки к дееспособности или правоспособности и дееспособности практически во всех этих договорах закреплена привязка *lex patriae*. Лишь в пункте 2 статьи 16 Договора между Союзом Советских Социалистических Республик и Республикой Куба о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 28 ноября 1984 г. (далее — Договор с Кубой) дополнительно содержится иная формула прикрепления — *lex loci contractus*, которая применима только для определения дееспособности физического лица при заключении мелких бытовых сделок [16].

Согласно пункту 5 статьи 1104 ГК Республики Беларусь, **признание физического лица недееспособным или ограниченно дееспособным** подчиняется праву страны суда. Сфера действия данного права распространяется на такие вопросы, как основания, порядок и последствия признания данного лица недееспособным или ограниченно дееспособным.

Минская и Кишиневская конвенции, а также Договор между Республикой Беларусь и Сирийской Арабской Республикой о правовой помощи по гражданским и уголовным делам от 23 сентября 2008 г. [13], Договор между Республикой Беларусь и Исламской Республикой Иран о правовой помощи по гражданским и уголовным делам от 7 ноября 2006 г. (далее — Договор с Ираном) [10] и Договор с Венгрией не содержат специального коллизионного регулирования данных вопросов. Договоры с Кубой, Вьетнамом, Польшей, Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Чехословацкой Социалистической Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 12 августа 1982 г. [17], Договор между Республикой Беларусь и Литовской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 20 октября 1992 г. (далее — Договор с Литвой) [12] и Договор между Республикой Беларусь и Латвийской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по граж-

данским, семейным и уголовным делам от 21 февраля 1994 г. [11] в качестве единственного или общего правила закрепляют в их отношении *lex patriae*.

Некоторые из указанных договоров допускают применение *lex fori* в случаях признания судом одной договаривающейся стороны гражданина другой договаривающейся стороны недееспособным или ограниченно дееспособным при соблюдении определенных условий. Так, пунктами 1 и 3 статьи 23 Договора с Вьетнамом установлено, что если суд одной договаривающейся стороны определит, что есть основания для признания недееспособным, ограниченным в дееспособности гражданина другой договаривающейся стороны, имеющего место жительства или место нахождения на территории одной договаривающейся стороны, то он сообщает об этом соответствующему суду другой договаривающейся стороны. Если этот суд заявит, что он предоставляет дальнейшее производство дела суду по месту жительства или месту нахождения этого лица или не выскажется в трехмесячный срок, то суд по месту жительства или месту нахождения этого лица может рассмотреть дело о признании его недееспособным, ограниченным в дееспособности в соответствии с законодательством своего государства, если такие же основания для признания недееспособным, ограниченным в дееспособности предусматривает законодательство договаривающейся стороны, гражданином которой это лицо является [14].

2. Коллизионное регулирование признания физических лиц безвестно отсутствующими, объявления их умершими и установления факта их смерти. Статьей 1105 ГК Республики Беларусь предусмотрено, что признание физического лица безвестно отсутствующим и объявление его умершим подчиняется праву страны суда [5]. В соответствии с данным правом подлежат разрешению такие вопросы, как основания, порядок и последствия признания физического лица безвестно отсутствующим и объявления его умершим и отмены решений о таком признании, последствия явки физического лица, объявленного умершим.

В отличие от ГК Республики Беларусь Минская и Кишиневская конвенции, а также двусторонние договоры о правовой помощи содержат коллизионное регулирование не только признания безвестно отсутствующим и объявления умершим, но и **установления факта смерти**. Обе конвенции предусматривают, что при рассмотрении этих категорий дел учреждения юстиции государств — участников конвенций должны применять законодательство своих государств (п. 3 ст. 25 Минской [23] и п. 3 ст. 28 Кишиневской конвенции [24]). В двусторонних договорах о правовой помощи в данных целях используется коллизионная привязка *lex fori* (например, в п. 4

ст. 25 Договора с Венгрией [15], п. 3 ст. 26 Договора с Литвой [12]) либо коллизионная привязка *lex patriae* (например, в п. 1 ст. 25 Договора с Польшей [9], п. 2 ст. 21 Договора с Ираном [10]).

3. Коллизионное регулирование вопросов, касающихся имени физического лица, в Республике Беларусь содержится только в ГК. Согласно статье 1106 данного Кодекса, права физического лица на имя, его использование и защиту определяются его личным законом, поскольку иное не вытекает из правил, предусмотренных частью 2 пункта 2 и пунктом 4 статьи 18, статьями 1115 и 1132 ГК Республики Беларусь. Из статьи 1106 следует, что вопросы, связанные с именем физического лица, должны разрешаться на основании *lex personalis*. Вместе с тем в случае рассмотрения споров, связанных с правом физического лица на имя **как автора**, подлежит применению *lex loci protectionis* либо право, определяемое параграфом 5 раздела VII ГК Республики Беларусь о договорных обязательствах (ст. 1132 ГК Республики Беларусь). Второе изъятие из упомянутого правила — в пользу *lex loci actus* — предусмотрено в статье 1115 ГК Республики Беларусь. Поскольку и данная статья, и статья 1106 ГК Республики Беларусь касаются защиты права на имя (в ст. 1115 ГК Республики Беларусь идет речь о защите личных неимущественных прав, а согласно п. 1 ст. 151 данного Кодекса право на имя является личным неимущественным правом), сделать вывод о том, с помощью какой из них необходимо определять право, применимое к соответствующим вопросам, не представляется возможным. На наш взгляд, этот момент нуждается в разъяснении Верховного Суда Республики Беларусь.

Следует также обратить внимание на то, что независимо от того, право какого государства является применимым к вопросам имени физического лица на основании коллизионной привязки *lex personalis*, подлежат применению **нормы законодательства Республики Беларусь** об обязанности гражданина принимать необходимые меры для уведомления своих должников и кредиторов о перемене его имени и несении им риска последствий, вызванных отсутствием у этих лиц сведений о перемене его имени, а также о недопустимости приобретения прав и обязанностей под именем другого лица (данные нормы являются императивными в смысле п. 1 ст. 1100 ГК Республики Беларусь).

Помимо изложенного следует отметить, что пункт 2 статьи 1096 ГК Республики Беларусь предусматривает обратную отсылку к праву Республики Беларусь и отсылку к праву третьей страны **в случаях применения иностранного права** согласно статье 1103, пунктам 1, 3 и 5 статьи 1104 и статье 1106 данного Кодекса. В то же время пункт 3 статьи 1104 ГК Республики Беларусь представляет собой односторон-

нюю коллизионную норму, в соответствии с которой к указанным в ней отношениям подлежит применению **право Республики Беларусь**. Таким образом, в силу невозможности применения на основании данного пункта иностранного права обратная отсылка к праву Республики Беларусь и отсылка к праву третьей страны также не могут иметь места. В данной связи ссылку в пункте 2 статьи 1096 ГК Республики Беларусь на пункт 3 статьи 1104 указанного Кодекса необходимо исключить.

Проведенное в настоящей статье исследование позволяет сделать вывод о наличии определенных недостатков коллизионного регулирования гражданско-правового статуса физических лиц в Республике Беларусь. С целью их устранения полагаем целесообразным:

1) в пункте 2 статьи 96 ГК Республики Беларусь слова «, пунктам 1, 3, 5 статьи 1104,» заменить словами «, пунктам 1 и 5 статьи 1104,»;

2) предложение третье пункта 1 статьи 1103 ГК Республики Беларусь изложить следующим образом: «Если лицо наряду с гражданством (подданством) одного или нескольких иностранных государств имеет гражданство Республики Беларусь, его личным законом считается право Республики Беларусь.»;

3) пункт 2 статьи 1103 ГК изложить в следующей редакции: «2. Личным законом лица без гражданства считается право страны, в которой это лицо постоянно проживает, а при отсутствии таковой — право страны, в которой это лицо пребывает.»;

4) Верховному Суду Республики Беларусь разъяснить в постановлении Пленума, в каких случаях при рассмотрении судами дел о защите права на имя физического лица должно применяться статья 1106, а в каких — статья 1115 Гражданского кодекса Республики Беларусь.

Список использованных источников

1. Белькова, Е. Г. Правосубъектность граждан в международном частном праве / Е. Г. Белькова // Известия ИГЭА. — 2008. — № 4 (60). — С. 104—108.
2. Богуславский, М. М. Международное частное право: учебник / М. М. Богуславский; Ин-т государства и права Рос. акад. наук, Акад. правовой ун-т. — 5-е изд., перераб. и доп. — М.: Юристъ, 2004. — 602 с.
3. Виноградова, Р. И. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части третьей (постатейный) / Р. И. Виноградова, Г. К. Дмитриева, В. С. Репин; под общ. ред. В. П. Мозолина. — М.: Норма, 2002. — 416 с.
4. Гетьман-Павлова, И. В. Международное частное право: учебник / И. В. Гетьман-Павлова. — М.: Эксмо, 2005. — 749 с.
5. Гражданский кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь от 7 дек. 1998 г. № 218-З: принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г.: одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г.: текст по сост. на 1 апреля 2015 г. [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2016.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья): Кодекс Рос. Федерации от 26 нояб. 2001 г. № 146-ФЗ: принят Гос. Думой 1 нояб. 2001 г.: одобр. Советом Федерации 14 нояб. 2001 г.: текст по сост. на 1 апреля 2015 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2016.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации. Международное частное право. Постатейный комментарий к разделу VI / М. М. Богуславский [и др.]; под ред. П. В. Крашенинникова. — М.: Статут, 2014. — 200 с.
8. Григорьев, В. В. Комментарий к разделу VI «Международное частное право» части третьей Гражданского кодекса РФ (главы 66 «Общие положения», 67 «Право, подлежащее применению при определении правового положения лиц» и 68 «Право, подлежащее применению к имущественным и личным неимущественным отношениям») (постатейный) / В. В. Григорьев [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2016.
9. Дагавор паміж Рэспублікай Беларусь і Рэспублікай Польшча аб прававой дапамозе і прававых адносінах па грамадзянскіх, сямейных, працоўных і крымінальных справах: [подписан в г. Минске 26.10.1994 г.] [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2016.
10. Договор между Республикой Беларусь и Исламской Республикой Иран о правовой помощи по гражданским и уголовным делам: [подписан в г. Тегеране 07.11.2006 г.] [Электронный ресурс] // Там же.
11. Договор между Республикой Беларусь и Латвийской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам: [подписан в г. Минске 21.02.1994 г.] [Электронный ресурс] // Там же.
12. Договор между Республикой Беларусь и Литовской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам [Электронный ресурс]: [подписан в г. Вильнюсе 20.10.1992 г.] // Там же.
13. Договор между Республикой Беларусь и Сирийской Арабской Республикой о правовой помощи по гражданским и уголовным делам: [подписан в г. Дамаске 23.09.2008 г.] [Электронный ресурс] // Там же.
14. Договор между Республикой Беларусь и Социалистической Республикой Вьетнам о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным, трудовым и уголовным делам: [подписан в г. Минске 14.09.2000 г.] [Электронный ресурс] // Там же.
15. Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Венгерской Народной Республикой об оказании правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам: [подписан в г. Москве 15.07.1958 г.] [Электронный ресурс] // Там же.
16. Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Республикой Куба о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам: [подписан в г. Гаване 28.11.1984 г.] [Электронный ресурс] // Там же.
17. Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Чехословацкой Социалистической Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам: [подписан в г. Москве 12.08.1982 г.] [Электронный ресурс] // Там же.
18. Каменков, В. С. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Республики Беларусь. Раздел VII. Международное частное право. Глава 75. Коллизионные нормы (статьи 1103—1135) / В. С. Каменков [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2016.
19. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (учебно-практический). Части первая, вторая, третья, четвертая / С. С. Алексеев [и др.]; под ред. С. А. Степанова. — 2-е изд., перер. и доп. — М.: Проспект; Екатеринбург: Ин-т частного права, 2009. — 1504 с.

20. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части третьей (постатейный) / отв. ред. Н. И. Маршова, К. Б. Ярошенко. — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Контракт, 2010. — 672 с.
21. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части третьей / Ин-т государства и права РАН; Т. Е. Абова [и др.]; под ред. Т. Е. Абовой, М. М. Богуславского, А. Г. Светланова. — М.: Юрайт-Издат, 2004. — 486 с. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2016.
22. Комментарий к части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный) / Г. Е. Авилов [и др.]; отв. ред. А. Л. Маковский, Е. А. Суханов. — М.: Юрист, 2002. — 538 с. [Электронный ресурс] // Там же.
23. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам: [подписана в г. Минске 22.01.1993 г.] [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2016.
24. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам: [подписана в г. Кишиневе 07.10.2002 г.] [Электронный ресурс] // Там же.
25. Международное частное право: учебник: в 2 т. / А. И. Абдуллин [и др.]; отв. ред. С. Н. Лебедев, Е. В. Кабатова. — М.: Статут, 2011. — Т. 2: Особенная часть [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2016.
26. Новиков, В. В. Личный закон и национальность иностранных лиц в России / В. В. Новиков // Вестн. Санкт-Петерб. ун-та МВД России. — 2006. — № 3 (31). — С. 95—99.
27. Об утверждении Положения о порядке рассмотрения вопросов гражданства Российской Федерации: Указ Президента Рос. Федерации от 14 нояб. 2002 г. № 1325 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2016.
28. О гражданстве Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь от 1 авг. 2002 г. № 136-З [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2016.
29. О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь: Закон Респ. Беларусь от 4 янв. 2010 г. № 105-З [Электронный ресурс] // Там же.
30. Подгруша, В. В. Правовой статус физических лиц в коллизионных нормах Гражданских кодексов Беларуси и России [Электронный ресурс]: [по состоянию на 01.06.2003 г.] / В. В. Подгруша [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2016.
31. Про міжнародне приватне право: Закон України від 23 черв. 2005 р. № 2709-IV [Электронный ресурс] // Верховна Рада України: офіційний веб-портал. — Режим доступа: <<http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/2709-15>>. — Дата доступа: 07.03.2016.
32. Решение № 01-1/3-2001 Экономического суда Содружества Независимых Государств от 15 янв. 2002 г. [Электронный ресурс] // Верховна Рада України: офіційний веб-портал. — Режим доступа: <http://zakono.rada.gov.ua/laws/show/997_372>. — Дата доступа: 07.03.2016.
33. Соглашение о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности: [подписано в г. Киеве 20.03.1992 г.] [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2016.
34. Толстых, В. Л. Международное частное право: коллизионное регулирование / В. Л. Толстых. — СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. — 526 с.
35. Act on the General Rules of Application of Laws: Act N 78 of 2006, entry into force on January 1, 2007 [Electronic resource] // Private International Law Association of Japan. — Mode of access: <http://www.pilaj.jp/text/tsusokuho_e.html>. — Date of access: 07.03.2016.
36. Code de droit international privé: Loi N° 98-97 du 27 Novembre 1998 [Electronic resource] // Portail de la Justice en Tunisie. — Mode of access: <http://www.e-justice.tn/fileadmin/fichiers_site_francais/codes_juridiques/code_droit_intern_priv_e_fr.pdf>. — Date of access: 07.03.2016.
37. Milletlerarası özel hukuk ve usul hukuku hakkında kanun, 27/11/2007, N 5718 [Electronic resource] // Mevzuatı Geliştirme ve Yayın Genel Müdürlüğü. Mevzuat Bilgi Sistemine. E.mevzuat. — Mode of access: <<http://www.mevzuat.gov.tr/MevzuatMetin/1,5,5718.pdf>>. — Date of access: 07.03.2016.
38. Private international act of April 7, 2001, entered into force on July 1, 2001 [Electronic resource] // Ministry of Government Legislation. — Mode of access: <<http://www.moleg.go.kr/english/korLawEng?pstSeq=52687>>. — Date of access: 07.03.2015.

Статья поступила в редакцию в апреле 2016 г.

СИСТЕМА ПРИНЦИПОВ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА

Николай Оксютчик

В статье исследуется вопрос о системе принципов международного частного права. Принимая во внимание отсутствие нормативного закрепления указанной системы, автор, используя специально разработанную методологию, предлагает собственный путь решения задачи по ее доктринальной фиксации, результатом реализации которого служит предложенная авторская концепция системы принципов международного частного права.

Ключевые слова: классификация, международное частное право, общие и специальные принципы международного частного права, первичное доктринальное формулирование, система принципов.

«The System of International Private Law Principles» (Nicolai Oksyutchik)

The article explores the system of international private law principles. In view of the lack of legal definition of the specified system, the author using specially developed methodology offers a solution of a task of the system's doctrinal fixing. As a result, the author elaborates his own concept of the system of international private law principles.

Keywords: classification, general and special principles of international private law, international private law, primary doctrinal formulation, system of principles.

Author:

Oksyutchik Nicolai — post-graduate student of the Department of International Private and European Law of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: klaus.ox@gmail.com
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., 220030, Minsk, BELARUS

Решение научной задачи по формулированию понятия принципов международного частного права, под которыми понимаются «объективные существующие основополагающие, руководящие идеи, осуществляющие функции внутреннего согласования и эффективного функционирования всей системы международного частного права, а также непосредственного регулирования частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом, при наличии в ней пробелов и противоречий» [13, с. 15], с неизбежностью ставит вопрос о непосредственном доктринальном формулировании перечня принципов международного частного права. Вместе с тем при очевидной научной важности обозначенного вопроса его решение до настоящего момента лишь изредка привлекало к себе внимание исследователей: попытки формулирования перечня принципов международного частного права в разное время предпринимали И. В. Гетьман-Павлова [7, с. 23—24], Р. Ю. Колотов [10, с. 10—11], Л. П. Ануфриева, В. Г. Тихиня, М. Л. Чудаева, О. Н. Толочко [см.: 13, с. 13—15] и некоторые другие авторы. При этом подходы указанных исследователей к ре-

шению данной научной проблемы сводились в большинстве своем к абстрактному постулированию некой совокупности положений, которые являются принципами международного частного права.

Подобная ситуация породила весьма значительный разброс мнений в отношении содержания категории принципов международного частного права, а отсутствие до настоящего момента нормативного закрепления указанной категории не способствовало какой бы то ни было консолидации доктринальных подходов.

В этой связи в настоящей статье будет реализован принципиально иной подход к решению указанного вопроса, так как, принимая во внимание отсутствие нормативного закрепления принципов международного частного права, для их научно обоснованного вычленения из существующей правовой реальности необходимо применять особую методологию.

При наличии нормативно закрепленного перечня принципов международного частного права их исследование осуществлялось бы посредством установления соответствия указанного перечня сформулированным теоретиче-

Автор:

Оксютчик Николай Викторович — аспирант кафедры международного частного и европейского права факультета международных отношений Белорусского государственного университета, e-mail: klaus.ox@gmail.com
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Рецензенты:

Маскаева Наталья Геннадьевна — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры международного частного и европейского права факультета международных отношений Белорусского государственного университета
Шакель Надежда Валентиновна — кандидат юридических наук, заместитель начальника организационно-инспекторского управления координации служебной деятельности Государственного комитета служебных экспертиз Республики Беларусь

ским выводам и таким образом сводилось бы к научно аргументированному исключению из этого перечня положений, по сути не являющихся принципами международного частного права, в сочетании с его дополнением необходимыми постулатами. В частности, применение указанной методологии при исследовании принципов гражданского права Республики Беларусь позволило Н. Л. Бондаренко в ее статье прийти к обоснованному выводу о необходимости внесения изменений в нормативно закрепленный перечень названных принципов [5, с. 61]. Однако в нашем случае подобная методология неприменима, так как при отсутствии нормативно закрепленного перечня принципов международного частного права научная задача состоит в *первичном доктринальном формулировании объективно существующих принципов международного частного права путем их вычленения из правовой реальности*.

В этой связи указанный исследовательский процесс не может сводиться к абстрактному постулированию, а должен осуществляться строго на основе упомянутых теоретических посылок посредством использования классификации, так как именно классификация «дает возможность выработать системное представление об исследуемом предмете в целом» [8, с. 79]. Указанное «усложнение» методологии представляется нам вполне оправданным и даже необходимым с целью обеспечения максимально возможной объективности при формулировании принципов международного частного права в сочетании с раскрытием важных механизмов их генезиса. Ибо принципы международного частного права действуют в рамках «сложной и взаимообусловленной системы» [12, с. 246], а потому и процесс их вычленения из правовой действительности и доктринальной фиксации должен осуществляться с учетом их системности как во многом определяющего фактора. Экстраполируя на сферу международного частного права теоретически обоснованные выводы Н. Л. Бондаренко о системе принципов гражданского права Республики Беларусь, под которой она понимает «целостное, структурно упорядоченное единство принципов, находящихся во взаимодействии между собой, а также с принципами других отраслей права и обеспечивающих эффективное правовое регулирование гражданско-правовых отношений» [4, с. 16], представляется обоснованным утверждать, что научное вычленение из правовой реальности именно *системы принципов международного частного права*, а не их абстрактного перечня позволит свести к минимуму возможные погрешности указанного исследовательского процесса.

Учитывая вышеизложенное, несмотря на то, что философия и методология науки относят классификацию к «вспомогательным опе-

рациям при обосновании научных знаний» [3, с. 105–124], ее роль для решения поставленной научной задачи представляется весьма значительной: вычленяемые из существующей правовой реальности принципы международного частного права представляют собой строгую и внутренне непротиворечивую *систему равнозначных* постулатов, а потому именно классификация, обеспечивающая возможность группирования составных частей единой системы по четким основаниям, позволит нам осуществить формулирование не отдельных принципов, а всей сложноорганизованной системы. Таким образом, содержание сформулированной в результате предварительной классификации системы принципов международного частного права будет более объективным.

Более того, в процессе классификации осуществляется также обнаружение важнейших сущностных характеристик исследуемого предмета, что позволит нам, в частности, глубже разобраться в процессе формирования принципов международного частного права и раскрыть значимые закономерности их функционирования. В результате мы получим дополнительный методологический инструментарий для последующего раскрытия механизма регулирующего воздействия каждого из принципов на сферу частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом.

Учитывая обозначенную оправданность использования предварительной классификации для первичного доктринального формулирования объективно существующих принципов международного частного права, представляется необходимым в процессе осуществления указанной классификации строго следовать двум ее общим правилам:

- 1) правило последовательности: от рода следует переходить к ближайшим видам;
- 2) правило существенности основания: классификация должна производиться по существенным признакам [3, с. 112–113].

Соблюдение первого из правил в нашем случае предполагает неукоснительное следование от родового понятия — принцип международного частного права — к видовым с последующим переходом к конкретным принципам. При этом сформулированные виды должны включать в себя весь конечный перечень принципов, недопустимо существование некоего принципа, не отнесенного ни к одному из видов, так как это будет ничем иным как «скачкообразной классификацией», неизбежно порождающей погрешности [3, с. 113].

Правило существенности основания требует распределения принципов международного частного права по видам, заключающим в себе только значимые признаки, избегая произвольных, случайных оснований. В последнем случае будет иметь место искусственная классификация, имеющая весьма сомнительное научное значение [3, с. 114].

В этой связи необходимо отметить, что в доктрине существует значительное количество различных подходов к классификации принципов права как общеправовой категории [14, с. 62—69]. Они обстоятельно исследованы в отношении общих принципов права Российской Федерации в монографии В. В. Ершова [8, с. 79—96]. Проведенный указанным автором анализ подчеркивает значительный субъективизм исследователей в решении вопроса о классификации и формулировании перечня принципов права и приводит его к весьма неоднозначным и даже несколько противоречивым выводам.

В частности, обосновывая выделение в качестве «квалификационных критериев классификации принципов права»: 1) иерархию; 2) способы выражения и закрепления в формах права; 3) формы права; 4) уровень правового регулирования и 5) сферы общественных отношений, что для целей изучения принципов права как научного феномена представляется вполне оправданным, В. В. Ершов одновременно предлагает «разработать и закрепить» в соответствующих нормативных правовых актах основополагающие принципы права, утверждая при этом, что принципы права могут быть как собственно «писаными», так и «неписаными», выработанными в процессе правоприменительной деятельности [8, с. 95—96].

В данном случае указанный автор предлагает бороться со сложившимся субъективизмом мнений путем «разработки и закрепления» принципов, что противоречит самой сути этого феномена. Принципы права — объективно существующая категория, и функция исследователя (а впоследствии и законодателя) в отношении принципов права заключается в их вычлениении из правовой реальности и последующей нормативной фиксации с целью систематизации их воздействия на нормативный массив, а также легализации возможности непосредственного применения принципов правоприменителем. Очевидно, что раз и навсегда нормативно закрепить единый, всеобъемлющий перечень принципов права невозможно: ввиду объективных качественных изменений права как основного регулятора жизни общества его существующие принципы также будут подвержены временным качественным изменениям, а вновь формируемые — зарождаться, крепнуть и выполнять свои функции в качестве «неписанных» принципов, обеспечивая тем самым процесс саморегуляции и совершенствования всей сложноорганизованной системы.

В этой связи классификация принципов также необходима в качестве дополнительного инструмента анализа этой правовой категории для своевременного выявления вновь зародившихся принципиальных положений и отслеживания принципов, утративших свой

статус. И если для принципов права как общеправовой категории для достижения указанных целей необходимо значительное количество классификаций по различным основаниям [6, с. 41—47], то в отношении принципов международного частного права складывается несколько иная ситуация.

Необходимо отметить, что в доктрине предпринимались попытки классификации принципов международного частного права [7, с. 22—24; 16, с. 25—28; 18, с. 11], однако их едва ли можно признать успешными. Причина этого коренится в том, что авторы подходили к обозначенному вопросу формально, осуществляя классификацию без теоретического обоснования выбора ее признаков. В результате существование соответствующих групп принципов международного частного права лишь постулировалось, их содержательное наполнение также было достаточно случайным, что в свою очередь сказывалось на научных результатах исследования принципов международного частного права в целом как правового феномена.

В частности, о «методологической важности» деления принципов международного частного права на группы в своей статье утверждает Ю. М. Акимова, предлагая в качестве таковых принципы, обуславливающие:

1) возможность и необходимость применения иностранного права и пределы его применения;

2) выбор права при решении конкретной коллизионной проблемы (принципы коллизионного регулирования) [1].

К сожалению, указанный пример классификации вряд ли можно признать удачным, так как автор не формулирует понятия принципа международного частного права и не указывает основания собственной классификации. Опираясь лишь весьма общим определением «отраслевого принципа права» и выборочно проанализировав работы некоторых авторов, прямо либо косвенно посвященные принципам международного частного права, Ю. М. Акимова постулирует обозначенную выше классификацию, обосновывая ее «различной природой» положений, произвольно выбранных ею в качестве принципов международного частного права [1].

В результате этого непоследовательного подхода, продиктованного в том числе и позиционированием международного частного права в качестве «отрасли права» [1], указанная классификация представляется весьма спорной как по форме, так и по содержанию. С одной стороны, весьма сомнительно одновременное обуславливание возможности и необходимости, с другой стороны, необоснованным выглядит повышение факторов выбора права в коллизионном регулировании до уровня принципов международного частного права в целом.

Разделение принципов международного частного права «на две базовые группы» отмечал и Р. Ю. Колобов в своей диссертации [10]. Указанный автор, в частности, постулирует существование принципов международного частного права, имеющих: 1) международно-правовое и 2) национальное происхождение [10, с. 10]. Осуществляя таким образом классификацию принципов по признаку их генезиса, указанный автор приходит к выводу о том, что принципы первой группы являются всего лишь «следствием принципов международного права». В то же время принципы второй группы разделяются им на своеобразные подвиды: «свойственные отраслям гражданского, семейного, трудового и процессуального права, и специфические принципы международного частного права» [10, с. 19].

С приведенной классификацией также нельзя согласиться, так как она является следствием видения автором международного частного права как некой вспомогательной системы, прикладного инструмента правоприменительной практики. В этой связи приведенная классификация игнорирует сложнейшую структуру генезиса принципов международного частного права, лишает их универсальности и автономности, растворяя в принципах иных отраслей и систем права. Наконец, весьма спорна сама «многоуровневая» классификация, в результате которой произвольно изменяются ее основания.

Особый подход к классификации принципов международного частного права приводит в своей диссертации Р. М. Ходыкин. Уделяя основное внимание изучению «принципов формирования коллизионных норм», он в то же время упоминает и о существовании «общих принципов международного частного права» [17]. Указанный подход был обоснованно подвергнут критике А. В. Асосковым как в содержательном, так и в понятийном аспектах [2]. Настаивая на максимально возможной конкретике дефиниций, А. В. Асосков в работе «Основы коллизионного права» четко устанавливает, что для целей своего исследования применяет термин «принцип международного частного права» (равно как и «принцип коллизионного права») для обозначения «основополагающих начал коллизионного регулирования» [2]. С учетом обозначенного специального сужения рамок понятия для целей конкретного исследования позиция А. В. Асоскова представляется теоретически обоснованной и методологически оправданной, а допущенное Р. М. Ходыкиным терминологическое смешение произвольно повлекло за собой некое противопоставление коллизионного права международному частному праву, что является совершенно недопустимым, так как первое представляет собой важнейшую составную часть второго. При подобном подходе нивелируется масштабность международного частно-

го права как особой системы норм различного генезиса, обладающей принципами, которые носят «сквозной» характер и, благодаря присущей им универсальности, обеспечивают надлежащее функционирование всей указанной системы.

Для нас представляется очевидным, что классификация принципов международного частного права должна осуществляться на строгих теоретических основаниях и в полной мере учитывать специфику этой особой системы правовых норм. Современное международное частное право представляет собой совершенно уникальную нормативную систему, в которой воедино сплетены самые различные источники и методы правового регулирования, а сфера его воздействия охватывает все страны мира. Оставаясь многоликим в национальной ипостаси, оно все больше унифицируется на глобальном, региональном и локальном уровнях. Чутко реагируя на современные вызовы и быстро видоизменяясь в связи с вновь возникающими обстоятельствами, международное частное право, тем не менее, обеспечивает необходимую стабильность и предсказуемость регулирования частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом. Как справедливо отмечает А. Г. Лисицын-Светланов, международное частное право «находится в постоянном развитии, отвечающем требованиям своего времени. При этом примечательно, что даже при возникновении кризисов в межгосударственных отношениях кризисы в регулировании частноправовых отношений не наблюдаются» [см.: 15, с. 23–24].

Все это достигается, прежде всего, благодаря существующей системе принципов международного частного права, которая, с одной стороны, обеспечивает его функционирование в рамках международных и национальных общеправовых тенденций и, с другой — позволяет успешно решать весьма сложные и специфические задачи правового регулирования многогранной сферы частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом. В этой связи нельзя не согласиться с общим смыслом обоснованного вывода Н. Л. Бондаренко о том, что «*системообразующим критерием гражданского права как правовой отрасли, общим условием существования каждого его структурного подразделения служит предмет правового регулирования, поскольку*» [5, с. 59]. Принимая указанный вывод, сделанный в отношении гражданского права, в качестве общей теоретической посылки, применимой, в частности, и к международному частному праву как особой системе норм, представляется обоснованным утверждать, что именно предмет правового регулирования указанной системы норм предопределяет содержательную и функциональную специфику принципов международного частного права.

Учитывая вышеизложенное, представляется, что необходимость классификации принципов международного частного права по значительному количеству оснований отсутствует. Принимая во внимание обозначенную нами роль указанной классификации как дополнительного инструмента познания принципов международного частного права, она должна осуществляться исключительно по основаниям, позволяющим детальнее изучить природу этих принципов и одновременно глубже раскрыть механизм регулирующего воздействия международного частного права на предмет его правового регулирования.

В этой связи наиболее оправданной, с нашей точки зрения, является классификация принципов международного частного права, предполагающая их разделение на две группы:

1) *общие*, под которыми следует понимать принципы, обеспечивающие функционирование международного частного права как неотъемлемой части национальной, региональной и международной правовых систем посредством фундирования положений, присущих современному этапу правового развития общества и характеризующих основные тренды развития права как важнейшего регулятора социальных отношений;

2) *специальные*, функции которых направлены на обеспечение функционирования сугубо специфических, присущих исключительно международному частному праву, механизмов регулирования частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом, учитывающих особый характер этой весьма многогранной сферы.

Как следует из приведенного краткого описания групп принципов, указанная классификация осуществляется по комплексному генезисно-функциональному признаку, позволяющему глубже раскрыть механизм регулирующего воздействия международного частного права на собственный предмет правового регулирования, а также проследить закономерности становления и развития этой системы правовых норм. Необходимо обратить особое внимание на то, что приведенная классификация ни в коей мере не порождает какую бы то ни было иерархичность соответствующих групп принципов. Как справедливо отмечал Д. А. Керимов, «система только в том случае является системой, если она действует, функционирует, выполняет определенную роль. Функционирует не только система в целом, но и каждый ее элемент» [9, с. 213].

Безусловно, указанная классификация не является единственно возможной, однако, учитывая ее методологическое значение, обозначенное выше, она представляется наиболее оправданной. Приведенная классификация позволяет нам перейти на ее основе к непосредственному формулированию *системы принципов международного частного права*

на основе их разделения на упомянутые группы. При этом важно отметить, что все принципы международного частного права, независимо от их принадлежности к той или иной группе, являются абсолютно равнозначными по своему воздействию на сферу правового регулирования как составные части единой, внутренне согласованной и непротиворечивой системы. Вместе с тем каждая из групп принципов имеет собственную специфику, проявляющуюся в характере регулирующего воздействия на сферу частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом.

Так, *общие принципы международного частного права* являются своеобразным «связующим звеном» между этой системой норм и существующим в конкретно-исторический период времени уровнем правового развития общества. Именно эти принципы цементируют важнейшие постулаты, обеспечивающие функционирование международного частного права как неотъемлемой части общеправовой системы. Очевидно, что, несмотря на собственную специфику и даже некоторую «автономность», международное частное право может существовать только в общем тренде правового развития, зачастую лидируя и задавая тон в юридических инновациях, но ни в коем случае не противопоставляя себя основам существующей правовой системы. В противном случае оно вступило бы в неразрешимые противоречия с существующей системой права, что с неизбежностью повлекло бы его санацию указанной системой с последующей неизбежной рудиментизацией и ликвидацией.

Однако анализ существующей правовой реальности дает нам все основания утверждать об успешном функционировании международного частного права как регулятора частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом, в качестве составной части общеправовой системы, что обеспечивается, прежде всего, существованием его *общих принципов*, к которым следует отнести следующие:

- 1) *принцип экстерриториального применения национального законодательства;*
- 2) *принцип обеспечения баланса между защитой государственных интересов и реализацией прав и законных интересов субъектов международного частного права;*
- 3) *принцип предоставления иностранным субъектам определенных правовых режимов;*
- 4) *принцип сочетания международного и национального нормативного регулирования;*
- 5) *принцип добросовестности и разумности участников правоотношений;*
- 6) *принцип автономии воли сторон;*
- 7) *принцип применения процессуальных норм страны суда.*

В свою очередь, специальные принципы международного частного права обеспечивают постулирование специфических основ

его функционирования как уникальной системы норм различного генезиса, регулирующей частнопроводные отношения, осложненные иностранным элементом. Указанная система норм, исторически порожденная необходимостью решать совершенно особые юридические вопросы, в процессе своего развития с неизбежностью формулировала собственные специфические постулаты, гарантировавшие саму возможность регулирующего воздействия международного частного права. В силу специфичности сферы правового регулирования указанные принципиальные положения сформированы и существуют только в международном частном праве, а потому наиболее рельефно отражают его глубинную сущность, важнейшие признаки и закономерности его функционирования. К специальным принципам международного частного права относятся:

- 1) принцип коллизионного регулирования;
- 2) принцип применения негосударственных форм регулирования правоотношений.

Сформулированная нами система принципов международного частного права в полной мере обладает всеми сущностными характеристиками системы как общефилософской и правовой категории, в частности «система есть целостность однородных связей и отношений. В нее могут входить отдельные комплексы особым образом интегрированных связей и отношений. Имманентным свойством системы является функционирование. Функционирует система через свои связи и отношения, рассмотрение которых в отрыве от порождающей их системы лишает их свойств целостности. Данные связи и отношения — институализация внешней функции самой системы и проявление ее свойства функционирования» [11, с. 98]. Иными словами, система принципов международного частного права представляет собой взаимообусловленную совокупность равнозначных постулатов, функционирование которой основано, с одной стороны, на постоянном взаимодействии ее составных частей, а с

другой — на ее непосредственном воздействии в качестве целостного феномена на предмет правового регулирования — частнопроводные отношения, осложненные иностранным элементом.

Таким образом, именно предмет правового регулирования выступает для системы принципов международного частного права в качестве системообразующего критерия. Необходимость регулирующего воздействия на всю сферу частнопроводных отношений, осложненных иностранным элементом, предопределяет содержательное наполнение указанной системы, так как «не только содержание системы раскрывается посредством включения в нее определенных элементов, но и, наоборот, содержание каждого элемента предопределяет систему, в которую он включен» [5, с. 61].

В этой связи в процессе раскрытия содержания системы посредством вычленения и фиксации объективно существующих принципов международного частного права основополагающей является их сущностная (качественная) характеристика. При этом количество элементов, входящих в состав системы, не столь важно: в процессе исторического развития их число может изменяться, однако при этом неизменной остается *содержательная достаточность* системы в целом для регулирующего воздействия на предмет правового регулирования, а для этого, в свою очередь, сущностная характеристика каждого из принципов должна в полной мере отражать как его непосредственную функциональность, так и общую системность.

Таким образом, принципы международного частного права существуют как объективное правовое явление в рамках единой, согласованной и внутренне непротиворечивой системы, предопределяющей как содержательное наполнение принципов, так и их функциональное воздействие на сферу частнопроводных отношений, осложненных иностранным элементом.

Список использованных источников

1. Акимова, Ю. М. Методология классификации принципов международного частного права / Ю. М. Акимова [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2015.
2. Асосков, А. В. Основы коллизионного права / А. В. Асосков [Электронный ресурс] // Там же.
3. Берков, В. Ф. Философия и методология науки: учеб. пособие / В. Ф. Берков. — М.: Новое знание, 2004. — 336 с.
4. Бондаренко, Н. Л. Принципы гражданского права Республики Беларусь, их реализация в нормотворческой и правоприменительной деятельности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03 / Н. Л. Бондаренко; БГЭУ. — Минск, 2007. — 44 с.
5. Бондаренко, Н. Л. Проблема формирования эффективно действующей системы принципов гражданского права Республики Беларусь / Н. Л. Бондаренко // Вестн. Перм. ун-та. Юрид. науки. — 2012. — № 4 (18). — С. 56–63.
6. Волленко, Н. Н. Понятие и классификация принципов права / Н. Н. Волленко, В. А. Рудковский // Ленинград. юрид. журн. — 2014. — № 4 (38). — С. 35–48.
7. Гетьман-Павлова, И. В. Международное частное право: учебник / И. В. Гетьман-Павлова. — М.: Эксмо, 2005. — 752 с.
8. Ершов, В. В. Основополагающие общетеоретические и гражданско-правовые принципы права / В. В. Ершов. — М.: РАП, 2010. — 224 с.
9. Керимов, Д. А. Философские основания политико-правовых исследований / Д. А. Керимов. — М.: Мысль, 1986. — 332 с.
10. Колобов, Р. Ю. Основы построения и функционирования международного частного права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Р. Ю. Колобов; Иркут. гос. ун-т. — Иркутск, 2006. — 25 с.
11. Кудашкин, В. В. Правовое регулирование международных частных отношений / В. В. Кудашкин. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. — 378 с.

12. Оксютчик, Н. В. Критерии определения принципа международного частного права / Н. В. Оксютчик // Актуальные проблемы международного публичного и международного частного права: сб. науч. тр. Вып. 5 / Минск: БГУ, 2013. — С. 239—251.
13. Оксютчик, Н. В. Понятие принципов международного частного права / Н. В. Оксютчик // Журн. междунар. права и междунар. отношений. — 2012. — № 1. — С. 12—16.
14. Скурко, Е. В. Принципы права: монография / Е. В. Скурко. — М.: Ось-89, 2008. — 192 с.
15. Современное международное частное право в России и Евросоюзе. Кн. первая / А. Алиев [и др.]; под ред. М. М. Богуславского, А. Г. Лисицына-Светланова, А. Трунка. — М.: Норма, 2013. — 656 с.
16. Толочко, О. Н. Принципы международного частного права / О. Н. Толочко // Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. — 2001. — № 2. — С. 24—28.
17. Ходькин, Р. М. Принципы и факторы формирования содержания коллизионных норм в международном частном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Р. М. Ходькин; МГИМО (У) МИД России. — М., 2005. — 37 с.
18. Чудаева, М. Л. Международное частное право: курс лекций / М. Л. Чудаева. — Минск: Акад. управления при Президенте Респ. Беларусь, 2007. — 150 с.

Статья поступила в редакцию в апреле 2016 г.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ ИНОСТРАННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О БАНКРОТСТВЕ

Андрей Скобей

*В статье проведен научный анализ проблемы коллизионного регулирования трансграничного банкротства. Автором показана ограниченность применения коллизионной привязки *lex concursus* в условиях действия принципа территориализма применительно к трансграничному банкротству. Делается вывод о необходимости применения иностранного конкурсного права к недействительности сделок с иностранным элементом.*

*Ключевые слова: законодательство о банкротстве, недействительность договора, применимое право, территориализм, трансграничное банкротство, универсализм, *lex concursus*.*

«Theoretical and Practical Aspects of Foreign Bankruptcy Law Application in the Republic of Belarus» (Andrei Skobei)

*The article is dedicated to the analysis of the choice-of-law regulation in cross-border bankruptcy cases. The author identifies the limited application of *lex concursus* in terms of the territorialism principle in relation to the cross-border bankruptcy. The conclusion is made about the need to apply foreign bankruptcy law to the invalidity of legal transactions with a foreign element.*

*Keywords: applicable law, bankruptcy law, cross-border bankruptcy, invalidity of a contract, *lex concursus*, territorialism, universalism.*

Author:

Skobei Andrei — post-graduate student of the Department of International Private and European Law of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: a.skobej@gmail.com
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., 220030, Minsk, BELARUS

Субъекты хозяйствования Республики Беларусь, заключая внешнеторговые сделки, могут столкнуться с риском трансграничного банкротства (банкротства, осложненно-го иностранным элементом). Данный риск может проявляться в приобретении статуса субъектов конкурсных производств в иностранных государствах, как их контрагентами, так и ими самими. Коллизионное регулирование ситуаций трансграничного банкротства отсутствует в международном частном праве Республики Беларусь. В то же время существующая правоприменительная практика позволяет говорить о том, что вопрос о применимом к трансграничному банкротству праве перестает быть предметом исключительно теоретических дискуссий. Цель настоящей статьи — изучение особенностей коллизионного регулирования трансграничного банкротства на основе анализа норм международного и национального права, а также правоприменительной практики и доктрины.

Число трансграничных банкротств постоянно растет. В связи с этим все настойчивее проявляется стремление найти наиболее эффективный способ решения основной и общепризнанной международным сообществом проблемы производств по делам о банкротстве, а именно, как избежать случайных предпочтений и добиться максимально справедливого удовлетворения кредиторов [6, с. 306].

Институт трансграничного банкротства является особым, комплексным институтом международного частного права, который включает в себя материальные и процессуальные нормы [15, с. 7]. Таким же образом рассматривается и вопрос применимого к трансграничному банкротству права [1, с. 22]. Коллизионный вопрос применительно к трансграничному банкротству представляет интерес для изучения только в области норм материального права, поскольку в отношении процессуальных норм существует консенсус, согласно которому применению подлежит право страны суда [см.: 8].

Автор:

Скобей Андрей Николаевич — аспирант кафедры международного частного и европейского права факультета международных отношений Белорусского государственного университета, e-mail: a.skobej@gmail.com
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Рецензенты:

Бабкина Елена Васильевна — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой международного частного и европейского права факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Шевченко Александр Петрович — кандидат юридических наук, главный специалист Главного юридического управления Национального банка Республики Беларусь

Вопросу коллизионного регулирования трансграничного банкротства уделено значительное внимание в доктрине международного частного права. В первую очередь в этой связи стоит упомянуть труды Л. П. Ануфриевой [1], А. М. Бирюкова [2], Н. В. Калининой [5], К. А. Липая [9], Е. В. Моховой [10], А. А. Рягузова [15], Л. Ю. Собинной [16]. Проблеме выбора права в контексте изучения модели правового регулирования трансграничного банкротства посвящены работы Лук Чан Хо [19], Дж. Л. Вэстбрука [21], Ф. Вуда [22]. Коллизионное регулирование трансграничного банкротства в праве Европейского союза изучалось В. В. Кулешовым [7] и А. А. Хргианом [17].

Следует отметить достаточно глубокий уровень изученности коллизионного регулирования трансграничного банкротства в науке международного частного права. Но в то же время нельзя не указать на недостаточную изученность рассматриваемой темы в белорусской правовой науке, что препятствует разработке национально-правового коллизионного регулирования. Кроме того, результаты научных исследований зачастую носили высокий теоретический, но недостаточный прикладной характер, особенно применительно к белорусской правовой действительности.

Все без исключения исследователи приходят к выводу о необходимости введения применительно к трансграничному банкротству основной коллизионной привязки *lex fori concursus* или *lex concursus*. Однако понимание данной привязки различается. Так, А. А. Рягузов предлагает применять к правоотношениям несостоятельности, осложненным иностранным элементом, право того государства, в котором возбуждена процедура банкротства должника, — *lex fori concursus* [15, с. 7]. Схожего понимания придерживаются и Н. В. Калинина [5, с. 10]. В то же время К. А. Липай понимает под *lex concursus* право страны, в которой конкурсное производство открыто первым [9, с. 9]. Л. Ю. Собина относит к экстерриториальным последствиям трансграничного банкротства применение права государства суда, возбудившего основное производство [16, с. 14]. В настоящей статье под *lex concursus* будет пониматься применение права государства, в котором открыта процедура банкротства, безотносительно к приоритету открытия данной процедуры по времени или месту данной процедуры в трансграничной иерархии производств.

Проблема практического применения научных результатов, касающихся коллизионного регулирования трансграничного банкротства, заключается в том, что практически все данные положения разрабатывались в рамках парадигмы, базирующейся на модели правового регулирования трансграничного банкротства, которая основана на теории единого производства (универсализма). Под универсализ-

мом понимается модель правового регулирования трансграничного банкротства в рамках единого производства, объединяющего всех кредиторов, все имущество должника, независимо от его местонахождения [21, р. 625]. Наибольшее распространение получила модель «модифицированного» универсализма, предполагающая существование «основного» (главенствующего) производства и «вторичных» (подчиненных главенствующему) производств, которые носят ликвидационный характер [10, с. 92].

Противоположностью модели универсализма, основанной на принципе единого производства, является модель, основанная на принципе территориализма, которая исключает возможность существования экстерриториального единого или главенствующего конкурсного производства.

Республика Беларусь не участвует ни в одном международном договоре, предусматривающем действие принципа универсализма в трансграничном банкротстве, отсутствует и соответствующее национальное законодательство. То же самое можно сказать и об остальных государствах — членах ЕАЭС и СНГ. Работа над проектом основанного на «модифицированном» универсализме закона «О трансграничной несостоятельности в Российской Федерации» приостановлена [12, с. 116]. В белорусском законодательстве нормы о трансграничном банкротстве ограничиваются вопросом о признании иностранных судебных актов о банкротстве в статье 4 Закона Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 415-З «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» [13].

Отмечается, что при использовании модели регулирования вопросов трансграничного банкротства, построенной на принципе территориализма, применение коллизионной привязки *lex concursus* является исключением [5, с. 10]. Иностранное право не может быть применимо в отношении некоторых конкурсных отношений в условиях действия принципа территориализма не только потому, что это будет противоречить публичному порядку или сверхимперативным нормам, но и потому, что на практике даже гипотетически не могут возникнуть ситуации, при которых может появиться запрос на его применение.

Так, в объем регулирования привязки *lex concursus* в условиях территориализма не могут входить такие вопросы, как определение категорий должников, подпадающих под банкротство; условия (признаки) несостоятельности, права и обязанности субъектов конкурсного производства. К примеру, суд по месту «вторичного» производства может применить право страны, в которой открыто главенствующее производство, при определении очереди, к которой относится заявляющий требование конкурсный кредитор. Но белорусский суд просто

не столкнется с ситуацией, когда ему придется вести реестр требований кредиторов на основании иностранного права, поскольку не возникнет ситуации, когда банкротство, инициированное в белорусском суде, будет «вторичным».

Не вдаваясь в дискуссию о необходимости либо отсутствии необходимости введения в законодательство Республики Беларусь правового регулирования трансграничного банкротства, основанного на той или иной правовой доктрине, следует отметить, что потребность в разработке коллизионного регулирования трансграничного банкротства существует уже сегодня. И данное коллизионное регулирование должно учитывать существующие правовые реалии.

Между тем, судебная практика Российской Федерации не остается в стороне от решения коллизионного вопроса в делах о трансграничном банкротстве. В качестве примера можно привести дело о признании недействительным договора о зачете встречных однородных требований с участием находящегося в стадии банкротства и являющегося резидентом Литовской Республики акционерного общества банк «СНОРАС» (далее — банк «СНОРАС») [14].

В постановлении от 12 ноября 2013 г. № 10508/13 Президиум Высшего арбитражного суда Российской Федерации (далее — ВАС) указал, что при рассмотрении вопроса о недействительности договора о зачете встречных однородных требований с участием банка «СНОРАС» суды не учли ряд обстоятельств, в частности тот факт, что иск банка о признании сделки недействительной был основан на праве Литовской Республики в связи с тем, что на момент заключения оспариваемой сделки банк «СНОРАС» находился в стадии банкротства согласно праву Литовской Республики. Правовая позиция была сформирована следующим образом: «Суды должны были оценить допустимость и действительность оспариваемого зачета исходя из положений статьи 1202 Гражданского кодекса Российской Федерации и норм права государства, в котором осуществляется процедура банкротства (*lex concursus*) банка СНОРАС» [14]. Вместе с тем правовую позицию по делу банка «СНОРАС» нельзя рассматривать в качестве точки зрения, выработанной применительно к единичному делу. Так, было отказано в передаче на рассмотрение в Президиум ВАС Российской Федерации схожего дела шведской компании «Аскай АБ» в связи с тем, что позиция Президиума ВАС по делу банка «СНОРАС» может применяться в подобных случаях по аналогии [11, с. 3].

В законодательстве Российской Федерации вопрос права, применимого к отношениям, вытекающим из трансграничного банкротства, также не урегулирован законодательно [11, с. 4]. Таким образом, можно сделать вы-

вод, что даже в условиях отсутствующего коллизионного регулирования суды могут прийти к необходимости применения коллизионной привязки *lex concursus*. В деле банка «СНОРАС» российский суд не приводит правовые нормы, которые позволили ему выйти на применение *lex concursus*. Ссылка на статью 1202 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) [4], которая регулирует личный закон юридического лица, была сделана с использованием союза «и», что не дает права утверждать о том, что суд рассматривал *lex concursus* в качестве компонента личного закона юридического лица. Выводить применение *lex concursus* в качестве составляющей коллизионной привязки, регулирующей личный закон юридического лица, нельзя еще и потому, что не всегда в международной практике страна инкорпорации должника и страна открытия конкурсного производства совпадают [1, с. 18].

Выход на применение привязки *lex concursus* мог быть сделан либо за счет применения критерия наиболее тесной связи, служащего механизмом восполнения пробелов коллизионного регулирования (п. 2 ст. 1186 ГК РФ), либо на основании нормы, позволяющей суду принимать во внимание императивные нормы иностранного государства (п. 2 ст. 1192 ГК РФ) [4]. Критерий применения права, наиболее тесно связанного с гражданско-правовым отношением, в отсутствие специальной коллизионной нормы закреплен и в международном частном праве Республики Беларусь (п. 3 ст. 1093 Гражданского кодекса Республики Беларусь). Возможность применения императивных норм иностранного права также существует (п. 2 ст. 1100 Гражданского кодекса Республики Беларусь) [3]. Отсюда можно сделать вывод о том, что белорусским судом потенциально может быть занята правовая позиция, аналогичная той, которая была принята российским судом в деле банка «СНОРАС».

Однако подход, согласно которому определение применимого права в делах о банкротстве зависело бы от позиции суда в том или ином деле, не соответствует прогрессивным тенденциям в области правового регулирования трансграничного банкротства. В качестве примера можно привести право Европейского союза, в котором коллизионное регулирование трансграничного банкротства закреплено нормативно.

В соответствии со статьями 4 и 28 регламента ЕС «О процедурах банкротства» № 1346/2000 (далее — Регламент) применяется право государства, в котором открыто конкурсное производство. В объем данной коллизионной привязки входят: условия для возбуждения дела о банкротстве; проведение и завершение процедуры банкротства; определение групп должников, в отношении которых процедура банкротства может быть открыта;

перечень имущества, формирующего конкурсную массу; защита имущества должника после открытия процедуры банкротства; полномочия должника и конкурсного управляющего; влияние текущей процедуры банкротства на договорные отношения должника; виды требований, вносимых в реестр требований кредиторов; способы удовлетворения требований, которые возникают после открытия процедуры банкротства; очередь удовлетворения требований кредиторов [см.: 18].

В то же время следует отметить, что регламент изымает некоторые правоотношения из действия основной коллизионной привязки полностью или частично. В частности, изъятия касаются зачета встречных требований, трудовых правоотношений, прав залогодержателей, недвижимости, платежных и финансовых систем. Коллизионное регулирование, содержащееся в праве ЕС, действует в рамках системы «модифицированного» универсализма и потому не может быть использовано в полном объеме при разработке коллизионного регулирования в праве Республики Беларусь.

С учетом того факта, что Республика Беларусь не участвует в международном договоре, предусматривающем взаимный режим применения *lex concursus*, было бы нецелесообразно вводить в национальное законодательство коллизионное регулирование трансграничного банкротства, которое будет охватывать широкий объем правоотношений. По нашему мнению, обоснованием этого является тот факт, что иностранное законодательство о банкротстве (конкурсное право), как было доказано выше, неприменимо к некоторым правоотношениям из-за отсутствия системы «основных—вторичных» конкурсных производств.

В то же время полное исключение применения иностранного законодательства о банкротстве также нельзя считать обоснованным. Во-первых, потому что иностранное конкурсное право может применяться судом на основании правовых норм, предлагающих механизм восполнения пробелов коллизионного регулирования. Во-вторых, потому что отсутствие возможности применения норм иностранного законодательства о банкротстве может способствовать использованию белорусской юрисдикции для недобросовестного вывода активов должника, банкротящимися в иностранных государствах. Могут возникнуть ситуации, когда сделку, нарушающую права конкурсных кредиторов, нельзя будет признать недействительной кроме как на основании норм иностранного законодательства о банкротстве.

Следовательно, проблему применения иностранного законодательства о банкротстве судами Республики Беларусь можно свести к проблеме применения иностранного конкурсного права к отношениям, вытекающим из сделок, совершаемых должником. При рассмотрении судом требования о признании сделки недей-

ствительной может быть применимо право государства, в котором осуществляется процедура банкротства стороны по сделке. Должником в конкурсном производстве государства, право которого применимо, может выступать только иностранное юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, поскольку применение иностранного законодательства о банкротстве к сделкам с участием физических лиц или в связи с банкротством, инициированным в отношении белорусского юридического лица в иностранном государстве, противоречило бы публичному порядку Республики Беларусь.

Ряд авторов обращают внимание на тот факт, что сделка может быть признана недействительной на основании законодательства о банкротстве государства, чье право применимо к существу договорных отношений (*lex causae*). Отмечается, что *lex causae* может наложить своеобразное «вето» на *lex concursus* [20, р. 116—117]. В деле о банкротстве *Lehman Brothers Holdings Inc.* суд США счел необходимым применить к оспариваемому зачету английское право (*lex causae*) [см.: 19, р. 5]. Такой подход нельзя назвать совершенно необоснованным, поскольку он минимизирует негативные последствия для добросовестных участников оборота. Сторона договора может приобрести статус должника в процедуре банкротства в самой непредсказуемой для контрагента юрисдикции. Заключая же договор, участник оборота мог учитывать риск признания договора недействительным только по праву, регулирующему данный договор.

Однако принятие подобной иерархии коллизионных привязок обоснованно только в правовых системах, полагающихся на высокую степень усмотрения судебной власти в каждом конкретном случае. В случае прямого нормативного исключения недействительности сделки, являющейся действительной согласно *lex causae*, стороны договора смогут использовать автономию воли с целью исключения применения права, создающего недействительность. При указании на возможность использования обеих привязок с отдачей приоритета *lex causae* суды получают трудную задачу по выработке практических критериев определения такого приоритета. Представляется, что случаи, когда договор будет признаваться недействительным на основании конкурсного права, не имеющего никакой связи с договорными правоотношениями, будут редки в правоприменительной практике и не смогут являться основанием для критики привязки *lex concursus*.

На основании проведенного анализа можно сделать вывод о необходимости дополнить Гражданский кодекс Республики Беларусь статьей 1127¹ следующего содержания:

«Статья 1127¹. Право, применимое при решении вопроса о недействительности договора, заключенного иностранным юридическим лицом

или индивидуальным предпринимателем, в отношении которого возбуждена процедура экономической несостоятельности (банкротства).

При решении вопроса о недействительности договора, заключенного иностранным юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем, в отношении которого в иностранном государстве возбуждена процедура экономической несостоятельности (банкротства), применяется право страны, в которой данная процедура возбуждена».

Таким образом, коллизионную привязку *lex concursus* следует рассматривать в качестве общепризнанной коллизионной привязки применительно к трансграничному банкротству. Данная привязка означает применение права страны, в которой начата процедура банкрот-

ства. Широкий объем применения данной коллизионной привязки востребован лишь в контексте модели регулирования трансграничного банкротства, основанной на универсализме, предполагающем существование экстра-территориального конкурсного производства или трансграничной иерархии конкурсных производств. Между тем, правоприменительная практика показала необходимость применения иностранного законодательства о банкротстве к некоторым категориям правоотношений безотносительно к принятой модели трансграничного банкротства. Сюда, в частности, относится право, применимое к недействительности сделки, совершенной иностранным лицом, имеющим статус должника в иностранном банкротстве.

Список использованных источников

1. Ануфриева, Л. П. Международное частное право: в 3 т. Т. 3 / Л. П. Ануфриева. — М.: БЕК, 2001. — 768 с.
2. Бірюков, О. М. Міжнародні аспекти банкрутства: неспроможність у країнах з перехідною економікою / О. М. Бірюков // Юрид. Україна. — 2008. — № 12. — С. 68—72.
3. Гражданский кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь от 7 дек. 1998 г. № 218-З: принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г.: одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г.: текст по сост. на 1 мая 2016 г. [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН: Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2016.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья): Кодекс Рос. Федерации от 26 нояб. 2001 г. № 146-ФЗ: принят Гос. Думой 1 нояб. 2001 г.: одобр. Советом Федерации 14 нояб. 2001 г.: текст по сост. на 1 мая 2016 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». — М., 2016.
5. Калинина, Н. В. Проблемы регулирования трансграничной несостоятельности в международном частном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Н. В. Калинина; Всерос. акад. внеш. торговли. — М., 2010. — 24 с.
6. Кох, Х. Международное частное право и сравнительное правоведение / Х. Кох, У. Магнус, П. Винклер фон Моренфельс. — М.: Междунар. отношения, 2003. — 480 с.
7. Кулешов, В. В. Механизм правового регулирования трансграничной несостоятельности в Европейском союзе. Проблемы теории и практики / В. В. Кулешов // Москов. журн. междунар. права. — 2007. — № 2 — С. 235—250.
8. Леанович, Е. Б. Развитие международно-правового регулирования трансграничных банкротств / Е. Б. Леанович // Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. — 2004. — № 4. — С. 20—22.
9. Липай, К. А. Особенности несостоятельности трансграничных групп компаний в российском и зарубежном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / К. А. Липай; Рос. акад. народ. хоз. и гос. службы при Президенте РФ. — М., 2014. — 31 с.
10. Мохова, Е. В. Доктрина основного производства трансграничной несостоятельности юридических лиц: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Е. В. Мохова; Рос. акад. правосудия. — М., 2009. — 265 л.
11. Мохова, Е. В. Оспаривание в российском суде сделок банкротящегося за рубежом должника / Е. В. Мохова // Вестн. Высш. арбитраж. суда Рос. Федерации. — 2014. — № 5. — С. 48—66.
12. Мохова, Е. В. Центр основных интересов должника при трансграничной несостоятельности: перспективы введения в России новых правовых конструкций / Е. В. Мохова // Закон. — 2012. — № 10. — С. 111—117.
13. Об экономической несостоятельности (банкротстве): Закон Респ. Беларусь от 13 июля 2012 г. № 415-З [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2016.
14. О пересмотре в порядке надзора решения Арбитражного суда города Москвы от 13 дек. 2012 г. по делу № А40-108528/12-50-1134: постановление президиума Высш. арбитраж. суда Рос. Федерации от 12 нояб. 2013 г. № 10508/13 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». — М., 2014.
15. Рязузов, А. А. Правовое регулирование трансграничной несостоятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / А. А. Рязузов; МГЮА. — М., 2008. — 25 с.
16. Собина, Л. Ю. Признание иностранных банкротств в международном частном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Л. Ю. Собина; Рос. акад. правосудия. — М., 2011. — 27 с.
17. Хргиан, А. А. Унификация нормативных актов о трансграничной несостоятельности в странах ЕС: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / А. А. Хргиан; РУДН. — М., 2007. — 22 с.
18. Council regulation (EC) No 1346/2000 of 29 May 2000 on insolvency proceedings [Electronic resource] // EUR-Lex: Access to European Union law. — Mode of access: <<http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2000:16:0:0001:0018:en:PDF>>. — Date of access: 21.01.2016.
19. Ho, L. C. Enforcing English Set-Off Right in the US Bankruptcy Court: In Re Lehman Brothers Holdings, Inc. / L. C. Ho // Corporate Rescue and Insolvency. — 2009. — Vol. 2. — P. 5—6.
20. Virgos, M. European Insolvency Regulation: Law and Practice / Virgos M., Francisco J., Garcimartin A. — The Hague: Kluwer Law International, 2004. — 272 p.
21. Westbrook, J. L. Universalism and Choice of Law / J. L. Westbrook // Pennsylvania State International Law Journal. — 2005. — N 23. — P. 625—637.
22. Wood, P. Principles of International Insolvency / P. Wood. — London: Sweet & Maxwell, 1995. — 1064 p.

Статья поступила в редакцию в июне 2016 г.

РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПО МИГРАЦИИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ УПРАВЛЕНИЯ РЕАДМИССИЕЙ ЛИЦ

Светлана Олейник

В статье рассмотрены реадмиссия как один из регуляторов миграционных процессов внутри страны и роль Международной организации по миграции (МОМ) в обеспечении управления реадмиссией. Определено, что реадмиссия позволяет наиболее гуманным способом без длительного содержания в местах лишения свободы отправить иностранцев или лиц без гражданства в государство их гражданства или прежнего места жительства, которое обязано их принять.

Активное участие в организации и реализации различных проектов, посвященных содействию правительствам различных стран в реализации соглашений о реадмиссии, в том числе пилотных проектов, принимает МОМ. Одной из основных целей, которую преследует МОМ в этих проектах, является создание условий, при которых органы государственной власти (основные бенефициары) будут реализовывать и развивать предоставленные возможности в дальнейшем. Сами же проекты, реализуемые МОМ, являются той платформой, при помощи которой представители стран — членов ЕС могут поделиться имеющимся многолетним опытом в сфере обеспечения управления реадмиссией. При этом страны постсоветского пространства, накапливая и реализуя этот опыт, имеют возможность обменяться со своими коллегами достижениями в данной сфере и избежать различных ошибок.

Ключевые слова: Международная организация по миграции, реадмиссия лиц, управление миграцией.

«Role of the International Organization for Migration in the Readmission of Persons Management» (Svitlana Oliinyk)

The article is devoted to consideration of readmission as one of the regulators of migration processes within the country and of the role of the International Organization for Migration (IOM) in the readmission of persons management. It is identified that readmission allows in the most humane way and without a longstanding detention sending foreigners or stateless persons to the country of origin or previous residency which is obliged to receive them.

IOM takes active part in organization and implementation of different projects including those providing assistance to governments of different states in implementation of readmission agreements. It also participates in a number of pilot projects. One of the main goals pursued by IOM in these projects is creating conditions which will help governmental bodies (main beneficiaries) to further implement and develop granted possibilities. The projects implemented by IOM are the platform whereby representatives of different countries can share an available long-term experience in the field of readmission management. Thereby post-Soviet countries gaining and putting into practice that experience have possibility of sharing achievements in this sphere with their colleagues and avoiding different mistakes.

Keywords: International Organization for Migration, management of migration, readmission of persons.

Author:

Oliinyk Svitlana — applicant of the Department of Theory and History of State and Law of the Faculty of Law, National Academy of Management, e-mail: kolosssok@ukr.net
National Academy of Management. Address: 10, Vinnytska vul., Kyiv, 03151, UKRAINE

Институт реадмиссии лиц как новый для постсоветского общества феномен и давно известное в западноевропейском пространстве явление по своему содержанию тесно связан с основными правами и свободами человека, которые могут быть ограничены только законом.

Право на свободное передвижение и избрание себе места проживания провозглашено статьей 13 Всеобщей декларации прав человека [2] и закреплено в ряде международно-правовых актов (например, в Протоколе № 4 к Европейской конвенции о защите прав человека и

Автор:

Олейник Светлана Николаевна — соискатель кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Национальной академии управления, e-mail: kolosssok@ukr.net
Национальная академия управления. Адрес: 10, ул. Винницкая, Киев, 03151, УКРАИНА

Рецензенты:

Матвейчук Валерий Константинович — доктор юридических наук, профессор, первый проректор Национальной академии управления

Павлова Людмила Васильевна — кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры международного права факультета международных отношений Белорусского государственного университета

основных свобод [16], Договоре о функционировании Европейского союза [3] и др.). Для реализации своих международных обязательств в этой сфере многие страны заключили значительное количество соглашений по упрощенному пересечению государственной границы своего государства, о безвизовых поездках граждан, а также по другим вопросам, которые обеспечивают свободное международное перемещение лиц на законных основаниях.

Однако угроза нелегальной международной миграции заставила государства ограничивать это право, поскольку неконтролируемые потоки нелегальных мигрантов несут странам социальные, политические, экономические и другие потери, а несовершенство миграционного законодательства используется для незаконного перемещения через государственную границу лиц и финансовых ресурсов. Указанные обстоятельства обусловили закрепление международно-правовых средств, способных противодействовать этим негативным явлениям.

Одним из современных институтов, который может существенно повлиять на процессы нелегальной миграции, становится реадмиссия лиц. В то же время немногочисленные исследователи теоретических и практических проблем в этой сфере (А. Абашидзе [1], О. Кажаяева [5], Е. Киселёва [6], Д. Лойша [8], Л. Сутормина [21], Н. Колман [25], М. Клячински [29] и др.) уделили недостаточное внимание исследованию сущности реадмиссии лиц и роли МОМ в обеспечении управления государственными органами реадмиссией лиц, а практика правового регулирования этих вопросов требует научного обоснования.

Большинство юристов-международников, дипломатов и практиков считают соглашения о реадмиссии лиц одним из наиболее действенных инструментов или механизм противодействия нелегальной миграции (А. Герасименко [см.: 9, с. 68], А. Бегун [см.: 10], Т. Сакович [19, с. 174] и др.). Д. Лойша отмечает, что заключение соглашений о реадмиссии выступает как форма сотрудничества государств по противодействию нелегальной миграции [8, с. 43], а О. Кажаяева считает реадмиссию основным инструментом межгосударственного сотрудничества в осуществлении более эффективной борьбы с незаконной миграцией [5, с. 19].

По нашему мнению, наличие заключенного государством соглашения о реадмиссии лиц даже «подстегивает» мигрантов к незаконному пересечению границ этих государств, так как при задержании нелегалов они без особых для них затрат будут возвращены в государство, из которого они прибыли или гражданами которого являются. И это при том, что реадмиссия предусматривает собой наиболее упрощенную и ускоренную процедуру возвращения, чем выдворение (высылка) в принудительном порядке.

Думается, что реадмиссию лиц, прежде всего, следует расценивать как один из регуляторов миграционных процессов внутри страны, позволяющих наиболее гуманным способом без длительного содержания в местах лишения свободы отправить иностранцев или лиц без гражданства в государство их гражданства или прежнего места жительства, которое обязано их принять.

Кроме того, институт реадмиссии лиц призван решить и многие другие проблемы в миграционной сфере.

Практики, которые долгие годы занимаются вопросами идентификации и выдворения нелегальных мигрантов, задаются вопросом о дальнейших действиях после окончания срока, на который был задержан иностранец, если установить его личность так и не удалось. Неужели его необходимо просто выпустить в государство, в котором он был задержан за нелегальное пребывание? Ведь действительно возникают ситуации, когда личность нелегала очень сложно установить в силу как объективных, так и субъективных причин (например, в случае сообщения лицом недостоверных данных о себе, что не позволяет его идентифицировать; отсутствия в стране консульского учреждения государства гражданства этого лица, а иногда и нежелания такого государства содействовать установлению личности своего гражданина в силу определенной миграционной политики и т. п.).

Именно реадмиссия лиц способствует разрушению привычной системы длительного установления личности нелегального мигранта, а также позволяет отстранить, насколько это возможно, от этого процесса мигранта или же государство его гражданской принадлежности и минимизировать их влияние на результат. При реадмиссии не обязательно устанавливать личность (идентифицировать) нелегального мигранта. Прежде всего (особенно при ускоренной процедуре реадмиссии) необходимо установить из какого государства он прибыл, и документально это подтвердить. При наличии заключенного соглашения о реадмиссии лиц с таким государством и доказательствах, предусмотренных этим соглашением, лицо может быть передано в государство, в котором оно пребывало ранее, и это не обязательно будет государство его постоянного места жительства.

В случае если этот нелегальный мигрант не является гражданином государства, которое его приняло, аналогичные «проблемы» возникают и у этого государства. Однако зачастую принявшее нелегала государство не имеет заключенных соглашений о реадмиссии с третьим государством, куда оно могло бы передать его далее, так сказать «по цепочке».

Известно, что миграция имеет трансграничный характер, в связи с этим государства неспособны самостоятельно обеспечи-

вать управление этим процессом. Немаловажная роль в этом принадлежит правительственным и неправительственным международным организациям.

На международном уровне сотрудничество в области миграции осуществляется в рамках двух международных организаций: Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН) и МОМ. Задача данных организаций — оказать помощь государству в решении миграционных проблем при тесном сотрудничестве с правительствами и странами-донорами. Однако деятельность УВКБ ООН носит социально-гуманитарный характер и касается вынужденных мигрантов-беженцев, а МОМ затрагивает больший спектр вопросов и занимается перемещением более широкого круга лиц, придерживаясь принципа, согласно которому гуманная и упорядоченная миграция должна приносить пользу и мигрантам, и принимающему государству [11, с. 142—143].

Одной из основных задач МОМ является осуществление мер по организованному перемещению беженцев, перемещенных лиц и других лиц, нуждающихся в международных миграционных услугах, а также обеспечение, по согласованию с соответствующими государствами, миграционных процедур [7]. На современном этапе развития МОМ стала универсальным форумом, который создал возможность диалога между странами по основным вопросам миграционной политики, сфокусированного на управление и регулирование международной миграции [13, с. 168].

Основное внимание при осуществлении целей МОМ уделяет оперативной деятельности в сфере технического сотрудничества. Под ней понимается помощь, способствующая улучшению экономического положения развивающихся стран путем предоставления услуг экспертов. Данные услуги заключаются в разработке и помощи при осуществлении конкретных проектов. Иногда услуги экспертов включают в себя обучение должностных лиц министерств и ведомств, что способствует повышению их квалификации в сфере миграции. Эксперты также могут проводить исследования реальных проблем миграции в той или иной стране, на основе которых разрабатываются конкретные программы деятельности. Что касается технических услуг в чистом виде, то они играют второстепенную роль и заключаются в предоставлении технического оборудования [14, с. 18].

В процессе исполнения этой и других задач МОМ принимает активное участие в организации и реализации различных проектов, в том числе пилотных, посвященных содействию правительствам различных стран (в основном постсоветского пространства) в реализации соглашений о реадмиссии лиц.

Проект «Укрепление потенциала в управлении миграционными процессами (СВММ I и II)» был одной из первых масштабных иници-

ативов укрепления потенциала в сфере миграции на основе *acquis communautaire*, направленной на передачу положительного опыта и стандартов по защите прав мигрантов, которая реализовывалась в Украине. Проект реализовывался в 2005—2008 гг. при финансировании ЕС и софинансировании правительств Бельгии, Швейцарии, Чехии, Польши и Великобритании [30].

С февраля 2007 г. по февраль 2010 г. российским представительством МОМ в тесной взаимосвязи с Федеральной миграционной службой России и при финансировании ЕС, а также правительств Германии и Финляндии реализовывался аналогичный проект «Содействие Правительству Российской Федерации в укреплении административного потенциала и законодательной базы в рамках реализации Соглашений о реадмиссии». Задачей этого проекта было оказание практической и технической помощи по конкретным вопросам реализации соглашения о реадмиссии с ЕС, обмену опытом и накопленными знаниями в области реадмиссии и возвращения мигрантов. В рамках проекта специалисты МОМ, работающие в Москве, Женеве, Вене, Баку, подготовили специальный доклад «Краткий обзор законодательства и правоприменительной практики ряда иностранных государств в сфере регулирования миграционных потоков и контроля за иммиграцией», а также провели ряд региональных тренингов, нацеленных на повышение осведомленности сотрудников среднего и высшего звена в области международного миграционного права и реадмиссии [23]. Кроме того, немаловажным является издание Руководства по реадмиссии [18]. В дальнейшем Представительством МОМ в Азербайджане это руководство с учетом некоторых национальных особенностей было переиздано на азербайджанском языке.

С сентября 2009 г. по апрель 2011 г. также был реализован проект «Дальнейшее развитие механизма реадмиссии в Российской Федерации», ставший продолжением предыдущего. Одной из основных целей этого проекта было дальнейшее развитие административных, правовых и практических механизмов исполнения международных обязательств в сфере реадмиссии в части организации приема, размещения и передачи граждан третьих стран и лиц без гражданства [22].

Инициатива МОМ по урегулированию процессов управления реадмиссией в Украине была продолжена в рамках финансируемого ЕС проекта «Техническое сотрудничество и укрепление потенциала правительства Украины и Молдовы с целью имплементации соглашений о реадмиссии с ЕС (GUMIRA)». Проект осуществлялся с 2009 по 2011 г. и софинансировался Федеральным бюро Германии по вопросам миграции и беженцев и Итальянским сотрудничеством по развитию. Цель это-

го проекта — предоставить целенаправленную техническую помощь правительствам Молдовы и Украины для содействия успешной реализации положений соответствующих соглашений этих стран с ЕС о реадмиссии и усовершенствовать координацию действий правительственных органов в сфере реадмиссии.

Одним из результатов работы проекта стала презентация 4 февраля 2010 г. в Национальной академии наук Украины правового исследования МОМ на тему: «Рeadмиссия в Украине: анализ правовой и институциональной базы, уроки опыта Европейского союза» [17].

В рамках проекта *GUMIRA* МОМ также была проведена пилотная оценка имплементации соглашений о реадмиссии на основе проведения соответствующих опросов. В то же время, как отметил Глава Представительства МОМ в Украине Манфред Профазы, наибольшей проблемой было получение своевременных ответов от различных правительственных учреждений, занятых вопросами реадмиссии. В результате проблема осталась — трудно всесторонне оценить на практике качество имплементации соглашений ЕС о реадмиссии. В связи с этим МОМ продолжила взаимодействие с партнерами, включая УВКБ ООН и Еврокомиссию, с целью поиска лучшей структуры и запуска инструментов мониторинга и оценки в сфере реадмиссии [4].

Результатом такого поиска стала организация следующего проекта под названием *SIREADA*, который реализовывался уже в трех странах — Молдове, России и Украине с 1 марта 2011 г. по 28 февраля 2013 г. и логически продолжил предыдущую деятельность. Проект был направлен на предоставление поддержки по исполнению соглашений о реадмиссии, заключенных с ЕС, и способствовал стабильной реинтеграции лиц, возвращающихся на родину добровольно, с учетом экономических и политических интересов стран происхождения, транзита и назначения. В проекте *SIREADA* механизмы сбора и анализа данных о стандартах содержания мигрантов, разработанные ранее в рамках проекта *GUMIRA*, были реализованы более успешно [31].

Вслед за высоко оцененным и успешно выполненным проектом *SIREADA* последовал проект «Усиление управления миграционными процессами и сотрудничества в области реадмиссии в Восточной Европе (*MIGRECO*)», который продолжил укрепление потенциала правительств в сфере миграции на региональном уровне с фокусом на выполнение соглашений о реадмиссии с ЕС. Проект продлился с 1 февраля 2013 г. по 30 апреля 2015 г. Донором проекта традиционно выступил ЕС, а софинансировался он Фондом развития МОМ, Государственным департаментом США, Агентством США по международному развитию и МИД Королевства Дания [30].

11–12 июня 2014 г. в Минске в рамках *MIGRECO* состоялся учебный семинар по вопросам реадмиссии и содействия добровольному возвращению. В семинаре приняли участие офицеры Государственного пограничного комитета и МВД Беларуси, занимающиеся вопросами возвращения на центральном и региональном уровнях, а также представители МИД Беларуси. Методологию и учебный план семинара специально разработали специалисты регионального офиса МОМ, которые предоставили исчерпывающую информацию о принципах реадмиссии и содействия добровольному возвращению, механизмах, стандартных процедурах работы и наилучших примерах из практики их применения, а также ознакомили аудиторию с основными тенденциями, проблемами и вызовами в этих сферах. Особое внимание было уделено возвращению из регионов и перспективам реадмиссии в контексте современных миграционных тенденций в Беларуси и соседних странах. В свою очередь представители Государственного пограничного комитета, МВД и МИД предоставили участникам семинара информацию о действующем законодательстве Беларуси и процедурах содержания мигрантов. Слушатели также могли ознакомиться с различиями в международных практиках возвращения неурегулированных мигрантов, поделиться мнениями о необходимом регулировании в данной области в Беларуси. По мнению представителей белорусских государственных органов, вопросы возвращения и реадмиссии являются приоритетными для страны, особенно в свете заключения ряда соглашений о реадмиссии и текущих переговоров о подписании соответствующего соглашения с ЕС. В целом семинар предоставил представителям различных государственных органов Беларуси хорошую возможность детально обсудить приоритетные вопросы в сфере возвращения и реадмиссии мигрантов, определить пробелы и обменяться успешным опытом [15].

МОМ предоставляет содействие по урегулированию миграционных процедур и в странах Центральной Азии (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан). В соответствии со Стратегией МОМ в Центральной Азии на 2011–2015 годы целью деятельности МОМ в этом регионе, в частности, является проведение исследований и разъяснительной работы, а также публикация материалов по вопросам управления границами, нерегулируемой миграции, контрабанды и возврата нелегальных мигрантов (реадмиссии) [20]. Кроме того, в рамках проекта по оказанию содействия в реализации национальной политики по защите прав мигрантов и укреплению потенциала национальных партнеров в области миграции МОМ разработан учебный курс по международному миграционному праву, тема № 6 которого посвящен-

на изучению типов возвращения мигрантов: реадмиссии и добровольного возвращения [24].

В рамках проблемы регулирования реадмиссии в Азербайджане следует отметить реализацию местным представительством МОМ финансируемого ЕС проекта «Поддержка создания эффективного управления реадмиссией на Южном Кавказе», открытие которого состоялось 4 апреля 2013 г. Общая стоимость проекта составляет почти 1,5 млн евро. Проект был рассчитан на два года. Основные цели: содействие созданию эффективной системы управления реадмиссией; повышение потенциала центров приема мигрантов; разработка эффективных институциональных механизмов, направленных на реинтеграцию мигрантов [27].

В частности, 3–5 декабря 2014 г. в Баку МОМ в рамках указанного проекта был организован и проведен международный семинар «Обмен информацией и опытом в сфере возвращения и реадмиссии — Технические собеседования в Азербайджане». В работе семинара, кроме значительного представительства азербайджанских органов власти, реализующих государственную политику в сфере миграции (МИД, Государственная миграционная служба, Государственная пограничная служба и др.), приняли участие эксперты по вопросам возвращения и реадмиссии национальных миграционных ведомств государств — членов ЕС (Германия, Польша, Испания, Дания, Болгария, Швеция, Италия, Венгрия) и стран, не входящих в ЕС (Швейцария, Турция, Грузия, Сербия), а также представители международных организаций [26].

29–30 января 2015 г. в Тбилиси чиновники из государств — членов ЕС в рамках этого же проекта поделились своим опытом управ-

ления реадмиссией лиц со своими коллегами из пяти стран Восточного партнерства (Армения, Азербайджан, Грузия, Молдова и Украина) во время конференции, также организованной МОМ [28].

Безусловно, результаты реализации МОМ проектов в сфере реадмиссии лиц являются более значительными и вряд ли могут быть раскрыты в рамках одной статьи. В то же время вышеуказанные инициативы являются яркой демонстрацией позитивного содействия и некоторого влияния МОМ на процессы управления правительствами различных стран реадмиссией лиц. Эта деятельность улучшает понимание миграции, укрепляет институциональные возможности для работы с ней и стимулирует интерактивные подходы между государствами. Данные программы по укреплению управленческих возможностей государств в области миграции могут осуществляться в рамках самостоятельных проектов, а могут быть частью другой деятельности по развитию, имеющей гуманитарный характер [12, с. 19].

Одной из основных целей, которую преследует МОМ в этих проектах, является создание условий, при которых органы государственной власти (основных бенефициаров) будут реализовывать и развивать предоставленные возможности в дальнейшем. Сами же проекты, реализуемые МОМ, являются той платформой, при помощи которой представители стран — членов ЕС могут поделиться имеющимся многолетним опытом в сфере обеспечения управления реадмиссией лиц, а страны постсоветского пространства, накапливая и реализуя этот опыт, будут иметь возможность обменяться со своими коллегами достижениями в данной сфере и избежать различных ошибок.

Список использованных источников

1. Абашидзе, А. Г. Рeadмиссия в отношениях России и ЕС / А. Г. Абашидзе, Е. В. Киселева // *Обозреватель-Observer*. — 2004. — № 2. — С. 48–53.
2. Всеобщая декларация прав человека // *Права человека: сб. междунар. договоров*. — Нью-Йорк: ООН, 1989. — С. 1–8.
3. Договор о функционировании Европейского Союза [Электронный ресурс] // *Право Европейского Союза*. — Режим доступа: <<http://eulaw.ru/treaties/tfeu>>. — Дата доступа: 04.03.2015.
4. Защита беженцев и пограничное сотрудничество: итоговый отчет региональной пограничной конференции, 20–22 сентября 2011 г., Львов, Украина [Электронный ресурс] // *Представительство Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев в Украине*. — Режим доступа: <http://unhcr.org.ua/attachments/article/413/Lviv%20Conference%20Report%2020-22%20Sept%2011_rus1.doc>. — Дата доступа: 04.03.2015.
5. Кажаява, О. С. Институт реадмиссии в международном праве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / О. С. Кажаява; РУДН. — М., 2014. — 236 л.
6. Киселева, Е. В. Международно-правовое регулирование миграции: учеб. пособие / Е. В. Киселева. — М.: РУДН, 2012. — 398 с.
7. Конституция Международной организации по миграции. — Женева, 1995. — 12 с.
8. Лойша, Д. Н. Правовые аспекты заключения соглашений о реадмиссии Республикой Беларусь / Д. Н. Лойша // *Международные отношения: история, теория, практика: материалы IV науч.-практ. конф. молодых ученых фак. междунар. отношений БГУ, Минск, 4 февр. 2014 г.* — Минск: Изд. центр БГУ, 2014. — С. 41–45.
9. Моргун, Ю. Ф. Нелегальная миграция: по материалам Международной конференции «Нелегальная миграция как угроза международной стабильности и безопасности государств», состоявшейся в Минске 27–28 ноября 2003 г. / Ю. Ф. Моргун // *Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений*. — 2004. — № 1. — С. 61–74.
10. Петрович, В. Переговоры о реадмиссии с Россией практически завершены / В. Петрович [Электронный ресурс] // *БЕЛТА*. — 22.11.2012. — Режим доступа: <<http://www.belta.by/society/view/peregovory-o-readmissii-s-rossiej-prakticheski-zaversheny-78788-2012/>>. — Дата доступа: 04.03.2015.

11. Похлебаева, А. В. Деятельность международных организаций по миграции на территории Республики Беларусь / А. В. Похлебаева // Беларусь в современном мире: материалы I Респ. науч. конф., Минск, 22–23 окт. 2002 г. — Минск: БГУ, 2003. — С. 142–145.
12. Похлебаева, А. В. Правовой статус Международной организации по миграции / А. В. Похлебаева // Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. — 2002. — № 4. — С. 15–21.
13. Похлебаева, А. В. Программная деятельность МОМ / А. В. Похлебаева // Беларусь в современном мире: материалы II Респ. науч. конф., Минск, 17–18 октября 2003 г. — Минск: РИВШ, 2004. — С. 167–169.
14. Похлебаева, А. В. Функции Международной организации по миграции / А. В. Похлебаева // Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. — 2003. — № 1. — С. 16–20.
15. Представители белорусских госорганов обсудили вопросы добровольного возвращения и реадмиссии // Вестн. проекта MIGRECO. — 2014. — № 6. — С. 2.
16. Протокол № 4 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод «Об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» [Электронный ресурс] // Европейская конвенция о защите прав человека: право и практика. — Режим доступа: <<http://www.echr.ru/documents/doc/2440803/2440803.htm>>. — Дата доступа: 04.03.2015.
17. Рeadмісія в Україні: аналіз правової та інституційної бази, уроки з досвіду ЄС / П. Кажмеркевіч, В. Чумак. — Київ: МОМ, 2010. — 174 с.
18. Руководство по реадмиссии для экспертов и специалистов-практиков. В 2 т. Т. 1: Опыт избранных стран по вопросам реадмиссии и возвращения. Т. 2: Практика реализации соглашений о реадмиссии в Российской Федерации / С. Актопрак [и др.]; под ред. М. Манке. — М.: Бюро МОМ в Москве, 2009. — 152 с.
19. Сакович, Т. В. Международное сотрудничество Республики Беларусь в сфере противодействия незаконной миграции / Т. В. Сакович // Беларусь в современном мире: материалы II Респ. науч. конф., Минск, 17–18 дек. 2003 г. — Минск: РИВШ, 2004. — С. 172–174.
20. Стратегия МОМ в Центральной Азии 2011–2015 [Электронный ресурс] // Представительство МОМ в Казахстане. — Режим доступа: <http://www.iom.kz/pubs/IOM%20Strategy_ru%20web.pdf>. — Дата доступа: 04.03.2015.
21. Сутормина, Л. А. Рeadмісія як інструмент імміграційної політики Європейського союзу (на прикладі угоди про угоди про реадмиссии с Россией) / Л. А. Сутормина // Вестн. Москов. ун-та. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. — 2011. — № 1. — С. 149–162.
22. Техническое сотрудничество в области управления миграцией и укрепления потенциала: дальнейшее развитие механизмов реадмиссии в Российской Федерации [Электронный ресурс] // Представительство МОМ в Москве. — Режим доступа: <http://moscow.iom.int/russian/ractivities_techcoop_readmission.html>. — Дата доступа: 04.03.2015.
23. Техническое сотрудничество в области управления миграцией и укрепления потенциала: содействие Правительству Российской Федерации в укреплении административного потенциала и законодательной базы в рамках реализации Соглашений о реадмиссии [Электронный ресурс] // Представительство МОМ в Российской Федерации. — Режим доступа: <http://moscow.iom.int/russian/ractivities_techcoop_dira.html>. — Дата доступа: 04.03.2015.
24. Учебный курс по международному миграционному праву [Электронный ресурс] // Представительство МОМ в Казахстане. — Режим доступа: <<http://www.iom.kz/ru/training>>. — Дата доступа: 04.03.2015.
25. Coleman, N. European Readmission Policy: Third Country Interests and Refugee Rights / N. Coleman. — Leiden-Boston: BRILL, 2009. — 395 p.
26. International Workshop on Return and Readmission in Baku, Azerbaijan [Electronic resource] // IOM Azerbaijan. — Mode of access: <<http://www.iom.az/news/>>. — Date of access: 04.03.2015.
27. IOM and EU Help Azerbaijan Manage Readmission [Electronic resource] // CONTACT. — Mode of access: <<http://www.contact.az/docs/2013/Politics/04040033451en.htm>>. — Date of access: 04.03.2015.
28. IOM hosts conference on managing Readmission Agreements in EaP countries [Electronic resource] // EU Neighbourhood Info Centre. — 30.01.2015. — Mode of access: <http://www.enpi-info.eu/maineast.php?id=39777&id_type=1&lang_id=450>. — Date of access: 04.03.2015.
29. Klaczynski, M. Readmission agreements concluded by Poland / M. Klaczynski // Refugees in Europe: 7th Polish-German Seminar on Contemporary Problems of International Law, Poland, Krakow, 4–10 May 1997. — Krakow: Jagiellonian University, 1999. — P. 33–42.
30. MIGRECO. Антология [Electronic resource] // IOM: Mission to Moldova. — Mode of access: <http://iom.md/attachments/110_MIGRECO_Anthology_rus.pdf>. — Date of access: 04.03.2015.
31. SIREADA. Антология. — Киев; Кишинев; Москва: МОМ, 2013. — 36 с.

Статья поступила в редакцию в мае 2016 г.

ЗАЩИТА ЕВРОПЕЙСКИМ СУДОМ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА СВОБОДЫ ТВОРЧЕСТВА В РАМКАХ ЕВРОПЕЙСКОЙ КОНВЕНЦИИ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Роман Мороз

В статье рассматривается практика Европейского суда по правам человека в отношении свободы творчества. Несмотря на то, что Европейская конвенция по правам человека 1950 г. напрямую не предусматривает охрану художественных выражений, Европейский суд по правам человека признал, что свобода творчества также пользуется конвенционной защитой. При этом свобода творчества как одна из форм свободы выражения мнения обладает существенными гарантиями от необоснованного посягательства со стороны государства.

Ключевые слова: Европейская конвенция по правам человека, Европейский суд по правам человека, свобода выражения мнения, свобода творчества.

«Protection of Artistic Freedom by the European Court of Human Rights in Accordance with the European Convention on Human Rights» (Raman Maroz)

The article examines the case law of the European Court of Human Rights with regard to artistic freedom. Notwithstanding that the 1950 European Convention on Human Rights does not directly provide for protection of artistic expressions, the European Court of Human Rights acknowledged that artistic freedom also enjoys conventional protection. Artistic freedom, as one of the form of freedom of expression, has significant guarantees against unwarranted encroachments from government.

Keywords: artistic freedom, European Convention on Human Rights, European Court of Human Rights, freedom of expression.

Author:

Maroz Raman — post-graduate student of the Department of International Law of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: raman.maroz@gmail.com
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., 220030, Minsk, BELARUS

Наряду с другими сферами, такими как экономика или политика, искусство играет важную роль в жизни человека. Посредством художественных форм произведения искусства обогащают наше представление о действительности, иницируют духовное развитие человека. Более того, трудно переоценить гуманизирующую функцию художественных произведений. Как отмечает И. Коников: «[В]оспроизводя в искусстве красоту мира и создавая сам новую красоту, утверждая ее как ценность жизни, человек утверждает новый подход к миру, не связанный с непосредственной пользой или выгодой от овладения им, но обеспечивающий, помимо расширения экзистенциальной перспективы, и повышение экзистенциального уровня» [2, с. 80].

Следовательно, художественные выражения также нуждаются в юридической защите как на национальном, так и на международном уровне. В этой связи особый интерес пред-

ставляет практика Европейского суда по правам человека (далее — Европейский суд, Страсбургский суд, Суд, ЕСПЧ) как главного контрольного органа европейской региональной системы защиты прав человека. Тот факт, что Европейский суд был образован ранее других региональных контрольных органов, позволил ему рассмотреть больше споров, относящихся к художественным выражениям, и, соответственно, сформулировать по данному вопросу больше правовых позиций.

В то же время следует отметить, что Страсбургский суд активно вовлечен в разбирательства, связанные со свободой творчества, лишь немного более последних 25 лет [21]. Указанное обстоятельство не могло не сказаться на количестве исследований темы свободы художественного выражения, которое продолжает оставаться весьма скромным. Тем не менее, необходимо отметить, что значительный вклад в изучение свободы творчества в рамках

Автор:

Мороз Роман Сергеевич — аспирант кафедры международного права факультета международных отношений Белорусского государственного университета, e-mail: raman.maroz@gmail.com
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Рецензенты:

Павлова Людмила Васильевна — кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры международного права факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Барбук Алексей Владимирович — кандидат юридических наук, начальник управления международных договоров главного договорно-правового управления Министерства иностранных дел Республики Беларусь

практики ЕСПЧ уже внесли такие авторы, как Ю. Арай [6], О. Бакирчиоглу [7], У. Шабас [35] и особенно П. Кирнс [33]. Однако приходится констатировать, что на постсоветском пространстве данная тема в научных исследованиях пока отражена не была.

В отличие от предыдущих публикаций настоящее исследование посредством анализа всех решений и постановлений страсбургских органов, относящихся к свободе творчества, имеет перед собой цель дать однозначный ответ в отношении того, защищается ли указанная свобода положениями Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее — Европейская конвенция по правам человека, Конвенция, ЕКПЧ) [32], и если да, то каковы основные черты данной защиты.

В этой связи отметим, что Европейская конвенция по правам человека не содержит прямых указаний на свободу художественного выражения. В частности, пунктом 1 статьи 10 ЕКПЧ, посвященной свободе выражения мнения, установлено лишь то, что каждый имеет право свободно выражать свое мнение; это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ. Настоящая статья не препятствует государствам осуществлять лицензирование радиовещательных, телевизионных или кинематографических предприятий. При этом пункт 2 статьи 10 Конвенции определяет условия, в соответствии с которыми свобода выражения мнения может быть ограничена [32].

Однако если мы обратимся к *travaux préparatoires* статьи 10 Конвенции, то их анализ показывает, что в некоторых проектах ЕКПЧ содержалось указание на право получать и распространять информацию и идеи в форме искусства. Впервые с таким предложением выступило правительство Великобритании на втором заседании Комитета экспертов 6—10 марта 1950 г. [36, para. 12]. В итоге ссылка на искусство как форму выражения была включена в ряд последующих проектов статьи 10 Конвенции и пользовалась определенной поддержкой [36, para. 13, 16]. Тем не менее, незадолго до принятия Европейской конвенции по правам человека, 7 августа 1950 г., на очередном заседании Комитета министров Совета Европы ссылка на искусство из текста данной статьи все-таки была исключена [36, para. 20] и в итоговом варианте ЕКПЧ отражения не нашла.

Как результат, Европейский суд по правам человека, столкнувшись со спорами, касающимися художественных выражений, был вынужден предпринять дополнительные шаги для обоснования того, почему они также пользуются конвенционной защитой. При этом можно предположить, что определенное вли-

яние на формирующуюся позицию Суда оказал тот факт, что указания на свободу художественного выражения нашли отражение в таких международно-правовых актах, как Всеобщая декларация прав человека 1948 г. (ст. 27(1)) [1], Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. (ст. 19(2)) [4] и Американская конвенция о правах человека 1969 г. (ст. 13(1)) [5]. Кроме того, после Второй мировой войны свобода творчества была также закреплена в ряде конституций европейских государств, например в Конституции Итальянской Республики 1947 г. (ст. 33) [см.: 3, с. 276], в Основном законе Федеративной Республики Германии 1949 г. (ст. 5) [см.: 3, с. 169], в Конституции Португальской Республики 1976 г. (ст. 37) [31], а также в Конституции Королевства Испания 1978 г. (ст. 20) [30].

Несмотря на то, что первые жалобы, относящиеся к свободе художественного выражения, были рассмотрены Европейской комиссией по правам человека (действовала наряду с Судом до вступления 1 ноября 1998 г. в силу 11-го Протокола к ЕКПЧ [34], далее — Европейская комиссия) в конце 1970-х — начале 1980-х гг. [15; 29], впервые страсбургские органы ясно подтвердили тот факт, что свобода творчества охраняется Конвенцией в деле *Müller and others v. Switzerland*, постановление по которому было вынесено в 1988 г. [8, p. 452; 21]. В упомянутом деле Европейский суд по правам человека заключил, что, несмотря на отсутствие в тексте Конвенции прямых указаний на свободу творчества, данная свобода, тем не менее, защищается статьей 10 ЕКПЧ (свобода выражения мнения). В частности, Страсбургский суд постановил, что свобода художественного выражения вытекает из свободы получать и распространять информацию и идеи, которая позволяет «принимать участие в общественном обмене культурной, политической и общественной информацией и идеями всех видов» [21, para. 27].

В доказательство того, что подобное толкование является верным, Европейский суд также сослался на положение статьи 10 Конвенции о «радиовещательных, телевизионных или кинематографических предприятиях, чья деятельность распространяется на сферу искусства», а также на нормы Международного пакта о гражданских и политических правах, которые непосредственно включают в себя свободу художественного выражения [21, para. 27]. Более того, в деле *Müller and others v. Switzerland* ЕСПЧ заметил, что «те, кто создают, исполняют, распространяют или демонстрируют произведения искусства, также содействуют обмену идеями и мнениями, что существенно важно для демократического общества» [21, para. 33]. При этом судья от Бельгии Ян де Мейер в особом мнении высказал позицию, что искусство или то, что называется искусством, определенно находится в

сфере свободы выражения мнения безотносительно свободы получать и распространять информацию и идеи [21].

В рамках анализируемого спора примечательным является и мнение Европейской комиссии по правам человека о том, что свобода художественного выражения обладает фундаментальной важностью в демократическом обществе [20, para. 70]. Европейская комиссия, в частности, постановила, что в целом строгие ограничения в отношении свободы творчества, с одной стороны, и свободы распространения художественных произведений — с другой, характерны для недемократического общества. Посредством своей творческой деятельности автор выражает не только свое личное представление о мире, но и мнение общества, в котором он живет. В этом отношении художественное выражение содействует не только формированию, но и выражению общественного мнения. Вместе с тем художественное выражение в равной степени может ставить перед обществом важные актуальные вопросы [20, para. 70].

Спустя несколько лет после рассмотрения дела *Müller and others v. Switzerland* Европейский суд по правам человека снова заключил, что свобода художественного выражения защищается Конвенцией. Так, при рассмотрении дела *Casado Coca v. Spain* ЕСПЧ отметил, что статья 10 применяется не только в отношении политической формы свободы слова, но также охватывает художественные и коммерческие выражения и даже легкую музыку и передаваемые по кабельной сети телепередачи [11, para. 35]. Наконец, в деле *Alinak v. Turkey* Суд применительно к художественным выражениям установил, что статья 10 защищает не только суть выраженных идей или информации, но и форму, посредством которой они были изложены [10, para. 43].

В соответствии со свойственной ему осторожностью Европейский суд по правам человека не дает определения таким понятиям, как свобода художественного выражения или искусство. Тем не менее, анализ рассмотренных судом дел показывает, что к сфере художественных выражений им относятся произведения живописи [21; 27], проза [10; 12], поэзия [18], кинофильмы [24] и видеоролики [28], скульптура [13], театр [26], перформансы [25] и сатира [27]. Правоммерно предположить, что данный перечень является открытым и будет дополняться по мере поступления новых обращений в Страсбургский суд.

В то же время отнесение Судом сатирических выражений к художественным в некоторых делах может показаться не до конца обоснованным. Согласно определению Европейского суда по правам человека: «[С]атира представляет собой форму художественного выражения и общественного реагирования и посредством присущих ей свойств преувеличе-

ния и искажения по природе имеет цель провоцировать и будоражить» [27, para. 33]. Однако при этом ЕСПЧ нашел элементы сатиры в деле *Eon v. France*, где заявитель встречал президентский кортеж с плакатом «Обломись, придурок» [14, para. 6], и споре *Leroy v. France*, в котором карикатурист после событий 11 сентября 2001 г. опубликовал в еженедельнике рисунок, изображавший момент атаки на небоскребы в Нью-Йорке, с подписью «То, о чем мы все мечтали,.. Хамас сделал» [19, para. 6], в которых наличие художественной составляющей, как минимум, не выглядит очевидным.

Следует отметить, что на стандарты защиты свободы художественного выражения Европейским судом в первую очередь распространяются общие правила, применимые к статье 10 в целом. Согласно практике Европейского суда по правам человека, свобода выражения мнения в принципе является одной из важнейших основ демократического общества, а также одним из главных условий его прогресса и развития каждого человека [16, para. 49]. Суд не раз отмечал, что хотя свобода выражения мнения и является объектом для ряда исключений, они должны трактоваться узко, тогда как необходимость любого вмешательства — устанавливаться убедительно [23, para. 59]. Другими словами, согласно практике ЕСПЧ, свобода слова является правилом, а ее ограничения — исключением [7, p. 720].

В отношении непосредственно свободы художественного выражения Страсбургский суд отметил, что она «является ценностью сама по себе и, таким образом, пользуется высоким уровнем защиты согласно Конвенции» [17, para. 33]. Договаривающиеся государства, соответственно, обязаны воздерживаться от ненадлежащего вмешательства в данную свободу [21, para. 33].

В то же время в деле *N. v. Switzerland* Европейская комиссия по правам человека решила оставить открытым вопрос о том, пользуется ли свобода творчества большей защитой, чем другие формы выражения мнения [22, para. 2]. Европейский суд в свою очередь предостерег, что свобода художественного выражения не является абсолютным правом и им не признается принцип *exceptio artis*: «Творческие личности и те, кто занимаются распространением их произведений, не застрахованы от возможности применения против них ограничений, предусмотренных пунктом 2 статьи 10 (ст. 10)» [21, para. 34].

Следует также отметить, что Европейская комиссия в свое время определила, что в ее задачи не входит решение вопроса о художественной ценности оспариваемых произведений [22, para. 2], и в целом этому же принципу в своей деятельности следовал также Европейский суд. Единственным исключением из данного правила, пожалуй, стало дело *Akdaş v. Turkey*, в котором ЕСПЧ обратил внима-

ние на то, что эротический роман Г. Аполлинера «Одиннадцать тысяч палок» входит в состав «европейского литературного наследия» [9, para. 30].

Таким образом, несмотря на то, что статья 10 Европейской конвенции по правам человека, посвященная свободе выражения мнения, не содержит прямых указаний на охрану ею художественных выражений, Европейский суд по правам человека обосновал необходимость их конвенционной защиты. Такой позиции Страсбургского суда предшествовали некоторые проекты статьи 10 ЕКПЧ со ссылками на искусство как форму выражения, что нашло отражение в *travaux préparatoires*, а также закрепление свободы творчества как в некото-

рых международных правовых актах в области защиты прав человека, так и в национальных конституциях государств — членов Совета Европы. При утверждении данного подхода Европейский суд по правам человека также руководствовался плюралистической природой свободы выражения мнения.

В своей практике Европейский суд подчеркивает ценность свободы художественного выражения для общественного развития и наделяет ее существенными гарантиями от необоснованного вмешательства со стороны государства. При этом Страсбургский суд обеспечивает охрану свободы творчества независимо от художественной ценности тех или иных выражений.

Список использованных источников

1. Всеобщая декларация прав человека // Права человека: международно-правовые документы и практика их применения. В 4 т. Т. 1. — Минск: Амалфея, 2009. — С. 78—82.
2. Конигов, И. А. Эстетическая культура / И. А. Конигов. — М.: ИФРАН, 1996. — 331 с.
3. Маклаков, В. В. Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Соединенные Штаты Америки, Япония, Бразилия: учеб. пособие. 7-е изд., перераб. и доп. / сост. сб., пер., авт. введ. и вступ. ст. В. В. Маклаков. — М.: Волтерс Клувер, 2010. — 656 с.
4. Международный пакт о гражданских и политических правах // Права человека: международно-правовые документы и практика их применения. В 4 т. Т. 1. — Минск: Амалфея, 2009. — С. 82—94.
5. American Convention on Human Rights «Pact of San José, Costa Rica» (B-52) [Electronic resource] // Organization of American States. — Mode of access: <<http://www.oas.org/juridico/english/treaties/b-32.html>>. — Date of access: 25.05.2016.
6. Arai, Y. Article 10: Freedom of expression / Y. Arai // Law of the European Convention on Human Rights / D. J. Harris, M. O'Boyle, E. P. Bates & C. M. Buckley. — Third ed. — New York: Oxford University Press, 2014. — P. 613—710.
7. Bakircioglu, O. The Application of the Margin of Appreciation Doctrine in Freedom of Expression and Public Morality Cases / O. Bakircioglu // German Law Journal. — 2007. — Vol. 8, N 7. — P. 711—734.
8. Buyse, A. Tacit citing: the scarcity of judicial dialogue between the global and the regional human rights mechanisms in freedom of expression cases / A. Buyse // The United Nations and Freedom of Expression and Information: Critical Perspectives / T. McGonagle, Y. Donders. — Cambridge: Cambridge University Press, 2015. — P. 443—466.
9. Case of Akdaş v. Turkey: N 41056/04, 16/02/2010 [Electronic resource] // Council of Europe. — Mode of access: <<http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-97297>>. — Date of access: 10.06.2016.
10. Case of Alınak v. Turkey: N 40287/98, 29/03/2005 [Electronic resource] // Council of Europe. — Mode of access: <<http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-68652>>. — Date of access: 12.06.2016.
11. Case of Casado Coca v. Spain: N 15450/89, 24/02/1994 [Electronic resource] // Council of Europe. — Mode of access: <<http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-57866>>. — Date of access: 12.06.2016.
12. Case of Dağtekin v. Turkey: N 36215/97, 13/01/2005 [Electronic resource] // Council of Europe. — Mode of access: <<http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-67958>>. — Date of access: 12.06.2016.
13. Case of Ehrmann and SCI VHI v. France (Decision): N 2777/10, 07/06/2011 [Electronic resource] // Council of Europe. — Mode of access: <<http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-114684>>. — Date of access: 10.06.2016.
14. Case of Eon v. France: N 26118/10, 14/03/2013 [Electronic resource] // Council of Europe. — Mode of access: <<http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-117742>>. — Date of access: 10.06.2016.
15. Case of Geerk v. Switzerland (Decision): N 7640/76, 07/03/1978 [Electronic resource] // Council of Europe. — Mode of access: <[http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57705#<fulltext>:\[«7640/76»\]](http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57705#<fulltext>:[«7640/76»])>. — Date of access: 10.06.2016.
16. Case of Handyside v. the United Kingdom: N 5493/72, 07/12/1976 [Electronic resource] // Council of Europe. — Mode of access: <<http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-57499>>. — Date of access: 12.06.2016.
17. Case of Jelševar and others v. Slovenia (Decision): N 47318/07, 11/03/2014 [Electronic resource] // Council of Europe. — Mode of access: <<http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-142338>>. — Date of access: 12.06.2016.
18. Case of Karataş v. Turkey: N 23168/94, 08/07/1999 [Electronic resource] // Council of Europe. — Mode of access: <<http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-58274>>. — Date of access: 25.05.2016.
19. Case of Leroy v. France: N 36109/03, 02/10/2008 [Electronic resource] // Council of Europe. — Mode of access: <<http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-88657>>. — Date of access: 10.06.2016.
20. Case of Müller and others v. Switzerland (Decision): N 10737/84, 08/10/1986 [Electronic resource] // Council of Europe. — Mode of access: <<http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-46237>>. — Date of access: 12.06.2016.
21. Case of Müller and others v. Switzerland: N 10737/84, 24/05/1988 [Electronic resource] // Council of Europe. — Mode of access: <<http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-57487>>. — Date of access: 12.06.2016.
22. Case of N. v. Switzerland (Decision): N 9870/82, 13/10/1983 [Electronic resource] // Council of Europe. — Mode of access: <[http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-82846#<fulltext>:\[«9870/82»\]](http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-82846#<fulltext>:[«9870/82»])>. — Date of access: 10.06.2016.
23. Case of Observer and Guardian v. the United Kingdom: N 13585/88, 26/11/1991 [Electronic resource] // Council of Europe. — Mode of access: <<http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-57705>>. — Date of access: 12.06.2016.
24. Case of Otto-Preminger-Institut v. Austria: N 13470/87, 20/09/1994 [Electronic resource] // Council of Europe. — Mode of access: <<http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-57897>>. — Date of access: 10.06.2016.
25. Case of Tatar and Fáber v. Hungary, nos. 26005/08 & 26160/08, 12/06/2012 [Electronic resource] // Council of Europe. — Mode of access: <<http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-111421>>. — Date of access: 10.06.2016.
26. Case of Ulusoy and others v. Turkey: N 34797/03, 03/05/2007 [Electronic resource] // Council of Europe. — Mode of access: <<http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-80462>>. — Date of access: 10.06.2016.

27. Case of Vereinigung Bildender Künstler v. Austria: N 68354/01, 25/01/2007 [Electronic resource] // Council of Europe. — Mode of access: <<http://hudoc.echr.coe.int/sites/fra/pages/search.aspx?i=001-79213>>. — Date of access: 12.06.2016.
28. Case of Wingrove v. the United Kingdom: N 17419/90, 25/11/1996 [Electronic resource] // Council of Europe. — Mode of access: <<http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-58080>>. — Date of access: 10.06.2016.
29. Case of X. Ltd. and Y. v. the United Kingdom (Decision): N 8710/79, 07/05/1982 [Electronic resource] // Council of Europe. — Mode of access: <[http://hudoc.echr.coe.int/eng#{fulltext}:\[«8710/79】\]](http://hudoc.echr.coe.int/eng#{fulltext}:[«8710/79】])>. — Date of access: 10.06.2016.
30. Constitution of the Kingdom of Spain [Electronic resource] // Spanish Constitutional Court. — Mode of access: <<http://www.tribunalconstitucional.es/en/constitucion/Pages/ConstitucionIngles.aspx#I7>>. — Date of access: 10.06.2016.
31. Constitution of the Portuguese Republic [Electronic resource] // Portuguese Constitutional Court. — Mode of access: <<http://www.tribunalconstitucional.pt/tc/conteudo/files/constituicaoingles.pdf>>. — Date of access: 10.06.2016.
32. European Convention on Human Rights as amended by Protocols N 11 and 14. — Strasbourg: Council of Europe Publishing, 2012. — 64 p.
33. Kearns, P. The Judicial Nemesis: Artistic Freedom and the European Court of Human Rights / P. Kearns // Irish Law Journal. — 2012. — Vol. 1. — P. 56–92.
34. Protocol N 11 to the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, restructuring the control machinery established thereby [Electronic resource] // Council of Europe. — Mode of access: <<http://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/090000168007cda9>>. — Date of access: 10.06.2016.
35. Schabas, W. A. Rights and Freedoms / W. A. Schabas // The European Convention on Human Rights: a Commentary / W. A. Schabas. — New York: Oxford University Press, 2015. — P. 117–631.
36. Travaux Préparatoires to the European Convention on Human Rights. Article 10: Doc. DH(56)15, 17 August 1956 [Electronic resource] // Council of Europe: European Court of Human Rights. — Mode of access: <[http://www.echr.coe.int/LibraryDocs/Travaux/ECHRTravaux-ART10-DH\(56\)15-EN1338895.pdf](http://www.echr.coe.int/LibraryDocs/Travaux/ECHRTravaux-ART10-DH(56)15-EN1338895.pdf)>. — Date of access: 13.06.2016.

Статья поступила в редакцию в июне 2016 г.

ДА ВЫХАДУ Ў СВЕТА ЧАТЫРОХТОМНАГА ВЫДААННЯ «БЕЛАРУСЬ У ПАЛІТЫЦЫ ЗАХОДНІХ І СУСЕДНІХ ДЗЯРЖАЎ (1914—1991 гг.): ЗБОРНІК ДАКУМЕНТАЎ І МАТЭРЫЯЛАЎ»

Уладзімір Снапкоўскі

«К выходу в свет четырехтомного издания «Беларусь у палітыцы заходніх і суседніх дзяржаў (1914—1991 гг.): зборнік дакументаў і матэрыялаў»» (Владимир Снапковский)

Стаття посвячена завершенню в 2015 г. четырехтомного издания «Беларусь у палітыцы заходніх і суседніх дзяржаў (1914—1991 гг.): зборнік дакументаў і матэрыялаў». Отмечено, что первый том был опубликован в 2008 г., следующие тома вышли в 2010, 2012 и 2015 гг. и таким образом весь период публикации сборника занял 7 лет. Издание подготовлено научным коллективом сотрудников кафедры международных отношений Белорусского государственного университета и других научных учреждений и университетов Беларуси и вышло под грифом Министерства иностранных дел Республики Беларусь, БГУ и Национального архива Республики Беларусь. Автор (инициатор, ответственный редактор издания и один из составителей) излагает основные направления политики иностранных государств относительно Беларуси от начала Первой мировой войны до окончания «холодной войны» и распада СССР, которые нашли отражение в документах и материалах этого историко-дипломатического издания, подготовленного впервые белорусскими учеными. Приведены библиографические данные о всех четырех томах сборника.

Ключевые слова: Беларусь, Вторая мировая война, геополитика, границы, Первая мировая война, «холодная война».

«Devoted to the Publication of a Four-volume Edition "Belarus in the Policy of Western and Neighboring States (1914—1991): Compilation of Documents and Materials"» (Uladzimir Snapkouski)

The article is devoted to completion in 2015 of a four-volume edition «Belarus in the policy of Western and neighboring states (1914—1991): compilation of documents and materials». It is noted that the first volume was published in 2008, next volumes were issued in 2010, 2012 and 2015 and in such a way all the publication period took 7 years. The edition is prepared by the research staff of the Department of International Relations of Belarusian State University and other Belarusian scientific institutions and universities. It was published with the stamp of the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Belarus, BSU and the National archives of the Republic of Belarus. The author (initiator, responsible editor of the publication and one of the drafters) sets out main directions of foreign countries' policy towards Belarus from the beginning of the First World War till the end of the Cold War and the USSR dissolution, which were reflected in the documents and materials of this historical and diplomatic edition prepared for the first time by Belarusian researchers. Bibliographic data on all 4 volumes of the compilation is provided.

Keywords: Belarus, borders, Cold War, geopolitics, World War I, World War II.

Author:

Snapkouski Uladzimir — Doctor of Sciences (History), Professor of the Department of International Relations of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: ulsnap44@inbox.ru
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., 220030, Minsk, BELARUS

У жніўні 2015 г. у выдавецтве «ЮНІПАК» выйшаў у свет чацвёрты (апошні) том гісторыка-дакументальнага выдання «Беларусь у палітыцы заходніх і суседніх дзяржаў (1914—1991 гг.): зборнік дакументаў і матэрыялаў». Гэты том ахоплівае найбольш працяглы, 47-гадовы (1944—1991 гг.), перыяд

часу ў параўнанні з астатнімі тамамі зборніка, завяршаючы разгляд падзей дакументамі, прысвечанымі абвясчэнню незалежнасці Беларусі 25 жніўня 1991 г. Першы том (у 2 ч.) быў апублікаваны ў 2008 г., наступным выйшаў у 2010 г. трэці том (што было абумоўлена тэхнічнымі прычынамі), потым у

Аўтар:

Снапкоўскі Уладзімір Еўдакімавіч — доктар гістарычных навук, прафесар кафедры міжнародных адносін факультэта міжнародных адносін Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, e-mail: ulsnap44@inbox.ru
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт. Адрас: 4, пр. Незалежнасці, Мінск, 220030, БЕЛАРУСЬ

2012 г. — другі, і нарэшце выданне было закончана чацвёртым томам у 2015 г. Такім чынам, увесь час публікацыі зборніка заняў 7 гадоў.

Выхад у свет чатырохтомніка (у пяці кнігах) стаў завяршальным акордам у выкананні дзяржаўнага інавацыйнага праекта па лініі Дзяржаўнага камітэта па навуцы і тэхналогіях Рэспублікі Беларусь, які быў ажыццёўлены ў 2005—2008 гг. па заказе Міністэрства замежных спраў (МЗС) Рэспублікі Беларусь. Гэты праект быў паспяхова выкананы часовым навуковым калектывам (ЧНК), нягледзячы на напружаны графік работы, калі на падрыхтоўку кожнага тома адводзіўся адзін год. Чатырохгадовы тэрмін выканання праекта і сямігадовы тэрмін яго публікацыі (11 гадоў) спатрэбіліся на рэалізацыю ідэі аб прадстаўленні ў форме дакументальнага выдання асноўных кірункаў палітыкі замежных дзяржаў адносна Беларусі ад пачатку Першай сусветнай вайны да заканчэння «халоднай вайны» і абвясчэння незалежнасці Беларусі.

Аснову часовага навуковага калектыву, які працаваў над выкананнем праекта і яго выданнем, складалі супрацоўнікі кафедры міжнародных адносін факультэта міжнародных адносін БДУ: прафесар У. Е. Снапкоўскі (аўтар канцэпцыі зборніка і адказны рэдактар выдання), прафесар А. В. Шарапа (кіраўнік праекта і намеснік старшыні рэдкалегіі), дацэнт А. В. Ціхаміраў. Яны разам з дацэнтам БДПУ імя Максіма Танка, старшым навуковым супрацоўнікам Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь А. Ф. Вялікім з'яўляліся складальнікамі ўсіх чатырох тамоў зборніка і членамі рэдкалегіі. У. Е. Снапкоўскі і А. В. Ціхаміраў узялі на сябе асноўную працу па напісанні каментарыяў і заўваг. У падрыхтоўцы да выдання асобных тамоў прымалі ўдзел складальнікі: загадчык кафедры БДПУ імя Максіма Танка, прафесар Г. А. Космач, загадчык кафедры Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта, прафесар Р. Р. Лазько, загадчык аддзела Інстытута гісторыі НАН Беларусі, прафесар А. М. Літвін, дацэнт БДУ У. В. Ляхоўскі, загадчык кафедры БДУ, дацэнт А. П. Салькоў, былы супрацоўнік Інстытута літаратуры НАН Беларусі, прафесар Бонскага ўніверсітэта (ФРГ) У. Л. Сакалоўскі.

Спецыфіка праекта, звязаная з перакладам тэкстаў дакументаў з замежных моў на беларускую мову, выклікала неабходнасць прыцягнення да працы шэрагу перакладчыкаў, якія рэкруціраваліся як з кафедраў замежных моў факультэта міжнародных адносін БДУ, так і з кола спецыялістаў па-за межамі БДУ. Пераклад тэкстаў з англійскай мовы выконвалі М. П. Васючэнка, І. М. Івашкевіч, М. М. Лысы, У. Е. Снапкоўскі; з нямецкай мовы — Д. Г. Клечка, Г. А. Космач, М. М. Лысы; з французскай мовы — М. В. Гурына; з польскай мовы — Б. І. Іванова, А. В. Кузьміч, Р. Р. Лазько, У. Е. Снапкоўскі, В. М. Цігарэнка.

Навуковую рэдакцыю англамоўных тэкстаў забяспечвалі У. Е. Снапкоўскі і А. П. Салькоў, нямецкамоўных тэкстаў — Г. А. Космач і У. Е. Снапкоўскі, франкамоўных тэкстаў — Р. Р. Лазько, польскамоўных тэкстаў — У. Е. Снапкоўскі. Неабходную навукова-дапаможную працу па падрыхтоўцы каментарыяў, складанні паказальнікаў выконвалі Л. У. Грыцэнка, М. В. Гурына, А. Ю. Еўсеенка, М. К. Кошалеў, В. І. Лазоркіна.

Выданне выйшла ў свет у выдавецтве «ЮНІПАК», хаця першапачатковыя намеры былі звязаны з іншым выдавецтвам. Абставіны не дазволілі рэалізаваць публікацыю першага тома ў тым выдавецтве і справа аказалася ў падвешаным стане. На шчасце творчы калектыў вырачыў дырэктар прадпрыемства «ЮНІПАК» В. Л. Дубоўскі, які належным чынам ацаніў навуковае і адукацыйнае значэнне падрыхтаванай працы і даў ёй «зялёнае святло» ў сваім вытворчым прадпрыемстве, свядома не разлічваючы на нейкі камерцыйны прыбытак. Усё выданне ажыццёўлена за кошт унутраных сродкаў членаў ЧНК і спонсарства выдавецтва. Праўда, рэжым эканоміі адбіўся на тыражы (50 экз. кожны том), які разышоўся сярод найбуйнейшых бібліятэк Мінска, Масквы і Варшавы і вузкага кола беларускіх і замежных спецыялістаў. Значная частка тыража накіравана дзяржаўнаму заказчыку — МЗС, а таксама на факультэт міжнародных адносін БДУ для навуковых і адукацыйных мэт. Фактычна зараз можна казаць толькі пра пробны тыраж выдання і неабходнасць другога, палепшанага і папраўленага перавыдання большым тыражом. А папярэдняе папраўленае першыя выдадзеныя тамы (1 і 3), дзе дапушчаны прыкрыя памылкі і ёсць недапрацоўкі.

Асноўная рабочая гіпотэза, якой кіраваліся ў сваёй працы калектыў складальнікаў і рэдкалегія, была сфармулявана ў манаграфіях і публікацыях членаў ЧНК і іншых беларускіх вучоных [2—8; 10; 12—14]. Яна заключалася ў тым, што асабліва значна міжнароднага становішча і знешнепалітычнай дзейнасці Беларусі пасля аднаўлення яе дзяржаўнасці ў 1918—1919 гг. быў вялікі ўплыў на Беларусь палітыкі суседніх і больш аддаленых дзяржаў. Гэты ўплыў асабліва значна праяўляўся ў гады Першай і Другой сусветных войнаў, міжваенны перыяд, гады «халоднай вайны». У выніку актыўных геапалітычных зрухаў і палітыкі вялікіх дзяржаў ва Усходняй Еўропе беларускія землі неаднаразова становіліся аб'ектам акупацый, анексій і падзелаў, межы Беларусі часта мяняліся. Найбольш актыўныя і ўплывовыя дзяржавы ўсходнеўрапейскага рэгіёна (Савецкая Расія — СССР, Германія, Польшча, прыбалтыйскія краіны), як і іншыя вялікія дзяржавы (Вялікабрытанія, Францыя, ЗША), распрацоўвалі і ажыццяўлялі ў гэтым рэгіёне знешнепалітычныя планы і праекты,

якія прама ці ўскосна тычыліся Беларусі, яе тэрыторыі, межаў, насельніцтва, дзяржаўнага ладу, знешнепалітычнай арыентацыі.

Прадстаўленне асноўных кірункаў палітыкі замежных дзяржаў адносна Беларусі на працягу амаль усяго XX ст. і з'явілася галоўным прадметам пошукавай, перакладчыцкай, даследчыцкай і рэдакцыйна-выдавецкай працы творчага калектыву вучоных, перакладчыкаў і выдаўцоў, што працавалі больш за 10 гадоў над падрыхтоўкай і публікацыяй гэтага выдання. Складальнікі зборніка ў працы па падбору дакументаў і матэрыялаў кіраваліся некалькімі задачамі.

Па-першае, гэта новае прачытанне апублікаваных крыніц пра Беларусь, якія ўвайшлі ў публікацыі савецкага часу. У тагачасных выданнях Беларусь (пад якой мелася на ўвазе Беларуская ССР) выступае як самастойны ўдзельнік міжнародных адносін і ілюстрацыйны прыклад да паказу знешнепалітычнай і дыпламатычнай актыўнасці РСФСР, а потым СССР. Сёння, калі Беларусь стала незалежнай дзяржавай, дакументы і матэрыялы савецкага часу пра міжнароднае становішча Беларусі, яе знешнепалітычную дзейнасць, планы замежных дзяржаў адносна Беларусі патрабуюць новага падыходу і сучаснага працытання.

Па-другое, гэта ўключэнне ў зборнік апублікаваных крыніц пра Беларусь, якія выйшлі ў Беларусі і Расіі ў постсавецкі час. Такіх выданняў даволі шмат, і яны значна пашыраюць навуковыя веды пра знешнепалітычную гісторыю Беларусі XX ст. Калі мець на ўвазе сучасныя расійскія зборнікі, то гэта мала-тыражныя публікацыі, частка з якіх увогуле адсутнічае ў бібліятэках Беларусі. Таму складальнікі палічылі неабходным уключыць новыя матэрыялы з гэтых выданняў, якія маюць непасрэднае дачыненне да тэматыкі зборніка.

Па-трэцяе, гэта ўключэнне ў зборнік дакументаў і матэрыялаў аб знешняй палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў, якія апублікаваны ў адпаведных гісторыка-дыпламатычных зборніках Вялікабрытаніі, Германіі, ЗША, Літвы, Польшчы, Украіны, іншых дзяржаў. Рэалізацыя гэтай задачы мела інавацыйны, наватарскі характар, паколькі раней аналагічныя выданні з адлюстраваннем пазіцый і палітыкі замежных дзяржаў адносна Беларусі не публікаваліся ні ў Беларусі, ні за яе межамі.

Па-чацвёртае, гэта вывучэнне айчынных і замежных архіваў па тэматыцы зборніка. У выданне ўвайшлі крыніцы з дзяржаўных архіваў Беларусі, Вялікабрытаніі, Германіі, Літвы, Польшчы і Расіі. Архіўныя даследаванні палітыкі замежных дзяржаў адносна Беларусі паказваюць, што ў беларускіх і замежных архівах змяшчаецца шмат матэрыялаў, якія патрабуюць далейшага вывучэння і наступнай

публікацыі ў выглядзе тэматычных зборнікаў. У гэтым сэнсе наша выданне толькі прыадчыняе тое шырокае і неапрацаванае даследчыцкае поле, якое выявілася падчас працы над зборнікам. На думку складальнікаў, яно стварае пэўны навуковы фундамент для далейшага вывучэння такой цікавай тэмы, як «Беларусь у палітыцы замежных дзяржаў у XX ст.», яе асобных аспектаў і перыядаў.

Пяройдзем зараз да кароткай тэматычнай, гістарыяграфічнай і крыніцазнаўчай характарыстыкі дакументаў і матэрыялаў завершанага выдання.

Першы том зборніка ахоплівае перыяд ад 1 жніўня 1914 г. да 18 сакавіка 1921 г., г. зн. ад пачатку Першай сусветнай вайны да падпісання Рыжскага мірнага дагавора паміж РСФСР (і па ўплаўнаважанню БССР) і УССР, з аднаго боку, і Польшчай — з другога. Галоўнымі тэматычнымі раздзеламі гэтага тома з'яўляюцца наступныя пытанні:

— Беларусь (беларускія тэрыторыі) у планах і палітыцы ваюючых дзяржаў (Германіі, Расійскай імперыі, дзяржаў Антанты) у гады Першай сусветнай вайны;

— знешнепалітычныя планы і праекты беларускага нацыянальнага руху ў гады Першай сусветнай вайны і пасля яе заканчэння;

— палітыка Савецкай Расіі адносна Беларусі ў 1917—1918 гг., у тым ліку «беларускае пытанне» на брэсцкіх мірных перагаворах;

— знешнепалітычныя аспекты ўтварэння БНР і БССР. Адносіны да адраджэння беларускай дзяржаўнасці суседніх і заходніх дзяржаў (РСФСР, Германіі, Польшчы, прыбалтыйскіх дзяржаў, Украіны, дзяржаў Антанты);

— дыпламатыя БНР у барацьбе за міжнароднае прызнанне беларускай дзяржаўнасці, вызначэнне межаў і непадзельнасць тэрыторыі Беларусі;

— дыпламатычная актыўнасць БССР;

— праблема вызначэння ўсходняй мяжы Польшчы ў знешняй палітыцы Польшчы, савецкай Расіі і заходніх дзяржаў;

— Беларусь і польска-савецкая вайна 1919—1920 гг. Адносіны БНР і БССР да польска-савецкіх мірных перагавораў і Рыжскага міру;

— Беларусь і манархічная Расія («белы рух») 1918—1921 гг.;

— Беларусь і прыбалтыйскія дзяржавы. Беларускае пытанне на мірных перагаворах РСФСР з Літвой і Латвіяй у 1920 г.;

— праблема прыналежнасці Вільні і Віленскага краю ў міжнародных і польска-літоўска-беларускіх адносінах;

— Беларусь у геапалітычных праектах і навуковай думцы замежных дзяржаў.

Храналагічныя рамкі тома ахопліваюць амаль сямігадовы перыяд бурлівых і драматычных падзей, якія адбываліся ў Беларусі і вакол яе. З выбухам Першай сусветнай вайны ва Усходняй Еўропе ўзнялася моцная хваля геапалітычнай, ваеннай і дыпламатычнай

актыўнасці еўрапейскіх дзяржаў і ЗША. Беларусь уступіла ў цяжкі, драматычны і працяглы перыяд ваеннага ліхалецця, інтэрвенцый і акупацый, дзяржаваўтваральных працэсаў, тэрытарыяльна-палітычнага пераўладкавання, падзелаў і перадзелаў яе этнічных зямель. Для Беларусі гэты перыяд войн і нацыянальна-дзяржаўнага будаўніцтва закончыўся Рыжскім мірам 1921 г.

Адна з важных задач, якую паставілі перад сабой складальнікі зборніка, заключалася ў тым, каб змясціць дакументы, якія адлюстроўвалі б не толькі планы і палітыку іншых дзяржаў і замежных палітычных сіл адносна Беларусі, але і праграма-тэарэтычную працу і палітычную дзейнасць беларускага нацыянальнага руху, які канстытуіраваўся спачатку ў форме БНР, а крыху пазней — БССР. Падрабязна адлюстраваны першыя знешнепалітычныя крокі ўрада БНР, накіраваныя на ўсталяванне сяброўскіх, добрасуседскіх адносін з Украінскай Народнай Рэспублікай і РСФСР (дак. № 87—90, 92—94) (тут і далей указаны нумары дакументаў адпаведнага тома. — У. С.).

У шэрагу дакументаў адлюстравана палітыка бальшавіцкага кіраўніцтва РСФСР у нацыянальным пытанні, яго адносіны да новых дзяржаў, што ўзніклі на абшарах былой Расійскай імперыі. На старонках зборніка прадстаўлены знешне- і ўнутрыпалітычныя падзеі, звязаныя з утварэннем беларускай савецкай дзяржавы, яе міжнародным становішчам і знешнепалітычнай актыўнасцю. Нягледзячы на тое, што БССР была ўтворана праз 8 месяцаў пасля абвясчэння БНР, знешнепалітычныя фактары і міжнароднае асяроддзе, у якім яна ўзнікла, ужо былі іншымі. У стварэнні БССР была зацікаўлена самая моцная дзяржава рэгіёна — Савецкая Расія, якая ўтварыла БССР як дзяржаву-буфер, каб геаграфічна аддзяліць сябе ад небяспекі з Захаду. Знешнепалітычныя меркаванні мелі вырашальнае значэнне ў планах ленінскага ўрада па стварэнні беларускай савецкай дзяржавы (дак. № 141, 145, 152, 158 і інш.).

Найбольшая колькасць дакументаў і матэрыялаў (235) прысвечана знешнепалітычным падзеям 1920 г., якія сталі апагеем ваенна-палітычнай і дыпламатычнай актыўнасці сямігадовага перыяду глыбокіх узрушэнняў ва Усходняй Еўропе (1914—1921 гг.). Галоўнай падзеяй міжнародных адносін на еўрапейскім кантыненте была савецка-польская вайна, драматычныя і нечаканыя павароты якой на працягу 1920 г. самым непасрэдным чынам закраналі Беларусь. Вакол гэтай цэнтральнай тэмы ў зборніку канцэнтруюцца ўсе астатнія сюжэты і праблемы.

Другі том зборніка ахоплівае перыяд ад 19 сакавіка 1921 г., г. зн. наступнага дня пасля заключэння Рыжскага міру, да 31 жніўня 1939 г., апошняга дня міру перад пачаткам

Другой сусветнай вайны. Усяго ў том уключана 234 адзінкі дакументаў і матэрыялаў. Тэматычна гэты том ахоплівае наступныя пытанні:

— дыпламатычная дзейнасць БНР да самаліквідацыі ўрада БНР на II Усебеларускай канферэнцыі (кастрычнік 1925 г., Берлін);

— знешнепалітычная актыўнасць БССР і стварэнне дыпламатычнага саюза савецкіх рэспублік вакол РСФСР;

— працэс стварэння СССР і барацьба ў савецкім кіраўніцтве вакол пытання аб захаванні знешнепалітычных паўнамоцтваў саюзных рэспублік;

— пашырэнне Рапальскага дагавора паміж РСФСР і Германіяй на астатнія савецкія рэспублікі;

— выкананне Рыжскага мірнага дагавора і адносіны БССР з Польшчай;

— урадавая палітыка Польшчы адносна беларускай нацыянальнай меншасці;

— беларуска-літоўскія адносіны (адносіны ўрада БНР і іншых беларускіх палітычных арганізацый з урадавымі ўстановамі Літвы);

— праблема прыналежнасці Вільні і Віленскага краю ў міжнародных адносінах;

— беларускае пытанне ў планах Германіі, Польшчы і заходніх дзяржаў напярэдадні Другой сусветнай вайны;

— дзейнасць беларускай палітычнай эміграцыі ў абарону інтарэсаў беларускага народа.

На старонках кнігі дастаткова шырока і разнастайна прадстаўлены польская ўрадавая палітыка на «крэсах усходніх» і публіцыстыка па пытаннях становішча славянскіх нацыянальных меншасцей (беларусаў і ўкраінцаў) у Польшчы. Урадавы курс і канкрэтныя мерапрыемствы па яго рэалізацыі адлюстраваны ў пратаколах пасяджэнняў Палітычнага камітэта Савета міністраў Рэспублікі Польшча за 1921—1926 гг.

Матэрыялы зборніка адлюстроўваюць палітычнае, сацыяльна-эканамічнае і культурнае становішча Усходняй Беларусі (БССР) пасля Рыжскага міру, яе ўзаемаадносіны з РСФСР, умацненне цэнтралізатарскіх памкненняў Масквы адносна БССР, якое адзначалі прадстаўнікі БНР, нямецкія журналісты і польскія дыпламаты. У 1930-я гг. замежныя дыпламаты паведамлялі сваім цэнтральным установам пра цяжкае эканамічнае становішча БССР, дзе насельніцтва галадала, а яго адносіны да ўлад былі вельмі непрыхільнымі, пра цяжкасці ў функцыянаванні польскіх дыпламатычных і консульскіх пляцовак на тэрыторыі СССР, у тым ліку Генеральнага консульства ў Мінску (ізаляцыя, сачэнне, тэлефоннае падслухаванне, перашкоды ў пакупках прадуктаў і г. д.) (дак. № 222).

Публікуюцца выяўленыя ў Дзяржаўным архіве Вялікабрытаніі тэлеграмы брытанскага пасла ў СССР А. Чайлстана міністру замежных спраў Дж. Сайману аб сепаратысцкіх тэндэн-

цях у Беларусі і на Украіне (снежань 1933 г., студзень 1934 г.), дзе гаворыцца пра тое, што «Беларусь, Украіна і Таджыкістан з'яўляюцца абласцямі, дзе прэваліруюць сепаратысцкія праяўленні» (дак. № 210, 211).

Яшчэ адной значнай тэмай, па якой прадстаўлены шэраг архіўных дакументаў і апублікаваных матэрыялаў, з'яўляецца тэма федэратыўных адносін і знешнепалітычнай каардынацыі паміж БССР і РСФСР у 1921—1922 гг., стварэння дыпламатычнага саюза савецкіх рэспублік і іх наступнага аб'яднання ў Саюз Савецкіх Сацыялістычных Рэспублік, абмежавання знешнепалітычных паўнамоцтваў БССР пасля ўступлення ў Саюз ССР.

На пачатак 1920-х гг. прыпадае і ўздым знешнепалітычнай дзейнасці БССР, што праяўлялася як у самастойных дзеяннях, так і ў каардынацыі дыпламатычных крокаў РСФСР, стварэнні саюза савецкіх рэспублік вакол РСФСР, намаганнях па ўзбуйненні тэрыторыі Савецкай Беларусі, пашырэнні Рапальскага дагавора на БССР. Адпаведным чынам і знешняя палітыка, і дыпламатыя суседніх і заходніх (Германія) дзяржаў рэагавалі на гэтыя праявы дыпламатычнай актыўнасці БССР і БНР, распрацоўвалі ўласныя планы выкарыстання ці нейтралізацыі беларускага пытання. Таму, як можна адразу заўважыць, больш за 2/3 уключаных у том дакументаў і матэрыялаў ахоплівае даволі кароткі перыяд 1921—1925 гг. Пасля ўваходжання БССР у склад СССР і ліквідацыі ўрада БНР знешнепалітычная актыўнасць беларускіх дзяржаўных (БССР) і эміграцыйных (БНР) структур амаль спынілася, што ў сваю чаргу прывяло да рэзкага падзення інтарэсу замежных дзяржаў да Беларусі і беларускага пытання.

Гэты інтарэс зноў стаў узрастаць у канцы 1930-х гг., калі Еўропа і свет імкліва ўцягваліся ў Другую сусветную вайну. Савецкая, германская, польская, літоўская, брытанская дыпламатыя ў сваіх перадаваемых планах і разліках развіцця падзей ва Усходняй Еўропе не маглі не ўлічваць геапалітычнага і ваенна-стратэгічнага становішча БССР і Заходняй Беларусі, нявырашанага віленскага канфлікту, становішча беларусаў у Польшчы, дзеянняў беларускай палітычнай эміграцыі, узаемасувязі паміж беларускім і ўкраінскім пытаннямі. Таму напярэдадні і ў пачатку Другой сусветнай вайны Беларусь зноў, як і ў гады Першай сусветнай вайны, апынулася ў эпіцэнтры геапалітычных перамен, ваенна-палітычнай і дыпламатычнай актыўнасці.

Трэці том выдання ахоплівае перыяд ад 1 верасня 1939 г., г. зн. ад пачатку Другой сусветнай вайны, да 3 ліпеня 1944 г., дня вызвалення Мінска ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў. Усяго ў том уключана 191 адзінка дакументаў і матэрыялаў. Тэматычна гэты том ахоплівае наступныя пытанні:

— савецка-польская ваенная кампанія (верасень 1939 г.) і знешнепалітычныя аспекты ўз'яднання Заходняй Беларусі з Беларускай ССР;

— віленскае пытанне ў верасні—кастрычніку 1939 г. і далучэнне Віленшчыны да Літвы;

— дэмаркацыя савецка-літоўскай (беларуска-літоўскай) мяжы ў 1939—1940 гг.;

— эвакуацыя і перасяленне насельніцтва з Заходняй Беларусі і ў Беларусь ў 1939—1941 гг.;

— планы нацысцкай Германіі адносна заходніх тэрыторый СССР напярэдадні Вялікай Айчыннай вайны;

— беларуская палітычная эміграцыя і яе планы ў 1939—1941 гг.;

— акупацыйная палітыка Германіі ў Беларусі ў 1941—1944 гг.;

— праблема заходніх межаў СССР у савецка-польска-брытанска-амерыканскіх адносінах 1941—1944 гг.;

— тэрытарыяльна-палітычныя планы ЗША і Вялікабрытаніі адносна савецка-польскай мяжы;

— пытанне аб уключэнні саюзных рэспублік СССР, якія падвергліся нападу Германіі і яе саюзнікаў, у склад камісіі Аб'яднаных Нацый па ваенных злачынствах у 1943 г.;

— канстытуцыйныя пераўтварэнні ў СССР у лютым—сакавіку 1944 г., накіраваныя на прадстаўленне знешнепалітычных паўнамоцтваў саюзным рэспублікам.

У выданні ўпершыню ў беларускай гістарычнай літаратуры на падставе замежных дыпламатычных дакументаў адлюстраваны падзеі, звязаныя з савецка-польскай ваеннай кампаніяй, якая пачалася 17 верасня 1939 г. Гэтыя дакументы яшчэ раз пацвярджаюць, што ўступленне Чырвонай Арміі ў Польшчу аказалася поўнай нечаканасцю для яе палітычных і вайсковых колаў. Тэматычна да гэтай праблематыкі датычыцца і аналітычны даклад Міністэрства замежных спраў Вялікабрытаніі «Канстытуцыйная працэдура СССР па інкарпарацыі новых тэрыторый у 1939—1940 гг.» ад 30 лістапада 1944 г., у якім даволі падрабязна разглядаўся працэс уключэння тэрыторый Усходняй Польшчы (Заходняй Беларусі і Заходняй Украіны) у склад СССР (дак. № 188).

Шэраг матэрыялаў асвятляюць ролю і месца Беларусі ў нацысцкіх праектах расчленення СССР. Палітычныя мэты адносна заходніх савецкіх рэспублік А. Гітлер упершыню сфармуляваў 21 ліпеня 1940 г., калі паведаміў германскаму генералітэту аб рашэнні напасці на СССР. На яго думку, на заходніх абшарах СССР павінны былі ўтварыцца тры асобныя дзяржаўныя арганізмы — Украіна, Беларусь і федэрацыя Прыбалтыйскіх рэспублік. У наступных выказваннях Гітлер акрэсліваў іх ролю як залежных ад Германіі і «вольных ад Сталіна рэспублік», як буфераў Трэцяга рэйха. У сакавіку 1941 г. ён гаварыў пра Украіну, Беларусь і прыбалтыйскія краіны як

дзяржавы-пратэктараты, якія «павінны быць сацыялістычнымі, аднак не мець уласнай інтэлігенцыі» (дак. № 93).

Асобнай тэмай у матэрыялах выдання выдзелена праблема ўсходняй мяжы Польшчы ў 1941—1944 гг. Пытанне аб межах Польшчы, у тым ліку ўсходніх, разглядалася на Маскоўскай канферэнцыі міністраў замежных спраў СССР, ЗША і Вялікабрытаніі (кастрычнік 1943 г.). У падрыхтоўчых дакументах Наркамата замежных спраў СССР гаварылася аб тым, што, паколькі польскі эмігранцкі ўрад адмовіўся прызнаваць лінію Керзана ў якасці будучай усходняй мяжы Польшчы і заняў «варожую пазіцыю адносна СССР» (справа Катыні), «советское правительство пришло к решению не делать никаких уступок нынешнему польскому правительству в вопросе о границе и считать границу как она была по состоянию на 22 июня 1941 г., т. е. по день нарушения этой границы со стороны Германии» (дак. № 173). Дзяржаўны дэпартамент ЗША ў 1943 — пачатку 1944 г. разглядаў розныя варыянты савецка-польскай мяжы з улікам этнічнага складу насельніцтва (дак. № 160, 167, 169).

Змешчаны матэрыялы, якія паказваюць, што савецкае кіраўніцтва пачало рыхтавацца да выхаду саюзных рэспублік на міжнародную арэну і стварэння іх уласных наркаматаў замежных спраў з восені 1943 г., калі вызначыўся карэнны паварот у ходзе Другой сусветнай вайны на карысць антыгітлераўскай кааліцыі. У сувязі з распрацоўкай планаў пасляваеннага ўладкавання свету, якімі займаліся заходнія дзяржавы, для Савецкага Саюза рэальнай станавілася небяспека аказання ў адзіноцтве ці, у лепшым выпадку, мець толькі некалькі саюзнікаў як у будучай міжнароднай арганізацыі бяспекі, так і на канферэнцыях па пытаннях пасляваеннага мірнага ўрэгулявання. Для ўмацавання пазіцыі СССР на міжнароднай арэне савецкае кіраўніцтва вырашыла дабівацца так званага «множнага прадстаўніцтва» саюзных рэспублік у міжнародных арганізацыях і асамблеях, аб чым больш падрабязна распавядаецца ў наступным томе.

Чацвёрты том ахоплівае перыяд ад 4 ліпеня 1944 г. да 25 жніўня 1991 г., дня абвяшчэння незалежнасці Беларусі Усяго ў кнігу ўключана 169 адзінак дакументаў і матэрыялаў. Тэматычна гэты том ахоплівае наступныя пытанні:

- дыпламатычная барацьба СССР з заходнімі дзяржавамі і польскім эмігранцкім урадам вакол усходняй мяжы Польшчы ў 1944—1945 гг.;

- пытанне аб уключэнні саюзных рэспублік СССР у склад першапачатковых дзяржаў — членаў будучай ААН на канферэнцыях у Думбартан-Оксе, Ялце і Сан-Францыска;

- дзейнасць ЮНРРА ў Беларусі ў 1945—1947 гг.;

- праблема бежанцаў і перамешчаных асоб у дзейнасці агульнасаюзнай і беларускай дыпламатыі ў першыя пасляваенныя гады;

- пытанне аб дэмаркацыі савецка-польскай дзяржаўнай мяжы ў 1945—1948 гг.;

- удзел дэлегацыі БССР у Парыжскай мірнай канферэнцыі 1946 г.;

- знешнепалітычныя планы і міжнародна-палітычная актыўнасць беларускай палітычнай эміграцыі;

- праблема ўстанаўлення дыпламатычных і консульскіх адносін з боку Вялікабрытаніі і ЗША з Украінскай ССР і Беларускай ССР (абмеркаванні ў 1946—1953 гг.);

- прапанова міністра замежных спраў БССР К. Кісялёва аб уступленні СССР, УССР і БССР у ЮНЕСКА і яе абмеркаванні ў МЗС СССР у 1947 г.;

- пытанне аб выхадзе СССР, УССР і БССР з Сусветнай арганізацыі аховы здароўя ў 1949 г.;

- становішча беларусаў у Польшчы і іх грамадска-палітычная актыўнасць у 1944—1980-я гг.;

- знешнепалітычныя канцэпцыі і акцыі беларускай палітычнай эміграцыі.

У выданні прадстаўлены дакументы і матэрыялы, звязаныя з барацьбой вакол «справы ікс» на канферэнцыях у Думбартан-Оксе, Ялце і Сан-Францыска. На падставе матэрыялаў амерыканскага і англійскага друку можна прасачыць, што перспектывы рэалізацыі ялцінскай дамоўленасці ўскладніліся пасля таго, як у ЗША ў канцы сакавіка 1945 г. стала вядома аб тайным пагадненні адносна дадатковых галасоў для СССР і ЗША. Канчаткова пытанне аб членстве Украіны і Беларусі ў міжнароднай арганізацыі бяспекі было вырашана на Устаноўчай канферэнцыі Аб'яднаных Нацый у Сан-Францыска (25 красавіка — 26 чэрвеня 1945 г.) (дак. № 27—29).

У матэрыялах зборніка ўпершыню ў беларускай гістарыяграфіі прадстаўлены дакументы пра дзейнасць ЮНРРА ў Беларусі. Друкуецца пагадненне паміж урадам БССР і ЮНРРА, падпісанае ў Вашынгтоне 18 снежня 1945 г., якое прадугледжвала задавальненне заявак Беларусі на суму 61 млн дол., матэрыялы аб дзейнасці місіі ЮНРРА ў Беларусі (дак. № 33, 34, 39, 49, 57, 98, 99).

На падставе архіўных крыніц адлюстравана малавядомае пытанне пра тое, як міністр замежных спраў БССР К. Кісялёў прапанаваў у 1946 г. саюзнаму кіраўніцтву, каб СССР, УССР і БССР уступілі ў ЮНЕСКА. Але ў той час кіраўніцтва МЗС СССР, асабліва першы намеснік міністра А. Я. Вышыньскі, лічыла немэтазгодным уступаць у арганізацыю, дзе панавала англа-амерыканская большасць. Уваход СССР, УССР і БССР у ЮНЕСКА адбыўся ў 1954 г. пасля прыходу да ўлады новага савецкага кіраўніцтва (дак. № 88, 89, 97).

У выніку вывучэння рассакрэчаных дакументаў з Архіва знешняй палітыкі Расійскай Федэрацыі раскрыта пытанне аб выхадзе СССР, УССР і БССР з Сусветнай арганізацыі аховы здароўя (СААЗ) ў лютым 1949 г. Адлюстравана перапіска паміж МЗС СССР і адміністрацыяй СААЗ па гэтым пытанні, у тым ліку намаганні СААЗ і заходніх дзяржаў вярнуць СССР, УССР і БССР у гэту арганізацыю (дак. № 113–124, 126–129, 132, 133). Змешчаны дакументы, якія адлюстроўваюць палітыку савецкага кіраўніцтва ў ААН і яе спецыялізаваных установах. Упершыню надрукаваны вытрымкі з дырэктыў Палітбюро ЦК ВКП(б) савецкім дэлегацыям, што накіроўваліся на сесіі Генеральнай Асамблеі ААН (дак. № 125, 130, 135, 137, 138, 149, 152, 153).

У зборніку прадстаўлены дакументы і матэрыялы аб становішчы беларускай палітычнай эміграцыі ў 1944–1945 гг. і першыя пасляваенныя гады. У прыватнасці, паказаны знешнепалітычныя канцэпцыі і акцыі беларускай эміграцыі, яе спробы вывесці «беларускае пытанне» на міжнародны ўзровень, палітычная дзейнасць эміграцыі ў ЗША. Гэта праблематыка абмяркоўвалася на старонках эмігранцкай газеты «Бацькаўшчына», вытрымкі з матэрыялаў якой падаюцца ў выданні (дак. № 69, 102, 108–111, 138–144 і інш.).

Падагульняючы характарыстыку кожнага з тамоў, адзначым, што ва ўсё выданне ўвайшлі крыніцы з архіваў 6 дзяржаў: Беларусі, Вялікабрытаніі, Германіі, Літвы, Польшчы і Расіі. У прыватнасці, выкарыстаны матэрыялы трох расійскіх архіваў: Архіва знешняй палітыкі Расійскай Федэрацыі, Дзяржаўнага архіва Расійскай Федэрацыі, Расійскага дзяржаўнага архіва сацыяльна-палітычнай гісторыі; двух польскіх архіваў: Архіва новых актаў і Архіва Міністэрства замежных спраў Польскай Рэспублікі. Уключаны апублікаваныя дакументы і матэрыялы (цалкам ці ўрыўкі) з гісторыка-дыпламатычных зборнікаў Вялікабрытаніі, Германіі, ЗША, Літвы, Польшчы, Расіі, былога СССР, агульнасаюзнай, беларускай, амерыканскай, французскай прэсы, мемуары і перапіска дзяржаўных дзеячаў, палітыкаў і дыпламатаў, апублікаваныя дакументы і матэрыялы з гісторыка-дыпламатычных зборнікаў Вялікабрытаніі, Германіі, ЗША, Літвы, Польшчы, Расіі, былога СССР. Шмат дакументаў і матэрыялаў публікуюцца ў перакладзе з замежных моў (англійскай, нямецкай, польскай, французскай). Усяго ў пяці кнігах зборніка апублікавана 1216 дакументаў і матэрыялаў з архіваў і гісторыка-дыпламатычных выданняў пераважна замежных дзяржаў, якія дагэтуль былі малавядомыя і цяжкадаступныя для беларускіх чытачоў.

Складальнікі тома шырока выкарысталі замежныя публікацыі па знешняй палітыцы асобных дзяржаў, у якіх знайшлі шэраг

цікавых дакументаў і звестак пра Беларусь, яе ўзаемаадносіны з суседнімі народамі і заходнімі дзяржавамі, палітыку замежных дзяржаў адносна Усходняй Еўропы ўвогуле і Беларусі ў прыватнасці. Гэта такія выданні, як: *Akten zur Deutschen Auswaertigen Politik* (Акты нямецкай знешняй палітыкі). 1918–1945; *Documents on British Foreign Policy* (Дакументы брытанскай знешняй палітыкі). 1919–1939; *Documents on British Policy Overseas* (Дакументы брытанскай заморскай палітыкі) пасля 1945 г.; *Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers* (Знешнія адносіны Злучаных Штатаў. Дыпламатычныя паперы); *Akty i dokumenty dotyczace sprawy granic Polski na konferencji pokojowej w Paryżu 1918–1919* (Акты і дакументы па праблеме межаў Польшчы на мірнай канферэнцыі ў Парыжы); *Dokumenty z dziejów polskiej polityki zagranicznej 1918–1939* (Дакументы з гісторыі польскай знешняй палітыкі); *Sprawy polskie na konferencji pokojowej w Paryżu w 1919 r. Dokumenty i materiały* (Польская праблема на мірнай канферэнцыі ў Парыжы ў 1919 г. Дакументы і матэрыялы); *Polskie dokumenty dyplomatyczne* (польскія дыпламатычныя дакументы) і інш.

Выданне чатырохтомнага зборніка дакументаў і матэрыялаў аб палітыцы замежных дзяржаў адносна Беларусі, на думку спецыялістаў, мае не толькі навуковае і адукацыйнае, але і грамадска-палітычнае значэнне. Гэта адзначалі і рэцэнзенты [9]. Навуковае вывучэнне знешнепалітычнай спадчыны Беларусі і іншых замежных дзяржаў, якія мелі значны інтарэс да Беларусі, публікацыя дакументаў па гэтай тэматыцы будзе садзейнічаць умацаванню гістарычнай і міжнародна-прававой легітымнасці беларускай дзяржаўнасці.

Беларускія знешнепалітычныя эксперты і супрацоўнікі Міністэрства замежных спраў Рэспублікі Беларусь атрымалі з гэтым выданнем унікальны гістарычны і даведчны матэрыял, які дазволіць больш эфектыўна і абгрунтавана рыхтаваць прапановы і дырэктывы для распрацоўкі і правядзення знешнепалітычнай лініі беларускай дзяржавы адносна асобных дзяржаў, улічваючы гістарычныя асаблівасці адносін паміж Беларуссю і гэтымі дзяржавамі. На падставе матэрыялаў зборніка калектывам супрацоўнікаў МЗС Рэспублікі Беларусь у 2008 г. было падрыхтавана электроннае выданне «Беларусь. Свой пасад меж народамі. Факты і дакументы вонешних связей в XX веке. Беларусь. Свой пасад між народамі. Факты і дакументы знешніх сувязей у XX стагоддзі» [1].

Матэрыялы выдання знайшлі выкарыстанне ў навучальным працэсе вышэйшай школы пры выкладанні вучэбных дысцыплін «Гісторыя знешняй палітыкі Беларусі», «Гісторыя міжнародных адносін», «Асновы дыпламатычнай службы» і спецкурсаў, у навуковай літаратуры (як айчынай, так і замежнай)

пры напісанні манаграфічных даследаванняў і абагульняючых прац па гісторыі Беларусі і яе знешнепалітычнай дзейнасці.

У сувязі з завяршэннем у 2014 г. яшчэ аднаго важнага гісторыка-дакументальнага дыпламатычнага выдання «Знешняя палітыка Беларусі: зборнік дакументаў і матэрыялаў», якое выйшла ў 10 тамах, аўтар у сваім артыкуле з гэтай нагоды канстатаваў прарыў, зроблены беларускімі гісторыкамі і архівістамі ў справе публікацыі дакументаў і матэрыялаў па знешнепалітычнай гісторыі Беларусі перыяду ХХ — пачатку ХХІ ст. [11, с. 33—34]. Гэты прарыў здзейснены за адносна кароткі

прамежак часу — паміж 1997 і 2015 г., прытым самымі плённымі сталі 2012—2015 гг., калі ўбачылі свет 7 тамоў з трох завершаных серыйных выданняў (да 3-га выдання трэба залічыць 2-томную працу «Государственные границы Беларуси»). Важкі ўклад у гэта навуковае дасягненне ўнеслі супрацоўнікі кафедры міжнародных адносін факультэта міжнародных адносін БДУ, якія такім чынам замацавалі навуковы прыярытэт беларускай школы міжнародных даследаванняў у галіне публікацыі дакументаў па гісторыі знешняй палітыкі і дыпламатыі Беларусі ХХ — пачатку ХХІ ст.

Пералік тамоў зборніка з бібліяграфічным апісаннем

1.1. *Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1914—1991 гг.): зб. дак. і матэрыялаў. У 4 т. Т. 1: 1 жніўня 1914 г. — 18 сакавіка 1921 г. Ч. 1: 1 жніўня 1914 г. — 31 снежня 1919 г. — Мінск: Юніпак, 2008. — XLII, 539 с.*

1.2. *Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1914—1991 гг.): зб. дак. і матэрыялаў. У 4 т. Т. 1: 1 жніўня 1914 — 18 сакавіка 1921 гг. Ч. 2: 3 студзеня 1920 — 18 сакавіка 1921 гг. / М-ва замеж. спраў Рэсп. Беларусь, Беларус. дзярж. ун-т, Нац. архіў Рэсп. Беларусь. — Мінск: Юніпак, 2008. — 393 с.*

Складальнікі: А. Ф. Вялікі, Г. А. Космач, Р. Р. Лазько, У. Л. Сакалоўскі, А. П. Салькоў, У. Е. Снапкоўскі, А. В. Ціхаміраў, А. В. Шарапа.

Рэдакцыйная калегія: С. М. Мартынаў (старшыня), А. В. Шарапа (намеснік старшыні), У. Е. Снапкоўскі (адказны рэдактар), Г. А. Космач, Р. Р. Лазько, А. П. Салькоў, А. В. Ціхаміраў.

Зборнік уключае дакументы і матэрыялы аб палітыцы суседніх (Расія, Польшча, Латвія, Літва і Украіна) і заходніх (Германія, Вялікабрытанія, ЗША, Францыя) дзяржаў адносна Беларусі, яе дзяржаўных утварэнняў (БНР, Літбел і БССР), тэрыторый, межаў, насельніцтва, народнай гаспадаркі, дзяржаўнага ладу, палітычных партый і грамадскіх рухаў, знешнепалітычнай арыентацыі. Прадстаўлены таксама тагачасныя навуковыя і публіцыстычныя ўяўленні пра Беларусь замежных аўтараў.

2. *Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1914—1991 г.): зб. дак. і матэрыялаў. У 4 т. Т. 2: 19 сакавіка 1921 г. — 31 жніўня 1939 г. / М-ва замеж. спраў Рэсп. Беларусь, Беларус. дзярж. ун-т, Нац. архіў Рэсп. Беларусь. — Мінск: Юніпак, 2012. — 480 с.*

Складальнікі: А. Ф. Вялікі, Г. А. Космач, Р. Р. Лазько, А. М. Літвін, У. В. Ляхоўскі, У. Л. Сакалоўскі, У. Е. Снапкоўскі, А. В. Ціхаміраў, А. В. Шарапа.

Рэдакцыйная калегія: С. М. Мартынаў (старшыня), А. В. Шарапа (намеснік старшыні), У. Е. Снапкоўскі (адказны рэдактар), Р. Р. Лазько, А. М. Літвін, А. В. Ціхаміраў.

У зборніку змешчаны дакументы і матэрыялы аб палітыцы суседніх (перш за ўсё Польшча і Літва) і заходніх (Германія, Вялікабрытанія, ЗША, Францыя) дзяржаў адносна Беларусі і яе дзяржаўных утварэнняў (БНР і БССР). Адлюстраваны палітыка савецкага кіраўніцтва да БССР і БНР, а таксама тагачасныя навуковыя і публіцыстычныя ўяўленні пра Беларусь замежных аўтараў.

3. *Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1914—1991 гг.): зб. дак. і матэрыялаў. У 4 т. Т. 3: 1 верасня 1939 г. — 3 ліпеня 1944 г. / М-ва замеж. спраў Рэсп. Беларусь, Беларус. дзярж. ун-т, Нац. архіў Рэсп. Беларусь. — Мінск: Юніпак, 2010. — 444 с.*

Складальнікі: А. Ф. Вялікі, Р. Р. Лазько, У. Л. Сакалоўскі, У. Е. Снапкоўскі, А. В. Ціхаміраў, А. В. Шарапа.

Рэдакцыйная калегія: С. М. Мартынаў (старшыня), А. В. Шарапа (намеснік старшыні), У. Е. Снапкоўскі (адказны рэдактар), Г. А. Космач, Р. Р. Лазько, А. П. Салькоў, А. В. Ціхаміраў.

4. *Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1914—1991 гг.): зб. дак. і матэрыялаў. У 4 т. Т. 4: 4 ліпеня 1944 г. — 25 жніўня 1991 г. / М-ва замеж. спраў Рэсп. Беларусь, Беларус. дзярж. ун-т, Нац. архіў Рэсп. Беларусь. — Мінск: Юніпак, 2015. — 448 с.*

Складальнікі: У. Е. Снапкоўскі, А. В. Ціхаміраў, А. В. Шарапа, А. Ф. Вялікі.

Рэдакцыйная калегія: С. М. Мартынаў (старшыня), А. В. Шарапа (намеснік старшыні), У. Е. Снапкоўскі (адказны рэдактар), А. В. Ціхаміраў.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Беларусь. Свой посад меж народамі. Факты і дакументы знешніх сувязей в XX веке = Беларусь. Свой посад між народамі. Факты і дакументы знешніх сувязей у XX стагоддзі / М-во иностр. дел Респ. Беларусь; подг. В. Счастный [и др.]. — Минск, 2008.
2. Внешняя политика Беларуси в исторической ретроспективе: материалы междунар. науч. конф., Минск, 24—25 мая 2002 г. / редкол.: В. Астапенко [и др.]. — Минск: Адукацыя і выхаванне, 2002. — 276, [3] с.
3. Вялікі, А. Ф. Беларусь — Польшча ў XX стагоддзі. Невядомая рэпатрыяцыя. 1955—1959 гг. / А. Ф. Вялікі. — Мінск: Нац. архіў Рэсп. Беларусь, 2007. — 272 с.
4. Вялікі, А. Ф. На раздарожжы. Беларусы і палякі ў час перасялення (1944—1946 гг.) / А. Ф. Вялікі. — Мінск: БДПУ імя Максіма Танка, 2005. — 319 с.
5. Гісторыя Беларусі. У 6 т. Т. 5. Беларусь у 1917—1945 гг. — Мінск: Экаперспектыва, 2006. — 613 с.
6. Гісторыя Беларусі. У 6 т. Т. 6. Беларусь у 1946—2009 гг. — Мінск: Сучас. шк., 2011. — 728 с.
7. Круталевич, В. А. История Беларуси: становление национальной державности (1917—1922 гг.). 2-е изд., доп. / В. А. Круталевич. — Минск: Право и экономика, 2003. — 585 с.
8. Ладзьсеў, У. Ф. Паміж Усходам і Захадам. Станаўленне дзяржаўнасці і тэрытарыяльнай цэласнасці Беларусі (1917—1939 гг.) / У. Ф. Ладзьсеў, П. І. Брыгадзін. — Мінск: БДУ, 2003. — 308 с.
9. Мязга, М. Рэцэнзія на кнігу «Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1914—1991 гг.): зборнік дакументаў і матэрыялаў». У 4 т. Т. 3: 1 верасня 1939 г. — 3 ліпеня 1944 г.» / М. Мязга, А. Дуброўка // Беларус. гіст. часопіс. — 2012. — № 4. — С. 76—78.
10. Снапкоўскі, У. Е. Гісторыя знешняй палітыкі Беларусі: вучэб. дапам. для студэнтаў фак. міжнар. адносін. У 2 ч. Ч. 2: Ад канца XVIII да пачатку XXI ст. / У. Е. Снапкоўскі. — Мінск: БДУ, 2004. — 303 с.
11. Снапкоўскі, У. Е. Да выхаду ў свет 10-томнага выдання «Знешняя палітыка Беларусі: зборнік дакументаў і матэрыялаў» / У. Е. Снапкоўскі // Журн. междунар. права и междунар. отношений. — 2015. — № 1. — С. 30—36.
12. Снапковский, В. Е. История внешней политики Беларуси: пособие / В. Е. Снапковский. — Мінск: БГУ, 2013. — 495 с.
13. Туронак, Ю. Беларусь пад нямецкай акупацыяй / Ю. Туронак. — Мінск: Беларусь, 1993. — 236 с.
14. Ціхаміраў, А. В. Беларусь у сістэме міжнародных адносін перыяду пасляваеннага ўладкавання Еўропы і польска-савецкай вайны (1918—1921 гг.) / А. В. Ціхаміраў. — Мінск: Экаперспектыва, 2003. — 400 с.

Артыкул паступіў у рэдакцыю ў сакавіку 2016 г.

АФРИКАНСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ БРАЗИЛИИ В НАЧАЛЕ XXI в.

Светлана Малая, Александр Челядинский

В статье рассмотрены политические, экономические и культурные аспекты взаимодействия Бразилии со странами африканского континента в начале XXI в. Взаимоотношения Бразилии со странами Африки сформировались на основе исторической, этнической и культурной общности, что дает основание латиноамериканскому государству заявлять о них как об «особых». На современном этапе бразильская внешняя политика характеризуется усилением активности в данном направлении. Это нашло проявление в серии инициатив по укреплению сотрудничества по линии «Юг — Юг».

Ключевые слова: Африка, Бразилия, взаимодействие, внешняя политика, отношения.

«African Direction of Brazil's Foreign Policy at the Beginning of the XXI Century» (Svetlana Malaya, Alexandr Chelyadinsky)

The article considers political, economic and cultural aspects of cooperation between Brazil and countries of the African continent at the beginning of the XXI century. Relations between Brazil and African countries were formed on the basis of a common history, ethnicity, and culture that gives this Latin American country grounds to declare them as «special». Contemporary Brazilian foreign policy is characterized by an increased activity in this area. It found reflection in a series of initiatives to strengthen the «South — South» cooperation.

Keywords: Africa, Brasil, cooperation, foreign policy, relations.

Authors:

Malaya Svetlana — master-student of the Department of International Relations of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: svetlana.malaya2015@mail.ru

Chelyadinsky Alexandr — Doctor of Sciences (History), Professor of the Department of International Relations of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: kir@bsu.by
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., 220030, Minsk, BELARUS

В данной статье авторы сделали попытку проанализировать основные движущие факторы, способствующие сближению Бразилии со странами африканского континента. При рассмотрении данной проблемы, имеющей большое политическое и научное значение для Республики Беларусь, авторы отмечают явный недостаток научных работ по данной проблеме в нашей стране. Она рассматривается только в контексте монографии С. А. Лашкевича и А. А. Челядинского [5]. Открытие в Минске посольства Бразилии дает и ученым, и практикам возможность изучить важнейшие направления 200-миллионной страны, которая в настоящее время входит в первую десятку экономик планеты. В процессе написания статьи использовались как зарубежные источники, так и иссле-

дования белорусских авторов. Особого внимания заслуживает работа А. А. Челядинского [7]. В книге автор уделяет внимание развитию бразильско-африканских отношений, дает развернутое описание проектов двустороннего сотрудничества. В 2008 г. российский историк Н. В. Чернышова защитила кандидатскую диссертацию «Внеконтинентальные направления внешней политики Бразилии на современном этапе (1995—2006 гг.)» [9]. Заслуживают внимания также работы И. Архипова [1], А. Ю. Борзовой [2], В. Зайцева [3], Б. Ф. Мартынова [6], посвященные внешней политике Бразилии. В западной и бразильской историографии существует большое количество работ, посвященных смене современной расстановки сил на мировой сцене, вызванным все возрастающими претензиями Бразилии на из-

Авторы:

Малая Светлана Дмитриевна — магистрант кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета, e-mail: svetlana.malaya2015@mail.ru

Челядинский Александр Александрович — доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета, e-mail: kir@bsu.by
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Рецензенты:

Фрольцов Владислав Валерьевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Володькин Андрей Александрович — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра истории геополитики Института истории Национальной академии наук Беларуси

менение своего международного статуса. Среди работ, предметом исследования которых является политика Бразилии на африканском континенте, можно отметить работу А. К. Альвес [10], а также статью Р. Мюге и Н. Томпсона [18].

В XXI в. Бразилия усилила присутствие в Африке не только в плане торговли и инвестиций. В дальнейшем планируются помощь стран континента в их социально-экономическом развитии, а также возможности установления союзнических отношений с африканскими, особенно с португалоязычными, странами. Это в значительной степени обусловлено президентством Лулы да Силвы, твердо приверженного идее объединить голоса стран Юга. На современном этапе сдвиг внешней политики Бразилии в сторону Африки определяется несколькими факторами. **В широком политическом смысле** первостепенная задача состоит в том, чтобы способствовать появлению больших возможностей для участия стран глобального Юга в создании нового миропорядка. **Более узкая политическая цель** заключается в обеспечении ключевой роли Бразилии в этом процессе. И, наконец, более **прагматичная цель** — это содействие расширению экономических интересов Бразилии в Африке.

Для достижения первых двух целей Бразилия использовала «мягкую силу», т. е. способность добиваться желаемого на основе добровольного участия союзников, а не с помощью принуждения, взяв на себя обязательства по сотрудничеству в области развития [20]. Тем не менее, вслед за быстрой экономической экспансией и расширением присутствия Бразилии в странах Африки необходимые там внутренние институциональные преобразования не последовали. Это породило проблемы и наращивания темпов взаимодействия. В своей работе бразильский исследователь А. Альвес отмечает, что хотя Бразилии и удалось в течение очень короткого времени успешно проявить себя как надежного партнера по развитию африканских стран, их внутреннее политическое устройство угрожает устойчивости этого проекта. Дальнейшая успешность данного проекта зависит и от способности Бразилии приспособить свои институты, работающие на Африку, таким образом, чтобы исключить противоречия между риторикой и реальными делами [10, р. 37].

С 1990-х гг. интерес международного сообщества к Африке стал возрастать. Расширение экономических отношений с Африкой является одним из приоритетных направлений внешней политики Бразилии. Правительство Ф. Э. Кардозу дало во второй половине 90-х гг. XX в. новый импульс сотрудничеству со странами Африки после спада отношений в конце 1980-х — начале 1990-х гг., делая упор на торговлю и техническое сотрудничество. Однако

особую активность привнес Луис Инасиу Лула да Силва в контексте выстраивания отношений по линии «Юг — Юг» при позиционировании Бразилии как одного из лидеров единого фронта развивающихся государств. В годы своего президентства Лула да Силва посетил Африку с официальными визитами 12 раз и побывал в 29 странах африканского континента. Не менее 19 из 37 бразильских посольств, действующих в Африке, открыли свои двери в течение последнего десятилетия; 18 из 34 африканских посольств в Бразилиа были открыты в течение того же периода [1].

Прочные исторические связи Бразилии и Африки ведут свое начало еще с XVI в., когда чернокожие рабы были перевезены в Южную Америку для работы на сахарных плантациях. Африканцы, наряду с индейцами и европейцами, сыграли важную роль в формировании бразильской нации и внесли крупный вклад в создание бразильского государства. В результате сложилась взаимосвязанность и близость африканских стран с Бразилией, которая рассматривает их как сферу своих особых интересов [9, с. 12]. При этом в Бразилии на государственном уровне признается «исторический долг» перед Африкой. Президент Бразилии Лула да Силва так определил приоритеты для своего континента: «Исторически Латинская Америка всегда смотрела в направлении Соединенных Штатов или Европы. Такое положение дел было необходимо в определенную эпоху. Но вместе с процессами глобализации, технологическим продвижением развивающихся стран мы обязаны утвердить нашу южно-американскую и латиноамериканскую идентичность и изучить все возможные формы помощи, необходимые для совместного развития» [4].

Выборы 2010 г. внесли коррективы во внешнеполитический курс Бразилии. Кандидат и будущий президент Дилма Руссефф пообещала продолжать и укреплять отношения Бразилии с развивающимися странами. Тем не менее, ее конкурент Жозе Серра надеялся переориентировать внешнюю политику Бразилии, чтобы улучшить латиноамериканские отношения [21]. Несмотря на предвыборные заявления президента Д. Руссефф, она, на самом деле, дистанцировалась от бразильско-африканских отношений. Одной из причин этого стала критика политики реструктуризации долга для 12 африканских стран, о которой Д. Руссефф объявила в 2013 г. [13].

Центром активности Бразилии в Африке стали **португалоязычные страны континента** — Ангола, Мозамбик, Гвинея-Бисау, Сан-Томе и Принсипи, Кабо-Верде, которые сегодня занимают приоритетное место во внешней политике Бразилии.

Национальный банк развития (*BNDES*) выдал примерно 2,9 млрд дол. США для финансирования проектов в Африке с 2007 г. [18]. Пра-

вительство финансирует проекты экономического развития в Мозамбике, Анголе и Нигерии через Бразильское агентство по сотрудничеству (ABC) и Бразильскую корпорацию сельскохозяйственных исследований (EMBRAPA). Частные корпорации инвестируют в нефтяную, горнодобывающую и строительную промышленность в Ливии, Намибии и Танзании [11, р. 5]. Государственная нефтегазовая компания «Petrobras» работает в Анголе, Ливии, Мозамбике, Нигерии, Алжире, Сенегале и Танзании. Одна из крупнейших горнорудных компаний мира — бразильская «Vale» — представлена в Гвинее, Габоне, Демократической Республике Конго, Анголе, Замбии, Мозамбике, ЮАР. В Мозамбике горнодобывающий гигант «Vale» начал проект стоимостью 6 млрд дол. США. Бразильский промышленный конгломерат «Odebrecht» активно участвует в Африке в гражданском строительстве, энергопроектах, владеет долей в алмазодобывающем предприятии «Catoca» (Ангола). Помимо Анголы компания работает в Ливии, Либерии, Мозамбике, Джибути [3].

В Африке бразильские компании используют особую бизнес-модель. Они стараются набирать и обучать местную рабочую силу, тогда как, например, китайские инвесторы импортируют свою собственную рабочую силу, а также развивать местное производство. В Анголе бразильская строительная компания «Odebrecht» является одним из крупнейших работодателей.

Бразильские разработки в сфере сельского хозяйства и биоэтанола привлекли надежных партнеров в некоторых частях Африки. В 2008 г. в Гане открылся филиал бразильской госагрокорпорации «Embrapa», которая внедряет новые технологии в производство этанола. В региональной инициативе EMBRAPA «хлопок 4 + Того» участвуют Бенин, Буркина-Фасо, Чад, Мали и Того. Инициатива призвана помочь пяти африканским странам в развитии хлопкового сектора, повышении производительности труда, создании генетического разнообразия и улучшении качества выращиваемого продукта [15]. Стоит признать, что проекты развития индустрии биотоплива представляют собой реальный вклад в инновационную экономику и основу для кооперации стран развивающегося мира.

Главным африканским партнером Бразилии является ЮАР, приоритет которой отдается наравне со странами Сообщества португалоязычных стран (CPLP). С приходом к власти Лулы да Силвы отношения Бразилии с ЮАР активизировались. В Латинской Америке Бразилия является главным торговым партнером ЮАР. Однако список товаров, составляющих товарооборот двух стран, весьма ограничен. В экспорте Бразилии в ЮАР практически отсутствует сельскохозяйственная продукция. 21 % всего экспорта в Южную Афри-

ку приходится на автомобильную промышленность. В свою очередь Южная Африка экспортирует в Бразилию уголь, драгоценные камни и промышленное сырье. В 2009 г. оборот двусторонней торговли составил 1,692 млрд дол. США. Основные отрасли сотрудничества — торговля, промышленность, наука и технологии, сельское хозяйство, оборона, туризм, охрана окружающей среды [8, с. 250]. Политический и экономический потенциал двусторонних отношений, а также отношений в рамках форума IBSA дополняется тем, что фактически ЮАР и Бразилия в своем диалоге представляют крупнейшие регионы развивающегося мира — Южную Америку и Африку к югу от Сахары. Кроме того, оба государства являются членами БРИКС. ЮАР и Бразилии принадлежат ведущая роль в интенсификации сотрудничества между региональными торговыми и интеграционными объединениями — МЕРКОСУР и Таможенным союзом Южной Африки (SACU), Сообществом развития Южной Африки (SADC) и Общим рынком Восточной и Южной Африки (COMESA).

Ведущий бразильский инвестиционный банк «BTG Pactual» учредил фонд в объеме 1 млрд дол. США для инвестиции в африканские проекты. Среди новых направлений сотрудничества можно отметить бразильские сельскохозяйственные предприятия в Судане, новый рейс из Аддис-Абебы, столицы Эфиопии, в Сан-Паулу и строительство волоконно-оптического кабеля, который соединит Африку и Бразилию в 2016 г. [22]. Рост торговли произошел вследствие частных инвестиций в добычу нефти и сельскохозяйственной помощи от EMBRAPA, которые увеличили производство и расширили оба рынка. Открытие офиса BNDES в Южной Африке в конце 2013 г. подчеркивает значение, которое Бразилия придает партнерским отношениям с континентом.

Как уже отмечалось, в настоящее время Бразилия активно использует «мягкую силу». В рамках продвижения бразильской культуры в стране открылся Федеральный университет Лузо-Афро-Бразильской интеграции (UNILAB), который предлагает курсы для студентов из португалоязычных стран, включая Анголу, Гвинею-Бисау, Мозамбик, Сан-Томе и Принсипи [2, с. 34]. В 2004 г. Министерство социального развития и борьбы с голодом Бразилии начало предоставлять техническую помощь африканским правительствам в разработке и реализации программ социальной защиты, предлагая свой собственный опыт в разработке социальных программ, таких как *Bolsa Familia* и *Minha Casa Minha Vida*. В Мозамбике правительством Бразилии ведется строительство завода по производству антиретровирусных препаратов для борьбы со СПИДом. В целях развития инфраструктуры и строительства новых дорог в Найроби Бразилией выдан кре-

дит Кении в размере 150 млн дол. США. Ангола и Бразилия заключили соглашение, которое предусматривает подготовку ангольских военнослужащих в Бразилии. На страны Африки приходится около 55 % выплат Бразильского агентства по сотрудничеству, которое курирует проекты по оказанию помощи за рубежом [12]. В общей сложности бразильская помощь зарубежным странам превышает 1 млрд дол. США. Большая часть бразильской помощи также идет в адрес стран Латинской Америки и в Восточный Тимор, бывшую португальскую колонию в Юго-Восточной Азии [23].

Бразилия развивает институциональные связи с Африкой через форум *IBSA*, саммиты Африки и Южной Америки (*ASA*), а также через Зону мира и сотрудничества в Южной Атлантике (*Zoracas*) и Сообщество португалоязычных стран (*CPLP*).

CPLP было создано 17 июля 1996 г. в Лиссабоне и объединяет страны, в которых португальский язык является официальным государственным языком. В содружество входят Португалия, Ангола, Бразилия, Гвинея-Бисау, Кабо-Верде, Мозамбик, Сан-Томе и Принсипи, Восточный Тимор и Экваториальная Гвинея [см.: 14]. В рамках сообщества активное развитие получили научно-техническое сотрудничество, экономическая сфера, образование и сотрудничество в вопросах безопасности (под эгидой *CPLP* проводятся совместные военные учения). В сфере здравоохранения самыми значимыми и масштабными являются проекты по борьбе с ВИЧ/СПИД и малярией. Сообщество португалоязычных стран совместно с Продовольственной и сельскохозяйственной организацией ООН (ФАО) реализует проекты в области глобальной продовольственной безопасности [16].

В рамках политического сотрудничества страны — члены *CPLP* поддерживают идею реформирования ООН, в том числе и расширение Совета Безопасности после включения в его состав шести новых постоянных членов: по одному от Америки и Европы и по два от Африки и Азии. В качестве постоянного члена, представляющего Латинскую Америку и страны Карибского бассейна, страны — члены *CPLP* поддерживают Бразилию [8, с. 242].

Однако ввиду нестабильной политической и экономической обстановки в португалоязычных странах Африки на сегодняшний день торгово-экономическое сотрудничество остается пока на низком уровне. К тому же *CPLP* не удалось выработать четкую позицию в ООН, сообщество продолжает оставаться второстепенной организацией даже на африканском континенте.

В 2003 г. в Бразилиа была подписана декларация об образовании диалогового Форума Индии, Бразилии и ЮАР (*IBSA*). Это не просто «традиционная» инициатива «Юг — Юг»,

а скорее стратегия сотрудничества трех больших мультикультурных и многорасовых стран-единомышленников с трех континентов, отверженных устойчивому развитию, благосостоянию своих народов и народов развивающегося мира. Здесь важно то, что эти три страны без истории стратегического партнерства собрались вместе в процессе обоюдной солидаризации. Цель *IBSA* — углубление трехстороннего сотрудничества, стимулирование взаимных торговых обменов и унификация позиций на международных форумах. Форум предоставляет трем странам платформу для дискуссий о сотрудничестве в области сельского хозяйства, торговли, культуры и обороны. Еще одной перспективной областью сотрудничества стран — участниц форума *IBSA* является военно-техническая сфера. В настоящий момент Бразилия и Индия реализуют программы модернизации своего военно-морского флота, а специалисты из ЮАР имеют большой опыт эксплуатации и обслуживания современных судов, таких как фрегаты класса МЕКО и подводные лодки типа 209/1400. Кроме того, ЮАР занимает стратегическое положение между Индийским и Атлантическим океанами, что делает эту страну еще более важным партнером для Индии и Бразилии. Примером подобного стратегического сотрудничества может быть *IBSAMAR* — программа совместных учений военно-морских сил Бразилии, Индии и ЮАР, проводящихся раз в два года с 2008 г. [9]. К важнейшим направлениям деятельности *IBSA* относится реализация интересов стран-членов в ВТО и ЮНКТАД. Осуществляется также ведется сотрудничество в сфере нанотехнологий, исследования космоса, борьбы со СПИДом. Диалоговый форум *IBSA* способствовал укреплению трехстороннего сотрудничества Индии, Бразилии и Южной Африки в отраслевых областях. В торгово-экономической области трехсторонний торговый оборот увеличился с 10 млрд дол. США в 2007 г. до 15 млрд дол. США в 2010 г. [24, р. 11]. В 2015 г. объем трехсторонней торговли достиг 23 млрд дол. США. [17].

Особое внимание в деятельности *IBSA* уделяется координации политики в рамках многосторонних институтов, таких как ВТО и ООН. Индия, Бразилия и ЮАР выступают за укрепление роли ООН в международных делах и реформирование организации за счет увеличения количества постоянных и непостоянных членов Совета Безопасности ООН. *IBSA* также выступает за искоренение нищеты и голода, тем самым отражая стремление Бразилии внести вклад в более справедливый и демократический мир. Форуму принадлежала идея создания коалиции развивающихся стран *G20*, которая в контексте переговоров в рамках ВТО настаивает на либерализации рынков сельскохозяйственной продукции в развитых странах. *IBSA* стремится сделать значительный вклад в

рамках сотрудничества «Юг — Юг» и сыграть положительную роль в развитии человеческого общества [19].

Африканская политика Бразилии придает особое значение своим традиционным и историческим связям с государствами Африки. В отличие от других стран, наращающих свое присутствие в Африке, например Китая, Бразилия, располагающая огромными запасами нефти, не стремится к захвату и контролю природных ресурсов африканских стран. Вместо этого Африка рассматривается как рынок сбыта для продукции бразильского сельского хозяйства, агротехники, а также в качестве территории, на которую может быть перенесена часть производственных мощностей.

В основном за счет прежней активной позиции Л. да Сильвы Бразилия все чаще рассматривается в качестве надежного партнера в области развития как в Африке, так и вне ее. Несмотря на то, что Бразилия имеет меньший масштаб взаимодействия с континентом, чем другие восходящие державы, такие как Китай, она находится в более выгодном положении, подкрепленном рядом важных сравнительных преимуществ, которые в перспективе обещают более эффективные решения африканских проблем в области развития. Помимо культурной и языковой близости значительное географическое сходство дает Бразилии преимущество, особенно в отношении сотрудничества в сфере сельского хозяйства. Практика сотрудничества Бразилии с континентом, подкрепившая обещания конкретными действиями за очень короткий период времени, позволила значительно расширить престиж Бразилии в регионе. Кроме этого, взаимодействие латиноамериканского гиганта с континентом подвергается меньшей критике со стороны традиционных доноров, которые, воспринимая Бразилию как более приемлемую форму сотрудничества «Юг — Юг». Солидарность с Африкой, однако, не исключает и другие задачи. Экономические отношения Бразилии и африканских стран приобрели важное значение с учетом того, что в настоящее время торговое и инвестиционное сотрудничество не ограничивается португалоязычными странами. По мере того как компании расши-

ряют свою деятельность на континенте, возникает проблема коммерческой деятельности частного сектора Бразилии, что представляет угрозу для ее образа лидера сотрудничества «Юг — Юг». Так как присутствие Бразилии в Африке расширяется, вполне вероятно, что возникнут серьезные трения между различными структурами, а также между правовыми нормами самой Бразилии и ее африканской практикой. Ввиду этого Д. Руссефф уже начала процесс реорганизации существующей институциональной структуры. Это не обязательно повлечет за собой уменьшение масштаба бразильско-африканских отношений, но будет означать снижение их интенсивности на время пересмотра подходов. Тем не менее, остается открытым вопрос, будет ли Бразилия придерживаться принципов солидарности сотрудничества «Юг — Юг», расширяя свое экономическое присутствие на африканском континенте [10, p. 44]. Возможно, на интенсивность отношений с Африкой повлияют расходы Бразилии, связанные с Олимпийскими играми 2016 г.

Считаем, что если Бразилия желает прочно закрепить свои позиции в Африке, она должна действовать на опережение в противовес Индии и Китаю. Экономические и демографические прогнозы показывают, что инвестиционные возможности в Африке претерпят изменения. В ближайшие десятилетия будет уделяться меньше внимания ресурсоемкой добывающей промышленности, которой уже переполнены рынки, и увеличится спрос на потребительские товары и услуги, особенно в области финансов, розничной торговли и информационных технологий [18]. Если бразильские инвесторы и агентства по развитию смогут приспособиться к этим изменениям на рынке, то, возможно, кооперация «Юг — Юг» останется продуктивной.

Таким образом, подводя итог анализа развития отношений Бразилии со странами Африки, необходимо отметить, что южноамериканской стране удалось за относительно короткий срок реализовать геостратегическую задачу по линии «Юг — Юг», установить и развивать по мере возможности весь комплекс отношений, которые помогли бы стране стать влиятельным субъектом в современном мире.

Список использованных источников

1. Архипов, И. Бразилия вступила в борьбу за Африку / И. Архипов [Электронный ресурс] // Информационное агентство InterRight. — 10.06.2012. — Режим доступа: <http://www.inright.ru/articles/economy/20120610/id_798/>. — Дата доступа: 21.05.2015.
2. Борзова, А. Ю. Бразилия — Африка: пример высокоэффективного и перспективного сотрудничества / А. Ю. Борзова // Азия и Африка сегодня. — 2013. — № 9. — С. 30—36.
3. Зайцев, В. Африка — активность Бразилии / В. Зайцев [Электронный ресурс] // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». — 21.10.2009. — Режим доступа: <<https://iq.hse.ru/news/177675427.html>>. — Дата доступа: 21.05.2015.
4. Кашкина, Е. В. Латинская Америка и Африка / Е. В. Кашкина [Электронный ресурс] // Политические изменения в Латинской Америке. — Режим доступа: <https://sites.google.com/site/latinoamerikanistika/arhiv-nomerov/2009-5/e-v-kaskina-latinskaa-amerika-i-afrika#_edn9>. — Дата доступа: 21.05.2015.
5. Лашкевич, С. А. Африка в современном мире / С. А. Лашкевич, А. А. Челядинский. — Минск: Право и экономика, 2010. — 321 с.

6. Мартынов, Б. Ф. Бразилия — гигант в развивающемся мире / Б. Ф. Мартынов. — М.: Наука, 2008. — 320 с.
7. Страны — участницы форума *IBSA* углубляют сотрудничество в сфере оборонных технологий [Электронный ресурс] // Ресурс машиностроения. — 31.06.2012. — Режим доступа: <http://www.i-mash.ru/news/zarub_sobytiya/24242-strany-uchastnicy-foruma-ibsa-uglubljajut.html>. — Дата доступа: 21.05.2015.
8. Челябинский, А. А. Бразилия в современном мире / А. А. Челябинский. — Минск: Право и экономика, 2012. — 335 с.
9. Чернышова, Н. В. Внеконтинентальные направления внешней политики Бразилии на современном этапе (1995—2006 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Н. В. Чернышова; МГИМО (У) МИД России. — М., 2008. — 24 с.
10. Alves, A. C. Brazil in Africa: Achievements and Challenges / A. C. Alves [Electronic resource] // ResearchGate. — February, 2013. — Mode of access: <http://www.researchgate.net/publication/251571557_Brazil_in_Africa_Achievements_and_Challenges>. — Date of access: 21.05.2015.
11. Brazil's Economic Engagement with Africa [Electronic resource] // The African Development Bank Group. — 11.05.2014. — Mode of access: <http://www.afdb.org/fileadmin/uploads/afdb/Documents/Publications/Brazil's_Economic_Engagement_with_Africa_rev.pdf>. — Date of access: 21.05.2015.
12. Brazil's Environmental Expedition to Africa: a Green Paradox [Electronic resource] // Global Analysis 2012. — 06.11.2012. — Mode of access: <<http://globalanalysis2012.blogspot.com.by/2012/11/brazils-environmental-expedition-to.html>>. — Date of access: 21.05.2015.
13. Brazil 'to write off' almost \$900m of African debt [Electronic resource] // BBC. — 25.05.2013. — Mode of access: <<http://www.bbc.com/news/world-latin-america-22669331>>. — Date of access: 21.05.2015.
14. Comunidade dos Países de Língua Portuguesa [Electronic resource]. — Mode of access: <<http://www.cplp.org/>>. — Date of access: 21.05.2015.
15. Cotton 4 + Togo [Electronic resource] // Empresa Brasileira de Pesquisa Agropecuária. — Mode of access: <<https://www.embrapa.br/cotton-4-togo>>. — Date of access: 21.03.2015.
16. FAO commits to a Hunger Free Community of Portuguese Language Countries [Electronic resource] // AllAfrica.com. — 23.06.2014. — Mode of access: <<http://allafrica.com/stories/201407251196.html>>. — Date of access: 21.05.2015.
17. India-Brazil-South Africa Dialogue Forum [Electronic resource]. — Mode of access: <<http://www.ibsa-trilateral.org/>>. — Date of access: 21.05.2015.
18. Muggah, R. What is Brazil Really Doing in Africa? / R. Muggah, N. Thompson [Electronic resource] // The Huffington Post. — 01.04.2015. — Mode of access: <http://www.huffingtonpost.com/robert-muggah/what-is-brazil-really-doi_b_6413568.html>. — Date of access: 21.04.2015.
19. New Delhi Agenda for Cooperation [Electronic resource] // India—Brazil—South Africa. — Mode of access: <http://ibsa.nic.in/new_delhi_agenda.htm>. — Date of access: 20.03.2015.
20. Nye, J. S. Jr. Soft Power. The means to success in world politics / J. S. Nye, Jr. [Electronic resource] // Foreign Affairs. — 01.05.2004. — Mode of access: <<https://www.foreignaffairs.com/reviews/capsule-review/2004-05-01/soft-power-means-success-world-politics>>. — Date of access: 20.04.2015.
21. Positions of Brazil's Leading Candidates [Electronic resource] // Reuters. — 11.01.2010. — Mode of access: <http://www.reuters.com/article/2010/01/11/brazil-election-issues-idUSN3013312120100111?loomia_ow=to:s0:a49:g43:r1:co.500000:b29738878:z>. — Date of access: 21.05.2015.
22. Undersea cable between Angola and Brazil in operation in 2016 [Electronic resource] // Macauhub. — 06.02.2015. — Mode of access: <<http://www.macauhub.com.mo/en/2015/02/06/undersea-cable-between-angola-and-brazil-in-operation-in-2016/>>. — Date of access: 20.04.2015.
23. Who's who among the 'new' aid donors? [Electronic resource] // The Guardian. — 25.10.2011. — Mode of access: <<http://www.theguardian.com/global-development/2011/oct/25/whos-who-new-aid-donors>>. — Date of access: 20.04.2015.
24. Woolfrey, S. The IBSA Dialogue Forum ten years on: Examining IBSA cooperation on trade / S. Woolfrey [Electronic resource] // Trade Law Centre for Southern Africa (TRALAC). — Mode of access: <<http://www.tralac.org/files/2013/08/S13TB052013-Woolfrey-IBSA-Dialogue-Forum-ten-years-on-20130827-fin.pdf>>. — Date of access: 21.03.2015.

Статья поступила в редакцию в мае 2016 г.

УЧАСТИЕ БЕЛОРУССКОЙ ССР В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЮНЕСКО И МЕНТАЛИТЕТ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА (1954—1964 гг.)

Светлана Свилас

В статье на основе архивных документов, советской и современной историографии, а также использования междисциплинарного и микроисторического подходов охарактеризованы менталитет и культура белорусского общества периода хрущевской «оттепели» и рассмотрено их противоречивое влияние на членство Белорусской ССР в ЮНЕСКО. Подчеркнуто, что участие в деятельности Организации стимулировало изучение языка, истории и культуры белорусского народа, а также достижений мировой культуры, способствовало росту профессионализма дипломатов и других белорусских участников сотрудничества с Организацией.

Ключевые слова: Беларусь, внешняя политика, дипломатия, междисциплинарность в истории, менталитет, «советская цивилизация», «человек советский», хрущевская «оттепель», ЮНЕСКО.

«BSSR' Participation in UNESCO Activities and Mentality of the Belarusian Society (1954—1964)» (Svetlana Svilas)

On the basis of archive documents, Soviet and modern historiography as well as with utilization of the interdisciplinary and micro-historical approaches, the article gives the characterization of the Belarusian society mentality and culture of the «Khrushchev thaw» period and analyses their contradictory impact on the BSSR' participation in UNESCO. It is emphasized that participation in the Organization's activities induced to learning the language, history and culture of the Belarusian people as well as achievements of the world culture, it also contributed to growth in professionalism of diplomats and other Belarusian participants within the cooperation with UNESCO.

Keywords: Belarus, diplomacy, foreign policy, interdisciplinarity in history, Khrushchev thaw, mentality, the «Soviet civilization», the «Soviet person», UNESCO.

Author:

Svilas Svetlana — Candidate of History (PhD), Associate Professor of the Department of International Relations of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: svilas@tut.by
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., 220030, Minsk, BELARUS

Исследование генезиса взаимодействия Беларуси и ЮНЕСКО, изучение и использование накопленного в этой области позитивного опыта содействуют реализации национальных интересов Республики Беларусь, ее позиционированию за рубежом в качестве ответственного и предсказуемого партнера. Одним из важных, но неизученных аспектов этой проблемы является менталитет и культура белорусского общества в годы хрущевской «оттепели». Понятие «менталитет» отражает специфику восприятия и переживания эпохи людьми, а также особенности их поведения. Он выражается в речи, манерах, деятельности, а на его формирование оказывают влияние не только природные задатки человека и самовоспитание, но и социально-культурные условия. В свою очередь, менталитет оказывает су-

щественное влияние на общественные процессы [12, с. 3, 16—18]. Цель данной статьи — на основе архивных документов [1; 26; 27], советской [2; 3; 16; 19; 20; 24; 25; 30] и современной историографии [9; 10; 15; 18; 31; 40—42], а также достижений социологии и психологии [8; 11; 12; 23] рассмотреть особенности менталитета белорусского общества в первое постсталинское десятилетие и его противоречивое влияние на сотрудничество Беларуси с ЮНЕСКО.

Автор исходит из того, что круг белорусских участников взаимодействия с ЮНЕСКО не ограничивался только делегатами на форумах Организации, стипендиатами, участниками ознакомительных поездок, а также сотрудниками министерств и ведомств, задействованными в переписке или других формах взаимодействия с Секретариатом. Он был гораз-

Автор:

Свилас Светлана Францевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета, e-mail: svilas@tut.by
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Рецензенты:

Космач Геннадий Аркадьевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой и новейшей истории исторического факультета Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка
Гайдукевич Леонид Михайлович — доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой международного туризма факультета международных отношений Белорусского государственного университета

до шире: это посетители и участники выставок, члены клубов интернациональной дружбы, читатели публикаций об Организации, слушатели лекций по линии Общества по распространению политических знаний БССР и выступлений белорусских дипломатов по радио и телевидению. С другой стороны, непосредственные участники сотрудничества с ЮНЕСКО были советскими людьми с присущим им менталитетом.

Психологи Л. Я. Гозман и А. М. Эткинд называли хрущевскую «оттепель» удивительным временем, которое останется, возможно, самым счастливым периодом советской истории. Ее психологическую сущность составляли механизмы инсайта (внезапного осознания реальности) и катарсиса (эмоционального эффекта очищения, сопровождающего инсайт). Причем Н. С. Хрущёв сделал многое, чтобы помочь людям достичь инсайта, но катарсический процесс был остановлен. «Советский синдром» определяется Л. Я. Гозманом и А. М. Эткиндром как ощущение принадлежности к великому народу; подвластности могущественному государству; безопасности среди равных друг другу людей, живущих общей жизнью и всегда готовых прийти на помощь; превосходства над порочным капиталистическим миром [8, с. 165—166, 168].

Социолог Ю. А. Левада констатировал формирование в период «оттепели» первого в советской истории поколения, свободного от массового страха и надеющегося на гуманизацию социализма. Люди, родившиеся в конце 20-х — начале 40-х гг. XX в., свои надежды возлагали преимущественно на реформистские возможности партийного руководства [23, с. 265—269]. Данные анкетирования, проводившегося Институтом общественного мнения «Комсомольской правды» на протяжении 1960—1964 гг., дали основание его директору Б. А. Грушину разделить советское общество на три группы: адептов власти, умеренных конформистов (они составляли большинство) и немногочисленных неконформистов, но по отношению к ЦК КПСС и правительству СССР — на две: позитивную и нейтральную. Он отмечал склонность советских людей периода «оттепели» к персонизации власти, традиционному выделению одного лидера [11, с. 534—538].

Отметим, что, по данным ЮНЕСКО, самым переводимым в мире автором был Н. С. Хрущёв [31, с. 323]. На партийных собраниях МИД БССР дипломаты выражали благодарность ЦК КПСС, возглавляемому Н. С. Хрущёвым, за заботу о благе советского человека, подчеркивая, что деятельность «дорогого Никиты Сергеевича» снискала Советскому Союзу «славу самого стойкого и самого последовательного борца за справедливость в международных делах, за освобождение народов, угнетенных колониализмом» [26, ф. 907, оп. 2, д. 30, л. 98;

д. 33, л. 64]. Заместитель министра культуры БССР П. В. Люторович отмечал у деятелей литературы и искусства наличие «чувства безграничной любви к родной Коммунистической партии», желание укреплять связь с жизнью народа, полнее отражать строительство коммунистического общества [24, с. 137].

Мир на Земле советские люди рассматривали как условие победы социализма в мировом масштабе, реализации грандиозных планов СССР и достижения личных целей. Респонденты, среди которых были студенты Витебского педагогического института и жители Гомельской области, продемонстрировали единодушные, оптимизм, отсутствие сомнений в своей правоте, достаточно высокий уровень информированности относительно проблем войны и мира. В то же время в ответах наблюдались засилье языковых штампов, почерпнутых из средств массовой информации, высокая степень зависимости людей от текстов официальной политики (о возможности мирного сосуществования двух систем, превосходстве советской военной мощи над американской), черно-белое восприятие мира: «мы» (лагерь социализма, борцы за мир, братья по классу) и «они» (империалисты). Ответы анкеты отражали гордость за успехи и оборонную мощь Родины, ее ведущие позиции в мире, полную лояльность по отношению к существующему в стране строю, поддержку власти и ее лидера [11, с. 69, 71, 90, 96—111]. Отметим, что в музее Великой Отечественной войны заместитель Генерального директора ЮНЕСКО Р. Майо в апреле 1961 г. оставил следующую запись: «Посещение этого музея, посвященного героизму белорусского народа, вызывает и укрепляет в сердце всякого человека отвращение к войне и веру в конечную победу свободы». Он признался, что экспозиция была для него неожиданностью, ему стали «гораздо лучше» понятны многие советские предложения [34].

Реакции респондентов на информацию о зарубежной жизни были характерны агрессивность или враждебность по отношению к «империалистам», подозрительность к иному образу жизни; настороженность в отношении малопонятных явлений зарубежной культуры; дружелюбие и солидарность, адресованные соратникам в борьбе за мир и прогресс, козыряние превосходством Советского Союза и советского человека над всем иностранным [11, с. 541]. То же можно сказать об отчетах с форумов ЮНЕСКО: белорусские делегаты позволяли именовать руководство Организации «кликой», предупреждали об опасности ее превращения в «идеологический филиал НАТО», обвиняли оппонентов в нежелании основываться на фактах, писали о «тлетворном влиянии» западной прессы, радио, телевидения, а основным противником считали США и страны НАТО [31, с. 68—70, 97—98, 139—143, 233—238, 297—298]. Первый секретарь КПБ К. Т. Мазу-

ров признавал, что не каждый советский человек способен отличить модные на Западе веяния в культуре, «искусно приправленные антисоветским душком», от настоящей литературы и искусства, «не всякий сумеет противопоставить таким веяниям классовую, патриотическую позицию» [25, с. 10].

Контент-анализ анкет, проведенный Б. А. Грушиным, свидетельствует, что опыт СССР рассматривался в качестве универсального. Советские люди демонстрировали монологичный тип мировоззрения и уверенность в своей правоте. В сознании респондентов присутствовали мифологемы, в частности: «система социализма имеет коренные преимущества перед системой капитализма», «вся власть в социалистическом обществе принадлежит народу», «венцом творения на Земле является советский человек». Менталитет был в огромной степени зависимым от существовавшей в обществе коммунистической идеологии [11, с. 420—430, 524—525]. В лекционной работе ответственный секретарь Комиссии БССР по делам ЮНЕСКО Е. Ф. Безродный использовал тезис о том, что белорусский народ в результате победы Октябрьской революции и «братской помощи великого русского народа» создал суверенное национальное государство. Оно является «составной и неотъемлемой частью могучего Советского Союза», «передовой индустриально-колхозной республикой», превратившись в таковую из «отсталой и темной окраины царской России». По его же оценке, участие СССР, БССР, УССР и ряда социалистических стран в работе ЮНЕСКО «в значительной степени оживило» деятельность Организации [3, с. 17—18, 28].

Председатель Комиссии БССР по делам ЮНЕСКО Г. Я. Киселёв, относивший себя к поколению людей, воспитанных в духе «беззаветной преданности» коммунистическим идеалам, был уверен, что попытки вражеских сил империализма принизить «величие завоеваний» Советской власти позорно провалились, коммунистическая идеология стала могучим рычагом развития общества, однако призывал сотрудников Министерства культуры «бдительно следить за происками вражеских сил империализма, относиться к иностранцам внимательно, но с достоинством, не ползая на брюхе, держать язык за зубами, ...не быть ротозеями, чтобы не попасть в сети, вести воспитательную работу с артистами и творческими работниками, выезжающими за границу, помнить о бдительности изо дня в день, а не от случая к случаю» [19, с. 5, 7, 186—187, 189; 26, ф. 974. оп. 3, д. 15, л. 29].

Если в западной истории интеллектуальная элита вырабатывала основные представления о внешнем мире, которые затем использовались политической элитой, то в советской истории происходил обратный процесс — интеллектуалы были вынуждены перенимать

представления и установки политического руководства. Во всех слоях советского общества принижался уровень западной цивилизации, ее ценностей, потенциальной способности капитализма к трансформации, переоценивалась степень враждебности правящих кругов Запада к СССР [10, с. 104—120]. Министр просвещения И. М. Ильюшин и председатель правления Союза писателей республики П. У. Бровка культуру Беларуси досоветского периода характеризовали как ограниченную и узкоклассовую, в отличие от «высшей ступени» — культуры БССР. Констатируя расцвет социалистической по содержанию и национальной по форме культуры, они отмечали ее революционный, прогрессивный и оптимистический характер. Эта культура не знает ни застоя, ни кризиса, постоянно пополняется новыми идеями, духовно обогащает советского человека, формируя в нем такие черты, как коллективизм, патриотизм, интернационализм, признание равенства людей независимо от расовой или национальной принадлежности, уверенность в своих силах. По оценке И. М. Ильюшина и П. У. Бровки, буржуазная культура переживала кризис, упадок и деградацию, сеяла индивидуализм, пессимизм, мистику, ненависть, открыто пропагандировала войну, культивировала индивидуализм и идею расового превосходства; она ограничена, антинародна и антигуманна. Космополитизм в западноевропейской культуре интерпретировался как прикрытие идеологической экспансии американского империализма и его стремления к мировому господству [30, с. 224, 247, 329].

В период «оттепели» наблюдался всеобщий интерес к воспитанию нового человека. Контент-анализ анкет участников опроса общественного мнения позволил Б. А. Грушину сделать вывод о господстве рефлексивного (рационального) сознания над нерефлексивным (иррациональным), психическом здоровье нации, ее приверженности здравому смыслу и выраженному атеизму, а также нетерпимости к инакомыслию в сферах идеологии и морали [11, с. 519—520]. Заместитель министра культуры БССР и участник ряда форумов ЮНЕСКО П. В. Люторович, определяя советское время как «золотое» для деятелей белорусского искусства, призывал их вселять бодрость и энергию в сердца советских людей, бороться с безыдейностью, аполитичностью, формализмом и натурализмом, буржуазным национализмом и космополитизмом [24, с. 137]. Белорусская делегация на 12-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО добилась принятия резолюции, в которую вошли несколько строк из Морального кодекса строителя коммунизма [31, с. 228].

Среди приоритетных ценностей в период «оттепели» признавалось не материальное, а духовное богатство личности, мир вещей ко-

тировался ниже мира идей, общим настроем был духовный подъем, удовлетворение жизнью, оптимизм при взгляде на будущее [11, с. 532, 538]. Вместе с тем, по оценке К. В. Киселёва, условия в МИД были «во много раз лучше, чем в других ведомствах, к нам всякий пойдет работать» [26, ф. 907, оп. 1, д. 558, л. 14]. Впервые вопрос о зарплате обсуждался на партийном собрании в октябре 1964 г.: молодые дипломаты жаловались на большую разницу в оплате труда по сравнению с союзным внешнеполитическим ведомством, а также в Представительстве СССР при ЮНЕСКО, бесплатную работу по написанию статей, на что получили ответ А. Е. Гуриновича: «Коммунист не должен ставить так вопрос, а должен работать, сколько требуется для дела» [26, ф. 907, оп. 2, д. 33, л. 43, 47—48, 94].

Социологи отмечают низкий уровень знаний и слабую информированность советских людей того времени о мировой культуре. Среди лучших произведений художественной литературы и кинематографа мира не оказалось ни одного иностранного имени, в первой десятке наиболее выдающихся произведений живописи и скульптуры — лишь два (О. Роден и П. Пикассо), в списке сооружений архитектуры — четыре (здание ООН в Нью-Йорке; Эмпайер стейт билдинг в Нью-Йорке; павильон «Атомиум» на Всемирной выставке в Брюсселе; Бразилиа (застройка города), а бесспорным фаворитом в музыке — немецкий композитор XIX в. Л. ван Бетховен [11, с. 415—418]. Следует объяснить неприятие некоторых зарубежных культурных ценностей политической, в том числе и дипломатической, элитой советского общества, выезжавшей за рубеж, по причине моральной и идейной несовместимости: если реалисты рассматривают человека как личность, живущую в гармонии с государством, социалистические реалисты — как личность, государству подчиненную, то у модернистов и постмодернистов человек противостоит враждебному миру и несовместим с государством [29, с. 127]. Вместе с тем для Е. Ф. Безродного бесспорным был тезис о том, что культурные связи помогают народам лучше понять и оценить друг друга, способствуют ослаблению международной напряженности, укреплению мира, являются важным средством обогащения национальных культур, равно как и мировой культуры в целом [2, с. 1—2, 9, 17; 3, с. 22].

Бюро ЦК КПБ, рассмотрев в августе 1960 г. вопрос об издании и рецензировании иностранной художественной литературы в республике, приняло решение отдавать предпочтение писателям стран социалистического лагеря, прогрессивным писателям капиталистических стран, а также произведениям литературы стран, борющихся за национальную независимость. Бюро обязало Союз писателей не допускать преувеличения роли произведений представителей буржуазной литературы,

вскрывать не только сильные, но и слабые стороны их творчества, формировать у читателя «правильное» представление о сложных процессах, происходящих в зарубежной литературе [26, ф. 4-п, оп. 81, д. 1517, л. 7—8]. Министр иностранных дел Белорусской ССР К. В. Киселёв, будучи в Париже, и Постоянный представитель республики при ЮНЕСКО Б. В. Кудрявцев не искали встреч с художниками Парижской школы, выходцами из Беларуси, хотя были их современниками [см.: 38]. Выступая осенью 1960 г. на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН, поэт М. Танк (Е. Скурко) отмечал: «Модернистское, формалистическое искусство опустошает внутренний мир человека, лишает человека его идеала. Вырастает поколение без путеводной идеи, без знамени. Никакие модные этикетки не могут прикрыть убожество авангардного искусства». Он высказался за искусство, в котором «не найдете фальшивых слов, неверных звуков и красок, мертвых истин» [26, ф. 907, оп. 1, д. 433, л. 94]. В сентябре 1963 г. советская редакция журнала «Курьер» выпустила номер без статьи К. Пошпера «Искусство, движение и свет», что вызвало негодование Генерального директора ЮНЕСКО Р. Майо: «Если мы пойдем по пути сепаратизма, то завтра американцы откажутся поместить статью против расовой дискриминации, а послезавтра арабы не напечатают статью, в которой упоминается культура Израиля... "Курьер ЮНЕСКО" как журнал международной организации перестанет существовать». Постоянный представитель СССР при ЮНЕСКО А. П. Павлов разъяснял: «для нас статья неприемлема по принципиальным соображениям», сторонники абстрактного искусства в СССР немногочисленны [26, ф. 907, оп. 1, д. 712, л. 103—109]. В октябре 1963 г. на сессии Исполнительного совета ЮНЕСКО советская делегация дала «решительный отпор» выступлениям представителей США и Италии о «безыдейности искусства», причем нашла поддержку большинства участников [26, ф. 907, оп. 1, д. 712, л. 178—182].

Историк Н. Б. Лебина, отмечая, что ментальность советского человека остается величайшей загадкой истории, тем не менее, выделяет такие ее черты, как конформизм, антидемократизм, антииндивидуализм. Для советских людей были характерны большая склонность к патриархальным отношениям, открытость к дружбе и взаимопомощи, большие способности к существованию в сложных бытовых условиях [22, с. 10]. В МИД республики остро стоял вопрос об обеспеченности сотрудников жильем, многие семьи продолжали жить в ветхом доме № 20 по ул. Советской, что явилось причиной текучести кадров и нежелания выпускников МГИМО ехать на работу в Минск [26, ф. 907, оп. 2, д. 30, л. 46; д. 35, л. 82]. Постоянный представитель Белорусской ССР при ЮНЕСКО был вынужден довольствоваться

ся одной комнатой на двоих с представителем Украинской ССР [31, с. 205—208, 255] — союзный центр экономил валюту.

В начале хрущевских реформ представители советской номенклатуры создали мужской советский *New Look*, взяв за основу уже устаревшее к тому времени предложение Диора 1947 г.: солидные двубортные костюмы из черного или синего бостона с широкими брюками, габардиновые пальто, широкополые шляпы [22, с. 209—213, 258, 387]. Для белорусской политической элиты оказался непривычным стиль одежды Генерального секретаря ООН Д. Хаммаршельда, посетившего Минск в 1956 г.: количество костюмов, да еще светлых тонов, цветные галстуки, а во время гостевого приема в Нью-Йорке — размеры аппартаментов, слишком большие для холостяка, и критерии отбора коллекции живописи [33]. В 1960-е гг. брюки советской элиты сужались, появились однобортные пиджаки с узкими лацканами, узконосые ботинки. На короткое время советская номенклатура оделась зимой в меховые «пирожки» или стилизованные папки, такой фасон любил Н. С. Хрущёв [15].

В годы «оттепели» были организованы выставка П. Пикассо, фестиваль молодежи и студентов, международный кинофестиваль с широким показом фильмов итальянского неореализма, конкурс им. П. И. Чайковского, опубликованы «Один день из жизни Ивана Денисовича» А. Солженицына и «Теркин на том свете» А. Твардовского, «Наследники Сталина» Е. Евтушенко. Все это посещалось, читалось, обсуждалось и белорусской интеллигенцией. Произошла трансформация унифицированной, в значительной степени конформистской и посредственной, художественной культуры сталинской поры в многостилевую и эклектичную, носителями которой являлись «дети XX съезда» (А. Адамович). Для них было характерно, в частности, стремление приобщаться к мировой культуре и изучать ее достижения, причем не только заочно, а целью — построение справедливого и гуманного социализма [5, с. 3, 8].

Вместе с тем официальная политика в отношении литературы и искусства по-прежнему основывалась на принципах социалистического реализма — классовости и партийности. «Мы в руководстве сознательно были за оттепель и я сам. Мы испугались — действительно испугались. Мы испугались, что за оттепелью польется поток, а мы окажемся не в состоянии его контролировать, и он может и нас затопить. Он может выйти за советские берега, образовать такие волны, которые сметут все барьеры, стены, удерживающие советское общество. Мы хотели направить движение оттепели так, чтобы стимулировать только творческие силы, которые способствовали бы укреплению социализма. Мы и сами хотели ослабить контроль за художниками, но были в этой области

очень трусливы. У нашего народа есть на этот счет хорошая поговорка: "И хочется, и колется, и мама не велит", — признался Н. С. Хрущёв на пенсии [29, с. 6].

Политическая власть требовала произведений, пропагандирующих успехи коммунистического строительства, осуждала попытки «недозированной» критики событий советской истории и современности, инициировала кампании травли «очернителей» и формалистов, обосновывая свою позицию усилением идеологической борьбы в обстановке мирного сосуществования двух систем [41, с. 20—21]. Деятели искусства рассматривались Н. С. Хрущёвым как «верные помощники партии и правительства», а «книга — оружие партии». По убеждению советского лидера, «в Венгрии началось с писателей», «чесать языки — это не литература», «лакировщики — это наши люди, преданные партии», в коммунизме нет места абстракционизму и джазу, который сравнивался с радиопомехами [27, с. 447, 453, 456, 465, 523]. В связи с этим представляется аргументированной оценка Н. С. Хрущёва историком М. Гефтером как «первого слушника сталинской системы, не сумевшего совладать со Сталиным в самом себе» [6, с. 181].

Оставаясь (по собственному признанию) в вопросах литературы сталинистом, Н. С. Хрущёв балансировал между либералами и консерваторами. Руководство Белорусской ССР чутко реагировало на колебания в отношении «центральная власть — интеллигенция». Писатель А. Кулаковский, главный редактор журнала «Маладосць», в 1958 г. за «искажение советской действительности» в своем творчестве был освобожден от должности [7, с. 145]. В октябре 1957 г. на совещании творческих работников Беларуси секретарь ЦК КПБ Т. Я. Киселёв и председатель республиканского союза писателей П. У. Бровка выступили в поддержку позиции Н. С. Хрущёва по вопросу о соотношении позитивного и критического материала в освещении жизни, а в марте 1963 г. негативную оценку ЦК КПБ получила работа «Мысли о современном белорусском романе» литературоведа В. Коваленко, который считал важным изучение творчества «буржуазных модернистов» Джойса, Пруста, Кафки [40, с. 68—69].

Вместе с тем рассматриваемое десятилетие для белорусской культуры оказалось плодотворным. В 1954 г. в Москве издали «Очерк истории белорусской советской литературы», годом позже состоялась Декада белорусской культуры с выходом книги «Искусство Советской Белоруссии» и награждением Я. Коласа, П. Бровки и М. Лынькова орденами Ленина. В романе И. Шамякина «Крыніцы», опубликованном в год XX съезда КПСС (его делегатом был Я. Колас), впервые в белорусской литературе создается отрицательный образ партийного функционера. Появились «Люди на болоте» И. Мележа, «Сосна при дороге» И. Наумен-

ко, «Птицы и гнезда» Я. Брыля, «Сердце на ладони» И. Шамякина, «Нельзя забыть» и «Колося под серпом твоим» В. Короткевича, «Измена» и «Третья ракета» В. Быкова. Открылось «второе дыхание» у получивших признание еще в сталинский период поэтов: вышли из печати сборники стихов П. Бровки («Пахне чабор», «А дни идут»), М. Танка («Мой хлеб насущный», «Глоток воды»), «Новая книга» А. Кулешова; П. Панченко написал сатирическое стихотворение «Приспособленцы» (1964). Были напечатаны подборки стихов ранее репрессированных М. Чарота, В. Дубовки, С. Граховского, роман Т. Гартного «Соки целины», сборник произведений П. Головача. К достижениям белорусской критики следует отнести такие исследования, как «Белорусский роман» А. Адамовича и «История белорусской советской литературы» в двух томах, статьи М. Ларченко о «нашанивском периоде» в истории белорусской культуры. В сборник «Сто лучших стихотворений поэтов народов СССР в русских переводах» (Москва, 1964) вошли стихи П. Глебки, П. Бровки, М. Танка, А. Кулешова. Один из номеров журнала «Советская литература» за 1962 г., издаваемого в столице Советского Союза на иностранных языках, был посвящен литературе и искусству республики. Перестав восхвалять Сталина, поэты (как и писатели) оставили сюжеты о Ленине и партии, дальнейшее развитие получила тема минувшей войны, а также появились новые — об освоении целины, урбанизации, дореволюционном прошлом. В центре Минска, на пересечении Ленинского проспекта и улицы Энгельса, открылся киоск «Поэзия». Чтение стихов на ступеньках Союза писателей, в парках столицы республики Н. Гилевичем, Г. Бородулиным, Г. Буравкиным не собирало многочисленные аудитории: в условиях продолжавшейся русификации слушатели предпочитали российских «шестидесятников». Вместе с тем, выражая несогласие с Н. С. Хрущёвым, заявившим в начале 1959 г. на ступеньках БГУ «чем скорее мы будем говорить по-русски, тем быстрее построим коммунизм», П. Панченко написал стихотворение «Родная мова» [7, с. 123—201; 21, с. 4, 18]. У В. Быкова и других белорусских писателей формировалось убеждение: одобряющая литература — «свой собственный могильщик», слишком жесткое планирование таит опасность нарушения собственных законов литературы, что выражается в снижении качества произведений; назначение литературы — «помогать ЦК находить лозунги, а не наоборот — лозунги ЦК иллюстрировать!» [42, с. 192—193].

Стимулом для развития белорусской живописи и скульптуры стал организованный в 1956—1957 гг. отбор работ для оформления штаб-квартиры ЮНЕСКО. 4 тыс. туристов и несколько сотен артистов из Белорусской ССР, став участниками Международного фестиваля

молодежи и студентов в Москве (1957 г.), приобщились к лучшим образцам хорового пения, танца, художественного чтения, игры на виолончели, духовых инструментах, аккордеоне, познакомились с джазом и саксофоном, имели возможность посетить организованную ЮНЕСКО выставку репродукций шедевров мирового изобразительного искусства [36, с. 73—75].

Побывавший в начале 1960-х гг. в Советском Союзе французский историк Ф. Бродель отмечал, что свобода творчества, которую требуют и желают писатели и художники, остается ключевой проблемой Советского Союза, а без развития искусства и литературы ни одна цивилизация не может достичь полного расцвета, не может полностью себя выразить. Вместе с тем Ф. Бродель констатировал сравнимый с развитыми странами уровень образования, расцвет математики и естественных наук — «они находятся в состоянии, близком к совершенному», советские ученые, если не учитывать их идеологических особенностей, ни в чем не уступали западным. Причины он видел в природных способностях, материальной поддержке государства, концентрации исследований на определенных направлениях [4, с. 534—538]. Сотрудника Секретариата ЮНЕСКО Ж. Шевалье, посетившего Минск летом 1957 г., поразил политехнический институт, в котором он провел полдня: почти 500 преподавателей и 7 тыс. студентов, из них 3 тыс. проживало в общежитиях, 7 факультетов, где студенты обучались 22 специальностям [31, с. 81].

В соответствии с рекомендациями ЦК КПБ вопрос изучения дипломатами белорусского языка и культуры обсуждался на двух заседаниях Коллегии в апреле 1959 г. Представляется, что такое внимание связано с активизацией деятельности белорусской эмиграции в связи с 40-летием БНР (март 1958 г.) и БССР (январь 1959 г.), стремлением дипломатии республики добавить аргументы в споры и разговоры о суверенитете Белорусской ССР, которые, в частности, возникали у сотрудников Секретариата ЮНЕСКО. К. В. Киселёв высказал мнение, что хотя часть сотрудников не являются белорусами по национальности, они должны знать белорусский язык и культуру республики. Министра поддержали члены Коллегии Б. В. Кудрявцев, В. В. Греков, А. С. Зайцев. По мнению последнего, белорусский язык следовало сделать основным в министерстве. В постановлении Коллегии отмечалось, что коллектив сотрудников МИД БССР уделяет недостаточно внимания изучению жизни белорусского народа, сотрудники министерства редко выезжают с чтением лекций в области и районы республики, значительная часть сотрудников слабо владеет белорусским языком и в силу этого не в состоянии глубоко и всесторонне изучать белорусскую литературу и ис-

куство. Коллегия обратилась в местком министерства с просьбой систематически организовывать экскурсии на промышленные предприятия, посещение театров, музеев, исторических и достопримечательных мест республики, чтение лекций о развитии народного хозяйства и культуры. Дипломатам предписывалось предусмотреть в индивидуальных планах по повышению идейно-теоретического уровня ознакомление с произведениями литературы и искусства белорусского народа; посещение занятий по изучению белорусского языка (трижды в месяц по два академических часа) [1, ф. 907, оп. 3, д. 376, л. 12—23; д. 389, л. 88—96, 104]. Сотрудников белорусского МИД стимулировало в указанном направлении также то обстоятельство, что с июля 1959 г. по решению Конгресса в США ежегодно проводилась неделя «порабощенных народов» [37, с. 249], к которым причислялись и белорусы. На заседании Коллегии в августе 1963 г. К. В. Киселёв предложил подумать об отражении в инициативных предложениях, связанных с членством республики в ЮНЕСКО, истории и культуры белорусского народа [32]. Вопрос об изучении дипломатами белорусской истории и культуры многократно обсуждался также партийной организацией внешнеполитического ведомства [26, ф. 907, оп. 2, д. 28, л. 36; д. 30, л. 24—25; д. 32, л. 3; д. 35, л. 91].

К. В. Киселёв в письме на имя министра иностранных дел СССР А. А. Громыко от 25 февраля 1961 г. информировал московский Центр, что республике требуются национальные дипломатические кадры, и нашел поддержку. В октябре 1961 г. ректор МГИМО был поставлен в известность о решении МИД СССР по этому вопросу: зачислять студентов-белорусов только на западный факультет (республика не нуждалась тогда в выпускниках восточного факультета); направлять на стажировку в посольства СССР в США, Англии, Франции, ГДР и на практику в Постоянное представительство Белорусской ССР при ООН, имея в виду, что в дальнейшем они будут работать в системе МИД БССР. Ректорату МГИМО было дано также указание о направлении в Минск сведений о студентах-белорусах с приложением анкетных данных о них [1, ф. 907, оп. 3, д. 453, л. 145; 35, с. 49—51].

В апреле 1962 г. Бюро ЦК КПБ поручило Министерству культуры и Белорусскому обществу дружбы и культурной связи с зарубежными странами (БелОКС) разработать тематику и обеспечить систематическое издание различной литературы о республике на иностранных языках для распространения среди иностранцев, принять меры для выпуска диафильмов, издать набор открыток, грампластинок и магнитофонных записей, создать новые документальные фильмы об успехах в развитии экономики и культуры, об исторических и природных достопримечательностях [26,

ф. 4-п, оп. 81, д. 1653, л. 120—144]. Президиум ЦК КПБ, рассмотрев через год вопрос о мерах по дальнейшему улучшению деятельности БелОКСа, указал на отсутствие настойчивости в выполнении указанного поручения [26, ф. 4-п, оп. 81, д. 1747, л. 14—20].

Писатель и журналист И. Дедков характеризовал «оттепель» как суровое, тяжелое, бедное время, но пронизанное светом надежды, ощущением огромных возможностей страны, хотя большинство граждан выражало скепсис по поводу быстрой реализации коммунистической идеи [13, с. 116—122]. До середины 1960-х гг. уровень жизни основной массы населения Советского Союза оставался низким, приближенным к потребительскому минимуму, при этом многие советские люди не ощущали себя обществом бедных, их внимание было переключено на реализацию масштабного коммунистического проекта [см.: 14]. Наблюдалось постепенное разрушение устоявшихся внешнеполитических стереотипов, их вытеснение инокультурными — Италия вызывала ассоциации не столько с Муссолини и фашизмом, сколько с Феллини и Данте, Англия — не с Чемберленом или Черчиллем, а с Шекспиром, футболом, «Битлз» [9, с. 270—271].

В 1954—1964 гг. в Советском Союзе произошла либерализация политического режима, были достигнуты успехи в освоении космоса, сокращался разрыв с западными странами по душевому доходу, продолжительности жизни, люди переезжали из коммуналок в отдельные жилые, в стране ощущался духовный и культурный подъем, но тоталитарная система, пережив определенную трансформацию, сохранилась [17; 18, с. 190; 39, с. 480—481]. Белорусские делегаты, которым в полной мере были свойственны указанные черты советского менталитета того времени, прежде всего, искренняя вера в превосходство всего советского, если не сейчас, то в перспективе, мирную победу коммунистической идеи, черно-белое восприятие мира, нетерпимость к инакомыслию, духовный подъем, свою деятельность в Организации воспринимали как «выполнение поручения народа, строящего коммунизм и желającego мира и дружбы с народами всех стран» [20, с. 9]. Они исходили из того, что для дипломатии западных стран характерны «ложь, коварство, давление, шантаж и запугивание», однако были научены не игнорировать тех ее выступлений, в которых отражаются политический реализм, стремление к поиску взаимоприемлемых решений и равноправию [16, с. 729—732].

Посланцы республики, предпочитая дипломатию монолога с представителями стран Запада, вместе с тем учились диалогу и сотрудничеству, поиску компромисса. Сотрудничество с ЮНЕСКО способствовало повышению профессионализма белорусских дипломатов и других непосредственных участников Организации. Они совершенствовали навыки пе-

реписки и редактирования проектов документов, практику участия в переговорном процессе, учились строгому соблюдению правил процедуры, пониманию взаимозависимости многосторонних структур (прежде всего ООН, ЮНЕСКО, а также других специализированных учреждений системы ООН), умению выстраивать выгодные политические коалиции, ораторскому мастерству. Участие в многосторонней дипломатии ЮНЕСКО способствовало изучению региональных различий и особенно-

стей более сотни государств, а подготовка к форумам сопровождалась значительным усилением координационной и аналитической работы внешнеполитического ведомства, активизацией других учреждений республики. Необходимость распространения информации о достижениях республики, ее дореволюционном прошлом, скептицизм западных коллег в вопросе о суверенитете БССР содействовали изучению языка, истории и культуры белорусского народа, занятиям научной работой.

Список использованных источников

1. Архив Министерства иностранных дел Республики Беларусь.
2. Безродный, Е. Ф. Братские связи и сотрудничество Советской Белоруссии со странами социалистического лагеря (материал в помощь лектору) / Е. Ф. Безродный. — Минск: О-во по распространению полит. и культур. знаний Белорус. ССР, 1959. — 18 с.
3. Безродный, Е. Ф. Вклад Советской Белоруссии в борьбу за мир и международное сотрудничество / Е. Ф. Безродный. — Минск: О-во по распространению полит. и культур. знаний Белорус. ССР, 1958. — 28 с.
4. Бродель, Ф. Грамматика цивилизаций: пер. с фр. / Ф. Бродель; предисл. М. Эмара. — М.: Весь мир, 2008. — 552 с.
5. Брусиловская, Л. Б. Культура повседневности эпохи «оттепели»: метаморфозы стиля / Л. Б. Брусиловская. — М., 2000. — 27 с.
6. Гефтер, М. Судьба Хрущёва. История одного неусвоенного урока / М. Гефтер // Октябрь. — 1989. — № 1. — С. 155—181.
7. Гісторыя беларускай літаратуры. У 4 т. Т. 3. — Мінск: Беларус. навука, 2002. — 950 с.
8. Гозман, Л. Я. Метафоры или реальность? Психологический анализ советской истории / Л. Я. Гозман, А. М. Эткинд // Вопросы философии. — 1991. — № 3. — С. 164—173.
9. Голубев, А. В. «Если мир обрушится на нашу Республику». Советское общество и внешняя угроза в 1920—1940-е гг. / А. В. Голубев. — М.: Кучково поле, 2008. — 384 с.
10. Голубев, А. В. Запад глазами советского общества (основные тенденции формирования внешнеполитических стереотипов в 1930-х гг.) / А. В. Голубев // Отечественная история. — 1996. — № 1. — С. 104—120.
11. Грушин, Б. А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущёва, Брежнева, Горбачева и Ельцина. В 4 кн. Жизнь 1-я. Эпоха Хрущёва / Б. А. Грушин. — М.: Прогресс-Традиция, 2001. — 624 с.
12. Губанов, Н. Н. Менталитет: сущность, закономерности формирования, развития и функционирования в обществе / Н. Н. Губанов. — М.: МГУ им. Н. Э. Баумана, 2014. — 31 с.
13. Дедков, И. Время Хрущёва. Взгляд из провинции / И. Дедков // Свободная мысль. — 1996. — № 1. — С. 116—122.
14. Зубкова, Е. «Привычка к бедности». Проблемы измерения уровня жизни в СССР в 1940—1960-е годы / Е. Зубкова // Рос. история. — 2013. — № 5. — С. 92—104.
15. Зубков, С. А. Хрущёв и Запад: механизмы формирования международного имиджа советского лидера / С. А. Зубков // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. — Вып. 4. — М.: Изд. центр Ин-та рос. истории РАН, 2007. — С. 127—152.
16. История дипломатии. Т. 5, кн. 2 / В. Н. Белецкий [и др.]; под ред. А. А. Громыко [и др.] — М.: Политиздат, 1979. — 766 с.
17. Касцюк, М. П. Бальшавіцкая сістэма ўлады на Беларусі / М. П. Касцюк. — Мінск: Экаперспектыва, 2000. — 308 с.
18. Касцюк, М. П. Шлях да іспіны: гістарычная навука Беларусі ў канцы XX — пачатку XXI ст. / М. П. Касцюк. — Мінск: Экаперспектыва, 2015. — 252 с.
19. Кісялёў, Р. Я. Школа Савецкай Беларусі (1913—1970) / Р. Я. Кісялёў. — Мінск: Нар. асвета, 1968. — 188 с.
20. Колбасин, В. С. Белорусская ССР — член ЮНЕСКО / В. С. Колбасин. — Минск: Гос. изд-во БССР, 1963. — 39 с.
21. Краса і сіла: анталогія беларускай паэзіі XX стагоддзя / склад. М. Скобла; навук. рэд. А. Пашкевіч. — Мінск: Лімарыус, 2003. — 880 с.
22. Лебина, Н. Б. Энциклопедия банальностей: советская повседневность: контуры, символы, знаки / Н. Б. Лебина. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. — 444 с.
23. Левада, Ю. А. Ищем человека. Социологические очерки, 2000—2005 / А. Ю. Левада. — М.: Новое изд-во, 2006. — 384 с.
24. Люторович, П. В. Искусство советской Белоруссии / П. В. Люторович. — Минск: Гос. изд-во БССР, 1959. — 137 с.
25. Мазуров, К. Т. Незабываемое. Доп., дораб. переизд. / К. Т. Мазуров. — М.: Молодая гвардия, 1988. — 316 с.
26. Национальный архив Республики Беларусь.
27. Никита Сергеевич Хрущёв: два цвета времени: документы из личного фонда Н. С. Хрущёва. В 2 т. Т. 2 / гл. ред. Н. Г. Томилина; сост.: А. Н. Артизов, Л. А. Величанская, И. В. Казарина, М. Ю. Прокуменщиков (отв. сост.), С. Д. Таванец. — М.: МФД, 2009. — 656 с.
28. Орлова, Р. Мы жили в Москве: 1956—1980 / Р. Орлова, Л. Копелев. — М.: Книга, 1990. — 447 с.
29. Орлов, И. Б. «Человек исторический» в системе гуманитарного знания / И. Б. Орлов. — М.: Высш. шк. экономики, 2012. — 191 с.
30. Развіццё беларускай сацыялістычнай культуры / Ін-т філасофіі Акад. навук БССР. — Мінск: Выд-ва АН БССР, 1960. — 332 с.
31. Свилас, С. Ф. Деятельность Белорусской ССР в ЮНЕСКО (1954—1964 гг.) / С. Ф. Свилас. — Минск: БГУ, 2013. — 463 с.
32. Свилас, С. Ф. Об инициативных предложениях Министерства иностранных дел Белорусской ССР (1953—1964 гг.) / С. Ф. Свилас // Рэспубліка Беларусь. 20 год незалежнасці: зб. матэрыялаў Міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 24—25 ліст. 2011 г. / рэдкал.: А. А. Каваленя [і інш.]. — Мінск: Беларус. навука, 2012. — С. 454—458.
33. Свилас, С. Ф. Об открытии Постоянного представительства Белорусской ССР при ООН / С. Ф. Свилас // Журн. междунар. права и междунар. отношений. — 2006. — № 4. — С. 70—74.

34. Свилас, С. Ф. О визите заместителя Генерального директора ЮНЕСКО Рене Майо в Минск (апрель 1961 г.) / С. Ф. Свилас // Актуальные проблемы и перспективы изучения новой и новейшей истории зарубежных стран: материалы междунар. науч.-теорет. конф., посвящ. 75-летию образования каф. истории нового и новейш. времени / редкол.: В. С. Кошелев (пред.) [и др.]. — Минск: Изд. центр БГУ, 2012. — С. 168—171.
35. Свилас, С. Ф. О кадровом составе Министерства иностранных дел Белорусской ССР в 1953—1964 гг. / С. Ф. Свилас // Беларусь в современном мире: материалы VIII Междунар. науч. конф., посвящ. 88-летию образования Белорус. гос. ун-та. Минск, 30 окт. 2009 г. / редкол.: В. Г. Шадурский [и др.]. — Минск: Тесей, 2009. — С. 49—51.
36. Свилас, С. Ф. VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Москве (1957 г.) и Белорусская ССР / С. Ф. Свилас // Беларусь в современном мире: материалы XIII Междунар. науч. конф., посвящ. 92-летию образования Белорус. гос. ун-та. Минск, 30 окт. 2013 г. / редкол.: В. Г. Шадурский [и др.]. — Минск: Изд. центр БГУ, 2014. — С. 73—75.
37. Системная история международных отношений в двух томах. Т. 2: События 1945—2003 годов / под ред. А. Д. Богатурова. — М.: Культурная революция, 2006. — 720 с.
38. Счастный, В. Г. Художники Парижской школы из Беларуси. Эссе, биографии, путеводитель. 2-е изд., перераб. и доп. / В. Г. Счастный — Минск: Четыре четверти, 2012. — 176 с.
39. Тоталитаризм. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления / рук. авт. кол. Я. С. Дабкин, Н. П. Комолова. — М.: Памятники ист. мысли, 1996. — 540 с.
40. Шадурский, В. Г. Культурные связи Беларуси со странами Центральной и Западной Европы (1945—1990-е гг.) / В. Г. Шадурский. — Минск: БГУ, 2000. — 285 с.
41. Шпакова, Т. А. Духовная жизнь советского общества второй половины 50-х — начала 60-х годов (по материалам дискуссий в области литературы и искусства) / Т. А. Шпакова. — М.: Ин-т истории АН СССР, 1990. — 21 с.
42. Эггелинг, В. Политика и культура при Хрущёве и Брежнев. 1953—1970 гг. / В. Эггелинг. — М.: АИРО-XX, 1999. — 312 с.

Статья поступила в редакцию в июне 2016 г.

ПАЧАТАК ДЫНАСТЫЧНАЙ БАРАЦЬБЫ Ё ДОМЕ ВАЗАЎ І СТАЎЛЕННЕ ДА ЯЕ ШЛЯХТЫ ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА

Алена Дземідовіч

Артыкул прысвечаны разгляду стаўлення шляхты Вялікага Княства Літоўскага (ВКЛ) да пачатку дынастычнай барацьбы ў доме Вазай. Жыгімонт III, кароль польскі і вялікі князь літоўскі, пасля смерці свайго бацькі, шведскага караля Юхана III Вазы ў 1592 г., павінен быў стаць каралём Швецыі, што і адбылося. Аднак яго становішча ў Шведскім Каралеўстве было хісткім па шэрагу прычын. Не апошняю ролю ў гэтым адыграла каталіцкае веравызнанне Жыгімонта III Вазы. У 90-х гг. XVI ст. манарх Рэчы Паспалітай спрабуе зацвердзіцца ў якасці караля Швецыі, чаму супраціўляецца Карл Судэрманскі, які ўзначальвае адпаведныя апазыцыйныя сілы. Аналізуючы гістарычныя крыніцы, можна сцвердзіць, што шляхта ВКЛ у асноўным пасіўна аднеслася да імкнення Жыгімонта III змагацца за дынастычныя правы, паколькі разумела, што гэта барацьба будзе пагражаць бяспецы дзяржавы, аб якой яна надзвычай клапацілася. У той жа час шляхта настойвала на выкананні абяцання Жыгімонтам III уключыць Эстляндыю ў склад Рэчы Паспалітай.

Ключавыя словы: Вялікае Княства Літоўскае, дынастычная барацьба, дынастыя Вазай, пасол, пасольская інструкцыя, Рэч Паспалітая, сойм, соймлік, унія, Швецыя, шляхта.

«Beginning of a Dynastic Struggle in the Vasa House and the Attitude of the Grand Duchy of Lithuania Aristocracy towards this» (Alena Dzemidovich)

The article is dedicated to analysis of the attitude of the Grand Duchy of Lithuania aristocracy towards the beginning of a dynastic struggle in the Vasa house. Sigismund III Vasa, the King of Poland and Grand Duke of Lithuania, after the death of his father, a King of Sweden John III Vasa in 1592 must have become a King of Sweden, which happened to be. However, his status in the Swedish Kingdom was unstable due to number of reasons. Catholic confession of Sigismund III Vasa played an important role in this process. During the 90s of the 16th century the Monarch of Rzeczpospolita attempts to prove himself in a character of the King of Sweden, to which opposes Karl Suderman who headed correspondent opposition forces. After analysing historical resources we can say that aristocracy of the Grand Duchy of Lithuania, in general, was very passive towards the intention of Sigismund III Vasa to struggle for dynastic rights as far as they understood that this struggle would only threaten to the Duchy's security which was particularly taken care of. At the same time, the aristocracy insisted on fulfilling the promise by Sigismund III Vasa to include Estland into Rzeczpospolita.

Keywords: Ambassador, ambassadorial guide, aristocracy, dynastic struggle, the Grand Duchy of Lithuania, Rzeczpospolita, Sejm, Sweden, the Vasa dynasty, Union.

Author:

Dzemidovich Alena — Candidate of History (PhD), Associate Professor of the Department of Belarus History of the Ancient Time and the Middle Ages of the Faculty of History, Belarusian State University, e-mail: heleni062@tut.by
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., 220030, Minsk, BELARUS

У жніўні 1587 г. Жыгімонт Ваза, сын шведскага караля Юхана III і Кацярыны Ягелонкі, у выніку напружанай барацьбы за прастол стаў каралём Каралеўства Польскага. Крыху пазней, у студзені 1588 г., яго кандыдатура была зацверджана ў якасці вялікага князя ВКЛ. Прыкладна праз палову дзесяцігоддзя ён, пасля смерці свайго бацькі — шведскага караля Юхана III Вазы ў 1592 г., згодна з

Вестэрскім законам 1544 г. аб спадчынасці трона (адпаведна якому форма праўлення гэтай скандынаўскай дзяржавы эвалюцыянавала ад выбарнай манархіі да спадчыннай), павінен быў стаць каралём Швецыі. Такім чынам, акрэслілася перспектыва персанальнай уніі паміж Рэччу Паспалітай і Шведскім Каралеўствам, якой суджана было стаць кароткатэрміновай і прынесці абедзвюм дзяр-

Аўтар:

Дземідовіч Алена Васільеўна — кандыдат гістарычных навук, дацент кафедры гісторыі Беларусі старажытнага часу і сярэдніх вякоў гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, e-mail: heleni062@tut.by
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт. Адрас: 4, пр. Незалежнасці, Мінск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Рэцэнзенты:

Снапкоўскі Уладзімір Еўдакімавіч — доктар гістарычных навук, прафесар кафедры міжнародных адносін факультэта міжнародных адносін Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Голубеў Валянцін Фёдаравіч — доктар гістарычных навук, прафесар, загадчык цэнтра антрапалогіі і спецыяльных гістарычных навук Інстытута гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі

жавам больш праблем, чым карысці. Адным з важнейшых момантаў, які раз'ядноўваў дзяржавы, з'яўлялася рэлігійная праблема. Змест яе зводзіўся да наступнага: супярэчнасці, якія існавалі паміж рознымі рэлігійнымі плынямі ў Шведскім Каралеўстве — евангелісцка-лютэранскаму пратэстантызму супрацьстаялі кальвінізм і каталіцызм, — маглі надзвычай абвастрэцца пасля таго, як на прастоле мусіў апынуцца манарх каталіцкага веравызнання, які да таго ж з'яўляўся лідэрам антырэфарматарскіх сіл у Еўропе.

Улічваючы тая абставіны, якія спадарожнічалі абранню Жыгімонта Вазы ў якасці караля польскага і вялікага князя літоўскага, тая ўмовы, на якіх аказала яму падтрымку шляхта ВКЛ, а таксама няпростую знешне- і ўнутрыпалітычную сітуацыю, у якой апынецца Рэч Паспалітая падчас кіравання першага прадстаўніка дынастыі Вазаў, падаецца вартым увагі прасачыць пазіцыю шляхецтва ВКЛ адносна тых падзей, якія з'явіліся своеасаблівым пралогам да знясільваючай барацьбы XVII ст. за Балтыку.

Дынастычная барацьба прадстаўнікоў дома Вазаў знайшла сваё адлюстраванне ў гістарыяграфіі, як айчыннай, так і замежнай. Шэраг даследаванняў, праўда, прысвечаных больш познім перыядам гэтага канфлікту, якія ў гістарычнай літаратуры прынята называць войнамі Рэчы Паспалітай са Шведскім Каралеўствам. Значна менш увагі адведзена першапачатковаму перыяду барацьбы, храгалагічныя рамкі якога можна акрэсліць, напрыклад, наступным (не выключаючы іншых варыянтаў) чынам: ніжняя мяжа — 1592 г. — час смерці шведскага караля Юхана III Вазы; верхняя — 1599 г. — дэтранізацыя Жыгімонта III у Швецыі. Яшчэ менш увагі даследчыкамі было адведзена аналізу пазіцыі вышэйшага саслоўя дзяржавы да супрацьстаяння прадстаўнікоў дзвюх галін дынастыі Вазаў. Сярод прадстаўнікоў замежнай гістарыяграфіі ў першую чаргу варта адзначыць працы такіх даследчыкаў, як Г. Віснер, А. Філіпчак-Коцур, С. Хербст, Я. Жоньца, у якіх адлюстроўваліся падзеі ўзаемаадносін Рэчы Паспалітай і Швецыі ў апошнім дзесяцігоддзі XVI ст. [15; 17; 26—28; 30; 31]. Закраналася дадзеная праблематыка і расійскімі даследчыкамі, аднак у кантэксце балтыйскага пытання ўвогуле альбо пры даследаванні спецыфікі міжнародных адносін у плоскасці рэалізацыі стасункаў «трохвугольніка» Расія — Рэч Паспалітая — Швецыя [8—10]. Варта адзначыць, што айчынная гістарыяграфія не можа пахваліцца увогуле багатай традыцыяй вывучэння ўзаемаадносін Рэчы Паспалітай і Шведскага Каралеўства. Вяртаючыся непасрэдна да тэмы, абмяжоваў пры гэтым час канфлікту Рэчы Паспалітай і Швецыі толькі пачаткам дынастычнай барацьбы, можна адзначыць у беларускай гістарыяграфіі працы А. Катлярчу-

ка, У. Падалінскага, А. Радамана, якія ў рознай ступені закраналі аспекты праблематыкі [3—7].

Мэтай артыкула з'яўляецца вызначэнне стаўлення шляхты ВКЛ да пачатку дынастычнай барацьбы ў доме Вазаў.

Як ужо адзначалася, 1592 г. прынёс Швецыі істотныя перамены: памірае Юхан III, сын Густава I Вазы, які з'яўляўся першым шведскім каралём з дынастыі Вазаў. Яго сын і спадчыннік павінен быў ехаць на сваю радзіму ў Швецыю, каб абмеркаваць пытанні, звязаныя з парадкам уступлення на прастол. Паездку Жыгімонта III у Швецыю абмяркоўваў сойм Рэчы Паспалітай у 1593 г. Нягледзячы на тое, што станы Рэчы Паспалітай асабліва не жадалі адпускаяць манарха да Швецыі, усё ж на гэта былі ахвяраваны пэўныя сродкі — 100 000 злотых з Каралеўства Польскага і столькі ж з ВКЛ. Варта адзначыць, што ўсе ваяводства ВКЛ адклалі рашэнне аб гэтым да рэляцыйных соймаў, спасылаючыся на адсутнасць адпаведных паўнамоцтваў [29, s. 348]. Пастанова Віленскай канвакацыі, датаваная 7 жніўня 1593 г., адлюстравала пазіцыю, якую можна назваць станоўчай, адносна ад'езду караля ў Швецыю, выказаўшы пажаданні шанцавання Жыгімонта III у справе атрымання спадчынага каралеўства. Пры гэтым падкрэслівалася шкадаванне аб ад'ездзе манарха і жаданне яго паспяховага вяртання [12, s. 105].

Будучы манарх прыбыў ў Стагольм у верасні 1593 г., дзе адразу ж яго становішча ўскладнілася прад'яўленнем ультыматума з боку вядучых царкоўных дзеячаў і палітыкаў на чале з Карлам Судэрманскім. Ад Жыгімонта III патрабавалася прызнаць рашэнні Упсальскага сабора, на якім было прынята Аўтсбургскае веравызнанне, адпаведна якому евангелісцка-лютэранскае вучэнне было зацверджана ў якасці дзяржаўнай рэлігіі. Жыгімонт Ваза быў вымушаны згадзіцца з патрабаваннямі шведскіх станаў, абяцаючы, што не будзе прызначаць на дзяржаўныя пасады каталікоў, засноўваць езуіцкіх школ, парушаць законаў краіны і прывілеяў падданных [2, с. 121]. Толькі пасля гэтага шведы прысягнулі Жыгімонта III Вазе і адбылася яго каранацыя 1 сакавіка 1594 г.

Восенню 1594 г. Жыгімонт III вярнуўся ў Рэч Паспалітую (згодна з адпаведным пунктам канстытуцыі вальнага сойма 1593 г.). У яго адсутнасць праўленне Швецыяй ускладналася на герцага Карла і рыксрод (савет Каралеўства). У 1595 г. Карл, насуперак забаронам Жыгімонта III, склікаў рыксдаг, які надзяліў яго паўнамоцтвамі кіраваць дзяржавай [23, s. 180]. Разгарнулася дынастычная барацьба, у якой Жыгімонт III меў мінімальныя шанцы на поспех, а пагроза пазбаўлення спадчыннага трона была дастаткова рэальнай.

Адпаведна рашэнням вальнага сойма 1596 г. у Швецыю было накіравана пасольства

Самуіла Ласкага [16]. Тым часам улада Карла ў Швецыі толькі ўмацоўвалася.

Актыўнай падтрымкі ў справе ўмацавання свайго становішча ў Шведскім Каралеўстве кароль польскі і вялікі князь літоўскі шукаў на соймах 1597 і 1598 гг. Соймавыя кампаніі гэтых гадоў можна лічыць апагеем імкнення Жыгімонта III здабыць падтрымку «палітычнага народа» у шведскім пытанні. Абумоўлівалася гэта тым, што становішча Жыгімонта III Вазы ў Швецыі, дзе ён з'яўляўся легальным, але не зусім легітымным манархам, было вельмі хісткім. Не прыносілі плёну і яго дыпламатычныя ініцыятывы на міжнароднай арэне, у адрозненне ад Карла Судэрманскага, якому ў справе змагання з пляменнікам «спачувала» як мінімум Масква.

Пазіцыю шляхты ВКЛ на перадсоймавых соймах 1597 г. адносна шведскай праблемы нельга назваць актыўнай і дакладнай. Напрыклад, віленскі соймак адзначыў неабходнасць заслухаць справаздачу паслоў, якія вярнуліся са Швецыі, і наказваў уласным станам (разам з кароннымі) схіляцца да таго, што будзе годна манарху, а таксама карысна Рэчы Паспалітай [14, s. 405]. Ашмянская шляхта пастанавіла: «Паслоў, якія вярнуліся са Швецыі, панам паслам сваім з і.м. панамі пасламі кароннымі выслушаць дазваляем... і дзейнічаць так, каб было найлепш і карысна у той час айчыне нашай» [14, s. 410]. Падобна гучаў наказ сваім паслам ад берасцейскай шляхты, якая пастанавіла, каб было заслухана пасольства, якое вярнулася са Швецыі, і каб «разам са станамі кароннымі аб затрыманні таго Каралеўства раіліся і абдумвалі». Пры гэтым зноў жа падкрэслівалася, каб вышэйсказанае адбывалася «без ускладнення аднак якога Рэчы Паспалітай нашай і, зразумела, з дбаннем перш за ўсё аб яе бяспецы» [14, s. 417]. Больш катэгарычна выказалася шляхта (віленская, лідская) адносна далучэння Жыгімонта III Эстоніі да Рэчы Паспалітай, жадаючы, каб гэта справа была вырашана станоўча як мага хутчэй у адпаведнасці з прысягай манарха і пакта канвента [14, s. 407, 413]. Дзяржыўш галоўнага соймака ў Слоніме, які адбыўся 27—30 студзеня 1597 г., занатаваў толькі некалькі момантаў, калі ўздымаліся пытанні аб шведскіх справах і далучэнні Эстоніі. Гэта былі выказванні віленскага ваяводы Крыштофа Радзівіла Перуна, былога полацкага гродскага намесніка Якуба Сямашкі, наваградскага падкаморыя Адама Храптовіча [12, s. 128—132].

На самім сойме 1597 г. шведскае пытанне амаль не абмяркоўвалася. На пасяджэннях сената толькі адзін прадстаўнік ВКЛ — віленскі ваявода Крыштоф Радзівіл — закрануў дадзеную тэму, паведамляючы ў сваёй прамове, што «паслоў шведскіх не толькі патрэбна выслушаць, але, калі неабходна, адпаведна звычайам продкаў нашых дапамагаць і сцерагчы строга годнасць в.к.м. як верныя падда-

ныя будзем» [14, s. 63]. У супрацьвагу слабой зацікаўленасці гэтай праблемай сенатарамі ВКЛ яна знайшла водгук у выступленнях прадстаўнікоў Каралеўства Польскага [14, s. 33, 34, 54, 62, 65, 69]. Аднак іх адозвы па дадзенаму пункту каралеўскай прапазіцыі былі надзвычай лаканічнымі і амаль што не давалі адказ на пытанне, якім чынам будзе аказана дапамога манарху ў справе ўтрымання ім спадчыннага шведскага трона. На пасяджэннях пасольскай ізбы шляхта ўвогуле не выказала згоды на заслухоўванне справаздачы пасольства, якое павінна было акрэсліць становішча Жыгімонта III у Швецыі [27, s. 94]. Гэта можна патлумачыць дзвюма прычынамі: нежаданнем шляхты быць уцягнутай у шведскія справы, а таксама выкарыстаннем такога пратэсту ў якасці сродку маніпулявання манархам. Да Жыгімонта III на гэты сойм шляхта назапасіла дастаткова шмат просьбаў — петыцый. Былі яны разнастайнага характару і мелі дачыненне да дзяржаўна-палітычнай, рэлігійнай і эканамічнай сфер [27, s. 95—100]. Як вядома, у гэты час вызначаўся палітычны канфлікт паміж ВКЛ і каралеўскай уладай. Гаворка ідзе аб барацьбе за віленскае біскупства: для шляхты ВКЛ істотным была намінацыя на віленскае біскупства выключна літвіна.

Сойм 1597 г. скончыўся безвынікова і пакінуў шмат адкрытых пытанняў, сярод якіх была праблема адпаведнасці дзеянняў манарха зацверджанаму ім пакту канвента адносна далучэння Эстоніі да Рэчы Паспалітай. Жыгімонт III у гэтай справе імкнуўся балансаваць паміж прыхільнасцю Швецыі і даверам Рэчы Паспалітай, што практычна было немагчымым.

Дастаткова засяродзілі ўвагу на шведскай праблеме соймакі ВКЛ у 1598 г. Напрыклад, шляхта Вількамірскага павета выразна выказала сваю пазіцыю адносна гэтай справы. Дазваляючы ад'езд Жыгімонта III у Швецыю, яна прад'яўляла яму пэўныя ўмовы, пры якіх гэта паездка магла быць здзейснена. Сярод іх быў агавораны час вяртання манарха ў Рэч Паспалітую. Таксама ў соймакавай інструкцыі было занатавана наступнае: «Даручылі панам паслам старацца разам са станамі абодвух народаў, каб на тым сойме, калі не ўсе артыкулы ў пактах апісаныя маглі быць выкананыя, тады хоць бы Эстонія ўжо вернута была Кароне і Вялікаму Княству Літоўскаму. Аднак гэты артыкул да шырэйшага кола і.м. паноў сенатараў і паслоў Вялікага Княства Літоўскага, якія да Слоніма сабраліся, да супольнага абмеркавання данесці даручылі» [24, арк. 1]. Да кампетэнцыі слонімскага галоўнага соймака адносіла шляхта таксама і наступнае пытанне, якое выклікала відавочны непакой: патрэбу ў забеспячэнні людзьмі межаў Княства Літоўскага, «як ад знешняй, так і ўнутранай небяспекі» падчас ад'езда я.к.м. да Швецыі [24, арк. 2].

Больш грунтоўна, а разам з тым і агрэсіўна выказалася ваўкавыская шляхта. Інструкцыя дадзенага павета змяшчае інфармацыю, што мясцовая шляхта жадала, каб Жыгімонт III захаваў за сабою «спадчыннае каралеўства». У сувязі з гэтым паслы павінны былі раіцца з іншымі станамі Рэчы Паспалітай аб тым, якім чынам і з якой колькасцю людзей павінен адбыцца ад'езд манарха да Швецыі і «якім звычайем вайну супраць той дзяржавы пачаць» у выпадку, калі Карл не захоча падпарадкавацца [20, арк. 1—2]. Было выказана жаданне аб далучэнні Эстоніі да Рэчы Паспалітай [20, арк. 2]. Салідарнай у справе таго, каб «Эстонія да рук РП прыйшла», была і шляхта ашмянская, а таксама мінская, спасылаючыся пры гэтым на пакт канвета [18, арк. 2; 21, арк. 6; 22, арк. 3]. У даручэнні Наваградскага ваяводства прадпісвалася таксама згадваць на сойме пытанне далучэння гэтай тэрыторыі, аднак з агаворкай, каб яно не перашкаджала вырашэнню іншых спраў Рэчы Паспалітай [6, с. 104; 32, арк. 3]. У дадзеным выпадку, можна меркаваць аб другасным значэнні гэтага пытання для ўдзельнікаў соймака. На некаторых соймаках пытанні, абмеркаванні якіх патрабавала сітуацыя са спадчынным шведскім тронам, былі закрануты мімаходзь [19, арк. 1; 25, арк. 1]. З гэтага вынікае, што шляхта жадала навідзання парадку ў Шведскім Каралеўстве, але пры гэтым не давала ні канкрэтных парадаў, ні рэкамендацый. Больш таго, у некаторых выпадках дадзеная праблема ўзгадвалася перш за ўсё ў сувязі з тым, што шляхце быў уласцівы непакой і клопат адносна таго, каб Жыгімонт III, ад'язджаючы да Швецыі, пакінуў Рэч Паспалітую «у добрым кіраванні і міры» [18, арк. 1—2].

Цікава адзначыць іерархію важнасці праблем, якія хвалілі шляхту ВКЛ: амаль ва ўсіх разгледжаных перадсоймавых інструкцыях шведская праблема адыходзіць на другое месца пасля пытання аб віленскім біскупстве. На пачатку 90-х гг. XVI ст. Жыгімонт III спрабаваў абысці норму артыкула 12 раздзела III Статута 1588 г., што выявілася ў справе Бярнарда Мацяеўскага. У 1591 г. віленскі біскуп Юры Радзівіл становіцца кракаўскім біскупам. У Польшчы ўзнікае жаданне мець у Вільні біскупам паляка, чаму вельмі супраціўлялася шляхецкае саслоўе ВКЛ. У 1596 г. Леў Сапега адмовіўся паставіць дзяржаўную пячатку на акт аб прызначэнні на гэтую пасаду ўраджэнца Каралеўства Польскага лудкага біскупа Бярнарда Мацяеўскага. Такім чынам, у параўнанні з катэгарычным імкненнем абараніць статутковыя нормы «шведскае пытанне» на той час

мела другаснае значэнне ў вачах шляхты ВКЛ, што бачна нават па «эмацыянальным» тоне інструкцый.

Леў Сапега ў лістах да Крыштофа Радзівіла вельмі павярхоўна выказваўся наконт жадання Жыгімонта III ехаць да Швецыі, аднак ставіўся да гэтага памкнення станоўча. Адначасова ён сцвярджаў, што той, хто не раіць гэтага рабіць, з'яўляецца ворагам манарху [13, с. 171, 174]. Увогуле, пазіцыю Льва Сапегі адносна «шведскага пытання» можна ахарактарызаваць як пракаралеўскую. Зацікаўленасць канцлера ВКЛ у ажыццяўленні актыўнай і паспяховай палітыкі Жыгімонтам III у дадзеным кірунку часткова тлумачыцца прыватнымі інтарэсамі Льва Сапегі: яго род валодаў маёнткамі на тэрыторыі Інфлянты і ажыццяўляў гандаль праз Рыгу [11, с. 144—148].

Справаздача на сойме 1598 г. Самуіла Ласкага, які быў накіраваны ў Швецыю ў канцы 1597 г., канчаткова пераканала Жыгімонта III у неабходнасці тэрміновага ад'езду туды [28, с. 186—187]. У жніўні 1598 г. ён, заручыўшыся падтрымкай сойма [4, с. 173], рушыў да Швецыі. Аднак пасля паражэння пад Стангебро 8 верасня Жыгімонт III 25 верасня 1598 г. вымушаны быў вярнуцца ў Рэч Паспалітую. У студзені 1599 г. рыксдаг прызнаў Карла рэгентам, а ў ліпені адбылася дэтранізацыя Жыгімонта III [23, с. 181]. Такое разгортванне падзей азначала, што Швецыя стала ворагам Рэчы Паспалітай. Жаданне Жыгімонта III вярнуць шведскую карону і кантраляваць Інфлянты паклала пачатак доўгатэрміноваму ваеннаму канфлікту паміж краінамі. У 1604 г. Карл Судэрманскі быў каранаваны і актам аб пераходзе ў спадчыну прастола, прынятым у Нарчопінге, канчаткова зацвердзіў будучае новай галіны дынастыі [1, с. 173].

Такім чынам, можна сцвярджаць, што шляхта ВКЛ у асноўным пасіўна аднеслася да імкнення Жыгімонта III змагацца за дынастычныя правы, паколькі разумела, што гэта барацьба будзе пагражаць бяспецы дзяржавы, аб якой яна надзвычай клапацілася. У той жа час шляхта настойвала на выкананні абяцання Жыгімонта III уключыць Эстляндыю ў склад Рэчы Паспалітай. У пачатку XVII ст. Рэч Паспалітая апынулася ў стане вайны са Швецыяй, падчас якой пазіцыя шляхты ВКЛ адносна канфлікту паміж Рэччу Паспалітай і Швецыяй не была статычнай. Аднак відавочна, што ВКЛ здолела адчуць у гэтай справе тонкую мяжу паміж прыватным інтарэсам Жыгімонта III Вазы і дзяржаўным інтарэсам, што стала падставай для праяўлення часам несалідарнай палітыкі са сваім саюзнікам па федэрацыі Каралеўствам Польскім, а таксама манархам.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Андерссон, И. А. История Швеции / И. А. Андерссон; пер. со швед. Н. А. Каринцева; под ред. и с предисл. Я. Я. Зутиса. — М.: Изд-во иностр. лит., 1951. — 408 с.
2. Жукович, П. Н. Сеймовая борьба православного западнорусского дворянства с церковной унией. В 6 вып. Вып. 1: (до 1609 г.) / П. Н. Жукович. — СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1901. — XXI, 608 с.

3. Катлярчук, А. Швэды ў гісторыі й культуры беларусаў = Svenskar i vitrysk historia och kultur. Выд. 2-е, папраўд. і дап. / А. Катлярчук. — Вільня [Вільнюс]: Ін-т беларусістыкі, 2007. — 303 с.
4. Падалінскі, У. А. Ухваленне падагкаў на вальных соймах Рэчы Паспалітай як фактар палітычнай барацьбы (1593—1598 гг.) / У. А. Падалінскі // Сац.-экан. і прававыя даслед. — 2009. — № 3. — С. 157—176.
5. Падалінскі, У. А. «Шведская» палітыка Жыгімонта III Вазы / У. А. Падалінскі // *Castrum, urbs et bellum*: зб. навук. пр. / навук. рэд.: Г. Штыхаў, Г. Галенчанка. — Баранавічы, 2002. — С. 296—300.
6. Радаман, А. А. Інструкцыя Новагародскага соймака паслам на Варшаўскі вальны сойм 1598 г. / А. А. Радаман // Сац.-экан. і прававыя даслед. — 2005. — № 2. — С. 97—109.
7. Радаман, А. А. Соймікавая ўхвала шляхты Браслаўскага павета ад 19 снежня 1600 года ў кантэксце вайны Рэчы Паспалітай абодвух народаў са Швецыяй (1600—1629 гг.) / А. Радаман // Браслаўскія чытанні: матэрыялы VI навук.-краязнаўчай канф., прысвеч. 150-й гадавіне з дня нараджэння браслаў. лекара, грамад. дзеяча Станіслава Нарбута (1823—1926), Браслаў, 7—8 мая 2003 г. / рэд. рада: К. Шыдлоўскі [і інш.]. — Браслаў, 2003. — С. 80—88.
8. Флорыя, Б. Н. Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI — начале XVII в. / Б. Н. Флорыя; отв. ред. В. Д. Королук; Акад. наук СССР, Ин-т славяноведения и балканистики. — М.: Наука, 1973. — 222 с.
9. Форстен, Г. В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544—1648): исследование: [д-р дис.]. В II т. Т. I: Борьба из-за Ливонии / Г. В. Форстен. — СПб.: Тип. В. С. Балашева и К^о, 1893. — XV, 717 с.
10. Форстен, Г. В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544—1648): исследование: [д-р дис.]. В II т. Т. II: Борьба Швеции с Польшей и Габсбургским домом: (30-летняя война) / Г. В. Форстен. — СПб.: Тип. В. С. Балашева и К^о, 1894. — IX, 632 с.
11. Якубаў, В. У. Сапері ў барацьбе Жыгімонта Вазы за шведскую карону (1594—1611) / В. У. Якубаў // *Леў Сапера (1557—1633 гг.) і яго час*: зб. навук. арт. / Гродзен. дзярж. ун-т; рэдкал.: С. В. Марозава [і інш.]. — Гродна, 2007. — С. 143—149.
12. Akta zjazdów stanów Wielkiego Księstwa Litewskiego. W 2 t. T. 2: Okresy panowań królów elekcyjnych, XVI—XVII wiek / Inst. Historii Pol. Akad. Nauk; oprac. H. Lulewicz. — Warszawa: Neriton, 2009. — 452 s.
13. Archiwum domu Sapiehow wydane staraniem rodziny — T. 1: Listy z lat 1575—1606 / oprac. dr. A. Prochaska. — Lwów: z drukarni zakładu narodowego im. Ossolińskich, 1892. — XXXV, 577 s.
14. Diaryusze sejmowe r. 1597: w dodatkach akta sejmikowe i inne odnoszące się do tego sejmku / wyd. E. Barwiński. — Kraków: Nakł. Akad. Umiejętności, 1907. — XXVIII, 545 s.
15. Filipczak-Kocur, A. Skarb Litewski za pierwszych dwu Wazów, 1587—1648 / A. Filipczak-Kocur. — Wrocław: Wydaw. Uniw. Wrocławskiego, 1994. — 120, 24 s.
16. Grzybowski, S. Łaski Samuel Gotard / S. Grzybowski, F. Mincer // *Polski Słownik Biograficzny*. T. 18: Lubomirski Aleksander — Machowski Walenty / red. B. Leśnodorski [et al.] / Pol. Akad. Nauk, Inst. Historii. — Wrocław [etc.], 1973. — S. 250—253.
17. Herbst, S. Wojna inflancka, 1600—1602 / S. Herbst. — Zabrze: Interfort, 2006. — 253 s.
18. Instrukcja powiatu Oszmiańskiego, dana posłom na sejm (19 stycznia 1598) // AGAD. — AR. — Dz. II. — nr 371.
19. Instrukcja powiatu Trockiego, dana posłom na sejm (19 lutego 1598) // AGAD. — AR. — Dz. II. — nr 380.
20. Instrukcja powiatu Wołkowyskiego, dana posłom na sejm (w grudniu 1598) // AGAD. — AR. — Dz. II. — nr 401.
21. Instrukcja województwa Mińskiego, dana posłom na sejm (14 lutego 1598) // AGAD. — AR. — Dz. II. — nr 378.
22. Instrukcja województwa Mińskiego, dana posłom na sejm walny warszawski (19 stycznia 1598) // Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie (AGAD). — Archiwum Radziwiłłów (AR). — Dz. II. — nr 368.
23. Kersten, A. Historia Szwecji / A. Kersten. — Wrocław: Zakł. Nar. im. Ossolińskich, 1973. — 468 s.
24. Namowy sejmiku powiatu Wilkomirskiego do instrukcji posłom na sejm (w grudniu 1598) // AGAD. — AR. — Dz. II — nr 402.
25. Punkta z instrukcji powiatu Brasławskiego, dane posłom na sejm (w grudniu 1598) // AGAD. — AR. — Dz. II. — nr 400.
26. Rzońca, J. Rzeczpospolita Polska w latach 1596—1599: wybrane zagadnienia polityki wewnętrznej i zagranicznej / J. Rzońca // *Studia i monografie Wyższej Szkoły Ped. im. Powstańców śląskich w Opolu*. — 1990. — N 156. — 205 s.
27. Rzońca, J. Sejmy z lat 1597 i 1598: w 2 cz. Cz. I: Bezowocny sejm z 1597 r. / J. Rzońca. — Warszawa: Państw. Wydaw. Nauk., 1989. — 120 s.
28. Rzońca, J. Sejmy z 1597 i 1598 roku wobec spraw szwedzkich Zygmunta III Wazy / J. Rzońca // *Zeszyty Nauk. Wyższej Szkoły Ped. im. Powstańców śląskich w Opolu*. Ser. A, Historia. — 1988. — T. 26. — S. 175—192.
29. Volumina legum: przedruk zbioru praw staraniem XX. Pijarów w Warszawie, od roku 1732 do roku 1782, wydanego. W 9 t. T. 2: Ab anno 1550 ad annum 1609 / wyd. S. Konarski. — Petersburg: J. Ohryzki, 1859. — 482, XIII s.
30. Wisner, H. Opinia szlachecka Rzeczypospolitej wobec polityki szwedzkiej Zygmunta III w latach 1587—1632 / H. Wisner // *Zapiski Hist.* — 1973. — T. 38, Z. 2. — S. 9—50.
31. Wisner, H. Zygmunt III Waza / H. Wisner. — Wrocław [etc.]: Zakł. Nar. im. Ossolińskich, 1991. — 264 s.
32. Zlecenie województwa Nowogrodzkiego, dane posłom na sejm (21 stycznia 1598) // AGAD. — AR. — Dz. II. — nr 373.

Артыкул паступіў у рэдакцыю ў чэрвені 2016 г.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ Г. П. ФЕДОТОВА

Мария Матюшевская

В статье дан анализ геополитических взглядов известного российского историка-эмигранта, богослова культуры и публициста Г. П. Федотова. Геополитическая ситуация в Европе XIX—XX вв. наиболее полно описана им в статье «Судьба империй» (Нью-Йорк, 1947 г.). Ключевым в геополитической концепции Г. П. Федотова является термин «русское христианство». Г. П. Федотов характеризует также духовные структуры геополитики оппонентов России — Германии, а после ее поражения во Второй мировой войне — Соединенных Штатов Америки. Сегодня идеи Г. П. Федотова интересны не только с историографической точки зрения. Они имеют большой интеллектуальный потенциал и могут быть востребованы при анализе и решении современных социальных и международных проблем.

Ключевые слова: геополитическая концепция, Германия, духовная культура, империализм, национальная идея, Российская империя, русское христианство, СССР, США.

«Georgy Fedotov's Geopolitical Views» (Maryia Matsiusheuskaya)

The article gives the analysis of the geopolitical views of the famous Russian emigrant historian, theologian of culture and publicist Georgy Fedotov. The geopolitical situation in Europe in XIX—XX centuries is more fully described in his article «The Fate of Empires» (New York, 1947). The term «Russian Christianity» is central in the geopolitical concept of Georgy Fedotov. G. Fedotov also describes the spiritual structures of the geopolitical rival of Russia — Germany, and after its failure in World War II — the United States of America. Fedotov's ideas are interesting today not only from the historiographical perspective. They possess a great intellectual capacity and may be claimed in the analysis and solution of contemporary social and international issues.

Keywords: geopolitical concept, Germany, imperialism, national idea, Russian Christianity, Russian Empire, spiritual culture, USA, USSR.

Author:

Matsiusheuskaya Maryia — Candidate of History (PhD), Associate Professor of the Department of Archeology and special historical disciplines of the Faculty of History and Philology, Mogilev State University named A. A. Kuleshov, e-mail: marija211170@ya.ru

Mogilev State University named A. A. Kuleshov. Address: 1, Kosmonavtov str., Mogilev, 212022, BELARUS

Георгий Петрович Федотов (1886—1951 гг.) вошел в анналы мировой гуманитарной мысли как историк, богослов культуры, один из самых известных публицистов русского зарубежья. Он разработал теоретическую концепцию «русского христианства», показал свое видение истории Древней Руси и влияние на европейскую общественную жизнь XX в. средневековых моделей — политических, социальных, культурных, экономических. Он дал определение понятиям «культура» и «цивилизация», «империя» и «имперское сознание», с помощью метода социологического портретирования создал коллективные социальные портреты дореволюционного российского дворянства, бюрократии,

буржуазии, народа, советского крестьянства, рабочих, служащих, нэпманов, партийных деятелей.

На постсоветском пространстве труды Г. П. Федотова стали доступны массовому читателю только в начале 1990-х гг. — после выхода в свет двухтомника «Судьба и грехи России», в котором были опубликованы основные публицистические статьи, написанные им в период эмиграции 1925—1951 гг. Теоретические труды, посвященные их анализу, стали появляться еще при жизни Г. П. Федотова. В частности, его философским воззрениям дал оценку Н. А. Бердяев [1], также на тот момент находившийся в эмиграции. Однако основной пласт историографической литера-

Автор:

Матюшевская Мария Иосифовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и специальных исторических дисциплин историко-филологического факультета Могилевского государственного университета имени А. А. Кулешова, e-mail: marija211170@ya.ru

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова. Адрес: 1, ул. Космонавтов, Могилев, 212022, БЕЛАРУСЬ

Рецензенты:

Лавринович Дмитрий Сергеевич — доктор исторических наук, профессор, первый проректор Могилевского государственного университета имени А. А. Кулешова

Русакович Андрей Владимирович — кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой дипломатической и консульской службы факультета международных отношений Белорусского государственного университета

туры о Г. П. Федотове пришлось на вторую половину XX — начало XXI в. Его вклад в изучение средневековой культуры Руси рассмотрели А. И. Клибанов [4], А. Мень [7] и др. Исторические оценки особенностей развития дореволюционной России и СССР, сделанные Г. П. Федотовым, проанализировали Ф. В. Бойков [2] и Л. А. Гаман [3]. Оценка творческого наследия Г. П. Федотова представлена в электронных справочниках [см., напр.: 13].

Вместе с тем на сегодняшний день приходится констатировать: творческое наследие Г. П. Федотова осмыслено нами еще далеко не в полной мере [5; 6]. Один из малоизученных его аспектов — геополитические взгляды Г. П. Федотова. Наиболее полно они были сформулированы ученым на закате жизни в статье «Судьба империй» (Нью-Йорк, 1947) [12], но формировались на протяжении всего его научно-публицистического творчества. Проследить эволюцию их становления и проанализировать геополитическую концепцию Г. П. Федотова — цель данной статьи.

В работе «Судьба империй» Г. П. Федотов выстраивает следующую логическую цепочку рассуждений: «...Границы государства не статические формы, а силовые линии, где скрещиваются и уравниваются внутреннее и внешнее давления...» [12, с. 305]. Этот факт описан в мировой историографии как смена процессов интеграции и дезинтеграции. В зависимости от того, какая государственность или народность стояла в центре внимания историка, эти процессы получали различную оценку. Процесс интеграции мог быть назван ростом, развитием, объединением или же завоеванием, порабощением, ассимиляцией. Процесс дезинтеграции получал оценку упадка, разложения или освобождения, рождения новых наций. Исторические оценки процессов интеграции и дезинтеграции содержат в себе много личного и условного.

Говоря о самосознании современной ему европейской культуры, историк отмечает: «...Наши привычные понятия о государстве сложились в опыте XIX века, когда национальное государство из исключения превратилось в норму, в тип государства вообще. Современное государство-нация есть продукт скрещения двух первоначально враждебных сил: романтизма и французской революции... Его внешнеполитическая история сводилась главным образом к революционно-военной перекройке европейской карты по национальным границам...» [12, с. 306].

В конце XIX в. политическая карта мира изменилась. Хозяйственной необходимостью для великих европейских держав стала колониальная экспансия. Здесь столкнулись их интересы, и в Первую мировую войну «...вступили уже не европейские народы или нации, а мировые Империи, подобные драконам, го-

ловы которых еще умещались в Европе, но туловища покрывали почти весь земной шар...» [12, с. 307].

По итогам войны на Версальской конференции преобладало решение национально-вопроса. Идеальным планом этой конференции, «...на практике оказавшимся неосуществимым, было воплощение старой романтической мечты: для каждой народности свое государство. Крушение нескольких Империй позволило кроить новые государства в Европе щедро и, на первый взгляд, безболезненно. Вопрос о колониях, о переделе мира и мировых богатств стоял на втором плане...» [12, с. 307—308].

Однако империализм как воля к власти, территориальному господству и новой форме общественного сознания не исчез. Напротив, «...на службу мечу стали... новые идеологии, в которых расовые и буржуазно-классовые мотивы сплетались с самыми передовыми, сверхнациональными и социалистическими. Бессилие и малодушие находили опору в стремлении к миру, к европейскому единству, к универсальной организации...» [12, с. 308]. Поэтому Вторую мировую войну можно понять лишь в теснейшей связи с Первой мировой войной, как ее второй акт, который окончился крушением германского варианта мировой империи.

Г. П. Федотов заключает: «...в результате этих двух "раундов" старая Европа с ее сложившейся системой международных отношений отошла в вечность. Погибли или погибают все ее Империи, кроме России, на равновесии которых держался мир... Государства-нации не смогли организовать жизни в образовавшейся политической пустоте. Прежде всего выяснилась утопичность чисто этнографической государственности... С другой стороны, национальное чувство в наши дни, столь беспощадное к слабым соседям, оказывается неожиданно и жалко покорным перед торжествующей силой...» [12, с. 309—310].

Г. П. Федотов убежден: ни равновесие империй, ни мирное строительство малых наций не присущи новой исторической эпохе. Над руинами послевоенной Европы возвысились два гиганта, два победителя, вознесенные мировой войной на небывалую высоту, — СССР и США. Борьба между ними уже ведется методами дипломатии, экономики, пропаганды [12, с. 310].

Рассуждая о возможных вариантах будущего развития мировой истории, Г. П. Федотов особое внимание уделяет России. По мысли Г. П. Федотова, Россия рубежа XIX—XX вв. являлась империей своеобразной. По своей национальной и географической структуре она находилась между Великобританией и Австро-Венгрией. Типологически Российская империя была ближе к Австро-Венгрии. Однако процент господствующего великорусско-

го населения в империи Романовых был значительно выше немецкого в империи Габсбургов. Это придавало России несравненно большую устойчивость.

Процесс формирования Российской империи был отнюдь не мирным. Начиная с XV в. с русскими «колонизаторами» боролись вогулы, казанские татары, башкиры. Территория Кавказа и Туркестана куплена обильной кровью. Польша, будучи насильственно включенной в состав России, создала для нее в Европе репутацию «тюрьмы народов».

Была ли эта репутация заслуженной? Г. П. Федотов отвечает на этот вопрос так: «...В такой же мере, как и другими европейскими Империями. Ценой эксплуатации и угнетения они несли в дикий или варварский мир семена высшей культуры... Для России вопрос осложняется культурным различием ее западных и восточных окраин. Вдоль западной границы русская администрация имела дело с более цивилизованными народностями, чем господствующая нация. Оттого, при всей мягкости ее режима в Финляндии и Прибалтике, он ощущался как гнет... Для Польши Россия была действительно тюрьмой, для евреев — гетто. Эти два народа Империя придавила своей тяжестью. Но на Востоке, при всей грубости русского управления, культурная миссия России беспорна...» [12, с. 319].

В XIX в. Российская империя не осталась в стороне от возникшего в Европе национально-романтического движения. Оно докатилось до ее пределов с некоторым опозданием. Г. П. Федотов согласен с идеей федерации: «...Это прекрасная, разумная программа. Для малых народов она обещает и свободу, и преимущества жизни в великом, веками сложившемся организме. Экономические блага имперской кооперации бесспорны, так же как и преимущества военной защиты...» [12, с. 322]. Однако Г. П. Федотов отмечает: русские националисты восприняли идею федерации как угрозу империи и старательно раздували искры сепаратизмов.

Он отмечает, что Советский Союз силой оружия и террором собрал бывшую Российскую империю, отсутствие политической свободы было прикрыто обильными поблажками национальному тщеславию. Но «...национальный романтизм, неизбежно принимавший националистическую окраску, был ему ненавистен. На десятках языков Союза должны были печататься и читаться только полные собрания сочинений Маркса и Ленина. Это было достигнуто с прибавлением од Сталину. Для этого понадобилось задушить национальные литературы (особенно украинскую и тюркскую) с истреблением значительной части их интеллигенции. С тех пор национальные движения были загнаны в подполье. — Но это значит, что опять, как в царские времена, на окраинах скопляются центробежные силы, готовые взорвать мнимофедеративную Империю...» [12, с. 323].

Размышляя о внешних и внутренних причинах возможного политического кризиса в СССР, о кризисе системы ценностей в его обществе, Г. П. Федотов очень осторожно рассуждает о роли США в послевоенном мире. Он пишет о том, что эта страна не мечтает о мировом господстве. В случае создания мировой империи вариант *Pax Atlantika* или *Pax Amerika* представляется ему менее ясным, но более светлым, чем установление мировой власти большевиков. Такая осторожность суждений понятна: статья «Судьба империй» была написана и опубликована в Нью-Йорке в условиях начавшейся в мире «холодной войны».

Осознавая ее неизбежность, Г. П. Федотов предполагает: «...Если бы не было никаких сепаратизмов в России, их создали бы искусственно; раздел России все равно был бы предрешен. Фактическое положение сделает возможным произвести его в согласии с волей большинства ее народов, в условиях демократической справедливости. На плечи победителей ко всем их мировым проблемам ляжет добавочная тяжесть: организация хаоса на территории Восточной Европы...» [12, с. 325].

По мнению Г. П. Федотова, перспективы войны, поражения в ней России и оккупации Восточной Европы «...способны потрясти не одних националистов, но и всякого русского, не совсем потерявшего связь со своим народом и его культурой... Единственный шанс... предотвращения новой войны: это падение большевистской власти в России...» [12, с. 325].

О последствиях ликвидации власти большевиков ученый рассуждает так: «...Россия не умрет, пока жив русский народ, пока он живет на своей земле, говорит своим языком. Великобритания, да еще с придачей Белоруссии (вероятно) и Сибири (еще надолго), все еще представляет огромное тело, с огромным населением, все еще самый крупный из европейских народов. Россия потеряет донецкий уголь, бакинскую нефть — но Франция, Германия и столько народов никогда нефти не имели. Она обеднеет, но только потенциально, потому что та нищета, в которой она живет при коммунистической системе, уйдет в прошлое. Ее военный потенциал сократится, но он потеряет свой смысл при всеобщем разоружении. Если разоружения не произойдет, то погибнет не одна Россия, а все культурное человечество...» [12, с. 326—327].

Моделируя будущее России, Г. П. Федотов отмечает еще один важный момент: главной проблемой будущего мирового развития станет установление отношений между членами западной семьи и возрождающимися народами Востока. По мнению Г. П. Федотова, сейчас Восток еще слишком слаб технически, чтобы включиться с выигрышем для себя в создание новой мировой федеративной империи. По достижении им технического совершеннолетия ситуация изменится.

Г. П. Федотов делает вывод: «...вопрос о спасении нашей культуры есть вопрос духа...» [12, с. 315]. Применительно к будущему России этот вывод Г. П. Федотов интерпретировал так: в российской истории «...имперское сознание питалось не столько интересами государства — тем менее народа, — сколько похотью власти: пафосом неравенства, радостью унижения, насилия над слабыми. Этот языческий комплекс для России XIX века означал кричащее противоречие между политикой государства и заветами ее духовных вождей. Русская литература была совестью мира, а государство пугалом для свободы народов. Потеря Империи есть нравственное очищение, освобождение русской культуры от страшного бремени, искажающего ее духовный облик... Не одно поколение понадобится для... возвращения в заглохшую традицию русской культуры, а через нее — и русского христианства...» [12, с. 327].

В работе «Судьба империй» Г. П. Федотов не раскрывает свое понимание термина «русское христианство», который является важнейшей составляющей его геополитических воззрений. Однако его суть хорошо реконструируется на основе изучения всего научно-публицистического творчества ученого [12].

В статье «Национальное и вселенское» (Париж, 1928) Г. П. Федотов писал: «...Христианская Церковь с первых дней своего бытия на земле раскрывается как Церковь вселенская... Римское католичество навсегда сохранило этот универсализм (вселенскость), как свое сущностное определение — свое "имя". Отсюда развитие новых европейских народов протекало, — и до сих пор протекает, — в трениях и в борьбе с Римом... Православная Византия жила исключительно сознанием вселенским. Для нее границы православного мира совпали с вселенской, по смыслу своему, империей...» [9, с. 260—261].

Для Древней Руси принять христианство означало принять греческую иерархию и греческие императорские законы. Г. П. Федотов видел в таких притязаниях Византии извращение великой правды: «...Христианское человечество должно иметь единство не только в духе, но и в полноте исторической жизни. Однако приравнение этого земного единства Церкви внешнему государственному единству было великой ложью, провиденциально вскрытой в гибели греческого царства. Не греческой, а русской Церкви было дано раскрыть смысл национальной идеи в православии...» [9, с. 261].

По мнению Г. П. Федотова, в Древней Руси появился новый тип святости. Греческая церковь почти не знала святых мирян. Древнерусская церковь, напротив, канонизировала десятки князей, об аскетических подвигах которых не было ничего известно. Одни из них

были мучениками за веру, другие — мучениками за национальный идеал: «положили душу свою за други своя».

Национальное религиозное сознание Древней Руси достигло своей вершины у святого Иосифа Волоцкого. Но к концу XV в. оно было заслонено и отягощено новым универсализмом: идеей «Москва — Третий Рим», доставшейся в наследство от погибшей Византии. Эта идея привела к тому, что для людей XV—XVII вв. Успенский собор в Москве стал «святой, соборной и апостольской Церковью». Однако эта национальная вселенскость грозила утратой вселенского чувства Церкви.

Вселенское сознание Москвы помешало выразиться древнерусскому сознанию нации. Наказанием за это стал русский раскол. По оценке Г. П. Федотова, «...мысль XIX века — мысль светских богословов и философов — славянофилов, Вл. Соловьева — додумала и выразила то, чем жила Древняя Русь...» [9, с. 262].

Г. П. Федотов был убежден: «...Нет более распространенного недоразумения среди нас, как смешение "православного" и "русского". Православное — это вселенское, это для всех. Русское — только для нас. Мы плохо знаем иные православные церкви и культуры, плохо знаем и свою собственную. Отсюда иногда мы готовы утверждать, как русское, то, что является призванием христианства восточного, а иногда выдаем за православное, вселенское, общеобязательные исторические особенности лишь нашего, русского пути. И национальное, и вселенское понимание православия страдают от этого смешения. Поэтому первый долг для нас — долг самопознания — упорный труд по изучению и осмыслению нашего прошлого...» [9, с. 266].

В статье «Новый идол» (Париж, 1935) Г. П. Федотов дополнил эти мысли: «...Правда заключается в том, что национальная идея, по происхождению языческая, получила христианское крещение — довольно позднее — в свете учения о соборной личности. С этого момента она входит существенным ингредиентом в синтез христианской культуры. Однако необходимым условием ее нормальной жизни является ее соподчиненность другим великим идеям, образующим полноту Истины. Вселенское принадлежит к более глубокому и первичному слою в христианстве, нежели национальное. Церковь Христова родилась как вселенская и жива лишь там, где вселенское сознание не заглохло... Интернационализм, понимаемый как механический сплав потерявших свой духовный облик народов, противен персоналистической природе христианства. Но столь же справедливо, что национализм, восставший против вселенского единства во имя обособленного эгоизма частей, не имеет ничего общего с христианской идеей человечества...» [10, с. 62—63].

Рассуждая о судьбе России в XX в., Г. П. Федотов анализировал духовные структуры геополитики ее оппонентов. До начала Второй мировой войны особое внимание он обращал на Германию. В статье «Письма о русской культуре» (Париж, 1938) Г. П. Федотов писал: «...Германия романтизма, Германия Бисмарка и Германия Гитлера — кажутся совершенно разными нациями... Столетие от Лессинга до Гегеля в самом деле венчало Германию королевой европейской мысли. За элитой мудрецов и поэтов стоял народ — трудолюбивый, честный, лояльный, добродушный. Двадцать лет (1848—1870), и... романтические мечты молодости сданы в архив. Трезвый, практический, с волевым упорством и методичностью, он строит великую науку, колоссальную индустрию, могущественное государство. Надо всем начинает доминировать "воля к власти". Это путь, который в годы великой войны русская интеллигенция грубовато окрестила: от Канта к Круппу. Четыре года (1914—1918) сверхчеловеческого напряжения, и бисмарковский немец погиб. Его сменил немец Гитлера. Неврастеник, фантазер, разучившийся работать методически и отдавшийся во власть фантастической грезы...» [11, с. 168].

По мысли Г. П. Федотова, пример Германии XIX—XX вв. свидетельствует о том, что «...современная культура все более сливает многообразие европейских типов в один — европейский... Все новейшие революции создают один и тот же психологический тип: военно-спортивный, волевой и антиинтеллектуальный, технически ориентированный, строящий иерархию ценностей на примате власти. Этот тип человека есть последний продукт западной цивилизации, продукт перерождения буржуазного индивидуализма. В нем нет ничего русского, немецкого, итальянского...» [11, с. 169—170].

После поражения Германии во Второй мировой войне Г. П. Федотов обратился к изучению «духовных структур геополитики» Соединенных Штатов Америки. В статье «Запад и СССР» (Нью-Йорк, 1945) историк отмечал: «...Культура Америки носит характер странного раздвоения; она одновременно и наиболее

отсталая, и наиболее передовая страна. Официальная Америка и огромное большинство ее народа живет в наивный и счастливый век, соответствующий Европе не то восемнадцатого, не то девятнадцатого столетия. Она полна упоением собственных сил и возможностей. Она хочет наслаждаться жизнью, и из обрывков гуманитарного христианства и своей конституции творит себе веселую религию доброго гедонизма, с обязательной улыбкой и забвением смерти. Не помня о христианском происхождении своей демократии, и все еще празднуя освобождение от недавно властвующего пуританства, Америка в своей анти-христианской школе и науке подрывает основы собственной жизни... Оптимизм нации питается ее огромными техническими и экономическими ресурсами, делающими ее, впервые в истории, самой мощной державой мира. Но этот близорукий оптимизм не в силах создать великого искусства. Он обслуживается Бродвеем и беллетристикой, стоящей ниже литературного уровня. Вся молодая и талантливая литература Америки живет отчаянием, ненавистью и невротами, напоминающими и Веймарскую Германию, и передовую Францию...» [8, с. 227—228]. По заключению Г. П. Федотова, после Второй мировой войны США все больше проникаются духом насилия, их политика приобретает профашистский характер.

Представленная в трудах Г. П. Федотова геополитическая концепция сегодня способна вызывать неоднозначные суждения. С одной стороны, поражает научное предвидение историком событий, свершившихся почти через полвека после его кончины. С другой стороны, современная наука уже способна дать более четкое определение понятию «нация», которое активно использует Г. П. Федотов. Уточнены историография и историческое наполнение концепции «Москва — Третий Рим». Термин «русское христианство» дополнился понятием «русский мир». И все же нам не следует забывать, что Г. П. Федотов был одним из тех, кто стоял у истоков таких исследований. Его идеи до сих пор имеют большой интеллектуальный потенциал и интересны не только с историографической точки зрения.

Список использованных источников

1. Бердяев, Н. Существует ли в православии свобода мысли и совести / Н. Бердяев [Электронный ресурс] // Библиотека русской религиозно-философской и художественной литературы. — Режим доступа: <<http://www.vehi.net/fedotov/berdyayev.html>>. — Дата доступа: 07.02.2015.
2. Бойков, Ф. В. Судьба и грехи России (философско-историческая публицистика Г. П. Федотова) / Ф. В. Бойков // Федотов, Г. П. Судьба и грехи России: избранные статьи по философии русской истории и культуры. В 2 т. Т. 1 / Г. П. Федотов; сост., вступ. ст., прим. В. Ф. Бойкова. — СПб.: София, 1991. — С. 3—38.
3. Гаман, Л. А. Советская история в изображении Г. П. Федотова: к постановке вопроса / Л. А. Гаман // Известия Томск. политех. ун-та. — Т. 308, Вып. 3. — 2005. — С. 213—218.
4. Клибанов, А. И. Духовная культура средневековой Руси / А. И. Клибанов [Электронный ресурс] // Mreadz.com: самая крупная библиотека. Читальный зал онлайн. — Режим доступа: <<http://mreadz.com/new/index.php?id=16831&pages=42>>. — Дата доступа 15.08.2015.
5. Матюшевская, М. И. Метод социологического портретирования культурного разнообразия в Московской школе историков конца XIX — начала XX века / М. И. Матюшевская // Этнічна, моўная і культурная разнастайнасць у сучасным грамадстве: зб. навук. прац удзельнікаў Міжнар. навук.- практ. канф., Магілёў, 29—30 мая 2014 г. / Магілёў. дзярж. ун-т харчавання; уклад. Ш. А. Пушкін; рэдкал.: Ю. М. Бубнаў (адк. рэд.) [і інш.]. — Магілёў: МДУХ, 2014. — С. 151—156.

6. Матюшевская, М. И. Оценка империалистической войны и исторической судьбы Российской Империи в научно-публицистическом творчестве Г. П. Федотова / М. И. Матюшевская // *Studia internationalia: материалы III междунар. науч. конф. «Западный регион России в международных отношениях X—XX вв.»*, 2—4 июля 2014 г. — Брянск: Ладомир, 2014. — С. 252—261.
7. Мень, А. Георгий Федотов / А. Мень [Электронный ресурс] // Библиотека русской религиозно-философской и художественной литературы. — Режим доступа: <<http://www.vehi.net/men/fedotov.html>>. — Дата доступа: 07.02.2015.
8. Федотов, Г. П. Запад и СССР / Г. П. Федотов [Электронный ресурс] // Православная электронная библиотека Одинцовского благочиния. — Режим доступа: <http://odinblago.ru/zapad_i_ccsr>. — Дата доступа: 15.08.2015.
9. Федотов, Г. П. Национальное и вселенское / Г. П. Федотов [Электронный ресурс] // Православная электронная библиотека Одинцовского благочиния. — Режим доступа: <http://odinblago.ru/nac_i_vsel>. — Дата доступа: 15.08.2015.
10. Федотов, Г. П. Новый идол // Федотов, Г. П. Судьба и грехи России: избранные статьи по философии русской истории и культуры. В 2 т. Т. 2 / Г. П. Федотов; сост., вступ. ст., прим. В. Ф. Бойкова. — СПб.: София, 1991. — С. 50—65.
11. Федотов, Г. П. Письма о русской культуре // Федотов, Г. П. Судьба и грехи России: избранные статьи по философии русской истории и культуры. В 2 т. Т. 2 / Г. П. Федотов; сост., вступ. ст., прим. В. Ф. Бойкова. — СПб.: София, 1991. — С. 163—187.
12. Федотов, Г. П. Судьба империй // Федотов, Г. П. Судьба и грехи России: избранные статьи по философии русской истории и культуры. В 2 т. Т. 2 / Г. П. Федотов; сост., вступ. ст., прим. В. Ф. Бойкова. — СПб.: София, 1991. — С. 304—327.
13. Философы. Федотов Георгий Петрович [Электронный ресурс] // intencia.ru. — Режим доступа: <<http://intencia.ru/Filosof-view-237.html>>. — Дата доступа: 07.02.2015.

Статья поступила в редакцию в сентябре 2015 г.

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИКИ ОГРАНИЧЕНИЯ ИММИГРАЦИИ ВО ФРАНЦИЮ (1974—1981 гг.)

Константин Снисаренко

Автор статьи характеризует процесс формирования политики ограничения иммиграции во Францию. Были выделены два этапа его развития. В 1974—1977 гг. действия французских правительств были во многом схожи с теми, что осуществлялись властями страны в конце 1960-х — начале 1970-х гг. В 1977—1981 гг. иммиграционная политика французского государства приобрела репрессивный характер. Особое внимание автор уделил анализу принятия решения 5 июля 1974 г., которое положило начало ограничению иммиграции в страну. Оно, как и последующие действия властей, было осуществлено в рамках «инфра-права» и культуры административного авангарда. По мнению автора, с самого начала воплощения в жизнь политики ограничения иммиграции во Францию стали заметны присущие ей противоречия. Под влиянием ограничительных мер стали наблюдаться качественные изменения в процессе иммиграции. Широкое распространение получили иммиграция по линии воссоединения семей, нелегальная иммиграция. Действия правительств создавали условия для ухудшения социального положения французских иммигрантов. Не был налажен культурный диалог между ними и французским обществом.

Ключевые слова: государственная иммиграционная политика, иммиграция, интеграция, сегрегация, социальное положение иммигрантов, Франция.

«Formation of the Policy of Immigration Restriction in France (1974—1981)» (Konstantin Snisarenko)

The author of the article gives characteristics to the process of formation of the restriction policy on immigration in France. Two stages were distinguished. In 1974—1977 the French governments' actions were in many ways similar to those conducted by the country's authorities at the end of 1960s — beginning of the 1970s. In 1977—1981 immigration policy of the French government became repressive. The author paid particular attention to the analysis of decision-taking on July 5, 1974, which marked the beginning of the restriction of immigration into the country. This decision, as well as subsequent actions of the authorities, was taken within the framework of «infra-law» and culture of the administrative avant-garde. According to the author, from the very beginning of the restriction policy implementation, its inherent contradictions became obvious. Influenced by restriction measures, qualitative changes in the immigration process were observed. Family unifications and illegal migration became widely spread. Authorities' action created conditions for deterioration of the social position among French immigrants. There was no cultural dialogue established between them and the French society.

Keywords: France, immigration, intergation, segregation, social position of immigrants, state immigration policy.

Author:

Snisarenko Konstantin — Senior Lecturer of the Department of International Relations of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: ksnisarenko@tut.by
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., 220030, Minsk, BELARUS

После Второй мировой войны Франция привлекала большое количество мигрантов. За период с 1946 по 1975 г. доля иммигрантов в составе ее населения увеличилась с 5 до 7,4 % [21]. Однако 5 июля 1974 г. правительство премьер-министра Ж. Ширака решило прекратить вы-

дачу трудовых виз иностранным рабочим. Этот шаг положил начало формированию политики ограничения иммиграции во Францию. Данный процесс длился весь период правления правящих кабинетов премьер-министров Ж. Ширака и Р. Барра (1974—1981 гг.).

Автор:

Снисаренко Константин Леонидович — старший преподаватель кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета, e-mail: ksnisarenko@tut.by
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Рецензенты:

Селиванов Андрей Владимирович — кандидат исторических наук, доцент, заместитель декана факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Шупляк Сергей Петрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории исторического факультета Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка

В историографии данного вопроса существуют явные диспропорции. Он крайне скудно отражен в русскоязычной литературе. Выделить здесь можно работы Е. М. Михайлова [1] и Н. М. Фролкина [2]. В то же время он широко рассмотрен французскими авторами. Здесь можно упомянуть работы историка В. Вие [24], экономиста Ж. Тапиноса [22], социологов И. Гасто [11] и С. Лоуренса [15], правоведа Д. Лошак [19]. При всем разнообразии подходов и мнений французской историографии присущ существенный недостаток. Как правило, авторы исходят из своих узкоспециализированных задач, отсутствует комплексное видение проблемы. Безусловно, данная статья не сможет полностью восполнить этот пробел. Тем не менее, она представляет собой один из шагов, направленных на более глубокое изучение вопроса формирования и развития политики ограничения иммиграции во Францию.

Цель статьи — охарактеризовать период формирования политики ограничения иммиграции во Францию. Для ее достижения были поставлены следующие задачи: обозначить причины перехода французских правительств к ограничительной иммиграционной политике, дать характеристику методам ведения иммиграционной политики государственными секретарями по вопросам трудовых иммигрантов в 1974—1981 гг., оценить последствия формирования политики ограничения иммиграции.

К началу проведения ограничительной иммиграционной политики власти страны подтолкнула реакция французского общества на социально-экономические и социокультурные последствия слабо контролируемой государством иммиграции.

С середины 1950-х гг. французские правительства отошли от идеи целенаправленной сбалансированной государственной иммиграционной политики и фактически передали регулирование внешней трудовой миграции в руки патроната. Как отмечал известный экономист Ж. Тапинос: «С 1955 г. французское государство только согласовывало, обосновывало и наблюдало за спонтанным процессом трудовой миграции, который удовлетворял нужды предприятий» [22, р. 44]. Государственные органы Франции стали регистрировать иммигрантов по факту их нахождения и трудовой деятельности в стране. Если в 1956 г. лишь 20 % прибывающих в страну иммигрантов не попадали под государственный контроль, то в 1968 г. — более 80 % [1, с. 36].

Французские наниматели ориентировались на использование иностранцев в качестве малоквалифицированной рабочей силы. По данным профсоюзов, 57 % иностранных рабочих не имели никакой квалификации, а 31 % — были низкоквалифицированными [2, с. 203]. Иностранная рабочая сила направлялась в наиболее трудоемкие отрасли с низким уров-

нем механизации труда. По сведениям Министерства труда Франции, наибольшее количество иностранных рабочих было задействовано в строительстве, тяжелом машиностроении, сфере бытовых услуг [25, р. 90].

Низкая оплата труда и тяжелое социальное положение большинства иммигрантов создавали условия для проявления ими протеста. Несмотря на это, их общественно-политическая активность была низкой. Иммигранты испытывали дефицит политических прав, так как во Франции действовал декрет-закон «Об иностранных ассоциациях и организациях, включающих в свой состав иностранцев» от 12 апреля 1939 г. [5]. В соответствии с ним общественная организация, которая имела в своем составе иностранных граждан, для ведения деятельности на территории страны должна была получить разрешение Министерства внутренних дел. При этом данное министерство имело право в любой момент наложить запрет на ее работу.

Несмотря на то, что иммигранты редко заявляли о своих правах, французские ультраевые молодежные организации попытались заручиться их поддержкой во время общественно-политического кризиса в мае—июне 1968 г. Кроме того, профсоюзное объединение «Всеобщая конфедерация труда» (ВКТ), поддержанное Французской коммунистической партией (ФКП), выступило в 1969 г. с рядом требований по изменению иммиграционной политики страны в интересах трудящихся-иммигрантов [3, р. 262]. Ни ультраевым организациям, ни профсоюзам не удалось достичь своих целей. Тем не менее, события 1968 г. вызвали беспокойство у предпринимательских и правящих кругов страны. Ж. Тапинос заметил по этому поводу: «Проблемы, которые возникли из-за того, что иммиграционная политика была подчинена исключительно интересам экономики,.. вышли на первый план в деятельности правительств» [22, р. 87]. Желая не допустить присоединения иммигрантов к борьбе рабочих, французские правящие круги стремились, с одной стороны, усилить контроль над иммиграцией, с другой — улучшить условия жизни иммигрантов во Франции. В частности, 29 июля 1968 г. был введен запрет на предоставление вида на жительство неквалифицированным иностранным рабочим, которые обратились за его получением на территории страны [16, р. 840]. В 1972 г. были приняты министерские циркуляры, в соответствии с которыми наличие трудового контракта у постоянно проживающего во Франции иностранца стало условием продления его вида на жительство [7, р. 57—58]. Следствием такой политики стало бы исключение безработицы среди трудовых иммигрантов. Тем самым власти стремились ограничить рост радикальных настроений среди иностранных рабочих. Параллельно с этим расширя-

лись права иммигрантов. Принятый 27 июня 1972 г. закон позволял им участвовать в органах рабочего самоуправления и административных советах предприятий [17]. В 1973 г. была проведена реформа Кодекса о гражданстве [см.: 7, р. 58]. Супруг и супруга получили равные права при определении гражданства ребенка, была упрощена процедура натурализации.

Социокультурные последствия иммиграции в страну были связаны с изменением этнического состава иммигрантов. В результате формирования в Европе противоборствующих военно-политических блоков двух сверхдержав — СССР и США, в 1947—1950 гг. приток во Францию выходцев из европейских государств сильно сократился. В поисках новых источников пополнения рабочих рук французские предприниматели стали привлекать трудовых мигрантов из колоний. Больше всего их поступало из стран Северной Африки. Сказывалась их географическая близость, а также то, что посещение метрополии жителями этого региона было упрощено законодательством. Доля африканцев в общем количестве проживающих в стране иностранцев выросла с 3,1 % в 1946 г. до 34,6 % в 1975 г. [8].

Отношение к иммиграции из неевропейских стран стало меняться под влиянием распада колониальной империи Франции, который сопровождали войны в Индокитае (1946—1954 гг.) и Алжире (1954—1962 гг.). В соответствии с данными проведенного в 1966 г. социологического опроса 62 % французов негативно относились к росту числа иммигрантов из бывших колониальных владений [см.: 11, р. 87—88].

В основе такой реакции лежали две причины. Первая из них связана с существованием стереотипов по отношению к жителям колоний, особенно к алжирцам. Вхождение Алжира в состав французской колониальной империи в 1830 г. положило начало длительному вооруженному противостоянию колонизаторов и коренных жителей страны. В результате этого у французов сформировалось восприятие арабов-мусульман как диких, подчиняющихся лишь грубой силе людей. Второй причиной негативного восприятия иммигрантов из неевропейских стран стала реакция французского общества на поражение в колониальных войнах. Росту враждебности по отношению к арабам-мусульманам содействовали выходцы из Алжира. В 1969—1973 гг. во Франции был осуществлен ряд преступлений на расовой почве. Апогеем этих событий стал взрыв бомбы 14 декабря 1973 г. в алжирском консульстве в Марселе. В ответ на это происшествие президент Франции Ж. Помпиду вынужден был заявить: «Франция глубоко антирасистская страна. Мы отвергаем все, что связано с расизмом... Во Франции нет расизма. Во всяком случае, его не должно быть» [10, р. 66].

События конца 1960-х — начала 1970-х гг. отражали реакцию французского общества на социально-экономические и социокультурные последствия иммиграционной политики государства. С одной стороны, французы воспринимали трудовых иммигрантов как часть рабочего класса. Поэтому организации, которые отстаивали интересы лиц, работающих по найму, стремились привлечь их на свою сторону, а предпринимательские и правительственные круги — ограничить их приток в страну и обеспечить лояльное отношение к проводимой политике. С другой стороны, изменение этнического состава иммигрантов, наличие у французов стереотипов по отношению к жителям колониальных стран, болезненная реакция французского общества на поражения в колониальных войнах определили негативное отношение к иммигрантам из неевропейских государств.

Несмотря на свою актуальность, вопрос об изменении государственной иммиграционной политики не стал объектом обсуждения ведущих политических сил страны в начале 1970-х гг. Основными инициаторами политизации этого вопроса были общественные объединения: профсоюзы, правозащитные организации, группировки ультралевых и ультраправых. Затем эти идеи были взяты на вооружение политическими партиями — ФКП и возникшим в 1972 г. ультраправым движением «Национальный фронт» (НФ). Однако в начале 1970-х гг. влияние коммунистов на политическую борьбу снижалось. НФ находился на периферии политической жизни страны. Поэтому парламент Франции редко обсуждал вопросы ведения иммиграционной политики. Победивший на президентских выборах 1974 г. В. Жискард д'Эстен посвятил им лишь несколько строк в своей предвыборной программе.

К активным преобразованиям в сфере иммиграционной политики французские правительства подтолкнул экономический кризис 1974—1975 гг. Впервые с 1945 г. в составе правительства был создан пост государственного секретаря по вопросам трудовых иммигрантов. В административной системе Франции государственный секретарь стал осуществлять управление определенным, делегированным ему министром направлением деятельности. Несмотря на ограниченность функций, появление данного поста при Министерстве труда впервые позволило скоординировать деятельность министерств в сфере иммиграционной политики. Занявший его 8 июня 1974 г. А. Постель-Виней предложил прекратить трудовую иммиграцию в страну и запретить въезд семьям иностранных рабочих. Данное решение, поддержанное кабинетом Ж. Ширака, имело ряд особенностей.

Первой особенностью является то, что стремление правительства запретить трудовую иммиграцию в страну слабо сочеталось с

реальной экономической ситуацией. Скачок цен на нефть в 1973–1974 гг. привел к началу рецессии во французской экономике только во второй половине 1974 г., что позволило сохранить положительные темпы экономического роста. По подсчетам экономистов, в 1974 г. ВВП Франции вырос на 4,7 % [9]. Более того, после его сокращения на 1,1 % в 1975 г. французская экономика вплоть до 1993 г. демонстрировала невысокие, но устойчивые темпы развития [9]. Уровень безработицы в стране был довольно низким. В крайне тяжелом для французской экономики 1975 г. он составлял 3,4 % [23]. По этой причине сложно утверждать, что прекращение выдачи виз трудовым иммигрантам было мерой по защите национального рынка труда. Эксперты ОЭСР, которые оценили введение запрета трудовой иммиграции Францией и другими европейскими государствами, отмечали: «Односторонние меры правительств, которые в определенный момент могут показаться вызванными энергетическим кризисом и проблемами в международной финансовой системе, имеют, в первую очередь, политические мотивы» [13, р. 27].

Второй особенностью решения прекратить трудовую иммиграцию во Францию было то, что при его выработке не были проведены сколь-нибудь широкие общественные консультации. По воспоминаниям самого А. Постель-Винья, работая над своим докладом кабинету министров, он встречался лишь с представителями французского патроната [15, р. 85]. Таким образом, решение 1974 г. полностью укладывалось в логику «инфра-права». Автор этого термина, профессор Д. Лошак подразумевала под ним особый подход французского политического истеблишмента, при котором решение общественных проблем осуществляется в административном порядке, без привлечения широких кругов общественности и проведения дебатов [см.: 19].

Таким образом, при принятии решения 5 июля 1974 г. правительство премьер-министра Ж. Ширака руководствовалось, в первую очередь, политическими мотивами. Оно исходило из опасений, связанных с тем, что плохая экономическая конъюнктура и потенциально возможный рост безработицы могут привести к протестам со стороны как французских, так и иностранных рабочих. Кроме того, французские политики вынуждены были учитывать недовольство значительной части французов притоком в страну иммигрантов из неевропейских государств. По сути, цель курса государственной иммиграционной политики Франции не изменились. Изменились приоритеты. Если до 1974 г. французские правительства стремились лишь усилить контроль над иммиграцией в страну, то с 1974 г. речь пошла о максимально возможном ограничении притока иммигрантов. В то же время введенные ограничения имели ряд исключений, це-

лю которых было обеспечить защиту секторов французской экономики, нуждающихся в использовании труда иностранцев. Запрет трудовой иммиграции не распространялся на сезонных рабочих, трудящихся строительных и металлургических предприятий, а также не затрагивал граждан стран ЕЭС, т. е. фактически касался лишь выходцев из стран Азии и Африки.

Решение ограничить трудовую иммиграцию во Францию было выработано в рамках «инфра-права». По своей форме оно являлось административным, но в то же время должно было дать ответ на угрозы, которые могли возникнуть перед французским обществом в ближайшем будущем. По меткому замечанию социолога С. Лоуренса, это решение было принято в рамках культуры административного авангарда [15, р. 82]. Несоответствие способа принятия решения и его цели, отсутствие общественного обсуждения по данному вопросу вносило неопределенность в действия правительства. Это подтверждает тот факт, что оно было оформлено в виде министерского циркуляра, который не был опубликован в официальных источниках. Его действие имело временный характер и было рассчитано только на три месяца.

В процессе формирования политики ограничения иммиграции во Францию можно выделить два этапа. *Первый этап* охватывал период деятельности государственных секретарей по вопросам трудовых иммигрантов А. Постель-Винья и П. Дижу (1974–1977 гг.). Проводимый ими курс государственной иммиграционной политики укладывался в контекст правительственных действий, предпринятых во второй половине 1960-х — начале 1970-х гг. Помимо ограничения иммиграции он предполагал улучшение условий жизни иммигрантов в стране. В частности, поводом для ухода в отставку А. Постель-Винья стал отказ правительства в предоставлении ему кредитов на постройку жилья для иностранных рабочих. Новым государственным секретарем по вопросам трудовых иммигрантов стал П. Дижу. В сентябре 1974 г. он принял решение продлить на неограниченный срок запрет на выдачу трудовых виз. В октябре 1974 г. им был представлен план нового курса иммиграционной политики. Он состоял из 25 пунктов. Основными из них были следующие: установить жесткий контроль притока иммигрантов, предоставить иммигрантам равные с французскими гражданами условия по получению жилья, организовать процесс адаптации и профессионального обучения иммигрантов и членов их семей, четко определить права и обязанности постоянно работающих в стране иностранцев [6].

Деятельность П. Дижу на посту государственного секретаря по вопросам трудовых иммигрантов можно условно разделить на три основных направления. Первое из них связа-

нов с ужесточением контроля над иммиграцией. В ноябре 1974 г. по его инициативе был установлен полный запрет на предоставление вида на жительство находящимся на территории страны иностранцам. В декабре 1975 г. был упрощен порядок выдачи вида на жительство для официально прибывших в страну иностранцев. Тем самым был положен конец практике легализации органами власти иммигрантов, которые нарушили режим въезда и пребывания. В то же время в мае 1975 г. был отменен запрет въезда в страну членов семей рабочих-иммигрантов.

Вторым направлением стало расширение прав проживающих во Франции иностранцев. В июле 1975 г. иностранные рабочие получили равные с гражданами страны права на участие в профсоюзных организациях. Предпринимались усилия по улучшению системы языковой и профессиональной подготовки французских иммигрантов. Были расширены программы по переселению иммигрантов из трущоб в построенные при поддержке государства общежития и социальное жилье.

Третье направление деятельности государственного секретаря по вопросам трудовых иммигрантов П. Дижу было связано с популяризацией культурного многообразия в стране. Власти Франции пытались наладить диалог культур. В мае 1975 г. было учреждено Бюро культурных связей. Оно занималось пропагандой идеи взаимодействия французской культуры с иностранными: проводились открытые семинары, радио- и телевизионные программы на языках стран исхода иммигрантов.

Результаты первого этапа формирования политики ограничения иммиграции во Францию оказались неудовлетворительными. Вопреки ожиданиям, количество иммигрантов в стране не сократилось, их социальное положение не улучшилось, а негативное отношение французов к выходцам из стран Африки только возросло. Решение 5 июля 1974 г. привело к сокращению притока иностранных рабочих со 130 тыс. в 1974 г. до 30 тыс. в 1975 г. [14, р. 40]. При этом доля иммигрантов в составе населения Франции осталась неизменной. Вызвано это было тем, что в ответ на принятые ограничения иммигранты предпочли остаться в стране. Более того, они стремились перевезти во Францию членов своих семей. Низкие темпы роста французской экономики содействовали распространению неустойчивых и слабо оплачиваемых вакансий, которые занимали преимущественно иностранные рабочие. По мнению Ж. Тапиноса, на рынке труда Франции возник замкнутый порочный круг: во многих секторах промышленности работали иммигранты, потому что условия работы были плохими, но в то же время эти условия никак не улучшались, потому что работа предоставлялась иммигрантам, а не гражданам страны [22, р. 112]. Меры по улучшению жилищных усло-

вий французских иммигрантов сопровождались их сегрегацией в рамках городских агломераций. Общежития и жилье для них создавались в компактных кварталах французских пригородов. Популяризация культурного многообразия не получила широкой общественной поддержки. Во-первых, из-за постоянного роста безработицы французы стали опасаться конкуренции иммигрантов на рынке труда. Во-вторых, французское общество исходило из принципа ассимиляции иностранцев. Логика ассимиляционного подхода была четко отражена известным французским социологом А. Туреном: «Моя культура универсальная. Твоя — частная. Частное ниже универсального. Необходимо стремиться к универсальному уровню» [12, р. 13].

После реорганизации кабинета премьер-министра Р. Барра в марте 1977 г. полномочия по проведению государственной иммиграционной политики были возложены на государственного секретаря Л. Столеру. *Второй этап* формирования политики ограничения иммиграции во Францию (1977—1981 гг.) характеризовался широким применением репрессивных мер в отношении иммигрантов. Французские власти перешли от ограничения иммиграции к действиям по сокращению количества уже проживающих во Франции иностранцев. С 1 июня 1977 г. в стране стала осуществляться государственная программа по репатриации иммигрантов. В соответствии с ней любой иммигрант, пожелавший добровольно покинуть пределы Франции, получал около 10 тыс. франков. Осенью 1977 г. Л. Столеру предложил правительству план по сокращению численности иммигрантов в стране. Вновь на три года была прекращена выдача вида на жительство членам семей трудовых иммигрантов, а тем родственникам, которые уже находились на территории страны, было запрещено трудоустройство. В начале 1978 г. был утвержден план: количество иммигрантов должно ежегодно сокращаться на 200 тыс. человек [24, р. 361].

Ужесточение государственных мер по контролю над въездом и проживанием иностранцев в стране сочеталось с усилиями, направленными на интеграцию иммигрантов во французское общество. В ноябре 1979 г. по инициативе В. Жискара д'Эстена начала работу комиссия «Культура и иммиграция». В 1980 г. ею был представлен отчет о проделанной работе [4]. В нем были отражены новые, связанные с иммиграцией проблемы: отсутствие полноценного культурного диалога между французским обществом и иностранцами, которые значительно отличаются от французов по своей культуре; сложности в адаптации детей иммигрантов к условиям французской социальной среды; феминизация процесса иммиграции. Л. Столеру согласился с выводами комиссии и внес на обсуждение правительства десять но-

вых предложений. Большая часть из них не была реализована, так как предложенные кабинетом Р. Барра законопроекты были отклонены парламентом. Действия государственного секретаря Л. Столеру вызвали недовольство не только у иммигрантов, но и у французских общественных организаций, профсоюзов.

В основе курса государственной иммиграционной политики Франции в 1977–1981 гг. лежало стремление правящих кругов страны прекратить рост количества иммигрантов. Подавляющее большинство инициатив по вовлечению их в жизнь французского общества реализовано не было.

Эффективность программы репатриации иммигрантов оказалась невысокой. С июня 1977 г. по декабрь 1978 г. было репатрировано лишь 45 тыс. человек [24, р. 363]. Многие страны-доноры сопротивлялись условиям курса иммиграционной политики, проводимого Л. Столеру, так как опасались снижения доходов от переводов работающих иммигрантов. Стала расти незаконная иммиграция. Около 70 % нелегальных иммигрантов, проживающих во Франции в 1981 г., проникли в нее после 1978 г. [20, р. 30]. Для борьбы с этим явлением 10 января 1980 г. был утвержден Закон «О предупреждении незаконной иммиграции» [18]. В соответствии с ним незаконное пребывание иностранца во Франции стало основанием для его депортации. Кроме того, сохранились противоречия, существующие в отношениях между французским обществом и иммигрантами из неевропейских государств.

Исходя из вышеизложенного можно прийти к следующим выводам. Причиной перехода французских правительств к политике ограничения иммиграции стала общественная реакция на социально-экономические и социокультурные последствия иммиграции в страну. Поводом к принятию решения об ограничении иммиграции стал экономический кризис 1974–1975 гг.

В процессе формирования политики ограничения иммиграции во Францию можно выделить два этапа. Первый из них длился с 1974

по 1977 г. и имел переходный характер. Меры, предпринятые государственными секретарями А. Постель-Винеем и П. Дижу по вопросам трудовых иммигрантов, были сходными с действиями французских правительств в конце 1960-х — начале 1970-х гг. Второй этап длился с 1977 по 1981 г. и характеризовался применением государственным секретарем Л. Столеру репрессивных мер в отношении иммигрантов.

С момента формирования политики ограничения иммиграции во Францию стали заметны присущие ей противоречия. Во-первых, постоянно возникали претензии к ее эффективности. Кабинетам премьер-министров Ж. Ширака и Р. Барра с большим трудом удалось сдержать рост числа иммигрантов в стране. С 1974 г. их доля в составе населения Франции оставалась неизменной. Под влиянием ограничительных мер стали наблюдаться качественные изменения в процессе иммиграции. Широкое распространение получили иммиграция по линии воссоединения семей, нелегальная иммиграция. Действия правительств создавали условия для ухудшения социального положения французских иммигрантов. Так и не был налажен культурный диалог между ними и французским обществом. Во-вторых, в силу низкого уровня политизации иммиграционного вопроса французские правительства явно испытывали дефицит демократизма при принятии решения о кардинальном изменении курса иммиграционной политики. Решение 5 июля 1974 г. и последующие действия властей были осуществлены в рамках «инфра-права» и культуры административного авангарда. Такой подход противоречил либерально-демократическим гражданским ценностям, составляющим основу французской общественно-политической жизни. Недовольство французской иммиграционной политикой правоцентристских правительств проявилось во время Национального марша протеста 10 мая 1980 г. и содействовало приходу к власти в стране их оппонентов — коалиции левых политических сил.

Список использованных источников

1. Михайлов, Е. М. Иностранная рабочая сила во Франции: экономические, социальные и политические аспекты проблемы / Е. М. Михайлов; АН СССР, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. — М.: Наука, 1977. — 151 с.
2. Фролкин, Н. М. Трудовая иммиграция во Франции в новейшее время / Н. М. Фролкин; АН УССР, Ин-т истории. — Киев: Наук. думка, 1975. — 286 с.
3. Boehlen, N. Les sociétés allemande et française face à l'immigration, 1945–1974: these présentée à l'Université de Genève pour l'obtention du grade de Docteur en relations internationales (histoire et politique internationales) / N. Boehlen. — Genève, 2004. — 374 p.
4. Culture et immigration. Réflexions et propositions sur les besoins éducatifs, sociaux et culturels des travailleurs immigrés et de leurs famille [rapport, étude, mémoire...] / Commission culture et immigration. — Paris: ICEI, 1979. — 80 p.
5. Décret-loi du 12 avril 1939 ajoute un titre IV (Art 22 à 35) à la Loi du 1 juillet 1901, relatif aux associations étrangères: abroge en consequence L'art. 12 de la Loi du 1 juillet 1901 // Le journal officiel de la République Française. — 1939. — 12 avr. — P. 4911.
6. Dijoud, P. Les 25 mesures concernant l'immigration / P. Dijoud // Hommes et Migrations. — 1974. — 15 nov. — P. 15–16.
7. Edwige, R.-A. Jeunes de l'immigration: La fracture juridique / R.-A. Edwige. — Paris: Édition Karthala, 1995. — 217 p.
8. Étrangers selon la nationalité (17 postes) de 1946 à 1999 [Electronic resource] // Insee Institut national de la statistique et des études économiques. — Mode of access: <http://www.insee.fr/fr/ppp/bases-de-donnees/irweb/rp99pipe/dd/excel/rp99pipe_r6.xls>. — Date of access: 24.06.2015.

9. Évolution du PIB en France jusqu'en 2011 [Electronic resource] // Insee Institut national de la statistique et des études économiques. — Mode of access: <http://www.insee.fr/fr/themes/tableau.asp?reg_id=0&ref_id=NATTEFO8112>. — Date of access: 25.06.2012.
10. Gastaut, Y. La flambée raciste de 1973 en France / Y. Gastaut // Revue européenne des migrations internationales. — 1993. — N 2. — P. 61–75.
11. Gastaut, Y. L'immigration et l'opinion en France sous la Ve République / Y. Gastaut. — Paris: Seuil, 2000. — 630 p.
12. Gauthier, U. Qui menace la République? Un débat entre Elisabeth Badinter et Alain Touraine / U. Gauthier, C. Weill // Le Nouvel Observateur. — 2003. — 19–25 juin. — P. 11–13.
13. Kayser, B. SOPEMI: système d'observation permanente des migrations: rapport 1974 / B. Kayser. — Paris: OCDE, 1974. — 44 p.
14. L'accueil des immigrants et l'intégration des populations issues de l'immigration: rapport au Président de la République suivi des réponses des administrations et des organismes intéressés [Electronic resource] // Cour des comptes. — Novembre 2004. — Mode of access: — <<http://www.ccomptes.fr/index.php/content/download/2473/24772/version/2/file/Immigration.pdf>>. — Date of access: 20.09.2012.
15. Laurens, S. «1974» et la fermeture des frontières. Analyse critique d'une décision érigée en turning-point / S. Laurens // Politix. — 2008. — Vol 21, N 82. — P. 69–94.
16. Législation // Population. — 1969. — N 4. — P. 839–843.
17. Loi n° 72-517 du 27 juin 1972 relative à l'électorat et à l'éligibilité des étrangers en matière d'élection des membres des comités d'entreprise et des délégués du personnel // Le journal officiel de la République Française. — 1972. — 28 juin. — P. 6622.
18. Loi n° 80-9 du 10 janvier 1980 relative à la prévention de l'immigration clandestine et portant modification de l'ordonnance n° 45-2658 du 2 novembre 1945 relative aux conditions d'entrée et de séjour en France des étrangers et portant création de l'Office national d'immigration // Le journal officiel de la République Française. — 1980. — 11 jan. — P. 71–72.
19. Loschak, D. Observations sur un infra-droit / D. Loschak // Droit social. — 1976. — N 5. — P. 43–49.
20. Marie, C.-V. L'immigration clandestine en France / C.-V. Marie // Travail et Emploi. — 1983. — N 17. — P. 27–39.
21. Part des populations étrangères et immigrées en 2010 [Electronic resource] // Insee Institut national de la statistique et des études économiques. — Mode of access: <<http://www.insee.fr/fr/ffc/figure/NATTEFO2131.xls>>. — Date of access: 27.02.2014.
22. Tapinos, G. L'immigration étrangère en France (1946–1973) / G. Tapinos. — Paris: PUF, Cahier de l'INED, 1974. — 154 p.
23. Taux de chômage depuis 1975 [Electronic resource] // Institut national de la statistique et des études économiques. — Mode of access: <http://www.insee.fr/fr/themes/tableau.asp?reg_id=0&ref_id=NATnono3337>. — Date of access: 29.06.2012.
24. Viet, V. La France immigrée: Construction d'une politique 1914–1997 / V. Viet. — Paris: Fayard, 1998. — 510 p.
25. Villey, O. La main-d'oeuvre étrangère et la crise en France / O. Villey // Travail et Emploi. — 1980. — N 4. — P. 83–92.

Статья поступила в редакцию в марте 2016 г.

РОССИЯ И ГЕРМАНИЯ: ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ, ЭНЕРГЕТИКА, БИЗНЕС (2000—2013 гг.)

Юлия Пучинская

В статье рассмотрены и проанализированы основные аспекты внешнеэкономической политики России в отношении Германии. Автор обращает внимание на такие области взаимодействия двух стран, как топливно-энергетическое сотрудничество, внешняя торговля, финансы и инвестиции, а также бизнес. Рассматриваемая в статье проблема достаточно актуальна, так как состояние и перспективы российско-германских экономических отношений могут значительно повлиять на весь общеевропейский рынок и место в нем Республики Беларусь.

Исследовав основные тенденции российско-германского внешнеторгового, финансового и инвестиционного сотрудничества, а также взаимодействия бизнес-структур, автор делает вывод, что, несмотря на достигнутый сторонами в данном аспекте определенный успех, накопленного экономического потенциала оказалось недостаточно для того, чтобы избежать принципиальных разногласий в политических отношениях двух стран.

Ключевые слова: бизнес, внешняя торговля, российско-германские отношения, энергетическое сотрудничество.

«The Russian Federation and Germany: Foreign Trade, Energy Policy, Business (2000—2013)» (Yuliya Puchinskaya)

The main purpose of this article is a consideration and analysis of economic aspects in the Russian foreign policy in relation to Germany. The author pays attention to such aspects of the Russian-German economic relations as fuel and energy collaboration, foreign trade, finances and investments and also business cooperation. The problem investigated in the article is of a great importance nowadays, because the state and prospects of the Russian-German economic relations may influence significantly all the European economic area and the role of the Republic of Belarus in this process in particular.

Having completed the analysis of the basic trends in the Russian-German foreign trade, financial and investment cooperation, collaboration between the business structures, the author came to the conclusion that during the investigated period both partners had reached a considerable success, but at the same time the accumulated economic capacity was not enough in order to overcome principal misunderstandings in the political relations between both countries.

Keywords: business, energy cooperation, foreign trade, Russian-German relations.

Author:

Puchinskaya Yuliya — post-graduate student of the Department of International Relations of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: mazi60@mail.ru
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., 220030, Minsk, BELARUS

В начале 2000-х гг. в российско-германских отношениях наметились положительные сдвиги, что было обусловлено, в том числе, и успешным развитием экономического взаимодействия двух стран. Германия на этом этапе являлась инициатором глобальных экономических процессов в европейском регионе, а Россия играла роль самостоятельного участника этих процессов. Успехи в экономических отношениях во многом опреде-

ляли содержание и динамику сотрудничества двух стран: взаимодействие в области экономики и финансов было взаимовыгодным. Россия для ФРГ была крупнейшим поставщиком энергоресурсов и сферой вложения инвестиций, Германия, в свою очередь, обеспечивала приток в Россию прямых зарубежных инвестиций и поставку современного оборудования и машин для оснащения промышленности.

Автор:

Пучинская Юлия Олеговна — аспирант кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета, e-mail: mazi60@mail.ru
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Рецензенты:

Бобков Владимир Андреевич — доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси

Лашкевич Сергей Анатольевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Целью данной статьи является рассмотрение основных аспектов внешнеэкономической деятельности России в отношении Германии. Выбор хронологических рамок можно обосновать основными тенденциями развития отношений двух стран в области экономики. Так, верхней рамкой выбран 2000 г., так как именно тогда произошли качественные изменения российско-германского диалога, связанные с началом президентства В. В. Путина. Исследование ограничено 2013 г., так как позднее наметился резкий спад экономического взаимодействия, связанный с событиями в Украине и присоединением Германии к режиму экономических санкций в отношении России.

Актуальность рассматриваемой проблемы обусловлена тем, что российско-германские экономические отношения носят стратегический характер. «Они направлены на достижение долгосрочных целей, в том числе на формирование максимально благоприятных условий как для российско-германской кооперации в целом, так и для сотрудничества на многосторонней основе с другими государствами и международными организациями в будущем» [8, с. 706]. Учитывая стратегическое значение состояния экономического взаимодействия России и ФРГ, можно сделать вывод о том, что перспективы и последствия этого взаимодействия отразятся на экономическом развитии всего европейского пространства в дальнейшем.

Финансово-экономическому сотрудничеству России и Германии посвящен ряд работ российских и немецких исследователей. При написании статьи автор руководствовался публикациями В. Б. Белова [1], Т. А. Воробьевой [2], О. В. Ерохиной [5], А. К. Никитина [7; 8], В. А. Раевского [11], Х. Тиммермана [17]. Полезными в исследовании проблем российско-германских экономических отношений были также материалы немецкой и российской статистики, электронные публикации и тексты двусторонних соглашений, затрагивающие экономические аспекты российско-германского взаимодействия.

В 2014 г. Омским региональным фондом поддержки малого и среднего предпринимательства, Европейским информационно-корреспондентским центром, а также Центром поддержки экспорта Омской области был опубликован Обзор состояния экономики ФРГ и перспективных направлений сотрудничества для российского бизнеса [9]. В этом обзоре большой интерес представляет SWOT-анализ российско-германского экономического сотрудничества, в котором раскрыты сильные и слабые стороны последнего, а также возможности и угрозы конструктивному взаимодействию России и Германии в экономической сфере. Так, согласно обзору, к *сильным сторонам* относились: положительная роль России в воссоединении Германии; принадлеж-

ность обеих стран к группе G8; поддержка со стороны ФРГ вступления России в Всемирную торговую организацию (ВТО) и Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР); высокий уровень взаимного доверия на уровне руководства государств; наличие отработанных механизмов развития сотрудничества; взаимодополняемость и зависимость экономик; наличие крупных двусторонних проектов («Северный поток» и др.) [9, с. 8].

В рассматриваемый период у России и Германии был наработан серьезный потенциал экономического сотрудничества, предоставивший странам много возможностей для взаимовыгодной работы в финансово-экономической сфере. Далеко не все участники международных экономических отношений располагали таким обширным арсеналом возможностей и перспектив для налаживания эффективного и взаимовыгодного экономического партнерства.

Вместе с тем в исследовании обозначены и *слабые стороны* российско-германских экономических отношений, к которым относились: высокие транзитные и конъюнктурные риски при экспорте российских энергоносителей; необходимость повышения эффективности регулирования взаимоотношений сторон по сравнению с действующим Соглашением о партнерстве и сотрудничестве; необходимость диверсификации российских поставок в Германию, основу которых по-прежнему составляли энергоресурсы; низкий уровень сертификации российской продукции по международным стандартам; низкий приток иностранных инвестиций в Россию, сдерживаемый факторами бюрократизации, коррупции, непрозрачности таможенных процедур и недостатками процедур технического регулирования в России [9, с. 8].

Рассмотрев препятствия, стоящие перед Россией и Германией на пути углубления сотрудничества в области экономики и финансов, необходимо сделать вывод о том, что их можно было бы нивелировать либо полностью устранить ввиду того, что сильные стороны партнерства двух стран значительно превосходили слабые и обоюдная заинтересованность в продолжении диалога сохранялась на протяжении всего рассматриваемого периода.

С целью поиска вариантов решения перечисленных выше проблем авторы анализа предложили ряд *возможностей*, в случае реализации которых Россия могла бы интенсифицировать экономический диалог с ФРГ:

- расширение сотрудничества в топливно-энергетической сфере и на транспорте;
- наращивание российского экспорта услуг по разработке программного обеспечения;
- совместные проекты по повышению энергоэффективности и разработке возобновляемых источников энергии в рамках Российско-германского энергетического агентства (РУДЕА), которое было учрежде-

но Энергетическим углеродным фондом с российской стороны и немецким энергетическим агентством «*Deпа*», при сотрудничестве с Министерством энергетики Российской Федерации и Министерством экономики и технологий ФРГ и приступило к работе в июле 2009 г. [4, с. 721]. Целью агентства являлось внедрение энергоэффективных технологий в российскую экономику [4, с. 722]. Кроме того, агентство должно было способствовать внедрению и продвижению возобновляемых источников энергии:

- увеличению доли российского несырьевого экспорта за счет продукции, произведенной в рамках кооперации;
- развитию сотрудничества в области атомной энергетики;
- развитию научно-технического сотрудничества [9, с. 9].

При условии работы российской стороны над реализацией обозначенных в исследовании возможностей можно предположить, что показатели внешнеторгового оборота и интенсивность экономического сотрудничества с ФРГ могли бы стать более благоприятными и выгодными для обеих сторон. Тем не менее, нельзя не принимать во внимание и менее конструктивный сценарий развития российско-германских экономических отношений, ввиду того, что существовал ряд угроз, стоящих на пути эффективного экономического сотрудничества России и Германии: превращение российско-германской торговли в устойчиво дефицитную для России (вследствие падения цен на энергоносители, а также увеличения количества барьеров на пути поставок российской продукции на германский рынок); нестабильная политическая ситуация, связанная с обстановкой в Украине [9, с. 9]. Учитывая эти обстоятельства, можно предположить, что ввиду наличия в рассматриваемый период таких серьезных угроз благополучному наращиванию экономического потенциала сотрудничества для России и Германии и в дальнейшем будет существовать необходимость снижения напряженности в двусторонних отношениях и преодоления разногласий по ключевым областям взаимодействия.

Сотрудничество в топливно-энергетическом секторе. В 2000-е гг. Россия для ФРГ являлась крупнейшим источником нефтяных ресурсов. В 2009 г. на долю России приходилось около 40 % импорта природного газа и 33 % нефти [7, с. 25]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что при всем стремлении Германии диверсифицировать поставки энергоресурсов за счет их ввоза из стран Европы, а также ЮАР, Китая, стран Северной Африки она все равно оставалась энергозависимой от России. Именно поэтому прагматично настроенная германская сторона на протяжении рассматриваемого периода стремилась к углублению газотранспортного сотрудни-

чества с Россией и увеличению доли своего участия в ведущих российских концернах. Для России этот факт также играл важную роль, так как обеспечение значительной доли поставок энергоресурсов в Германию способствовало тому, что Россия могла контролировать ситуацию на всем европейском рынке энергоносителей и оказывать на эту ситуацию определенное влияние.

Крупнейшим направлением сотрудничества в газотранспортной сфере являлся в рассматриваемый период проект «Северный поток». Этот газопровод объемом 55 млрд куб. м, начиная с 2010 г. должен был напрямую связать Россию с общеевропейской газовой сетью [2, с. 103], соединить российский Выборг и немецкий Грайфсвальд. В этом проекте были задействованы такие компании, как «Газпром» с российской стороны, а также «Винтерсхалл» и «*E.ON Ruhrgas*» со стороны Германии. В сентябре 2005 г. было заключено базовое соглашение и в г. Цуг (Швейцария) основана компания «*North European Gas Pipeline*», позже переименованная в «*Nord Stream AG*» [1, с. 45]. В ноябре 2007 г. было подписано соглашение о вхождении в проект голландской компании «Газюни» [7, с. 27]. В июне 2010 г. к проекту присоединилась французская энергетическая компания [12]. Комитет акционеров совместной компании-оператора Северо-европейского газопровода возглавил бывший канцлер ФРГ Г. Шредер [8, с. 27].

Сырьевой базой для газопровода должно было стать Южно-Русское месторождение в Западной Сибири, которое Россия и Германия осваивали совместно. Ввод в эксплуатацию первой нитки «Северного потока» производительностью 27,5 млрд куб. м газа в год состоялся 8 ноября 2011 г. С этого дня по первой нитке «Северного потока» начались коммерческие поставки российского газа в Европейский союз. В апреле 2012 г. досрочно завершилась укладка второй нитки газопровода [12]. Таким образом, проект был завершен и должен был обеспечить бесперебойные поставки газа из России в Европу в течение как минимум 50 лет [13, с. 15]. Стоимость проекта составила 7,5 млрд. евро [1, с. 45]. В 2013 г. «Газпром» заявил о планах расширения балтийского газопровода и продления его до Великобритании [3], однако к концу рассматриваемого периода эти планы реализованы не были.

Внешняя торговля. Основной составляющей эффективного экономического сотрудничества является анализ показателей внешней торговли России и Германии. Необходимо отметить, что на протяжении рассматриваемого периода показатели экспорта, импорта и общего товарооборота постоянно росли, значительное снижение наблюдалось лишь в 2009 г. (под влиянием финансового кризиса 2008 г.) и в 2014 г. (причиной тому послужили экономические санкции, введенные стра-

Основные внешнеторговые показатели России и Германии в 2000—2013 гг., млрд евро

Год	Экспорт в ФРГ	Импорт из ФРГ	Товарооборот
2000	14,7	6,7	21,4
2001	14,6	10,3	24,9
2002	13,2	11,4	24,6
2003	14,2	12,1	26,3
2004	16,2	15,0	31,2
2005	20,0	16,0	36,0
2006	30,4	23,3	53,7
2007	28,7	28,2	56,9
2008	37,1	32,3	69,4
2009	24,9	20,5	45,4
2010	31,8	26,4	58,2
2011	40,6	34,4	75,0
2012	42,5	38,1	80,6
2013	40,4	36,1	76,5

Источники: [14; 18].

нами ЕС в отношении России). Показательным является тот факт, что если в 2000 г. товарооборот России и ФРГ составлял 21,4 млрд евро, то в 2012 г. он достиг 80,6 млрд евро [6] (табл. 1). Основу российского экспорта в ФРГ составляли в рассматриваемый период топливно-энергетические товары (нефть, газ, уголь). Довольно крупными были поставки в Германию продуктов цветной металлургии и металлообработки, химической промышленности, каучука, древесины и целлюлозно-бумажных изделий. Среди готовых изделий, доля которых в общем объеме российских поставок составляла менее 5 %, можно выделить фармацевтическую продукцию, газетную бумагу и текстильные изделия. Основу экспорта из ФРГ составляла, напротив, готовая продукция с высокой добавленной стоимостью: машинотехническая продукция, химические, агропромышленные, текстильные товары и др. [4, с. 714].

Таким образом, в двустороннем товарообороте имелся серьезный дисбаланс: в структуре российского экспорта в ФРГ преобладала продукция сырьевой группы, тогда как немецкий экспорт в Россию составляли в основном продукты с высокой добавленной стоимостью (машины и оборудование, химические товары, изделия из металла и др.) [7, с. 15]. Добиться диверсификации российского экспорта в сторону увеличения поставок готовой продукции было сложно, учитывая тот факт, что Германия являлась признанным мировым лидером в области экспорта продукции машиностроения, электротехники, химии. Поэтому российским компаниям было непросто конкурировать с немцами на внутреннем рынке ФРГ. Проблема осложнялась еще и тем, что в ФРГ существовали ограничения на поставки изделий из стали, ядерных материалов, а также система протекционистских мер в аграрном сек-

торе, что являлось препятствием для поставок российской сельскохозяйственной продукции [4, с. 715]. Таким образом, членство Германии в ЕС оказывало ограничивающее влияние на расширение ее торговых связей с Россией. ФРГ принимала «имеющийся ряд протекционистских мер во внешней торговле... используя при этом различные методы и способы: затягивание переговоров об условиях торговых сделок, прямой запрет на импорт ряда товаров и услуг в связи с несоблюдением норм, правил и стандартов ЕС и др.» [11, с. 289].

Финансы и инвестиции. За 2000—2013 гг. России удалось достичь позитивных результатов и в сфере кредитно-финансового сотрудничества с ФРГ. Так, в этот период была решена проблема государственного долга России. В 2001 г. правительствами двух стран была разработана схема «обмена» части государственного долга на акции российских предприятий через прямые инвестиции германских компаний. 350 млн евро долга Россия выплатила в 2002 г. [10, с. 695]. В августе 2006 г. было подписано соглашение о досрочном погашении внешнего долга России и бывшего СССР Германии на общую сумму около 8 млрд евро [4, с. 717]. Досрочное погашение долгов позволило российской стороне стать более привлекательной для вложения иностранных инвестиций. В 2001 г. Германия занимала первое место по объему накопленных инвестиций в России [10, с. 696] (табл. 2).

В 2003 г. для России были сняты общие ограничения для средне- и долгосрочных экспортных кредитов немецким фирмам (кредитный плафон) [4, с. 717—718]. Это позволило расширить возможности кредитования экспорта немецких товаров в рамках системы государственного страхования «Гермес» [4, с. 718] (сюда входят компании, которые отвечают за страхование экспортных сделок).

Накопленные германские инвестиции в России, млрд евро

Год	2001	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Инвестиции	6,05	7,5	7,8	9,7	8,6	11,9	13,8	20,9	20,7	19,5	16,0

Источник: [16, с. 9].

В сфере инвестиционного сотрудничества основные сделки заключались крупными компаниями. Немецкие прямые инвестиции были направлены в сферу торговли, транспорта и связи, пищевую, химическую, электронную, автомобильную промышленность, строительство [4, с. 720]. В инвестиционном сотрудничестве в первую очередь были задействованы сферы высоких технологий, энергетики, авиации, космоса и автомобилестроения [11, с. 290].

С середины 2000-х гг. появились новые инвестиционные «проекты-маяки», которые в перспективе могли бы побудить многие немецкие компании к активной деятельности на российском рынке. Среди таких перспективных проектов можно выделить: создание в Краснодарском крае предприятия по производству солнечных элементов и фотогальванических модулей (сфера альтернативной энергетики); налаживание серийного производства дизельных двигателей многоцелевого применения в Московской области (сфера машиностроения); создание в России производства карбонового волокна (для применения в строительстве, автомобиле-, авиастроении); проект «Екатеринбург — энергоэффективный город» (модернизация коммунальных, котельных и тепловых сетей Екатеринбурга); работа в рамках РУДЕА (с июля 2009 г.) по внедрению энергосберегающих технологий в различные сферы российской экономики [9]. Среди действующих германских инвестиционных проектов в России можно выделить: сотрудничество в области высокоскоростного железнодорожного сообщения (компании «Российские железные дороги» и «Siemens»), а также совместное производство электровозов на базе компании «Уральский завод железнодорожного машиностроения»; модернизация аэропорта «Пулково» (Санкт-Петербург); совместное освоение Южноурского нефтегазового месторождения (компании «Газпром» и «БАСФ/Винтерсхалл», «E.ON Ruhrgas»); освоение Уренгойского газового месторождения (компании «Газпром» и «Винтерсхалл») [10].

Сотрудничество в области бизнеса. В эффективном и взаимовыгодном экономическом сотрудничестве России и Германии заинтересованы не только на государственном уровне, но и на уровне бизнес-структур. Более того, совместная работа российских и германских предпринимателей способна значительно диверсифицировать взаимный обмен товарами и услугами, предоставив сферу занятости большому количеству специалистов из обеих стран. Привлекательность России для герман-

ского бизнеса заключалась в таких факторах, как высокая потребность в инвестициях, стабильные доходы от экспорта сырья, низкая государственная задолженность, сравнительно высокая доля госзаказов, необходимость модернизации инфраструктуры, быстрая и высокая доходность капитала, сравнительно низкие налоги и сборы [11, с. 290].

Основными же преимуществами немецкой экономики для российских компаний были следующие: политическая стабильность, надежная административная и правовая среда, всесторонняя защита частной собственности; разнообразие сфер предпринимательской и инвестиционной деятельности; развитая транспортная инфраструктура и логистика; близость как к западноевропейским, так и к восточноевропейским рынкам; квалифицированные кадры, высокий уровень образования; высокий потенциал в области передовых технологий; существование немецких торговых марок, которые могли бы использоваться в маркетинговых целях [1, с. 36].

Существенной проблемой в диалоге бизнес-объединений двух стран являлся тот факт, что в России конкурентоспособным был в основном крупный бизнес, в то время как предприятиям малого и среднего бизнеса внимания уделялось недостаточно. В свою очередь, многие германские небольшие бизнес-структуры были бы заинтересованы в сотрудничестве с аналогичными по масштабам российскими фирмами. Поэтому перед российским государством обозначилась еще одна проблема: необходимость активной поддержки малого и среднего бизнеса с тем, чтобы он стал конкурентоспособным на международной экономической арене. В июле 2011 г. был создан Совет российской экономики в Германии (неправительственная некоммерческая организация), целью которого было объединение российских компаний, работающих на немецких рынках [1, с. 48]. Среди приоритетных направлений работы Совета можно выделить следующие: лоббирование интересов российских и немецких компаний; представление компаний в рамках российско-германской стратегической рабочей группы по сотрудничеству в области экономики и финансов высокого уровня; продвижение позитивного имиджа российского бизнеса в ФРГ; эффективное информационно-коммуникационное обеспечение; консультационная поддержка текущей оперативной деятельности.

Как отмечает В. Б. Белов, работа рынка российских компаний сферы информационных технологий на немецком рынке была весь-

ма эффективной (компания «АВВУ», специализирующаяся на разработке программного обеспечения и поставках услуг в области распознавания документов; «Лаборатория Касперского», занимающаяся разработкой антивирусных программ; фирма «Рексофт», также производящая программное обеспечение). Хорошо себя зарекомендовали компании, созданные в Германии российскими специалистами, специализирующиеся на разработках в микро- и наноэлектронике (фирма «Оптоган» (светодиоды), «Klastech» (твердотельные лазеры), «Innolume GmbH» (лазерные диоды), «VI Systems GmbH» (высокоскоростные средства передачи данных). В 2011 г. ОАО «Концерн "Калина"», занимающийся производством высококачественной косметики, был приобретен англо-голландским концерном «Unilever» за 25,6 млрд руб. В 2009 г. российская компания «Атомстройэкспорт» приобрела немецкую инжиниринговую фирму «Nuket Technologies GmbH», которая являлась ведущей европейской компанией, специализирующейся на обращении с ядерными отходами. В 2011 г. российский концерн «Роснано» приобрел около трети акций немецкой компании «It N Nanovation AG», занимающейся производством нанокерамических покрытий для электроэнергетики, литейных производств, продуктов для водоподготовки и очистки сточных вод, оптовой торговли наночастицами. В 2011 г. компания «Роснефть» приобрела 50 % акций немецкой компании «Ruhr Öl», которая владела четырьмя нефтеперерабатывающими заводами в Германии. Компания «Nordic Yards», производящая высокотехнологичные суда специального назначения и морские оффшорные конструкции, успешно функционировала на германском рынке. В 2010 г. российская компания «Lim Timber» приобрела два лесопильных завода в Баварии и Мекленбурге — Передней Померании [1, с. 44]. Успешной в рассматриваемый период была и работа компании «Газпром» в рамках проекта строительства Северо-европейского газопровода, а также проекта совместного с Германией освоения дополнительных блоков ачимовских отложений Уренгойского газоконденсатного месторождения в Западной Сибири. В 2013 г. «Кировский завод» из Санкт-Петербурга приобрел компанию «Monforts Werkezeugmaschinen GmbH&Co», одного из ведущих европейских производителей станков для промышленности, а также компанию «Göppel Bus GmbH», специализирующуюся на выпуске автобусов [1, с. 42—46].

Подобные успешные проекты, по мнению В. Б. Белова, содействовали постепенному изменению негативного образа российских инвесторов, сложившегося в предыдущие годы, и формированию доверительного отношения со стороны немецкого делового сообщества. Вместе с тем наряду с успешными инвестици-

онными проектами российского бизнеса в Германии можно выделить и ряд несостоявшихся крупных сделок. Причинами определенных трудностей, с которыми сталкивались российские инвесторы на германском рынке, стали как бюрократические препятствия, так и негативный имидж российских партнеров как ненадежных и не владеющих всеми тонкостями немецкой предпринимательской культуры.

Германская сторона на российском рынке в 2000—2013 гг. проявляла себя значительно более активно как по количеству действующих на территории России фирм, так и по объему вкладываемых инвестиций. Если в 2013 г. Россия вложила в совместные проекты около 3 млрд евро, то со стороны ФРГ эта сумма составила 16 млрд [1, с. 36]. К 2014 г. на территории России работало около 6200 немецких фирм, включая как промышленные гиганты, так и малые семейные предприятия — больше, чем на территории всех европейских стран вместе взятых. Эти предприятия обеспечивали Германии более 300 тыс. рабочих мест. Таким образом, необходимо признать, что немецкий бизнес был крайне заинтересован в успешном функционировании своих филиалов в России. Например, компания «Volkswagen» ежегодно продавала России сотни тысяч своих автомобилей и считала эту страну своим ключевым рынком в восточноевропейском направлении [15].

Заключение. В 2000—2013 гг. ФРГ занимала важное место во внешнеполитической деятельности России. Проведя анализ таких экономических аспектов российско-германских отношений, как внешняя торговля, финансово-кредитная сфера, топливно-энергетическое сотрудничество и взаимодействие в области бизнеса, можно сделать заключение, что в рассматриваемый период сторонами были достигнуты значительные успехи.

Так, показатели внешнеторгового оборота России и Германии на протяжении 2000-х гг. значительно выросли. Была решена проблема государственного долга России, что позитивно отразилось на инвестиционном климате и способствовало наращиванию показателей накопленных германских инвестиций в России. Для рассматриваемого периода также характерны успешная реализация ряда российско-германских инвестиционных проектов, продуктивная совместная работа бизнес-структур.

Наряду с очевидными успехами в реализации потенциала российско-германских экономических отношений в рассматриваемый период имели место и проблемы. России не удалось преодолеть дисбаланс во внешней торговле с ФРГ: основу российских поставок в Германию на протяжении рассматриваемого периода составляли энергоресурсы и другое сырье, тогда как из Германии в Россию поставлялась готовая продукция с высокой добавленной стоимостью. Таким образом, Россия оказалась уязвимой перед постоянно меняющимися-

ся мировыми ценами на энергоресурсы и рисковала остаться в дефиците во внешнеэкономических показателях. Приток германских инвестиций в Россию оказался недостаточным, что было вызвано такими факторами, как недоверие к российскому бизнесу со стороны германских предпринимателей и наличие бюрократических барьеров, обусловленных обязательствами ФРГ как члена Европейского союза.

Вместе с тем нельзя не признать, что как Российская Федерация, так и Германия были неизменно заинтересованы в продолжении экономического диалога и наращивании экономических показателей. Эта заинтересованность обусловлена объективными факторами, поэтому она будет сохранена, несмотря на значительные расхождения внешнеполитических взглядов руководства двух стран.

Список использованных источников

1. Белов, В. Б. Российский бизнес в Германии / В. Б. Белов // Современная Европа. — 2014. — № 3. — С. 35—51.
2. Воробьева, Т. А. Торговля газом и развитие российско-германских экономических отношений / Т. А. Воробьева // Вестн. Томск. гос. ун-та. — 2008. — № 306. — С. 98—105.
3. Газпром отказался расширять газопровод «Северный поток» [Электронный ресурс] // Reuters. Россия и страны СНГ. — Режим доступа: <<http://ru.reuters.com/article/businessNews/idRUKBNO111V20150128?pageNumber=1&virtualBrandChannel=0>>. — Дата доступа: 26.06.2015.
4. Германия. Вызовы XXI века / И. Ф. Максимычев [и др.]; под ред. В. Б. Белова. — М.: Весь мир, 2009. — 792 с.
5. Ерохина, О. В. Германские инвестиции в российской экономике: вчера и сегодня / О. В. Ерохина, Г. Ф. Токунова // TerraEconomicus. — 2008. — № 3. — С. 120—125.
6. Лункин, Р. Н. Германский опыт для российской модернизации / Р. Н. Лункин // Современная Европа. — 2011. — № 1. — С. 146—150.
7. Никитин, А. К. Модель взаимодействия России и Германии по преодолению глобального финансового кризиса / А. К. Никитин, О. З. Кабулова. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. — 104 с.
8. Никитин, А. К. Современная внешнеполитическая стратегия ФРГ / А. К. Никитин. — М.: МГИМО, 2008. — 320 с.
9. Обзор состояния экономики ФРГ и перспективных направлений сотрудничества для российского бизнеса [Электронный ресурс] // Омский региональный фонд поддержки и развития малого предпринимательства. — Режим доступа: <<http://eic-omsk.ru/file/page/file/ryinkaGermanii.pdf>>. — Дата доступа: 01.10.2014.
10. Павлов, Н. В. История внешней политики Германии. От Бисмарка до Меркель / Н. В. Павлов. — М.: Междунар. отношения, 2012. — 800 с.
11. Раевский, В. А. Развитие российско-германских экономических отношений в условиях глобализации / В. А. Раевский // TerraEconomicus. — 2009. — № 3-3. — С. 288—291.
12. Северный поток (Nord Stream) [Электронный ресурс] // Газпром. — Режим доступа: <<http://www.gazprom.ru/about/production/projects/pipelines/nord-stream/>>. — Дата доступа: 26.06.2015.
13. Энергия для Европы. Проект Nord Stream (2005—2012) [Электронный ресурс] // Nord Stream. The new gas supply route for Europe. — Режим доступа: <<http://www.nord-stream.com/media/documents/pdf/ru/2014/04/energiya-dlya-evropy-polnaya-versiya.pdf>>. — Дата доступа: 26.06.2015.
14. Export nach und Import aus Russische Föderation im Vergleich nach Jahren. [Electronic resource] // Enterprise Europe Network. — Mode of access: <<http://www.een-bayern.de/een/inhalte/Aktuelle-Meldungen/2015/export-nach-russland-im-jahr-2014-um-18-prozent-zurueck-gegangen.html>>. — Date of access: 06.04.2015.
15. Karnitsching, M. German business urge halt on sanctions against Russia / M. Karnitsching [Electronic resource] // The Wall Street Journal. — 01.05.2014. — Mode of access: <http://www.wsj.com/news/articles/SB10001424052702303948104579535983960826054?mod=trending_now_2>. — Date of access: 19.06.2015.
16. Russland in Zahlen: Aktuelle Wirtschaftsinformation für die Russische Föderation. Sommert 2013 [Electronic resource] // Deutsch-Russische Auslandszandelskammer. — Mode of access: <http://russland.ahk.de/fileadmin/ahk_russland/2013/Publikationen/Russland-in-Zahlen/2013_07-18_RIZ_web_final_r.pdf>. — Date of access: 22.07.2015.
17. Timmermann, H. Die deutsch-russischen Beziehungen im europäischen Kontext / H. Timmermann [Electronic resource] // Bibliothek der Friedrich-Ebert-Stiftung. — Mode of access: <http://library.fes.de/pdf-files/ipg/ipg-2007-1/08_a_timmermann_d.pdf>. — Date of access: 07.04.2015.
18. Zahlungsbilanzstatistik März 2015: Statistisches Beiheft 3 zum Monatsbericht. [Electronic resource] // Die Deutsche Bundesbank. — Mode of access: <http://www.bundesbank.de/Redaktion/DE/Downloads/Veroeffentlichungen/Statistische_Beihefte_3/2015/2015_03_zahlungsbilanzstatistik.pdf?__blob=publicationFile>. — Date of access: 06.04.2015.

Статья поступила в редакцию в ноябре 2015 г.

ПОЛИТИКА ТУРЦИИ В ОТНОШЕНИИ АЗЕРБАЙДЖАНА (2002—2009 гг.)

Игбал Абилов

С приходом в 2002 г. к власти Партии справедливости и развития (ПСР) в турецкой внешней политике наметился поворот к концепции неосманизма, что отразилось и на отношениях Анкары с Азербайджаном. Несмотря на рост двустороннего сотрудничества в течение всего периода правления ПСР, имеются отдельные качественные изменения, позволяющие условно выделить два этапа: 2002—2009 гг. и 2010—2015 гг. В статье изучаются основные приоритеты турецкой политики в отношении Азербайджана, а также сотрудничество официальной Анкары с Баку в политической, военной, торгово-экономической, энергетической и культурной сферах в 2002—2009 гг. Помимо успехов в развитии энергетического и торгово-экономического направления турецкой политики в отношении Азербайджана Анкара в этот период предприняла две важнейшие инициативы в своей региональной политике — Платформу стабильности и сотрудничества на Кавказе и попытку нормализации армяно-турецких отношений.

Ключевые слова: Азербайджан, неосманизм, Партия справедливости и развития, Турция.

«Turkey's Policy towards Azerbaijan in 2002—2009» (Igbal Abilov)

After the Justice and Development Party (AKP) came to power in 2002, Turkish foreign policy has tended to shift to the concept of neo-Ottomanism that has had an impact on Ankara's relations with Azerbaijan. Although bilateral cooperation expanded during the entire period of AKP's rule, there are certain qualitative changes that allow to nominally divide it into two stages: 2002—2009 and 2010—2015. The article details the key priorities of Turkey's policy towards Azerbaijan, as well as political, military, commercial and economic, energy and cultural cooperation between the official Ankara and Baku in 2002—2009. Along with the progress in energy, commercial and economic areas in its policy towards Azerbaijan, within the mentioned timeframe Ankara implemented two major regional policy initiatives — the Caucasus Stability and Cooperation Platform and an attempt to normalise relations with Armenia.

Keywords: Azerbaijan, Justice and Development Party, neo-Ottomanism, Turkey.

Author:

Abilov Igbal — post-graduate student of the Department of International Relations of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: igbal.abilov@gmail.com

Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., 220030, Minsk, BELARUS

Внешняя политика Турции в период правления Партии справедливости и развития (с 2002 г. по настоящее время) характеризуется значительной трансформацией — переходом от концепции кемализма к концепции неосманизма, в основе которой лежит идея об особой роли Турции в регионах ее исторического влияния (так называемого «османского наследия»), в число которых входит и Южный Кавказ.

Интерес Анкары к этому региону в первую очередь обусловлен стратегической ролью Южного Кавказа и его энергетическими ре-

сурсами. При этом особое значение в регионе для Турции имеет Азербайджанская Республика, не только обладающая значительными запасами энергоресурсов, но и обеспечивающая посредством Каспийского моря выход к тюркским республикам Центральной Азии.

Азербайджан традиционно считается ближайшим союзником Турции в указанном регионе. Со времени объявления независимости Азербайджанской Республикой в 1991 г. двусторонние отношения с Турцией имеют стабильную тенденцию к развитию. Основной причиной этого считается то, что большинство

Автор:

Абилов Игбал Шахинович — аспирант кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета, e-mail: igbal.abilov@gmail.com
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ.

Рецензенты:

Фрольцов Владислав Валерьевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Ковяко Ирина Ивановна — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории исторического факультета Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка

населения обоих государств составляют тюркоговорящие этнические группы, что и способствует их сближению. Кроме того, в самой Турции присутствует значительное азербайджанское меньшинство (тур. *Azeriler*), главным образом проживающее в восточных приграничных областях страны — Ыгдыре, Карсе и Ардагане.

В экспертной среде и СМИ двух стран для объяснения уровня двустороннего сотрудничества обращаются к известному лозунгу: «Один народ — два государства» (азерб./тюрк. «*Bir millət — iki dövlət*») [30, р. 46].

Признавая наличие объединяющего языкового фактора, необходимо отметить, что турки и азербайджанцы (азербайджанские тюрки; азери-тюрки) представляют две разные группы, в первую очередь с религиозной точки зрения: турки — в основном сунниты-ханафиты, азербайджанцы — шииты-джафариты. Кроме того, как отмечают турецкие исследователи Ч. Дж. Сувари и Э. Канджа, вопреки упомянутому лозунгу, турецкие учебники создают образ не равных братских отношений в рамках единой нации, а иерархических взаимоотношений, в рамках которых Турция находится на ступень выше Азербайджана [45, р. 256]. Более того, население обоих государств не является этнически и лингвистически гомогенным: значительную его часть составляют такие нетюркоязычные группы, как курды, заза, арабы, лазы и др. в Турции и талыши, лезгины, аварцы, таты и др. — в Азербайджане.

Условно развитие турецко-азербайджанских отношений в указанный период можно разделить на два этапа: 2002—2009 гг. и 2010—2015 гг. Несмотря на то, что рост двустороннего сотрудничества наблюдается в период с 2002 по 2014 г., имеются отдельные качественные изменения, позволяющие условно выделить два указанных этапа. (Подписанный в августе 2010 г. Договор о стратегическом партнерстве и взаимопомощи президентами Азербайджана и Турции определил новый уровень двусторонних отношений. Кроме того, в 2010 г. начались процессы Арабской весны, которые переключили внимание Анкары на геополитические изменения, происходящие на Ближнем Востоке, в надежде усилить в их ходе свою роль в регионе. В 2011 г. начался Сирийский кризис, в котором Турция окончательно «завязла». Смене внешнеполитических приоритетов Турции также способствовало обострение курдского фактора, угрожающего безопасности страны.)

В настоящей статье представлен анализ политики Турции в отношении Азербайджана в 2002—2009 гг. Целью статьи является рассмотрение основных направлений политики Анкары в отношении Азербайджана в 2002—2009 гг. Автор поставил перед собой следующие задачи: выявить основные приоритеты турецкой политики в Азербайджане, дать оцен-

ку результатам турецкой внешней политики в сферах торгово-экономического, политического, военного и культурного сотрудничества на основе статистических данных.

При проведении исследования были использованы официальные статистические данные Азербайджана и Турции [41—43; 51—53], отчеты министерств и программы правительств Турции [24; 34; 35; 46], межгосударственные договоры и протоколы [29; 47; 48], энергетическая стратегия Турции [49], работа нынешнего премьер-министра Турции А. Давутоглу [36], а также данные официальных сайтов различных государственных и межгосударственных структур (МИД Турции, Министерство экономики Турции, Тюркский совет, Нефтепровод Баку — Тбилиси — Джейхан, турецкая государственная трубопроводная компания «*Botaş*», ЗАО «Азербайджанские железные дороги») и турецкие, российские, азербайджанские и другие новостные сообщения [1—3; 5; 14; 31; 54].

В белорусской историографии политике Турции в Азербайджане уделено недостаточно внимания. В статье Р. М. Турарбековой [15] обозначены общие контуры этой политики, а в работе М. Шевелёвой и О. Онойко [20] рассматривается двустороннее сотрудничество только в энергетической сфере. В статье В. Г. Шадуурского [18] отмечается влияние Турции на постсоветском пространстве, в частности в Азербайджане, а в работе А. В. Шарapo [19] — роль Турции в качестве транзитера, в том числе и азербайджанской нефти.

Наибольший массив исследований представлен турецкими (Э. Алиев [22], Б. Арас, П. Акпынар [25], Б. Балджи [30], М. Челикпала [32], М. Гюзель [38], Б. Шал [44], Г. Түйсюзюглу [50]) и российскими (Н. Ниязов [12], Е. И. Уразова [16]) работами. Кроме того, автором использованы работы болгарского исследователя Й. Бибиной [4] и грузинского исследователя М. Манчхашвили [13].

Внешиполитический курс Турции в отношении Азербайджана. В течение обозначенного периода правительства ПСР пытались имплементировать во внешней политике концепцию неоосманизма. Ее архитектором считается нынешний премьер-министр Турции Ахмет Давутоглу, изложивший ее, главным образом, в опубликованной в 2001 г. книге «Стратегическая глубина: международное положение Турции» [36].

Будучи профессором стамбульского Университета Бейкент, он стал советником премьер-министра Турции А. Гюля (2002—2003 гг.), который возглавил первое правительство ПСР, а затем и сменившего его на этом посту Р. Т. Эрдогана (премьер-министр Турции в 2003—2014 гг.). 1 мая 2009 г. А. Давут-оглу был назначен министром иностранных дел. (Впоследствии в августе 2014 г. он сменил на постах главы ПСР и премьер-министра Тур-

ции избранного уже президентом Р. Т. Эрдогана. Вследствие того, что после парламентских выборов 7 июня 2015 г. в течение отведенных законом 45 дней не было сформировано новое правительство, А. Давутоглу возглавил временный кабинет министров — 63-е правительство Турции. После победы ПСР на выборах (1 ноября 2015 г.) 17 ноября президентом ему было поручено формирование очередного, 64-го турецкого правительства [37].)

В своей книге А. Давутоглу пишет, что имеющий выход к Каспийскому морю, а также в силу своих геокультурных связей Азербайджан рассматривается как естественное продолжение Центральной Азии [36, с. 464]. В политике Турции в регионе Каспийского моря Азербайджан имеет «определяющий вес» [36, с. 317].

В программе 58-го правительства (2002—2003 гг.) отмечалось, что политика Турции в нефтяной и газовой сферах должна была быть приведена в гармонию с внешней политикой и стать «объединяющим элементом» в отношениях с «братскими» странами Центральной Азии и Кавказа. Турция намеревалась, оставив в стороне условности периода «холодной войны», искать возможности сотрудничества, а также сделать вклад в объединение (с экономической точки зрения) богатого ресурсами Кавказа с Ближним Востоком и Балканами. Кроме энергетического фактора в этой программе учитывался также фактор России, с которой должно было быть продолжено «не ущемляющее интересы сторон» взаимодействие в кавказском направлении [35]. При этом важно отметить, что Азербайджан, как и две другие южнокавказские республики — Армения и Грузия, в указанной программе прямо не упоминались. Таким образом, можно предположить, что ПСР намеревалась проводить комплексную региональную политику, причем в рамках единого региона Кавказа и Центральной Азии.

В 2003 г. лидер ПСР Р. Т. Эрдоган сумел после внесения поправок в законодательство страны войти в состав парламента и возглавил новое 59-е правительство Турции (2003—2007 гг.). Программа правительства была откорректирована. Тезис о нефтегазовой политике в качестве «объединяющего элемента» в отношениях с братскими государствами кавказского и центральноазиатского регионов был исключен, но прочие были сохранены [34].

В программе 60-го правительства (2007—2011 гг.) не было отдельных стратегических тезисов, связанных с Кавказом, но отмечались достижения предыдущих кабинетов ПСР. Например, указывалось, что Турция оказывала поддержку в развитии среди прочих тюркских этнических групп азербайджанцам (тур. *Azeriler*) и месхетинским туркам (тур. *Ahıska Türkleri*) в Грузии и защите их исторических и культурных ценностей. Основной целью ПСР было, «выведя Турцию из положения стра-

ны, реагирующей на кризисы, защищающейся страны, превратить ее в определяющего актора, способного своим региональным и глобальным видением направлять процессы». Для этого, как указывается в программных документах правящей партии, необходимо было усиливать экономические, культурные и политические связи с соседними странами. Первоочередным в этом направлении виделась институционализация отношений со странами Кавказского, Каспийского, Черноморского и других регионов [24].

В политической сфере взаимодействие Турции и Азербайджана еще с момента провозглашения Баку независимости в 1991 г. концентрировалось вокруг поддержки странами позиций друг друга на международной арене по ряду наиболее чувствительных вопросов — признание геноцида армян, кипрская проблема и Карабахский конфликт [15, с. 37].

Смена руководства Азербайджанской Республики после смерти Гейдара Алиева в 2003 г., когда к власти пришел его сын Ильхам Алиев, не оказала существенного воздействия на характер двусторонних отношений. 16 декабря 2003 г. официальная делегация Турции во главе с премьер-министром Р. Т. Эрдоганом приняла участие в похоронах Г. Алиева [33].

13—15 апреля 2004 г. И. Алиев совершил свой первый официальный визит в Турцию уже в качестве президента Азербайджана [33]. 26—29 июня 2004 г. он повторно посетил Турцию для участия в Саммите НАТО, встретившись в ходе визита с президентом Турции А. Н. Сизером и премьер-министром Р. Т. Эрдоганом [33]. Несмотря на то, что страны контактировали в рамках различных международных организаций, основным в указанный период оставался *двусторонний формат отношений*.

Основным фактором, не позволяющим Турции осуществлять комплексную региональную политику на Южном Кавказе, является фактор Армении, который можно разделить на две составляющие: Карабахский конфликт, в ходе которого Турция выступила на стороне Азербайджанской Республики и в 1993 г. закрыла границу с Арменией; и вопрос признания факта геноцида армян, на котором настаивают Ереван и армянская диаспора. Таким образом, Южный Кавказ является для Турции разделенным регионом, а значительная часть границы с ним остается непроницаемой. Кроме политических проблем это создает сложности в контексте региональной инфраструктуры, безопасности и экономического развития.

Для преодоления этой ситуации в 2007 г. в Берне при посредничестве Федерального департамента иностранных дел Швейцарии между Турцией и Арменией начались тайные переговоры, а 6 сентября 2008 г. по приглашению президента Армении Сержа Сарг-

сяна в Ереван прибыл его турецкий коллега Абдулла Гюль. Формальным поводом для визита был отборочный матч чемпионата мира по футболу между национальными сборными двух стран. В результате проведенных переговоров 10 октября 2009 г. главы МИД Армении и Турции Эдвард Налбандян и Ахмет Давутоглу подписали в Цюрихе Протокол об установлении дипотношений и Протокол о развитии двусторонних отношений. Документами предусматривалось установление дипломатических отношений с момента ратификации документов, открытие межгосударственной границы, создание совместной комиссии из «независимых историков» для изучения исторических документов и архивов с целью квалификации «имеющихся вопросов» и «подготовки рекомендаций» [48].

Официальный Баку наблюдал за этим сближением, поддержанным ведущими мировыми акторами, с неодобрением, так как это подрывало частичную блокаду Армении и сулило последней экономические выгоды, что, в свою очередь, укрепляло бы ее решимость в отстаивании своей позиции по Карабахскому конфликту. «Похолодание» в турецко-азербайджанских отношениях стали очевидными, когда президент И. Алиев, несмотря на приглашения официальных лиц США и Турции, отказался ехать на встречу «Союз культур», которая состоялась в Стамбуле 6—7 апреля 2009 г. [7]. В июле И. Алиев не приехал в Анкару на официальное подписание соглашения по проекту газопровода «Набукко» [23].

Осенью 2009 г. напряженность в двусторонних отношениях достигла своего пика. В сентябре Баку направил Анкаре ноту протеста в связи с тем, что турецкие журналисты посетили контролируемый армянами Нагорный Карабах, а 11 октября МИД Азербайджана выступил с заявлением, в котором осудил подписание цюрихских протоколов [26]. 14 октября для совместного просмотра ответного матча национальных сборных Турцию по приглашению своего турецкого коллеги посетил Серж Саргсян. На стадион было запрещено пронести азербайджанские флаги. Через несколько дней в Баку в нескольких местах, в том числе и у здания Совета по религиозным делам при посольстве Турции, были спущены флаги последней. В результате этих инцидентов стороны обменялись нотами протеста [2]. После подписания протоколов возник вопрос о правомерности принципа «эмоциональной близости» двух государств [22, р. 45].

Анкара поспешила успокоить своего союзника, в результате чего вскоре наступил период разрядки. Несмотря на то, что в протоколах карабахская проблема не была упомянута, первые лица Турции сразу после их подписания дезавуировали договоренности, указав, что без разрешения армяно-азербайджанского конфликта протоколы не будут ратифициро-

ваны [21]. Визит министра иностранных дел А. Давутоглу в Баку, состоявшийся 19 апреля 2010 г., и встреча с президентом И. Алиевым были посвящены армяно-турецким отношениям. Затем последовал визит Р. Т. Эрдогана в мае 2010 г., в ходе которого он также встретился и обсудил с президентом Азербайджана перспективы армяно-турецкого сближения [8].

Подписание протоколов не было поддержано общественностью двух стран, а также армянской диаспорой. В результате соглашения так и остались нератифицированными.

Политические контакты Баку и Анкары в изучаемый период сохранялись и в формате многостороннего сотрудничества — в частности, в рамках тюркского политико-культурного пространства. В 2006 г., впервые за 5,5 лет, в Анталии прошел очередной Саммит государств тюркских языков, в котором Азербайджан, Казахстан и Турция приняли участие на уровне глав государств, а Туркменистан — на уровне чрезвычайного и полномочного посла. На следующем саммите, проходившем 2—3 октября 2009 г. в Нахичевани, Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан и Турция подписали соглашение о создании нового интеграционного проекта — Совета сотрудничества тюркоязычных государств (Тюркского совета) [54]. Однако этот формат носил скорее имиджевый характер, демонстрирующий общее намерение этих государств к консолидации, но не являлся эффективным механизмом политической интеграции.

В силу обстоятельств армяно-азербайджанского противостояния и из-за отсутствия у Турции общей границы с основной территорией Азербайджана (граница проходит по Нахичеванскому эксклаву) страны стали привлекать в совместные энергетические и инфраструктурные проекты Грузию. Транспортная и энергетическая интеграция этих стран могли бы развиваться в политический или даже военно-политический союз на региональном уровне. Но эта перспектива в указанный период не была реализована.

Помимо процесса по армяно-турецкому сближению Анкара в этот период предприняла еще одну попытку по объединению региона — уже **в сфере региональной безопасности**.

В разгар августовской войны 2008 г. турецкий премьер-министр Р. Т. Эрдоган 11 августа заявил о необходимости создания «Кавказского альянса» (тур. *Kafkaslar İttifaki*). Президент Турции А. Гюль 12 августа заявил, что поддерживает идею создания Форума стабильности на Кавказе (тур. *Kafkas İstikrar Forumu*). Различия в названиях свидетельствует о том, что это не было заранее заготовленным проектом Анкары, но она решила использовать сложившуюся ситуацию для усиления своей роли в регионе. Вслед за этим Р. Т. Эрдоган 13 августа

вылетел в Москву, где провел встречи с президентом Д. Медведевым и премьер-министром В. Путиным, а 14 августа посетил Тбилиси, встретившись с М. Саакашвили [39].

Во время визита в Баку 20 августа 2008 г. И. Алиеву была представлена Платформа стабильности и сотрудничества на Кавказе (ПССК) (тур. *Kafkasya İstikrar ve İşbirliği Platformu*). Предполагалось, что в рамках Платформы будет организовано сотрудничество России, Турции и государств региона (Азербайджан, Армения и Грузия). В ходе 16-го заседания Совета министров иностранных дел государств — участников ОБСЕ, состоявшегося 4—5 декабря 2008 г., была организована встреча представителей упомянутых государств на уровне заместителей министров иностранных дел. На ней был разработан проект документа, включающего принципы, цели и механизмы ПССК [14]. 26 января 2009 г. заседание ПССК на том же дипломатическом уровне прошло в Стамбуле [32, с. 109]. Последняя подобная встреча была организована в апреле 2009 г. [25, р. 64]. Однако клубок неразрешенных споров между участниками ПССК, отрицательная реакция США, ЕС и Ирана [13, с. 103—104], не включенных в нее, и начало Арабской весны в 2010 г. помешали полноценной институционализации проекта и его дальнейшему развитию.

Несмотря на поддержку позиции Азербайджана в карабахском вопросе и декларирование братских отношений между двумя странами, уровень **военного сотрудничества** между Баку и Анкарой в указанный период оставался невысоким. Только с 2007 г. между Турцией и Азербайджаном начал проводиться военный диалог на высшем уровне. В том же году был открыт завод «Пейк» Министерства оборонной промышленности Азербайджана, созданного в 2005 г. А в 2008—2009 гг. стороны начали налаживать совместное производство боеприпасов для огнестрельного оружия, бронетранспортеров и т. д. [12, с. 103, 105].

13 ноября 2009 г. в Анкаре был подписан Договор о безвозмездной военной помощи между правительством Азербайджанской Республики и правительством Турецкой Республики [10].

Однако необходимо отметить, что основные закупки вооружений Азербайджан производит не в Турции, а в России (приблизительно 80 %). Среди других поставщиков оружия наравне с Турцией также находятся Беларусь, Украина и Израиль. По мнению экспертов, существует по меньшей мере два фактора недостаточного уровня развития военно-технического сотрудничества. Во-первых, возможности турецкого ВПК ограничены. Во-вторых, по словам второго секретаря управления проблем безопасности Министерства иностранных дел Азербайджана Х. Гаджиева, «авторские права на большинство производимого в этой стране вооружения и техники принадлежат западным ком-

паниям» [12, с. 106]. Европейские страны и США, в свою очередь, не заинтересованы в изменении статус-кво вокруг конфликта в Нагорном Карабахе.

В 2002—2009 гг. **торгово-экономические отношения** Турции и Азербайджана сохраняли устойчивую положительную динамику, наметившуюся в предыдущие годы. Турция являлась одним из основных торгово-экономических партнеров Азербайджанской Республики наряду с Италией, Россией, Францией, Великобританией, Германией и др. В 2007 г., по данным официальной азербайджанской статистики, Турция стала основным торгово-экономическим партнером страны с удельным весом в общем товарообороте Азербайджана в 14,3 % (см. таблицу). Абсолютные показатели объемов товарооборота впервые превысили 1 млрд дол. США. Падение официальных объемов товарооборота в 2008—2009 гг. (согласно турецкой официальной статистике — только в 2009 г.) связано главным образом с мировым экономическим кризисом 2008 г.

Согласно данным азербайджанской статистики, к 2006 г. экспорт азербайджанской продукции в Турцию достиг уровня импорта турецкой продукции, а в 2007 г. значительно его превысил. Но уже в 2008—2009 гг. наметился серьезный спад как в относительных, так и в абсолютных показателях азербайджанского экспорта в Турцию.

Данные официальной турецкой статистики противоречат сведениям азербайджанской статистики: согласно им объем турецкого экспорта неизменно превышал объем импорта из Азербайджана, а в 2007 г. — более чем в 8 раз.

В целом, начиная с 2007 г., наметился прогрессирующий глубокий разрыв в данных турецкой и азербайджанской официальной статистики. Правда, если в 2007 г. азербайджанские показатели превышали турецкие, в последующие годы турецкие цифры были неизменно выше. Подобную разницу можно объяснить наличием в указанных странах, то, конкретно в сфере двусторонней торговли, «теневой» экономики, а также значительным объемом неучтенных товаров. Посольство Турции в Азербайджане указывало, что разница в статистических показателях вызвана главным образом «входными записями азербайджанской таможи» [27].

Для налаживания и укрепления связей турецких предпринимателей с представителями зарубежных бизнес-кругов в 2005 г. государством была создана Конфедерация предпринимателей и промышленников Турции (*TUSKON*). Это открыло дополнительные возможности для проникновения на рынки Южного Кавказа, в том числе и Азербайджана.

Турция активно участвует почти во всех сферах азербайджанской экономики. Стоимость проектов, выполняемых турецкими ком-

Товарооборот Турции и Азербайджана в 2002—2009 гг.

Показатель	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Объемы товарооборота ТР и АР (по данным официальной статистики ТР), тыс. дол. США	296 056,9	438 095,6	539 479,8	736 400,7	991 867,7	1 233 168,2	2 030 303,8	1 541 045,3
Объемы товарооборота ТР и АР (по данным официальной статистики АР), тыс. дол. США	239 615, 2	302 288,0	407 589,4	588 960,9	773 185,0	1 680 895,5	1 433 326,1	1 014 604,2
Удельный вес ТР в государственном товарообороте АР (по данным официальной статистики АР), %	6,3	5,8	5,7	6,9	6,6	14,3	2,6	4,9
Место ТР среди торговых партнеров АР (по данным официальной статистики АР)	4	4	4	3	3	1	7	6
Экспорт из ТР в АР (по данным официальной статистики ТР), тыс. дол. США	231 431,4	315 488,3	403 942,3	528 075,6	695 287,2	1 047 668,2	1 667 468,9	1 400 446,1
Импорт из ТР в АР (по данным официальной статистики АР), тыс. дол. США	156 218,7	195 252,0	224 967,8	313 001,6	385 040,2	624 572,5	807 168,9	906 984,2
Удельный вес ТР в импорте АР (по данным официальной статистики АР), %	9,4	7,4	6,4	7,4	7,3	10,9	11,3	14,8
Место ТР среди торговых партнеров АР по импорту (по данным официальной статистики АР)	2	3	4	3	4	2	2	2
Импорт из АР в ТР (по данным официальной статистики ТР), тыс. дол. США	64 625,5	122 607,3	135 537,5	208 325,1	296 580,5	185 500,0	362 834,9	140 599,2
Экспорт из АР в ТР (по данным официальной статистики АР), тыс. дол. США	83 396,5	107 036,0	182 621,6	275 959,3	388 144,8	1 056 323,0	626 157,2	107 620,0
Удельный вес в экспорте АР (по данным официальной статистики АР), %	3,8	4,1	5,1	6,3	6,1	17,4	1,3	0,7
Место ТР среди торговых партнеров АР по экспорту (по данным официальной статистики АР)	6	6	5	4	3	1	10	22

Источники: [41—43: 51—53]. Примечание. АР — Азербайджанская Республика, ТР — Турецкая Республика.

паниями только в строительной сфере, выросла в 2003—2007 гг. с 55 до 849 млн дол. США. В 2007 г. сумма прямых турецких инвестиций в азербайджанскую экономику достигла 3,45 млрд дол. [16, с. 168].

Наибольший прорыв в двусторонних отношениях был достигнут в **энергетической сфере**.

Не обладающая существенными собственными энергетическими ресурсами Турция в этот период стремилась диверсифицировать маршруты их поставок, желая уменьшить свою зависимость в первую очередь от России как основного импортера. Кроме того, Анкара надеялась, используя свое географическое положение, занять роль основного транзитера энергоресурсов из Азии в Европу, таким образом увеличивая свой геоэкономический вес. Кроме «удобства» маршрута помочь Турции стать наиболее компромиссным партнером для транспортировки газа и нефти (например, в сравнении с Украиной — для России) должна была развернутая ею в этот период политика «ноль проблем с соседями».

Энергетический фактор обусловил важность Азербайджана и всего Каспийского региона для Турции. В указанный период двумя странами совместно с Грузией было реализовано два крупных проекта.

В мае 2006 г. в строй вступил нефтепровод Баку — Тбилиси — Джейхан протяженностью 1769 км, по которому на международный рынок поставлялась нефть из азербайджанского месторождения «Азери — Чираг — Гюнешли». Основными акционерами консорциума являются *BP* с 30,1 % (технический оператор трубопровода) и Государственная нефтяная компания Азербайджанской Республики (ГНКАР) с 25 %; 6,5 % акций нефтепровода принадлежит Турецкой государственной нефтяной компании «ТРАО». В период с 2006 до конца 2009 г. посредством данного нефтепровода на мировые рынки было доставлено 803 млн баррелей нефти. В июле 2008 г. пропускная способность трубопровода достигла 1 млн баррелей в день, а в 2009 г. уже составляла 1,2 млн баррелей. Но этого оказалось недостаточно для полной загрузки нефтепровода, и уже с конца 2008 г. по нему стала транспортироваться также нефть из казахстанского месторождения «Тенгиз» в Каспийском море [46, s. 42]. По ожиданиям руководства нефтепровода, в первые 16 лет эксплуатации трубопровода Турция будет получать от 140 до 200 млн дол. США, а в последующие 24 года — от 200 до 300 млн дол. [31].

Газопровод Баку — Тбилиси — Эрзурум (Южнокавказский газопровод) протяженностью 970 км начал поставку природного газа из азербайджанского терминала «Сангачал», в котором хранится и обрабатывается газ из каспийского месторождения «Шах-Дениз». В Турцию газ стал поступать в июле 2007 г., а в Грузию он поставлялся уже с 2006 г. Техни-

ческим оператором газопровода является *BP* с 25,5 % акций. ГНКАР принадлежит 10 %, а «ТРАО» — 9 % акций [40, p. 32]. По договору 2001 г. в год Турция закупает у Азербайджана до 6,6 млрд куб. м природного газа [47]. К концу 2009 г. было транспортировано 10,8 млрд куб. м природного газа (из них — 5 млрд куб. м в 2009 г.) [46, s. 43]. С 18 ноября 2007 г. часть газа, получаемого по данному трубопроводу, направляется в Грецию по газопроводу Турция — Греция [49].

В 2002 г. также были начаты переговоры по проекту трубопровода «Набукко», по которому предполагалось поставлять энергоресурсы из Азербайджана и Туркменистана в Европу. Однако в 2013 г. было объявлено о закрытии проекта [11].

Турецко-грузино-азербайджанское сотрудничество не ограничивалось энергетической сферой. Страны продолжили развитие отношений и в области **транспортного сообщения**. Так, 7 февраля 2007 г. в рамках проекта «TRACECA» (проект транспортного коридора Европа — Кавказ — Азия) Турция, Грузия и Азербайджан на основе Декларации о проекте соединяющей линии железной дороги Баку — Тбилиси — Карс от 25 мая 2005 г. подписали межправительственный договор о создании упомянутого железнодорожного коридора [29]. На церемонии подписания соглашения по проекту железной дороги тогдашний премьер-министр Турции Р. Т. Эрдоган заявил: «В региональном сотрудничестве мы делаем третий шаг. Первым шагом, как вы знаете, был нефтепровод Баку — Тбилиси — Джейхан. Вторым был Баку — Тбилиси — Эрзурум, с другим названием проект "Шахдениз". А теперь делаем третий шаг. Это проект Баку — Тбилиси — Карс, событие преобразования исторического Шелкового пути в железную дорогу» [3].

24 июля 2008 г. прошла церемония торжественной закладки турецкой части железнодорожного полотна. Кроме восстановления и реконструкции имеющихся путей проектом предусмотрено строительство участка Карс — Ахалкалаки протяженностью 98 км (68 км — по территории Турции, 30 км — по территории Грузии). Изначально предполагалось, что общая протяженность железнодорожного коридора составит 838 км: 503 км — по территории Азербайджана, 259 км — по территории Грузии, 76 км — по территории Турции. Но в дальнейшем проект турецкой части дороги претерпел некоторые изменения, увеличившись до 79 км. Ожидается, что в краткосрочной перспективе по железной дороге будет перевозиться 1 млн пассажиров и 6,5 млн т грузов в год, а к 2034 г. — 15—17 млн т грузов и 3 млн пассажиров [28].

Следует отметить, что строительство дороги продвигается достаточно медленно и не завершено до сих пор. Одной из причин можно считать то, что Анкара надеялась в указанный

период восстановить отношения с Арменией, через территорию которой проходил уже существующий железнодорожный коридор Европа — Азия (через дорогу Карс — Гюмри), связывающий Турцию с тремя государствами Южного Кавказа. О готовности армянского участка дороги к открытию заявлялось руководством ЗАО «Южно-Кавказской железной дороги» в 2008 и 2009 гг. В 2013 г. появилась информация о том, что Турция начала проводить реконструкцию 112-километрового участка железной дороги Карс — Гюмри вплоть до границы с Арменией [9]. Однако разблокировка железнодорожного сообщения Турции с Кавказом ни в изучаемый период, ни позже не состоялась.

Важнейшую роль в налаживании и развитии двусторонних отношений сыграл фактор языковой близости двух стран, вокруг которого были заложены основы **культурного сотрудничества** Турции и Азербайджана.

Культурная политика ПСР внутри страны, применяемая ею во внешней политике культурная дипломатия и «мягкая сила», как и ее деятельность в других сферах, отличаются прагматизмом. Важными элементами турецкой политики в этот период стали продвижение турецкой культуры на международной арене и формирование посредством этого положительного и привлекательного образа страны [4, с. 140—143].

Большая роль по продвижению «мягкой силы» Турции в регионе была возложена на Турецкое управление по сотрудничеству и развитию (TİKA), созданное еще в 1992 г. Его целью при создании была поддержка развития в первую очередь тюркоговорящих стран и рост сотрудничества с ними в торгово-экономической, культурной, социальной и образовательной сферах. Хотя в период правления ПСР география деятельности TİKA была значительно увеличена, приоритетными регионами для него оставались Кавказ и Центральная Азия. На практике управление осуществляет малобюджетные проекты в сфере образования, культуры, сельского хозяйства и т. д. Однако, по мнению турецкого исследователя Б. Шаля, проводимые им мероприятия далеки от глубины и влияния, которые могли бы поддержать политику Турции в регионе [44, с. 268].

Отдельное место в продвижении идеи культурной общности двух стран занимает международная организация тюркской культуры «ТЮРКСОЙ» («TÜRKSÖY»), объединившая в 1993 г. в своих рядах Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Туркменистан и Турцию [38, с. 105]. Штаб-квартира организации находится в Анкаре. Организация ежегодно проводит фестивали, выставки, концерты, конкурсы, встречи с участием творческих коллективов из стран-членов. В 2009 г. «ТЮРКСОЙ» вошла в состав новосозданного Тюркского совета. Кроме «ТЮРКСОЙ» в его состав также во-

шла и Тюркская академия со штаб-квартирой в Астане и другие организации. С 1994 по 2008 г. генеральным директором «ТЮРКСОЙ» был известный советский и азербайджанский певец П. Бюльбюль-оглы [5].

Странами осуществляется публикация и распространение книг по общей истории, литературе, культуре и религии тюркских народов. В 2008 г. в Измире был открыт Азербайджанский культурный центр [38, с. 104].

Несмотря на различие в направлениях ислама, исповедуемых основной частью населения двух стран, турецкое Управление по делам религии проводит активную работу в Азербайджане, главным образом в сфере образования. Турецким религиозным фондом, связанным с Управлением по делам религии, открыты Турецкий лицей в Баку (в 1994 г.) и факультет богословия в Бакинском государственном университете (в 1992 г.). На деятельность этих учреждений Турция тратит ежегодно по 300—350 тыс. дол. США. По линии Управления по делам религии в Турции прошли обучение сотни студентов, а в Азербайджан направлены сотни тысяч экземпляров религиозной литературы. С 2009 г. действует совет по делам религии при посольстве Турции в Азербайджане, в котором работают 1 советник и 10 служащих. В Нахичевани находится атташе Управления по делам религии. Турция также оказывала поддержку в строительстве различных мечетей в Азербайджане [38, с. 104—109].

Особую и влиятельную роль в рамках «мягкой силы» Турции в Азербайджане в 2002—2009 гг. носила деятельность движения «Хизмет», руководимого тогда еще близким к руководству ПСР богословом Ф. Гюленом. Особый акцент движение делает на образовательные программы по всему миру через сеть коммерческих и некоммерческих структур своих сторонников. В Азербайджане образовательные программы управлялись компанией «*Çağ Öyrətım İşlətmələri*», работающей в стране с 1992 г. Ею контролировались 10 частных турецких лицеев, расположенных по всей стране, 1 гимназия, 1 университет (Кавказский университет в Баку) и 13 курсов «Араз» по подготовке абитуриентов к вступительным экзаменам в ВУЗ [1]. Школьники из Азербайджана принимают участие в организуемой сторонниками Ф. Гюлена Олимпиаде по турецкому языку. В Азербайджане публикуется газета «*Zaman-Azərbaycan*», подконтрольная Ф. Гюлену, а местный телеканал «*Xəzər TV*» не раз обвиняли в связях с ним [17].

Баку в указанный период не проявлял своей настороженности относительно деятельности данного движения. Однако позднее в 2014 г. по личной просьбе Р. Т. Эрдогана, у которого тогда в самом разгаре был скандал с Ф. Гюленом, азербайджанские власти закрыли образовательные программы компании «*Çağ Öyrətım İşlətmələri*» и даже сместили от-

дельных чиновников, подозреваемых в связях с движением «Хизмет» (самый громкий инцидент — увольнение представителя администрации президента Эльнура Асланова) [6].

Кроме «Хизмет» в Азербайджане представлены и другие турецкие исламские движения [30, р. 47].

Важное значение приобрело набирающее в этот период популярность турецкое спутниковое телевидение, а также переводимые на азербайджанский язык и транслируемые на местных каналах турецкие сериалы, увеличивающие не только знание и понимание турецкого языка в регионе, но и информацию о самой Турции, а также формирующие ее привлекательный образ [50, s. 416]. Кроме того, с 2008 г. радио «Голос Турции» гостелерадиокомпании Турции «TRT» и радио- и телеканалы Общественного телевидения Азербайджана («İTV») начали совместную трансляцию передачи «Коркут Ата», а с 2009 г. новый турецкий телеканал «TRT Avaz» стал транслироваться и в Азербайджане [38, s. 110]. «TRT Avaz» и «İTV» стали также проводить совместные трансляции отдельных передач.

Таким образом, можно утверждать, что в 2002—2009 гг. Анкара проводила в отношении Азербайджана прагматичную политику, основными приоритетами которой были направления энергетического и торгово-экономического сотрудничества. Совместно с активизацией Турции в различных секторах азербайджанской экономики и укреплением двустороннего сотрудничества свое выражение нашла новая тенденция турецкой внешней политики — инициативы в сфере региональной безопасности, которые бы институализировали влияние и роль Анкары на Южном Кавказе в качестве регионального лидера и создали бы перспективы для возможных эффективных интеграционных проектов для Турции и всех стран региона, а через последних — и со странами Центральной Азии. Однако данные инициативы не были успешно реализованы как ввиду неспособности Анкары преодолеть узел региональных противоречий, так и в связи с последовавшим общим изменением геополитической обстановки в регионе Ближнего Востока.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Азербайджан поддерживает наступление Турции на движение Гюлена [Электронный ресурс] // contact.az. — 06.05.2014. — Режим доступа: <<http://www.contact.az/docs/2014/Want%20to%20Say/050500077673ru.htm>>. — Дата доступа: 23.01.2016.
2. Азербайджан получил ноту Турции из-за спуска турецкого флага [Электронный ресурс] // lenta.ru. — 21.10.2009. — Режим доступа: <<https://lenta.ru/news/2009/10/21/flag/>>. — Дата доступа: 10.01.2016.
3. Баку — Тбилиси — Карс [Электронный ресурс] // ЗАО «Азербайджанские железные дороги». — Режим доступа: <<http://www.addy.gov.az/index/ru/component/content/article/15-%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9/%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%86%D1%8B/367-%D0%B1%D0%B0%D0%BA%D1%83-%D1%82%D0%B1%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D1%81%D0%B8-%D0%BA%D0%B0%D1%80%D1%81>>. — Дата доступа: 19.01.2016.
4. Бибина, Й. Культурная политика ТР: факторы и направление эволюции / Й. Бибина // Турция на пути к региональному лидерству: к 90-летию Турецкой Республики / отв. ред. и сост. Н.Ю. Ульченко; сост. и предисл. П. В. Шлыков. — М.: ИВ РАН, 2015. — С. 121—148.
5. Биография Полада Бюльбюль оглы [Электронный ресурс] // РИА Новости. — 04.02.2015. — Режим доступа: <<http://ria.ru/spravka/20150204/1045744193.html>>. — Дата доступа: 25.12.2015.
6. В Азербайджане закрыли все школы Фетхуллаха Гюлена [Электронный ресурс] // haqqin.az. — 18.06.2014. — Режим доступа: <<http://haqqin.az/news/24542>>. — Дата доступа: 03.01.2016.
7. Госсекретарь США, президент и премьер-министр Турции позвонили президенту Азербайджана в связи с его отказом принять участие на мероприятии в Стамбуле [Электронный ресурс] // АПА. — 06.04.2009. — Режим доступа: <<http://m.ara.az/ru/news/131739>>. — Дата доступа: 07.01.2016.
8. Депутат Милли Меджлиса прокомментировал итоги визита премьер-министра Турции Реджепа Тайипа Эрдогана в Баку [Электронный ресурс] // Day.az. — 18.05.2010. — Режим доступа: <<http://news.day.az/politics/209851.html>>. — Дата доступа: 19.12.2015.
9. Закавказье как поле битвы железнодорожных проектов [Электронный ресурс] // Информационное агентство «Regnum». — 25.11.2014. — Режим доступа: <<http://regnum.ru/news/polit/1869819.html>>. — Дата доступа: 21.01.2016.
10. Ильхам Алиев утвердил договор между Азербайджаном и Турцией [Электронный ресурс] // Day.az. — 23.12.2009. — Режим доступа: <<http://news.day.az/politics/186909.html>>. — Дата доступа: 18.01.2016.
11. Кузин, А. Амбициозный проект Nabucco провалился окончательно [Электронный ресурс] / А. Кузин // KM.RU (27 июня 2013 г.). — Режим доступа: <<http://www.km.ru/economics/2013/06/27/gazprom/714583-ambitsiozniy-proekt-nabucco-provalilsya-okonchatelno>>. — Дата доступа: 19.12.2015.
12. Ниязов, Н. Азербайджано-турецкое военно-техническое сотрудничество в 1994—2000 гг. / Н. Ниязов // Научные проблемы гуманитарных исследований. — 2010. — Вып. 12. — С. 100—110.
13. Манчхашвили, М. Турция и безопасность Южного Кавказа: «Платформа стабильности и сотрудничества на Кавказе» / М. Манчхашвили // Центральная Азия и Кавказ. — 2010. — Т. 13, № 4. — С. 100—107.
14. Синан Оган: «Платформа сотрудничества и стабильности на Кавказе» и усилия Турции по обеспечению региональной безопасности [Электронный ресурс] // Информационное агентство «Regnum». — 11.12.2009. — Режим доступа: <<http://regnum.ru/news/1234391.html>>. — Дата доступа: 15.01.2016.
15. Турарбекова, Р. М. Особенности внешней политики Турции в отношении постсоветских стран / Р. М. Турарбекова // Беларус. думка. — 2012. — № 4. — С. 34—39.
16. Уразова, Е. И. Экономическая активность Турции в Кавказско-Центральноазиатском регионе / Е. И. Уразова // Турция в условиях новых внутренних и внешних реалий / отв. ред.: Н. Ю. Ульченко, Е. И. Уразова. — М.: Ин-т Ближнего Востока; Ин-т востоковедения РАН, 2010. — С. 156—170.
17. Фетхуллах Гюлен отправил своего пропагандиста в Азербайджан [Электронный ресурс] // infoaz.org. — 04.10.2014. — Режим доступа: <<http://www.infoaz.org/new/index.php/ru/o/293-e-e-e-e>>. — Дата доступа: 18.01.2016.
18. Шадурский, В. Г. Нужен нам берег турецкий / В. Г. Шадурский // Беларус. думка. — 2012. — № 4. — С. 21—27.

19. Шарапо, А. В. Беларусь — Турция: мотивация сотрудничества / А. В. Шарапо // Беларусь — Турция: пути сотрудничества: материалы второй междунар. науч.-практ. конф., г. Минск, 25 февр. 2011 г. — Минск: Четыре четверти, 2011. — С. 47—52.
20. Шевелёва, М. В. Энергетическая политика Турции в Каспийском регионе (1998—2009 гг.) / М. В. Шевелёва, О. Онойко // Журн. междунар. права и междунар. отношений. — 2010. — № 4. — С. 29—35.
21. Юнусов, Р. Армения и Турция: конец вековой вражде / Р. Юнусов [Электронный ресурс] // Новый континент. — Режим доступа: <http://www.kontinent.org/article.php?aid=4ad7c4f08a4d4>. — Дата доступа: 18.12.2015.
22. Aliyev, E. Azerbaijan-Turkish Relations (1992—2012): a Foreign Policy Account. Master's Degree Thesis / E. Aliyev; Middle East Technical University. — 2012. — 73 p.
23. Aliyev Neden Türkiye'ye Gelmedi [Electronic resource] // Haber programı. — Mode of access: <http://www.haberprogrami.com/h/2009/07/14/45936-aliyev-neden-turkiye-ye-gelmedi.php>. — Date of access: 05.01.2016.
24. 60. Hükümet Programı [Electronic resource] // AK Parti. — Mode of access: <https://www.akparti.org.tr/upload/documents/60inci-hukumet-programi.pdf>. — Date of access: 02.01.2016.
25. Aras, B. The Relations between Turkey and the Caucasus / B. Aras, P. Akpınar // Perceptions. — 2011. — Vol. XVI, N 3. — P. 53—68.
26. Azerbaijan Condemns Turkish Pact [Electronic resource] // BBC. — 11.10.2009. — Mode of access: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/8301314.stm>. — Date of access: 08.01.2016.
27. Azerbaycan İthalatında Adi Metaller ve Mamulleri 2007—2008 [Electronic resource] // Türkiye Cumhuriyeti Ekonomi Bakanlığı. — Mode of access: <http://www.ekonomi.gov.tr/portal/content/conn/UCM/uuid/dDocName:EK-159036>. — Date of access: 19.01.2016.
28. Bakü-Tiflis-Kars Demiryolu Projesi [Electronic resource] // Hazar Strateji Enstitüsü. — 18.03.2015. — Mode of access: <http://www.hazar.org/content/yayinlar/baku_tiflis_kars_demiryolu_hatti_projesi_1150.aspx>. — Date of access: 20.01.2016.
29. Bakü-Tiflis-Kars Yeni Demiryolu Bağlantısına İlişkin Anlaşma [Electronic resource] // Resmi Gazete. — 10.04.2011. — Mode of access: <http://www.resmigazete.gov.tr/eskiler/2011/04/20110410-3-1.far>. — Date of access: 15.01.2016.
30. Balcı, B. Strengths and Constraints of Turkish Policy in the South Caucasus / B. Balcı // Insight Turkey. — 2014. — Vol. 16, N 2. — P. 43—52.
31. BTC HPBH Proje Direktörlüğü [Electronic resource] // BTC. — Mode of access: <http://www.btc.com.tr/proje.html>. — Date of access: 20.01.2016.
32. Çelikpala, M. Türkiye ve Kafkasya: Reaksiyoner Dış Politikadan Proaktif Ritmik Diplomasiye Geçiş / M. Çelikpala // Uluslararası İlişkiler. — 2010. — Cilt 7, Sayı 25. — S. 93—126.
33. Chronology of Official Relations [Electronic resource] // Embassy of the Republic of Azerbaijan in the Republic of Turkey. — Mode of access: <http://ankara.mfa.gov.az/files/file/Chronology_of_official_relations.pdf>. — Date of access: 15.01.2016.
34. 59. Hükümet Programı [Electronic resource] // AK Parti. — Mode of access: <https://www.akparti.org.tr/upload/documents/59uncu-hukumet-programi.pdf>. — Date of access: 02.01.2016.
35. 58. Hükümet Programı [Electronic resource] // AK Parti. — Mode of access: <https://www.akparti.org.tr/upload/documents/58inci-hukumet-programi.pdf>. — Date of access: 02.01.2016.
36. Davutoğlu, A. Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu / A. Davutoğlu. — İstanbul: Küre Yayınları, 2013. — 584 s.
37. Davutoğlu'na Hükümeti Kurma Görevi Verildi [Electronic resource] // Milliyet. — Mode of access: <http://www.milliyet.com.tr/ve-hukumeti-kurma-gorevini/siyaset/detay/2149434/default.htm>. — Date of access: 17.11.2015.
38. Güzel, M. Türkiye-Azerbaycan İlişkilerinde Uyum (siyasi, enerji, ekonomik ve kültürel boyutu). Yüksek Lisans Tezi / M. Güzel. — Ankara, 2009. — 138 s.
39. Kanbolat, H. [‘Kafkas İstikrar Pakti’ Projesi] Türkiye Kafkasya’da ne yapabilir? [Electronic resource] / H. Kanbolat // Zaman. — 16.08.2008. — Mode of access: <http://www.zaman.com.tr/yorum_kafkas-istikrar-pakti-projesi-turkiye-kafkasyada-ne-yapabilir_726347.html>. — Date of access: 07.01.2016.
40. Krauer-Pacheco, K. Turkey as a Transit Country and Energy Hub: The Link to Its Foreign Policy Aims / K. Krauer-Pacheco // Working Papers of the Research Centre for East European Studies, University of Bremen. — December 2011. — N 118. — P. 1—64.
41. Ölkələr üzrə idxal [Electronic resource] // Azərbaycan Respublikası Dövlət Statistika Komitəsi. — Mode of access: <http://www.stat.gov.az/source/trade/az/f_trade/xt002_3.xls>. — Date of access: 16.02.2016.
42. Ölkələr üzrə ixrac [Electronic resource] // Azərbaycan Respublikası Dövlət Statistika Komitəsi. — Mode of access: <http://www.stat.gov.az/source/trade/az/f_trade/xt002_5.xls>. — Date of access: 16.02.2015.
43. Ölkələr üzrə xarici ticarət dövriyyəsi [Electronic resource] // Azərbaycan Respublikası Dövlət Statistika Komitəsi. — Mode of access: <http://www.stat.gov.az/source/trade/az/f_trade/xt002_1.xls>. — Date of access: 16.02.2016.
44. Şal, B. Soğuk Savaş Sonrası Süreçte Türkiye'nin Güney Kafkasya'ya Yönelik Dış Politika Açılımları. Doktora Tezi / B. Şal. — İstanbul, 2009. — 388 s.
45. Suvari, Ç. C. Turkey and Azerbaijan. On the Myth of Sharing the Same Origin and Culture / Ç. C. Suvari, E. Kanca // Iran and the Caucasus. — 2012. — N 16. — P. 247—256.
46. T.C. Enerji ve Tabii Kaynaklar Bakanlığı 2009 Yılı Faaliyet Raporu. — Ankara: Strateji Geliştirme Başkanlığı, 2010. — 64 s.
47. Türkiye Cumhuriyeti ile Azerbaycan Cumhuriyeti Arasında Azerbaycan Doğal Gazının Türkiye Cumhuriyeti'ne Sevkiyatına İlişkin Anlaşma [Electronic resource] // Resmi Gazete. — 29.05.2002. — Mode of access: <http://www.resmigazete.gov.tr/eskiler/2002/05/20020529.htm#1>. — Date of access: 15.01.2016.
48. Türkiye Cumhuriyeti ile Ermenistan Cumhuriyeti arasında Diplomatik İlişkilerin Kurulmasına Dair Protokol ve Türkiye Cumhuriyeti ile Ermenistan Cumhuriyeti arasında İlişkilerin Geliştirilmesine Dair Protokol [Electronic resource] // Türkiye Büyük Millet Meclisi. — Mode of access: <http://www.tbmm.gov.tr/d26/1/1-0655.pdf>. — Date of access: 26.12.2015.
49. Türkiye'nin Enerji Profili ve Stratejisi [Electronic resource] // Türkiye Cumhuriyeti Dış İşler Bakanlığı. — Mode of access: <http://www.mfa.gov.tr/turkiye_nin-enerji-stratejisi.tr.mfa>. — Date of access: 19.01.2016.
50. Tüysüzöğlü, G. Yumuşak Güç Kuramı Bağlamında Türkiye'nin Güney Kafkasya Stratejisi / G. Tüysüzöğlü // Uluslararası Kafkasya Kongresi, 26—27 Nisan 2012. Bildiriler Kitabı. — Kocaeli, 2012. — S. 406—419.
51. Ülkelere Göre İhracat, 1996—2016 [Electronic resource] // Türkiye İstatistik Kurumu. — Mode of access: <http://www.tuik.gov.tr/PreIstatistikTablo.do?istab_id=624>. — Date of access: 16.02.2016.
52. Ülkelere Göre İthalat, 1996—2016 [Electronic resource] // Türkiye İstatistik Kurumu. — Mode of access: <http://www.tuik.gov.tr/PreIstatistikTablo.do?istab_id=625>. — Date of access: 16.02.2016.
53. Ülkelere Göre Yıllık İhracat (En Çok İhracat Yapılan 20 ülke) [Electronic resource] // Türkiye İstatistik Kurumu. — Mode of access: <http://www.tuik.gov.tr/PreIstatistikTablo.do?istab_id=1545>. — Date of access: 16.02.2016.
54. Zirveler Tarihiçesi [Electronic resource] // Türk Dili Konuşan Ülkeler İşbirliği Konseyi. — Mode of access: <http://www.turkkon.org.tr-TR/zirveler_sureci_bilgi_notu/4/52>. — Date of access: 19.12.2015.

Статья поступила в редакцию в марте 2016 г.

ИСТОРИЯ, ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ОТНОШЕНИЙ ШВЕЙЦАРСКОЙ КОНФЕДЕРАЦИИ И ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Илья Зуев

В статье дается обзор историографии отношений Швейцарии и Евросоюза, выявляются предпосылки становления билатерального формата их взаимодействия, характеризуются ключевые особенности «гибкой интеграции» Швейцарии и ЕС и определяющие их факторы, а также рассматриваются ближайшие перспективы развития их отношений.

Ключевые слова: автономная адаптация, билатеральный подход, гибкая интеграция, Европейская экономическая зона, Европейский союз, защитная оговорка, институциональное рамочное соглашение, Швейцарская Конфедерация.

«History, Peculiarities and Prospects of Relations between the Swiss Confederation and the European Union» (Ilya Zuyeu)

The article gives a review of the historiography on relations between Switzerland and the EU, identifies prerequisites of formation of bilateral approach in their cooperation, outlines key characteristics and factors of Switzerland's flexible integration in the EU, and considers the nearest prospects of their relations.

Keywords: autonomous adaptation, bilateral approach, European Economic Area, European Union, flexible integration, institutional framework agreement, safeguard clause, Swiss Confederation.

Author:

Zuyeu Ilya — post-graduate student of the Department of International Relations of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: ilya.zuefff@gmail.com
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., 220030, Minsk, BELARUS

Швейцария — транзитное государство с федеративным устройством, известное прямой демократией, банковской тайной и постоянным нейтралитетом. Расположенное в самом сердце Европы, оно, тем не менее, не входит в Европейский союз — главное интеграционное объединение региона, которое является крупнейшим в мире рынком и влиятельным участником международных отношений. На протяжении долгого времени швейцарские власти делали все возможное, чтобы пользоваться преимуществами наличия сильного соседа и торгового партнера, не принимая на себя дополнительных обязательств.

В историографии такая политика получила различные названия. Так, М. Валь и Н. Гролимунд проанализировали многочисленные соглашения, заключенные Швейцарией с Европейским союзом, спроецировали их на конституционно-правовые основы ее внешней политики и пришли к выводу, что особая швейцарская модель интеграции без членства в ЕС связана с отсутствием институци-

онального рамочного соглашения между сторонами, которое объединило бы все сферы взаимоотношений [37].

В свою очередь, Т. Котье и Р. Лихти указали на то, что дифференцированная пошаговая интеграция, преимущественно в экономической сфере, порождает все новые проблемы, решить которые может лишь полноценное вступление Конфедерации в ЕС [16].

К противоположному выводу пришли Й. Варвик и Я. Виндвер [39]. По мнению авторов, сам Европейский союз может измениться, чтобы углублять отношения с соседними государствами, не принимая их в свой состав, а выборочная прагматическая интеграция может стать хорошим примером для такого сценария.

Подобным образом рассуждал и А. Товиас, сравнивая швейцарскую модель взаимодействия с Евросоюзом и ту модель, которой придерживаются государства — члены Европейской экономической зоны [36]. Хотя обе модели автор назвал полукOLONиальными, он, тем не менее, отметил, что Конфедерация в отношениях с ЕС обладает куда большей самостоя-

Автор:

Зуев Илья Владимирович — аспирант кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета, e-mail: ilya.zuefff@gmail.com
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр-т Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Рецензенты:

Свилас Светлана Францевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Лютко Сергей Григорьевич — кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры военной стратегии факультета Генерального штаба Вооруженных Сил Военной академии Республики Беларусь

тельностью, чем Норвегия и другие участники Европейской экономической зоны (ЕЭЗ), что делает швейцарскую модель более привлекательной.

Европейский взгляд на данный вопрос представил Б. Штеппахер [31]. По его словам, ЕС слишком пассивен в отношении Швейцарии, не препятствуя ее вхождению в Европейскую экономическую зону или возможному включению в список стран-кандидатов, но и не принимая единой стратегии в отношении Конфедерации. Швейцария, в свою очередь, стоит на позициях *прагматического билатерализма*, балансируя между вступлением в Евросоюз и международной изоляцией.

Почти государством — членом ЕС назвала Швейцарию С. Лавенекс [22, р. 548]. По ее мнению, заключение ряда секторальных соглашений между Конфедерацией и Европейским союзом позволяет децентрализовать взаимоотношения в различных сферах и тем самым повысить их эффективность. Тем не менее, пока нельзя говорить об официальной ассоциации Швейцарии и ЕС: соответствующее соглашение между сторонами отсутствует и Швейцария не обладает правом голоса в делах Евросоюза, поэтому и у *гибкой интеграции* есть недостатки.

Кроме названных выше авторов изучению внешней политики Швейцарии и Европейского союза, а также отношений между ними посвящали свои работы и другие ученые. К. Чёрч исследовал внутривнутриполитические процессы, происходящие в Конфедерации, и их связь с ее внешней политикой [13]. Это важно, поскольку Швейцария занимает особое место в европейском регионе, как отметил П. Дарданелли, указав на основные проблемы в отношениях между Швейцарией и ЕС и оценив возможности углубления их интеграции [17]. Однако есть причины, удерживающие эту страну от присоединения к Евросоюзу: среди них Р. Швок назвал необходимость сохранения нейтралитета, прямой демократии и федерализма, а также экономические и социальные проблемы [30]. Одна из них — массовый приток иммигрантов, вызвавший серьезные изменения во внутренней и внешней политике Конфедерации [см.: 20].

На постсоветском пространстве многие исследователи рассматривали внешнюю политику Швейцарии в совокупности с ее внутренней политической, государственным устройством, экономической и социальной сферами, а также в сравнении с другими странами региона. Подобный подход представлен в книге «Государства Альпийского региона и страны Бенилюкс в меняющейся Европе» [3], работах А. И. Степанова [5], А. В. Шарано [7]. Другие авторы обращали внимание на конкретные внешне- и внутривнутриполитические аспекты Конфедерации, например С. Л. Авраменко [1], А. В. Тихомиров [6].

Проблема взаимоотношений Швейцарии и ЕС не теряет своей актуальности: на протяжении долгого времени они не могут разрешить все существующие разногласия, в то время как между ними появляются новые противоречия. Несмотря на все это, обе стороны находят точки соприкосновения, строят особый билатеральный формат взаимодействия и остаются ключевыми партнерами. Поэтому цель данной статьи — выявить исторические предпосылки формирования и охарактеризовать особенности отношений Швейцарии и Евросоюза, что поможет понять перспективы их развития.

Билатеральный подход в исторической ретроспективе

Сегодня сотрудничество с Евросоюзом — одно из важнейших стратегических направлений внешней политики Швейцарии. Однако в начале 1950-х гг. она и не намеревалась участвовать в начинавшейся европейской интеграции. Благодаря политике вооруженного нейтралитета, Конфедерация, в отличие от своих соседей, не только почти не пострадала в годы Второй мировой войны, но и заработала на торговле золотом и поставках военной продукции, а также присвоила себе счета погибших в годы Холокоста вкладчиков швейцарских банков [35]. Кроме того, членство в Европейских сообществах предполагало передачу части государственного суверенитета наднациональным органам, что было неприемлемо для Конфедерации. Поэтому 4 января 1960 г. Швейцария совместно с Великобританией, Данией, Норвегией, Швецией, Австрией и Португалией создала Европейскую ассоциацию свободной торговли (ЕАСТ), где, в отличие от Европейского экономического сообщества (ЕЭС), не были предусмотрены единые таможенные тарифы и координация торговой политики, что сохраняло полную самостоятельность государств-членов [34, art. 49].

Тем не менее, уже в 1970-х гг., осознав несостоятельность разделения Европы на два экономических блока (не считая третьего — Совета экономической взаимопомощи под эгидой СССР), многие участники ЕАСТ стали углублять интеграцию с Европейскими сообществами: часть из них впоследствии присоединилась к сообществам, а Швейцария в 1972 г. заключила с ЕЭС Соглашение о свободной торговле [10]. В 1984 г. в Люксембурге состоялась конференция, на которой министры европейских государств решили объединить ЕАСТ и ЕЭС в единый рынок свободной торговли — ЕЭЗ — при условии, что государства — члены ЕАСТ внесут изменения в свое национальное законодательство. 2 мая 1992 г. соглашение о создании ЕЭЗ было подписано представителями 12 государств ЕЭС и 7 государств ЕАСТ [33]. Швейцария единственная не ратифицировала его: чуть более половины ее

граждан и кантонов высказалось против этого на референдуме [43]. Вскоре власти Конфедерации заморозили и заявку на вступление в Европейское экономическое сообщество (после вступления в силу Маастрихтского договора, подписанного 7 февраля 1992 г., этот документ обычно называют заявкой на вступление в Европейский союз), поданную 20 мая 1992 г. [24].

Важным событием стал референдум 20 февраля 1994 г. — швейцарские активисты успешно провели через него «Альпийскую инициативу», ограничившую грузоперевозки через Альпы и поставившую ЕС перед выбором: перевести свой транзит на рельсы или платить Конфедерации экологический сбор. Перед лицом ухудшающихся отношений, сторонники евроинтеграции, осознавая невозможность скорого вступления Швейцарии ни в ЕЭЗ, ни тем более в ЕС, нашли новый формат взаимоотношений, получивший в итоге название «билатерального» (двустороннего). Его основная идея — находить точки соприкосновения там, где возможно достичь единого мнения, и заключать соответствующие соглашения. Билатеральными они были названы потому, что Швейцария заключала их со всем Евросоюзом (точнее, с Европейским сообществом, поскольку Союз до 2009 г. не обладал правосубъектностью [15, art. 47]), а не с каждым государством-членом. Другой особенностью такого формата взаимоотношений стал «метод гильотины». Объединив соглашения в единый пакет, ЕС гарантировал его подписание и ратификацию в Швейцарии, но оставлял за собой право прекратить действие всего пакета соглашений при нарушении другой стороной условий хотя бы одного из них.

В настоящее время действуют два таких пакета. Первый из них, подписанный 21 июня 1999 г., был сосредоточен на вопросах миграции, транспорта, торговли и научно-технического сотрудничества. После успешного референдума 21 мая 2000 г., ратифицировавшего первый билатеральный пакет, швейцарские еврооптимисты 4 марта 2001 г. инициировали референдум о скорейшем вступлении страны в Евросоюз, однако потерпели поражение [41]. Второй пакет, подписанный 26 октября 2004 г., наряду с расширением сотрудничества в области экономики, экологии и СМИ затрагивал и намного более спорные вопросы (вхождение в Шенгенскую и Дублинскую зоны, обмен информацией о банковских вкладах, налогообложение) и, в отличие от предыдущего, не был единым целым. По инициативе правоцентристской Швейцарской народной партии и движения «Акция за независимую и нейтральную Швейцарию», одно из соглашений пакета — о присоединении к Шенгенской зоне — было вынесено на референдум, и большинство граждан и кантонов, вопреки надеждам евроскептиков, одобрили его [42].

В последующие годы было подписано еще несколько соглашений, регулирующих отношения Швейцарии и Европейского союза в сфере безопасности, экономики, образования и науки. В общей сложности договорно-правовую базу их отношений составляют более 120 соглашений в различных областях [18].

Особенности и перспективы билатеральных отношений Швейцарии и Евросоюза

Как отмечалось выше, современное состояние отношений Швейцарии и Евросоюза характеризуется как «интеграция без членства» [37, p. 110], «дифференцированная» [16, p. 5—6; 39, s. 16], «прагматическая» [31, s. 144] или «гибкая интеграция» [22, p. 560].

Принцип «гибкой интеграции» не является чисто швейцарским — он применяется и внутри ЕС [14]. Под этим подразумевается идея «Европы нескольких скоростей», означающая, что некоторые государства-члены могут углублять интеграцию между собой, предусмотрев возможность для других государств присоединиться позже, когда у них появится желание и возможность это сделать [26], а также концепция «варьируемой геометрии» [38], ярким примером которой служит зона евро, включающая 28 стран, 19 из которых входят в ЕС [49].

Хотя стремление присоединиться к ЕС сейчас не рассматривается как один из внешнеполитических приоритетов [32, p. 3—4], Федеральный совет Швейцарии никогда официально не отрицал возможности вступления в Евросоюз в будущем. Поэтому власти Конфедерации еще с конца 1980-х гг. практикуют процедуру «автономной адаптации»: все проекты национальных правовых актов проверяются на соответствие европейским нормам. Это позволяет Швейцарии избегать проблем юридического характера при налаживании отношений с Евросоюзом. Ведь при заключении соглашений с государствами, не являющимися его членами, ЕС признает юридическую силу только тех правовых актов этих государств, которые основаны на нормах общеевропейского права [9; 22, p. 550—551]. При этом, в отличие от государств — членов ЕС, Швейцария не представлена в его руководящих органах и, следовательно, не имеет возможности влиять на исход решений, принимаемых на общеевропейском уровне, оставаясь лишь исполнителем постановлений и директив, издаваемых Европейским союзом [19, s. 707; 36]. Исключения составляют только Европейское агентство авиационной безопасности [8, s. 5973], совместный комитет по реализации Шенгенского соглашения на уровне экспертов, высших должностных лиц и министров [11, art. 3—5], а также Европейский офис по поддержке лиц, ищущих убежища [40, art. 2], но и в этих структурах Швейцария не обладает правом голоса [23; 50].

Для того чтобы подчеркнуть особый статус отношений Швейцарии и ЕС, иногда говорят об их «ассоциации» [22, р. 550]. Однако следует помнить, что существующий билатеральный формат взаимодействия между ними имеет ключевую особенность: после того, как Конфедерация не вошла в Европейскую экономическую зону, она так и не подписала соглашение об ассоциации с Евросоюзом. Альтернативой ему может стать институциональное рамочное соглашение, в котором оговаривались бы основы их отношений и на базе которого осуществлялись бы дальнейшие договоренности. Переговоры по его заключению начались еще 22 мая 2014 г. [21; 27], однако прогресса на них пока нет. Во многом это связано с ростом влияния националистов-евроскептиков, особенно Швейцарской народной партии, которая в 2003—2007 и 2015 гг. изменила «магическую формулу» распределения министерских кресел в свою пользу [25; 48]. Успешные инициативы этой партии на референдумах не раз вызвали глубокий резонанс в стране и резкую критику за ее пределами. Среди них — запрет строительства минаретов (29 ноября 2009 г.), инициатива о депортации преступников-иностранцев (28 ноября 2010 г.) и инициатива против массовой иммиграции (9 февраля 2014 г.) [45—47]. После референдума 2014 г. Европейский союз даже рассматривал возможность применения «метода гильотины» в отношении Швейцарии, нарушившей условия Соглашения о свободном передвижении лиц (1999 г.), однако ограничился лишь приостановкой сотрудничества в сфере образования, науки и СМИ и призывом заключить рамочное соглашение [12], что невозможно без пересмотра Швейцарией своей иммиграционной политики [2].

В этой связи интересно отметить двоякую роль института прямой демократии. С одной стороны, она является одним из главных препятствий присоединению Швейцарии к ЕС, поскольку консервативно настроенное большинство просто проголосует против этого на референдуме, как это было 4 марта 2001 г. [41]. С другой стороны, за полную остановку переговоров

с Евросоюзом выступает лишь небольшая часть граждан страны, что продемонстрировал референдум 8 июня 1997 г. [44], а в 2003 и 2011 гг. инициативу об отзыве заявки на вступление отвергал парламент Конфедерации [28; 29].

Есть ли перспектива вхождения Швейцарии в ЕС? В ближайшем будущем более вероятно, что они заключат институциональное рамочное соглашение, тем более что обе стороны в принципе не выступают против этой идеи. И все-таки их односторонние действия и жесткие требования не способствуют углублению интеграции. 5 декабря 2015 г. стало известно, что для реализации решения референдума 2014 г. Конфедерация в любом случае введет «защитную оговорку», ограничивающую иммиграцию. Европейский союз настаивает на пересмотре миграционной политики Швейцарии, хотя и не сворачивает контакты, что говорит о его заинтересованности в сотрудничестве [4]. Однако прежние требования ЕС к Швейцарии, такие как «динамическая адаптация соглашений», означающая признание юрисдикции Европейского суда, остались, а это для Швейцарии сродни потере суверенитета [2]. Существующие разногласия еще не урегулированы, поэтому прогресс на переговорах сторон — пока дело будущего.

Таким образом, современное состояние отношений Швейцарии и Евросоюза характеризуется как гибкая прагматическая интеграция. Стороны пока не заключили ни соглашение об ассоциации, ни институциональное рамочное соглашение, но Конфедерация по собственной инициативе приводит свое законодательство в соответствие с правовыми нормами Евросоюза. Не желая ограничивать собственный суверенитет, Швейцария пока не стремится вступать в ЕС, но и не отказывается от этого, несмотря на усилившиеся позиции националистов-евроскептиков в стране. Швейцарские референдумы, результаты которых идут вразрез с существующими договоренностями, и ответные меры ЕС тормозят углубление интеграции, однако стороны не прекращают взаимодействие, что дает надежду на прояснение ситуации в ближайшем будущем.

Список использованных источников

1. Авраменко, С. Л. Швейцарский федерализм на рубеже тысячелетий / С. Л. Авраменко. — М.: МГИМО, 2003. — 176 с.
2. Гирко, Т. Прогресс в переговорах между Берном и Брюсселем / Т. Гирко [Электронный ресурс] // Наша Газета. — 21.10.2014. — Режим доступа: <<http://nashagazeta.ch/news/politica/18438>>. — Дата доступа: 15.12.2015.
3. Государства Альпийского региона и страны Бенилюкс в меняющейся Европе / под ред. В. Я. Швейцера. — М.: Весь мир, 2009. — 544 с.
4. Петров, И. Берн будет «защищаться» от иммиграции из ЕС / И. Петров [Электронный ресурс] // SWI swissinfo.ch. — 05.12.2015. — Режим доступа: <https://www.swissinfo.ch/rus/politics/швейцария---ес_берн-будет-защищаться--от-иммиграции-из-ес/41820700>. — Дата доступа: 15.12.2015.
5. Степанов, А. И. Русские и швейцарцы: записки дипломата / А. И. Степанов. — М.: Науч. кн., 2006. — 624 с.
6. Тихомиров, А. В. Нейтральная Швейцария в диалоге с Минском тоже оглядывается на ЕС / А. В. Тихомиров [Электронный ресурс] // БелПАИ: Белорус. информ. компания. — 18.12.2009. — Режим доступа: <http://belapan.com/archive/2009/12/18/eu_eu1710>. — Дата доступа: 15.12.2015.
7. Шарапо, А. В. Политические системы и внешняя политика Германии, Австрии, Швейцарии / А. В. Шарапо. — Минск: БГУ, 2007. — 231 с.

8. Abkommen vom 21. Juni 1999 zwischen der Schweizerischen Eidgenossenschaft und der Europäischen Gemeinschaft über den Luftverkehr: Beschluss Nr. 3/2006 des Luftverkehrsausschusses Gemeinschaft/Schweiz [Electronic resource] // Schweizerische Bundeskanzlei. — Mode of access: <<https://www.admin.ch/opc/de/official-compilation/2006/5971.pdf>>. — Date of access: 15.12.2015.
9. Acquis [Electronic resource] // EUR-Lex: Access to the European Union law. — Mode of access: <<http://eur-lex.europa.eu/summary/glossary/acquis.html>>. — Date of access: 15.12.2015.
10. Agreement between the European Economic Community and the Swiss Confederation — Protocol No 1 concerning the treatment applicable to certain products... [Electronic resource] // EUR-Lex: Access to the European Union law. — Mode of access: <[http://eur-lex.europa.eu/legal-content/AUTO/?uri=CELEX:21972A0722\(03\)](http://eur-lex.europa.eu/legal-content/AUTO/?uri=CELEX:21972A0722(03))>. — Date of access: 15.12.2015.
11. Agreement between the European Union, the European Community and the Swiss Confederation on the Swiss Confederation's association with the implementation, application and development of the Schengen acquis [Electronic resource] // EUR-Lex: Access to the European Union law. — Mode of access: <[http://eur-lex.europa.eu/legal-content/AUTO/?uri=CELEX:22008A0227\(03\)](http://eur-lex.europa.eu/legal-content/AUTO/?uri=CELEX:22008A0227(03))>. — Date of access: 15.12.2015.
12. Briefing — Switzerland votes 'against mass immigration': How can the EU respond? [Electronic resource] // European Parliament. — Mode of access: <[http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/briefing_note/join/2014/522327/EXPO-AFET_SP\(2014\)522327_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/briefing_note/join/2014/522327/EXPO-AFET_SP(2014)522327_EN.pdf)>. — Date of access: 15.12.2015.
13. Church, C. H. The Politics and Government of Switzerland / C. H. Church. — London: Palgrave Macmillan, 2004. — 285 p.
14. Coalitions for the willing [Electronic resource] // The Economist. — 01.02.2007. — Mode of access: <<http://www.economist.com/node/8629365>>. — Date of access: 15.12.2015.
15. Consolidated version of the Treaty on European Union [Electronic resource] // EUR-Lex: Access to the European Union law. — Mode of access: <<http://eur-lex.europa.eu/legal-content/AUTO/?uri=CELEX:12012M/TXT>>. — Date of access: 15.12.2015.
16. Cottier, T. Die Beziehungen der Schweiz zur Europäischen Union: eine kurze Geschichte differenzieller und schrittweiser Integration / T. Cottier, R. Liechti // Baslerschriften zur europäischen Integration. — 2006. — N 81. — S. 5–40.
17. Dardanelli, P. Federalism: institutional adaptation and symbolic constraints / P. Dardanelli // Switzerland and the European Union: a Close, Contradictory and Misunderstood Relationship / ed. by C. H. Church. — London: Routledge, 2006. — P. 17–35.
18. Directorate of European Affairs DEA [Electronic resource] // Federal Department of Foreign Affairs. — 09.10.2015. — Mode of access: <<https://www.eda.admin.ch/missions/mission-eu-brussels/en/home/switzerlands-policy/dea.html>>. — Date of access: 15.12.2015.
19. Gabriel, J. M., Aussen- und Sicherheitspolitik / J. M. Gabriel, S. Hedinger // Handbuch der Schweizer Politik / U. Klöti [et al.]. — Zürich: NZZ-Verlag, 2002. — S. 693–723.
20. Hug, S. Value Change in Switzerland / S. Hug, H. Kriesi. — Lanman: Lexington, 2010. — 264 p.
21. Institutional issues [Electronic resource] // Federal Department of Foreign Affairs. — Mode of access: <https://www.eda.admin.ch/dam/dea/en/documents/fs/11-FS-Institutionelle-Fragen_en.pdf>. — Date of access: 15.12.2015.
22. Lavenex, S. Switzerland's Flexible Integration in the EU: A Conceptual Framework / S. Lavenex // Swiss Political Science Review. — 2009. — Vol. 15, N 4. — P. 547–575.
23. Lehmkuhl, D. Conditioned Networking: Swiss-EU Relations in Transport / D. Lehmkuhl, O. Siegrist // Ibid. — P. 603–627.
24. Letter of the President of the Swiss Confederation to the President of the Council of the European Union, 20.05.1992 [Electronic resource] // European Commission. — Mode of access: <http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2004/may/tradoc_117116.pdf>. — Date of access: 15.12.2015.
25. Mombelli, A. People's Party gains second seat in cabinet / A. Mombelli [Electronic resource] // SWI swissinfo.ch. — 10.12.2015. — Mode of access: <https://www.swissinfo.ch/eng/cabinet-elections_how-will-new-ingredients-change--magic-formula--/41825058>. — Date of access: 15.12.2015.
26. Multi-speed Europe [Electronic resource] // EUR-Lex: Access to the European Union law. — Mode of access: <http://eur-lex.europa.eu/summary/glossary/multispeed_europe.html>. — Date of access: 15.12.2015.
27. Negotiating mandate for an EU-Switzerland institutional framework agreement: Doc. 9525/14, 06.05.2014 [Electronic resource] // Council of the European Union. — Mode of access: <https://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/er/142503.pdf>. — Date of access: 15.12.2015.
28. Rückzug des EU-Beitrittsesuches — Motion 03.3225 [Electronic resource] // Das Schweizer Parlament. — Mode of access: <<https://www.parlament.ch/de/ratsbetrieb/suche-curia-vista/geschaefte?AffairId=20033225>>. — Date of access: 15.12.2015.
29. Rückzug des EU-Beitrittsesuchs — Motion 10.3960 [Electronic resource] // Das Schweizer Parlament. — Mode of access: <<https://www.parlament.ch/de/ratsbetrieb/suche-curia-vista/geschaefte?AffairId=20103960>>. — Date of access: 15.12.2015.
30. Schwok, R. Suisse et Union européenne. L'adhésion impossible? / R. Schwok. — Lausanne: Presses Polytechniques et Universitaires Romandes, 2006. — 144 p.
31. Steppacher, B. Naher fremder Nachbar Schweiz. Szenarien der Schweizpolitik der Europäischen Union / B. Steppacher // Die Schweiz im Europäischen Integrationsprozess / F. Breuss [et al.]. — Baden-Baden: Nomos, 2008. — S. 131–149.
32. Switzerland and the European Union: a Close, Contradictory and Misunderstood Relationship / ed. by C. H. Church. — London: Routledge, 2006. — 288 p.
33. The EEA Agreement [Electronic resource] // The European Free Trade Association. — Mode of access: <<http://www.efta.int/legal-texts/eea>>. — Date of access: 15.12.2015.
34. The EFTA Convention [Electronic resource] // The European Free Trade Association. — Mode of access: <<http://www.efta.int/legal-texts/efta-convention>>. — Date of access: 15.12.2015.
35. The world's piggybank [Electronic resource] // The Economist. — 12.02.2004. — Mode of access: <<http://www.economist.com/node/2403614>>. — Date of access: 15.12.2015.
36. Tovias, A. Exploring the 'Pros' and 'Cons' of Swiss and Norwegian Models of Relations with the European Union: What Can Israel Learn from the Experiences of These Two Countries? / A. Tovias // Cooperation and Conflict. — 2006. — Vol. 41, N 2. — P. 203–222.
37. Vahl, M. Integration without membership: Switzerland's bilateral agreements with the European Union / M. Vahl, N. Grolimund. — Brussels: Centre for European Policy Studies, 2006. — 122 p.
38. Variable-geometry Europe [Electronic resource] // EUR-Lex: Access to the European Union law. — Mode of access: <http://eur-lex.europa.eu/summary/glossary/variable_geometry_europe.html>. — Date of access: 15.12.2015.
39. Varwick, J. Norwegen und Schweiz als Modellfälle für differenzierte Integration / J. Varwick, J. Windwehr // Aus Politik und Zeitgeschichte. — 2007. — N 43. — S. 15–20.
40. Vereinbarung zwischen der Schweizerischen Eidgenossenschaft und der Europäischen Union zur Festlegung der Modalitäten ihrer Beteiligung am Europäischen Unterstüzungsbüro für Asylfragen [Electronic resource] // Schweizerische Bundeskanzlei. — Mode of access: <<https://www.admin.ch/opc/de/federal-gazette/2014/6937.pdf>>. — Date of access: 15.12.2015.

41. Volksabstimmung vom 04.03.2001 [Electronic resource] // Schweizerische Bundeskanzlei. — Mode of access: <<https://www.admin.ch/ch/d/pore/va/20010304/index.html>>. — Date of access: 15.12.2015.
42. Volksabstimmung vom 05.06.2005 [Electronic resource] // Schweizerische Bundeskanzlei. — Mode of access: <<https://www.admin.ch/ch/d/pore/va/20050605/index.html>>. — Date of access: 15.12.2015.
43. Volksabstimmung vom 06.12.1992 [Electronic resource] // Schweizerische Bundeskanzlei. — Mode of access: <<https://www.admin.ch/ch/d/pore/va/19921206/index.html>>. — Date of access: 15.12.2015.
44. Volksabstimmung vom 08.06.1997 [Electronic resource] // Schweizerische Bundeskanzlei. — Mode of access: <<https://www.admin.ch/ch/d/pore/va/19970608/index.html>>. — Date of access: 15.12.2015.
45. Volksabstimmung vom 09.02.2014 [Electronic resource] // Schweizerische Bundeskanzlei. — Mode of access: <<https://www.admin.ch/ch/d/pore/va/20140209/index.html>>. — Date of access: 15.12.2015.
46. Volksabstimmung vom 28.11.2010 [Electronic resource] // Schweizerische Bundeskanzlei. — Mode of access: <<https://www.admin.ch/ch/d/pore/va/20101128/index.html>>. — Date of access: 15.12.2015.
47. Volksabstimmung vom 29.11.2009 [Electronic resource] // Schweizerische Bundeskanzlei. — Mode of access: <<https://www.admin.ch/ch/d/pore/va/19940220/index.html>>. — Date of access: 15.12.2015.
48. Wahlen — Indikatoren: Mandatsverteilung (Nationalrat) [Electronic resource] // Bundesamt für Statistik. — Mode of access: <http://www.bfs.admin.ch/bfs/portal/de/index/themen/17/02/blank/key/national_rat/mandatsverteilung.html>. — Date of access: 15.12.2015.
49. What is the euro area? [Electronic resource] // European Commission. — Mode of access: <http://ec.europa.eu/economy_finance/euro/adoption/euro_area/index_en.htm>. — Date of access: 15.12.2015.
50. Wichmann, N. «More In Than Out»: Switzerland's Association With Schengen/Dublin Cooperation / N. Wichmann // Swiss Political Science Review. — 2009. — Vol. 15, N 4. — P. 653–682.

Статья поступила в редакцию в марте 2016 г.

ОТНОШЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ С НАТО В 1991—2015 гг. В БЕЛОРУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Ольга Журавская

Статья посвящена анализу белорусской историографии по одному из направлений международного сотрудничества Республики Беларусь — взаимодействию с Организацией Североатлантического договора. Автор подчеркивает важность изучения данной проблематики в контексте происходящих изменений геополитической обстановки. Автором систематизируются аналитические материалы по изучаемой проблеме, проводится глубокий анализ отечественных публикаций по данному вопросу.

Ключевые слова: анализ, взаимодействие, Индивидуальная программа партнерства и сотрудничества, НАТО, обзор, Республика Беларусь.

«Belarus—NATO Relations in 1991—2015 in the Belarusian Historiography» (Volha Zhuravskaya)

The article is devoted to the analysis of the Belarusian historiography studying one of the directions of the international cooperation of the Republic of Belarus — interaction with NATO. The author underlines the importance of this research within the context of ongoing changes in the geopolitical situation. The author offers a systemic approach and classifies analytical data on the examined problem. Profound analysis of national publications on the topic is presented.

Keywords: analysis, Individual Partnership and Cooperation Programme, interaction, NATO, the Republic of Belarus, review.

Author:

Zhuravskaya Volha — post-graduate student of the Department of International Relations of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: olgatigress90@mail.ru
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., 220030, Minsk, BELARUS

С учетом изменений геополитических условий в 2000-е гг. — нарастающим противоборством государств за мировое лидерство, появлением новых разделительных линий и распространением угроз терроризма и экстремизма — большую актуальность приобретает изучение вопросов военно-политического сотрудничества Республики Беларусь, расположенной в центре Европы.

Так, для Беларуси, государства — буферной зоны между Западом и Востоком, союзника России, члена Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), не менее важным является взаимодействие и с Организацией Североатлантического договора (НАТО). Как отметил Глава белорусского государства в феврале 2015 г., «будучи суверенным государством, мы открыты в том числе к конструктивному диалогу с НАТО на принципах паритетности и прозрачности. У нас есть много общих вопросов, совместная работа над которыми в полной мере отвечает интересам Беларуси» [23].

Следует отметить, что вопрос взаимодействия Беларуси с НАТО не получил должного освещения в мировой историографии в целом. Отсутствуют фундаментальные труды по данной тематике, не прорабатывался и не выстраивался теоретический базис проблемы, однако имеется ряд публикаций, в которых освещаются конкретные вопросы практической деятельности НАТО в Беларуси. В основном историография представлена аналитическими научными статьями, диссертационными исследованиями, материалами международных научных конференций и форумов, «круглых столов» и семинаров.

Принимая во внимание повышенный интерес к региону, роль государства в предоставлении площадки для переговоров по украинскому кризису и возросшую активность Республики Беларусь на международной арене, а также актуальность изучения проблем безопасности для разработки практических рекомендаций внешнеполитическому ведомству, цель

Автор:

Журавская Ольга Сергеевна — аспирант кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета, e-mail: olgatigress90@mail.ru
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Рецензенты:

Свилас Светлана Францевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Ковьяко Ирина Ивановна — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории исторического факультета Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка

данной статьи можно сформулировать следующим образом: изучить и систематизировать белорусскую историографию по вопросу отношений Республики Беларусь с НАТО.

Для белорусской историографии характерно отсутствие обобщающих исследований, монографий и учебных изданий, но дефицита специальных исследований по интересующей проблематике нет. Из отечественных публикаций центральное место в исследованиях занимают опубликованные работы сотрудников кафедры международных отношений факультета международных отношений БГУ.

В первую очередь, следует отметить работы белорусского эксперта в области изучения национальной и международной безопасности, профессора А. А. Розанова, публикации которого дают обстоятельный анализ системы евроатлантической безопасности, деятельности и трансформации НАТО на современном этапе. Автор подробнейшим образом анализирует изменения, произошедшие в структуре НАТО, в ее деятельности в Восточной Европе в 2000-х гг. Кроме того, ряд публикаций автора посвящен проблеме сотрудничества Беларуси и НАТО [24–26; 28; 29].

Ключевыми аналитическими обзорами по вопросу отношений Беларуси с НАТО считаются статьи доцента А. В. Русаковича, в которых наиболее полно раскрыт период становления и формирования контактов Беларуси с НАТО в 1990-е гг., а также анализируются проблемы, возникшие в отношениях на начальном этапе [30; 31].

Профессор, доктор философских наук, в прошлом начальник управления международной безопасности и контроля над вооружениями МИД Республики Беларусь А. М. Байчоров в своей статье оценивает процесс перехода в НАТО от ССАС к СЕАП, позицию Беларуси по отношению к НАТО в 1997 г., механизм сотрудничества Беларуси с СЕАП [1].

Профессор А. В. Шарапо, выступая на пленарном заседании I Республиканской научной конференции 22–23 октября 2002 г., очертил перспективы и возможные проблемы при выстраивании вектора сотрудничества со странами НАТО. По его мнению, Беларусь часто обвиняют в нежелании участвовать в военно-политических мероприятиях по линии этой организации. Он констатировал, что такое настороженное и неоднозначное отношение населения Беларуси к контактам с НАТО, проблеме решения вопросов безопасности военными средствами объясняется рядом причин: в умах многих наших сограждан живет стереотип «холодной войны»: НАТО — это военная организация, а для некоторых она продолжает восприниматься как агрессивный блок [40].

Исследователь Т. С. Буяшова проанализировала отношения Беларуси с НАТО в 2000–2010 гг. на основе принимаемых индивидуаль-

ных программ партнерства и сотрудничества, обозначив, что сотрудничество выстраивается на основе взаимного интереса сторон, не вопреки национальным интересам [2].

Изучением общих вопросов внешней политики Республики Беларусь на современном этапе, включая отношения с международными организациями, в том числе с НАТО, занимается профессор В. Е. Снапковский. Он обобщил и систематизировал материалы по проблеме отношений Беларуси с ЕС, предложив свою авторскую периодизацию [33]. Автор также проанализировал концептуальные документы в сфере внешней политике. Некоторые выводы были сделаны и по взаимодействию с НАТО [32; 34]. Особо стоит отметить их подтвержденные архивными документами [8].

Теоретической направленностью отличаются работы профессора А. А. Челядинского: автор использует категории международных отношений, поясняет через геополитические стратегии поведение Беларуси, принятие тех или иных решений [39].

Особо хочется отметить белорусское диссертационное исследование 2004 г. Ю. М. Красотенко об обеспечении национальной безопасности Республики Беларусь в условиях расширения НАТО на Восток. Автором была предпринята попытка теоретически обосновать развитие военно-политического сотрудничества страны. В результате исследования диссертантом было установлено, что в изучаемый период реально существующий потенциал НАТО в Европе превосходит декларируемый российско-белорусским оборонительным союзом в отношении 3:1. Данный факт позволил сделать вывод не о наличии реальной угрозы, а о потенциальной опасности: дальнейшее расширение на Восток, ввод иностранных военных контингентов в страны НАТО, соседствующие с Беларусью, наращивание группировок и баз в Европе, возможность вступления Украины в НАТО. В качестве противовеса предложена интенсификация процессов сотрудничества Союза Беларуси и России, особенно объединенной системы ПВО [9].

Диссертационное исследование О. М. Бычковой также косвенно затрагивает вопросы национальной безопасности Беларуси. Развитие трансатлантических отношений имеет непосредственное отношение к оценке угроз национальным интересам Республики Беларусь. С одной стороны, страны Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ), расположенные к западу от белорусских границ, включены в военные структуры НАТО и в орбиту расширяющегося политического и экономического пространства ЕС. С другой стороны, на восточном направлении развивается тесное военное сотрудничество с Россией и ОДКБ [3; 4]. Проблема отношений с НАТО рассматривалась и в статье «Политика Республики Беларусь в сфере обеспечения безопасности» [27].

Наиболее важными публикациями в журналах автор считает статьи министра иностранных дел Республики Беларусь С. Н. Мартынова (2003—2012 гг.). Так, в статье 1997 г. С. Н. Мартынов характеризует НАТО как группу наиболее важных не только в военном, но и в экономическом отношении государств мира. Страны Центральной и Восточной Европы, включая Беларусь, «обречены» на экономическое и иное взаимодействие с этими государствами, их органами и организациями. Автор также отмечает, что для альянса наступил кризис принципиального плана, поскольку с исчезновением угрозы с востока Европы Организация в значительной степени, если не полностью, утратила *raison d'être* — рациональный смысл своего существования [см.: 13]. Однако прошло 15 лет, обстановка на мировой арене поменялась, НАТО трансформировалась, и автор по-новому оценивает диалог Беларуси с НАТО: государство нацелено на плодотворное взаимодействие и предметное взаимовыгодное партнерство с НАТО. «Развитие взаимодействия с НАТО в области охраны границ, обеспечения транзита, борьбы с нелегальной миграцией, контрабандой оружия и ядерных, химических и биологических материалов выступает в качестве важного шага на пути достижения стратегической цели — предотвращения создания новых разделительных линий в Европе и дальнейшей интеграции Республики Беларусь в общеевропейскую структуру безопасности», — отмечает С. Мартынов [14, с. 15].

А. В. Гусев считает, что Беларусь и Россия выдвигают правильную идею создания новой архитектуры безопасности. В статье звучит тезис о том, что она должна строиться с учетом обеспечения национальной безопасности всех государств Европы. Автор отмечает, что США отказываются от обсуждения условий подлинной европейской безопасности, оставаясь в плену блокового мышления, сущность которого как раз и заключается в отрицании принципа неделимости безопасности. С точки зрения специалиста информационно-аналитического центра, НАТО не может быть гарантом общеевропейской безопасности в силу сохраняющегося конфронтационного мышления данной военно-политической организации. Беларуси принадлежит особая роль в процессе поддержания безопасности в регионе. Мониторинг открытых источников показывает, что ни в НАТО, ни в ЕС серьезно не рассматривают возможность отторжения Беларуси от России и полного включения нашей страны в зону западного влияния [6].

Белорусский исследователь В. Е. Улахович отмечает, что причинами внешнеполитических противоречий концептуального становления политики в исследуемый период были обострение взаимоотношений с Западом, особенно после военной операции НАТО в Юго-

славии, расширения НАТО, а также попытка реализовать модель однополярного мироустройства [35; 36].

Нельзя не упомянуть аналитические материалы И. Е. Моисеева, которые косвенно затрагивают исследуемую тему: в них анализируется роль прибалтийских государств в НАТО и в регионе, их политика в русле НАТО и ЕС, возможность налаживания отношений со странами — членами ОДКБ [19; 20].

Следует отметить, что определенную смысловую нагрузку несут отдельные публикации Ю. А. Ляшук, в которых раскрываются аспекты сотрудничества МЧС Беларуси с НАТО [10—12].

Политолог, специалист в области внешней политики и безопасности, независимый аналитик А. Федоров имеет свое видение истории и перспектив отношений Беларуси и НАТО, оценивает проблему нахождения Беларуси «между Россией и НАТО» и проблемы в отношениях со странами — членами НАТО [37; 38; 43].

Вопросы динамизации отношений, сложности геостратегического выбора и путей развития взаимодействия с НАТО рассматривает в своей статье в 2002 г. А. Егоров [7].

На военных аспектах сотрудничества Беларуси с НАТО делает акцент в своих публикациях В. С. Шемет, уточняя важность последовательного и поступательного развития отношений с военно-политическими организациями с учетом имеющихся концептуальных положений в сфере национальной безопасности Республики Беларусь [41; 42].

В качестве ценного источника информации в процессе изучения проблем сотрудничества республики с НАТО, а также деятельности альянса в регионе Восточной Европы можно назвать материалы ежегодно проводимых международных семинаров при поддержке Центра внешней политики и безопасности, по результатам которых издуются сборники докладов [15—18; 21; 22].

Таким образом, историографию по проблематике Беларусь — НАТО можно объединить в следующие группы: общие и специальные исследования школы международных отношений БГУ, аналитические статьи деятелей МИД, МЧС, экспертов в сфере национальной безопасности, публикации независимых политологов.

Механизм сотрудничества Республики Беларусь с НАТО показывает, что посредством многосторонней дипломатии возможны поддержание мира и стабильности в регионе, налаживание отношений между государствами и урегулирование возникающих проблем. Изучение 25-летнего взаимодействия НАТО и Республики Беларусь может быть весьма полезным опытом формирования отношений с иными международными организациями.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Байчоров, А. М. Совет евроатлантического партнерства и отношения Беларусь — НАТО / А. Байчоров // Беларусь в мире. — 1997. — № 2. — С. 16—19.
2. Буяшова, Т. С. Отношения Беларусь — НАТО на современном этапе / Т. С. Буяшова // Международные отношения: история, теория, практика: материалы I науч.-практ. конф. молодых ученых фак. Междунар. отношений БГУ, Минск, 4 февр. 2010 г. / Белорус. гос. ун-т [и др.]; редкол.: В. Г. Шадурский [и др.]. — Минск, 2010. — С. 11—13.
3. Бычковская, О. М. Проблема взаимоотношений с Республикой Беларусь в «дипломатии преобразований» Кондолизы Райс / О. М. Бычковская // Берасцейскі хранограф: зб. навук. прац / Брэст. дзярж. ун-т імя А. С. Пушкіна; рэдкал.: М. Э. Часноўскі [і інш.]. — Брэст, 2009. — Вып. 5. — С. 110—116.
4. Бычковская, О. М. Трансатлантические отношения в сфере международной безопасности во внешнеполитической стратегии США (2001—2013 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.15 / О. М. Бычковская; БГУ — Минск, 2015 — 153 с.
5. Внешняя политика Республики Беларусь в 2000-е годы / Ю. И. Малевич [и др.]. — Минск: БГУ, 2011. — 84 с.
6. Гусев, А. В. Национальная безопасность Беларуси и России: актуальные аспекты в контексте строительства Союзного государства / А. В. Гусев // Беларус. думка. — 2010. — № 12. — С. 28—33.
7. Егоров, А. К развитию отношений Беларусь — НАТО / А. Егоров // Беларусь в мире. — 2002. — № 2. — С. 3—7.
8. Знешняя палітыка Беларусі: зб. дак. і матэрыялаў. У 10 т. Т. 9 (2001—2005 гг.) / склад.: У. Е. Снапкоўскі, А. В. Ціхміраў, А. В. Шарапа; рэдкал.: С. М. Мартынаў (старшыня) [і інш.]. — Мінск: БДУ, 2013. — 688 с.
9. Красотенко, Ю. М. Военно-политическое обеспечение национальной безопасности Республики Беларусь в условиях расширения НАТО на Восток: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Ю. М. Красотенко; Бел. гос. ун-т. — Минск, 2004. — 135 л.
10. Ляшук, Ю. А. Бухарестский саммит НАТО и трансформация альянса / Ю. А. Ляшук // Журн. междунар. права и междунар. отношений. — 2008. — № 2. — С. 49—54
11. Ляшук, Ю. А. Вопросы взаимодействия Беларусь — НАТО / Ю. А. Ляшук // Беларусь в современном мире: материалы VI Междунар. науч. конф., посвящ. 86-летию образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 30 окт. 2007 г. / редкол.: А. В. Шарапа [и др.]. — Минск, 2007. — С. 57—59.
12. Ляшук, Ю. А. Новая структура командования в рамках преобразования НАТО / Ю. А. Ляшук // Журн. междунар. права и междунар. отношений. — 2007. — № 1. — С. 49—53.
13. Мартынов, С. Н. Беларусь — НАТО: взаимные интересы и безопасность / С. Мартынов // Беларусь в мире. — 1997. — № 3. — С. 5—8.
14. Мартынов, С. Н. Реализация национальных интересов. Международные аспекты обеспечения политической безопасности Республики Беларусь / С. Н. Мартынов // Беларус. думка. — 2011. — № 3. — С. 11—15.
15. Международная безопасность и НАТО в 2014 году: сб. материалов, Минск, 4—5 дек. 2014 г. / под ред. А. А. Розанова, А. В. Русаковича. — Минск: РИВШ, 2015. — 94 с.
16. Международная безопасность и НАТО в меняющемся мире: сб. материалов, Минск, 13—14 дек. 2012 г., 14 марта 2013 г. / под ред. А. А. Розанова, А. В. Русаковича. — Минск: РИВШ, 2013. — 128 с.
17. Международная безопасность и НАТО в новых условиях: сб. материалов междунар. семинара, Минск, 15—16 дек. 2011 г. / редкол.: А. В. Русакович (отв. ред.) [и др.]. — Минск: Мэджик, 2012. — 128 с.
18. Международная безопасность и НАТО в современном мире: сб. материалов, Минск, 5—6 дек. 2013 г. / под ред. А. А. Розанова, А. В. Русаковича. — Минск: РИВШ, 2014. — 116 с.
19. Моисеев, И. Е. Прибалтийский вектор: угрозы или возможности? / И. Е. Моисеев // Беларус. думка. — 2014. — № 8. — С. 64—67.
20. Моисеев, И. Е. Прибалтийский фактор в обеспечении национальной безопасности России и Беларуси (военно-политический аспект) / И. Е. Моисеев // Идеологические аспекты военной безопасности — 2015. — № 2. — С. 12—17.
21. НАТО: вызовы настоящего и будущего: материалы междунар. семинара, Минск, 10 дек. 2009 г. / редкол.: А. В. Русакович (отв. ред.) [и др.]. — Минск: Тесей, 2010. — 100 с.
22. НАТО и европейская безопасность в XXI веке: материалы междунар. семинара, Минск, 27—28 июня 2002 г. / редкол.: А. А. Розанов [и др.]. — Минск: Тесей, 2003. — 96 с.
23. Посещение Министерства обороны [Электронный ресурс] // Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь. — 19.02.2015. — Режим доступа: <http://president.gov.by/ru/news_ru/view/poseschenie-ministerstva-oborony-10867/>. — Дата доступа: 22.03.2016.
24. Разанаў, А. Эвалюцыя НАТА: погляд з Мінска / А. Разанаў // Беларусь і Польшча = Polska i Bialorus / Pol. Inst. Spraw Miedzynar.; red.: A. Eberhardt, U. Ulachowicz. — Warszawa, 2003. — S. 175—182.
25. Розанов, А. А. Европейская безопасность и НАТО / А. А. Розанов. — Минск: Завигар, 2002. — 128 с.
26. Розанов, А. А. Европейская безопасность: позиция Беларуси / А. Розанов // Беларус. журн. междунар. права и междунар. отношений. — 1996. — № 1. — С. 56—68.
27. Розанов, А. А. Политика Республики Беларусь в сфере обеспечения безопасности / А. Розанов, О. Бычковская // Труды факультета международных отношений 2012: науч. сб. Вып. 3. — 2012. — С. 33—41.
28. Розанов, А. Беларусь — НАТО: проблемы сотрудничества / А. Розанов // Беларусь в мире. — 1997. — № 2. — С. 20—22.
29. Розанов, А. К новому уровню партнерства [Беларуси] с НАТО / А. Розанов // Беларусь в мире. — 2004. — № 2. — С. 13—17.
30. Русакович, А. В. Основные проблемы взаимоотношений между Республикой Беларусь и Организацией Североатлантического договора в 1990-х гг. / А. Русакович // Беларус. журн. междунар. права и междунар. отношений. — 2003. — № 2. — С. 42—50.
31. Русакович, А. В. Отношения Беларусь — НАТО в 1990-х годах / А. В. Русакович // НАТО и европейская безопасность в XXI веке: материалы междунар. семинара, Минск, 27—28 июня 2002 г. / Белорус. центр конституционализма и сравнит.-правовых исслед.; редкол.: А. А. Розанов [и др.]. — Минск, 2003. — С. 49—70.
32. Снапкоўскі, У. Е. Асноўныя этапы развіцця адносін Рэспублікі Беларусь з Еўрапейскім саюзам / У. Е. Снапкоўскі // Республика Беларусь — Европейский союз: проблемы и перспективы сотрудничества. — Минск: Беларус. навука, 2013. — С. 100—123.
33. Снапкоўскі, У. Е. Знешняя палітыка Рэспублікі Беларусь: курс лекцый / У. Е. Снапкоўскі. — Мінск: БДУ, 2007. — 183 с.
34. Снапкоўскі, У. Е. Канцэпцыя нацыянальнай бяспекі Рэспублікі Беларусь аб пагрозам і выкліках нацыянальнай бяспекі краіны / У. Е. Снапкоўскі // Беларусь в современном мире: материалы XIV Международной конференции, 29 октября 2015 г. / редкол.: В. Г. Шадурский [и др.]. — Минск: Изд. центр БГУ, 2016. — С. 86—88.
35. Улахович, В. Е. Становление и особенности внешней политики Республики Беларусь (1991—2005 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.15 / В. Е. Улахович; БГУ. — Минск, 2012. — 28 с.

36. Улахович, В. Е. Формирование основ внешней политики Республики Беларусь (1991—2005 гг.) / В. Е. Улахович. — Минск: Харвест, 2009. — 352 с.
37. Фёдораў, А. Адносіны Беларусь — НАТО: гісторыя і перспектывы / А. Фёдораў // Грамадзян. альтэрнатыва. — 1999. — № 6. — С. 16—26.
38. Фёдоров, А. Беларусь между Россией и НАТО. Новые геополитические вызовы / А. Фёдоров // Беларусь: на пути в третье тысячелетие: сб. ст. / сост. Л. Ф. Заико. — Минск, 2001. — С. 227—242.
39. Челядинский, А. А. Внешнеполитические приоритеты и интересы Республики Беларусь / А. А. Челядинский // Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. — 2003. — № 4. — С. 27—33.
40. Шарапо, А. В. Место Беларуси в современном мире / А. В. Шарапо // Беларусь в современном мире: материалы I Республиканской научной конференции, 22—23 октября 2002 г. / редкол.: А. В. Шарапо [и др.]. — Минск: БГУ, 2003. — С. 3—18
41. Шемет, В. С. Международно-правовое обеспечение военной безопасности Республики Беларусь / В. С. Шемет // Проблемы управления: науч.-практ. журн. — 2009. — № 3. — С. 237—242
42. Шемет, В. С. Сотрудничество Республики Беларусь с НАТО как фактор обеспечения военной безопасности / В. С. Шемет // Акт. проблемы правовых, экономических и гуманитарных наук: материалы науч.-практ. конф., Минск, 21 апреля 2011 года / редкол.: С. Ф. Сокол, С. А. Самаль, В. К. Бонько. — Минск: БИП — С-ПЛЮС, 2011. — С. 212—213.
43. Fedorov, A. NATO leaders keep Belarus in mind: [аб узаемаадносінах Беларусі з краінамі — членамі НАТА] / A. Fedorov // The Belarus today. — 06.07.2004. — Р. 3.

Статья поступила в редакцию в июне 2016 г.

ФЕДЕРАЛИЗМ И КОНФЕДЕРАЛИЗМ В ЕВРОИНТЕГРАЦИОННЫХ УСТРЕМЛЕНИЯХ ФРАНЦУЗСКИХ ПРАВОЦЕНТРИСТОВ

Алексей Гришель

В статье прослеживается эволюция евроинтеграционной политики французских правоцентристов, позицию которых наиболее ярко представляют французские президенты (Ш. де Голль, Ж. Помпиду, В. Жискара д'Эстен, Ж. Ширак и Н. Саркози). Подчеркивается, насколько важным этапом для Франции стал Маастрихтский договор 1992 г. Рассматриваются проблемы, с которыми столкнулся ЕС в первом десятилетии XXI в., а также попытки их преодоления Н. Саркози как президента и лидера правоцентристов. Автор делает вывод о решающем значении французских правоцентристских политических сил в развитии процесса европейской интеграции.

Ключевые слова: евроинтеграция, конфедерализм, Маастрихтский договор, Н. Саркози, правоцентристы, федерализм, Ш. де Голль.

«Federalism and Confederalism in the European Integration Aspirations of French Center-right Political Forces» (Aleksey Grishel)

The article tracks the evolution of the European integration policy of French center-right parties which position is more clearly represented by the French presidents (C. de Gaulle, G. Pompidou, G. d'Éstaing, J. Chirac and N. Sarkozy). The article emphasizes the importance of the 1992 Maastricht Treaty for France. Problems which the EU came across during the first decade of the 21st century and attempts to overcome them by N. Sarkozy as a president and the center-right leader are considered in the article. The author makes a conclusion on a crucial significance of French center-right political forces in development of the European integration process.

Keywords: center-right forces, Ch. de Gaulle, confederalism, European integration, federalism, Maastricht Treaty, N. Sarkozy.

Author:

Grishel Aleksey — post-graduate student of the National Institute of Higher Education, e-mail: alexey.grishel@tut.by
National Institute of Higher Education. Address: 15, Moskovskaya str., 220017, Minsk, BELARUS

Евроинтеграция является одновременно главным достижением и разочарованием европейских политиков второй половины XX в. Процесс евроинтеграции изучался многими исследователями, как европейскими, так и отечественными. Целью данной статьи является анализ истории соперничества федералистской и конфедералистской концепций евроинтеграции среди французских правоцентристов периода Пятой республики, а также выявление роли президентов и партийных лидеров в развитии евроинтеграции. Схожая проблематика интересовала таких известных отечественных исследователей, как О. В. Богословская [2], Ю. В. Дубинин [3], М. А. Липкин [6], Е. А. Нарочницкая [8], Ю. И. Рубинский [9; 10], В. Н. Чернега [12], косвенно А. И. Червякова [11]. Отдельно следует отметить работу И. В. Чернова, в которой

автор проследил зависимость союза крупнейших правоцентристских партий того времени (в первую очередь «Объединения в поддержку республики» (ОПР) и конгломерата «Союза за французскую действительность» (СФД)) от развития евроинтеграции [13]. Представляет интерес и работа белорусского исследователя В. Г. Шадурского [14], в которой автор рассказал об основных направлениях внешнеполитической деятельности французских властей после Второй мировой войны, в том числе затронул проблему евроинтеграции. Французская историография по данной проблематике представлена статьями К. Исмаля [4], В. Гейсера [17], Э. Легэ [20], исследованиями Б. Бошезна [15], А. Прата [23] и др. Любопытна беседа политолога П. Вейля и Н. Саркози [26], в которой они делятся мнениями относительно влияния иммигрантов на будущее Франции и

Автор:

Гришель Алексей Михайлович — аспирант Республиканского института высшей школы, e-mail: alexey.grishel@tut.by

Республиканский институт высшей школы. Адрес: 15, ул. Московская, Минск, 220017, БЕЛАРУСЬ

Рецензенты:

Селиванов Андрей Владимирович — кандидат исторических наук, заместитель декана факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Шимукович Сергей Фадеевич — кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой историко-культурного наследия Беларуси Республиканского института высшей школы

Европы. Главными источниками по теме стали текст Маастрихтского договора [25], программа кандидата в президенты в 2012 г. представителя от Блока идентичности А. Гуйона [24], а также работа В. Жискар д'Эстена [18], в которой бывший президент доказывал, что евроинтеграционный проект — это последняя возможность для французов доказать, что они великая нация.

Процесс евроинтеграции стал одним из центральных событий в мировой истории второй половины XX в. Многие государства стремились стать членами ЕС, полагая, что после вступления в него их проблемы решатся, а уровень жизни населения резко улучшится.

Однако большинство стран постигло разочарование, потому что сегодня кроме своих проблем они вынуждены решать и общеевропейские.

Истоки идеи создания единой Европы нужно искать в глубине столетий. Одной из форм единства можно считать Римскую империю. В 1306 г. французский легист П. Дюбуа озвучил первый проект объединения государств в «христианскую республику» для освобождения Палестины от мусульман. В XV в. мыслитель Э. Роттердамский высказывался о том, что нужно создать «единую общую страну для всех людей» для того, чтобы закончились войны из-за территорий. Наполеон Бонапарт совершил попытку с помощью оружия претворить замысел в реальность. В XIX в. идея создания единой Европы была подхвачена пацифистами, верившими в то, что если Европа объединится, то и войны прекратятся. В 1922 г. австрийский граф Р. Куденхове-Калерги призвал создать Соединенные Штаты Европы для противостояния СССР, США и Великобритании. Однако до окончания Второй мировой войны ни один замысел не был реализован на практике [2, с. 182].

Решающую роль в практической реализации европейского интеграционного проекта, несмотря на подписанные до него договоры, сыграл Ш. де Голль, основатель Пятой республики во Франции. Он понимал, что осуществление идеи на практике крайне необходимо в условиях двуполярного мира, поэтому настаивал на создании третьего полюса силы во главе с Францией [11, с. 27].

Во внешней политике следующих французских президентов, которые придерживались правоцентристских позиций, вопрос евроинтеграции оставался ключевым. Несмотря на порой разную партийную принадлежность, в целом они являлись сторонниками союза. Примечательно, что большинство французских партий так или иначе выстраивают свою деятельность под лидера, который стремится стать президентом. Разумеется, внутри каждой партии есть несогласные, но, как правило, эти политики готовы согласиться с мнением большинства, если того требует политическая обстановка. Как это ни удивительно, не-

смотря достаточно продолжительную историю существования партий во Франции, они были законодательно признаны лишь Конституцией 1958 г. [4, с. 6].

Как утверждает Ю. И. Рубинский, Ш. де Голль впервые выразил желание создать союз в конце 1943 г. в разговоре с Г. Палевским и Р. Массигли, членами Французского комитета национального освобождения в Алжире [9, с. 168]. Ш. де Голль не раз отмечал, что Европа неизбежно будет разделена на сферы влияния между СССР и США [8, с. 12–13]. Поэтому еще до окончания боевых действий создание союза стало главной геополитической задачей генерала.

Система взглядов Ш. де Голля на будущее союза получила название конфедералистской концепции, суть которой сводилась к следующему. Во-первых, каждая страна должна сохранить свой суверенитет. Во-вторых, союз должен обособиться от США, потому что у американцев и европейцев разные интересы. В-третьих, в союз нельзя принимать Великобританию, главного партнера США в Европе.

В инструкции французскому посольству в Вашингтоне, направленной в январе 1961 г., подчеркивалось следующее: «Наша европейская политика основана на создании политической кооперации между европейскими государствами с перспективой в будущем создать конфедерацию. Сегодня очевидно, что из шести участников Общего рынка может вырасти такая организация» [23, р. 250].

В то же время Ш. де Голль считал необходимым существование наднациональных институтов, однако только для согласования действий между членами союза. Он выступал против наделения их широкими полномочиями, полагая, что они не имеют достаточного авторитета среди населения.

В свою очередь, сторонники так называемой федералистской концепции выступали за передачу части полномочий национальных институтов власти общеевропейским, за тесное сотрудничество с США и включение Великобритании в состав единой Европы. Отсюда можно сделать вывод, что федералистская концепция появилась позже конфедералистской и представляла собой совокупность возражений идеям Ш. де Голля.

Очевидно, что камнем преткновения между федералистами и конфедералистами стала внешняя политика. Она до сих пор является слабым местом ЕС. Участники союза не в состоянии выработать единую стратегию внешнеполитического курса, потому что они разделены по своему отношению к США. Г. Киссинджер по этому поводу шутил: «Европа? С кем я должен говорить по телефону?» [15, р. 309]. После расширения ЕС в 1995 г. политики должны были также учитывать нейтральный статус Австрии, Финляндии и Швеции.

Позиция европейских стран по отношению к СССР была различной. Нужно отметить, что СССР после смерти И. В. Сталина предпринимал неоднократные попытки сблизиться с Европой, тем самым подтверждая идею Ш. де Голля о создании союза Европы от Атлантики до Урала. Итогом советских инициатив стала идея общего европейского дома, сформулированная в 1980-е гг. М. С. Горбачёвым. Исследователь М. А. Липкин объясняет стремление СССР к сближению сначала политическими, а с начала 1960-х гг. экономическими причинами (экономика нуждалась в высоких технологиях) [6, с. 64].

Второй президент Пятой Республики Ж. Помпиду (1969—1974 гг.), придерживавшийся правоцентристских позиций, взял курс на постепенный отход от голлистских идей. Он предпринял действия по примирению с американцами, не возражал против вступления Великобритании в состав союза и в целом считал, что нужно больше внимания уделять интеграции внутри ЕЭС. Время президентства Ж. Помпиду можно рассматривать как переходную стадию в евроинтеграционном процессе. В это время во французском правоцентристском лагере все большее влияние получали политики, придерживавшиеся федералистских взглядов, доказательством чего стало избрание В. Жискара д'Эстена на пост главы Франции. При нем Франция стала возвращаться в военные структуры НАТО при одновременном сохранении хороших отношений с СССР, основанных на личной дружбе с Л. И. Брежневым. Однако президента французы недолюбливали за его авторитарный стиль управления и нежелание идти на компромиссы. К тому же он не умел пользоваться возможностями СМИ так, как это делал до него Ш. де Голль, а затем Ф. Миттеран, и был не всегда последователен в своих речах и действиях [5, с. 25].

В. Жискара д'Эстен хотел, чтобы Европа стала федерацией. Он это подчеркнул в своей книге «Европа. Последний шанс Европы». По его мнению, государства должны сохранить свою идентичность, но объединиться в экономическом плане. Автор отмечал, что многие евроскептики опасаются за культуру своих народов, поэтому к интеграции нужно подходить аккуратно. В результате европейские народы не лишатся своей национальной идентичности, наоборот, добавят к ней европейскую идентичность [18, р. 175—176].

В 1981—1995 гг. правоцентристские партии находились в оппозиции, поскольку у власти стояли социалисты во главе с президентом Ф. Миттераном. В области евроинтеграции социалисты придерживались федералистской концепции. Нельзя сказать, что «правые» в это время бездействовали. Благодаря им во Франции активизировались дебаты по поводу будущего страны в составе единой Европы. Более того, существовали разные взгляды на бу-

дущее Франции в составе единой Европы, потому что согласия по поводу методов интеграции между двумя крупнейшими правоцентристскими партиями — СФД и ОПР — не существовало. Дискуссии разгорелись относительно текста Маастрихтского договора.

Полагая, что Франция рискует утратить часть своей независимости, ОПР выступало против расширения полномочий наднациональных институтов. СФД, наоборот, поддерживал принцип «наднациональной Европы», высказывался за передачу некоторых правительственных полномочий европейским институтам власти [12, с. 16].

Позиции французских партий традиционно во многом зависели от их лидеров. В. Жискара д'Эстен, руководитель СФД, был сторонником федерализма. Именно во время его пребывания на посту президента в 1974—1981 гг. ЕЭС стал превращаться из экономического в политический, начал действовать Европейский совет, а депутаты в Европейский парламент стали избираться путем всеобщего голосования [13, с. 133].

Ж. Ширак, лидер ОПР, сначала выступал против ускорения евроинтеграции. Однако в 1980-е гг. он изменил свою позицию, посчитав, что Франция в случае отказа от дальнейшей интеграции может оказаться в изоляции. Во-вторых, ОПР хотело победить социалистов на выборах и наконец добиться власти, а для этого нужно было пойти на сотрудничество с проевропейски настроенным СФД [13, с. 134]. Как видим, Ж. Ширак был гибким политиком.

В СФД, несмотря на то, что в организационном плане он был слабее, чем ОПР, не было разброса мнений по поводу евроинтеграции. Там выступали за создание единой Европы по федеративному пути, за европейское гражданство, восстановление полноценных отношений с НАТО [13, с. 135]. Таким образом, СФД хотел подключить Францию к всевозможным интеграционным процессам, понимая, что неучастие в них оставит Францию в стороне от решения мировых проблем.

В начале 1990-х гг. СФД выступал за углубление евроинтеграции, а ОПР призывало расширять союз за счет включения в его состав государств из Восточной Европы. Один из идейных лидеров ОПР Ш. Паскуа указывал на то, что углубление интеграции будет препятствовать расширению границ единой Европы, поскольку возникнут сильные различия в экономической и политической сферах и будущие кандидаты на включение в союз не смогут выполнить все требования по изменению экономической и законодательной системы [13, с. 139]. Исходя из этого Ш. Паскуа предлагал создать конфедерацию, в которой ни одно государство не имело бы наднациональных претензий.

Еще один активный деятель ОПР Э. Балладюр призывал к взвешенной позиции, но при этом к открытости любым интеграционным

процессам в Европе, так как участие в них будет способствовать усилению роли Франции как на континенте, так и в мире [13, с. 142].

СФД и ОПР понимали необходимость объединения Европы, однако форму союза видели по-разному. Во-первых, если СФД хотел построить федерацию с широкими полномочиями наднациональных институтов, то ОПР поддерживало вариант, при котором максимально сохранялась независимость каждого государства. Во-вторых, если ОПР выступало за расширение единой Европы, то лидеры СФД предполагали, что включение в ее состав стран из Восточной Европы погубит будущее союза [13, с. 143].

9 марта 1991 г. активные члены СФД — Ф. Байру, Э. Альфандерн, А. Мадлен, Э. Франсуа-Понсе и др. — представили новую программу по евроинтеграции под названием «Новое стремление к Европе». Авторы подчеркивали, что Европа должна быть федеративной, чтобы всеми вопросами занимались наднациональные, а не национальные органы власти [13, с. 144].

В ноябре 1991 г. началась работа по подготовке к подписанию договора, названного позднее Маастрихтским. Большинство политиков из ОПР в отличие от СФД были недовольны содержанием договора. Одним из лидеров ОПР Ф. Сеген была опубликована статья «Франция, проснись!», в которой он попробовал показать опасности, таившиеся в Маастрихтском договоре. Благодаря этой публикации в Национальном собрании разгорелись ожесточенные дискуссии [13, с. 148].

Пока шли дебаты по поводу ратификации договора, правоцентристский межпартийный союз ОПР/СФД не только не развивался, но и существовала реальная угроза его распада из-за разных подходов к процессу евроинтеграции, что было выгодно социалистам. Главной задачей правоцентристов в 1992 г. стало сохранение союза между СФД и ОПР, поэтому политики не шли на конфронтацию, чтобы этим не воспользовались социалисты. Без сотрудничества рассчитывать на победу в будущей президентской кампании 1995 г. лидерам «правых» было крайне сложно, даже несмотря на то, что социалисты переживали не лучшие времена: их лидер Ф. Миттеран завершал политическую карьеру, а за ним не стояла очередь из креативных политиков [13].

Дискуссии парламентариев вызвали интерес у простых французских граждан, которые часто высказывались против договора. Тем не менее, французский парламент одобрил внесение изменений в конституцию: 592 депутата проголосовали «за» и лишь 73 выступили «против». Референдум был назначен на 20 сентября 1992 г. Явка граждан на избирательные участки составила более 70 %. За принятие договора проголосовали 51,04 % избирателей [14, с. 76]. Как отмечал Ж. Моссюз-Лаво, французский избиратель — это покупатель, ко-

торый все взвешивает и выбирает то, что для него и его страны лучше в данный момент. Для французов есть важные (выборы президента, общенациональные референдумы) и не совсем важные выборы, что и отражается в явке на избирательные участки [7, с. 46]. Французский политолог Р. Ремон отмечал, что разделение на «правых» и «левых» ушло в прошлое, а новой границей между партиями стало отношение к Маастрихтскому договору [13, с. 153]. Вдохновители конфедералистской концепции евроинтеграции — Ф. Сеген и Ш. Паскуа — признали свое поражение, потому что не захотели, чтобы дальнейшие споры разрушили хрупкий правоцентристский союз.

Маастрихтский договор интересен тем, что в нем было сделано большое количество отступлений для тех или иных стран, особенно Великобритании. Согласно Протоколу о некоторых положениях, относящихся к Соединенному Королевству Великобритании и Северной Ирландии, оно сохраняло экономическую независимость, полномочия в области валютной политики, не было обязано переходить к третьему этапу экономического и валютного союза без согласия парламента и правительства [25, р. 220]. Великобритания также не присоединялась к Соглашению об общей социальной политике. При этом в различных комитетах (Экономический и социальный комитет, Комитет регионов) она имела наибольшие квоты — по 24 [21].

Европейский курс Ж. Ширака (президент с 1995 по 2007 г.) трудно назвать чисто конфедералистским либо федералистским, потому что президенту приходилось лавировать между двумя течениями в правоцентристском лагере. Он понимал, что предпочтение одной из сторон приведет к распаду альянса и ослаблению «правых» перед социалистами и ультраправым Национальным фронтом [20].

С конфедералистами Ж. Ширака сближала его позиция в отношении США и НАТО. Он был противником однополярного мира и считал, что ЕС должен быть важным внешнеполитическим субъектом. На конференции послов во Франции в 2002 г. он отметил, что Франция стоит за «создание подлинно многополярной международной системы» [3, с. 118]. В 2003 г. Франция осудила операцию в Ираке, а также провела демонстративные испытания ядерного оружия на атолле Муруроа. Все это свидетельствовало о возврате к голлизму.

Для нового президента Н. Саркози евроинтеграция была важнейшим направлением внешнеполитической деятельности. Он хотел придать новый импульс интеграционному процессу, впадшему в кризис после неудачного референдума по европейской конституции 20 мая 2005 г. в Нидерландах и Франции. Провал привел в замешательство правивших в то время правоцентристов во главе с Ж. Шираком, ибо именно они являлись основными со-

ставителями единого европейского закона. Нежелание французов поддержать конституцию свидетельствовало о их скептическом отношении к интеграции, боязни унификации в области экономики, культуры. Это состояние постоянно поддерживалось партией «Национальный фронт» и ее лидером Ж.-М. Ле Пенем.

Н. Саркози увидел причину провала референдума в постоянном расширении ЕС, поэтому предложил определиться с границами и не принимать в ЕС всех подряд, например, он всегда был против включения Турции в состав ЕС. Главный аргумент состоял в том, что Турция — это мусульманское государство, а президент Франции являлся убежденным сторонником христианских ценностей [10, с. 260].

Тем не менее, французам приходится считаться с Турцией, влияние которой в мире растет. В 2009—2010 гг. Турция была непостоянным членом Совета Безопасности ООН, в январе 2010 г. ее представитель возглавил Парламентскую ассамблею Совета Европы. С 2001 по 2010 г. экономика Турции переместилась с 28-го на 17-е место в мире. Страна стала членом G20. Растет ее влияние и в мусульманском мире. С 2005 по 2013 г. генеральным секретарем Организации исламского сотрудничества был турок Экмеледдин Ихсаноглу [22, р. 269].

Нельзя забывать, что за вхождение Турции в состав ЕС выступала Великобритания, традиционный внешнеполитический конкурент Франции. Еще Ш. де Голль был против Великобритании в составе единой Европы. Он не был уверен в том, что если англичане включатся в интеграционный процесс, то французам удастся сохранить в нем лидерство. Генерал видел в Великобритании «тройного коня», которым управляли из-за Атлантического океана [9, с. 170].

Н. Саркози также видел ЕС в качестве одного из центров многополярного мира. Для него ЕС должен был стать не только экономическим и политическим, но и военным союзом. Президент был убежден, что европейцы лучше всех в мире умеют сотрудничать друг с другом [10, с. 261]. Он предлагал реформировать институты власти ЕС. Во-первых, выступил за расширение практики принятия решений органами ЕС большинством голосов. Во-вторых, считал необходимым расширить полномочия Европарламента. В-третьих, предлагал включить пункт, согласно которому можно было избежать блокировки инициатив крупных государств мелкими [10, с. 262].

Отметим, что Н. Саркози допускал уступки сторонникам федеративного подхода к евроинтеграционному процессу. Это можно объяснить наличием в составе президентской партии «Союз за народное движение» (СНД) значительного числа сторонников федерализма из бывшего конгломерата СФД, представители которого выступали за усиление наднациональных институтов власти. В то же время президент стремился ограничить влияние новых

членов ЕС, поэтому предложил создать внутри ЕС ядро из наиболее влиятельных государств для решения острых вопросов. На практике большинство проблем и так решалось в кругу двух-трех стран. Как правило, это были Франция и Германия. Интересно, что за сближение с Германией выступал ультраправый Блок идентичности [24].

После включения в 2004 г. в состав ЕС ряда государств Центральной и Восточной Европы, являвшихся традиционной немецкой зоной влияния, Германия превратилась не только в экономического, но и политического лидера ЕС. С этого момента между основательницами ЕС не было прежнего понимания, появились расхождения во взглядах по общеевропейским проблемам. Одной из них стала иммиграция. Например, из Франции в 2010 г. активно депортировали цыган. Президента обвинили чуть ли ни в геноциде, а министру внутренних дел Б. Ортефё пришлось оправдываться в том, что депортации подвергаются не представители конкретной нации, а те, кто нарушает закон [19].

Н. Саркози всегда занимал решительную позицию в отношении иммигрантов и мусульман, что вызывало недовольство у германских лидеров. В 2005 г. он высказал мысль ограничить приток иммигрантов во Францию путем введения квот. Объяснял он это сложностью включения мусульман во французское общество и невозможностью создать для них достойные условия жизни [26, с. 105].

Действительно, мусульман в Европе с каждым годом становится все больше. В 2010 г. их насчитывалось 15 млн из 466 млн жителей ЕС [17, р. 159]. Некоторые специалисты заговорили, что «ислам выбирает Европу так же, как Европа выбирает ислам» [16]. Для Европы мусульмане превратились в серьезную проблему, поскольку их трудно интегрировать в общество, они не хотят отказываться от своей культуры, более того, распространяют ее среди самих европейцев.

Накануне очередных президентских выборов в 2012 г. Н. Саркози в связи с обострением иммиграционной проблемы стал активно призывать к пересмотру Шенгенских соглашений, отмечая их несоответствие новым реалиям [20]. В вопросе решения проблемы политик сближился с ультраправыми, так как надеялся перетянуть на свою сторону часть их электората, чтобы победить социалиста Ф. Олланда.

Вторая проблема, по которой разошлись позиции лидеров Германии и Франции, была связана с экономическим кризисом в Греции. Немцы не очень хотели оказывать финансовую помощь грекам и даже предлагали вернуться к марке, боясь ослабления евро. Французские власти тут же отреагировали: через СМИ в адрес А. Меркель посыпались обвинения в недостаточной преданности европейским принципам и ценностям [10, с. 270—271].

Для того чтобы остановить рост германского влияния, французы пошли на нормализацию отношений с англичанами. Ш. де Голль никогда не допустил бы подобного, но времена поменялись. Сближению Франции и Великобритании способствовало налаживание отношений с США и НАТО, осложнившихся при Ж. Шираке из-за его отказа поддержать военную операцию в Ираке в 2003 г.

Политику сближения Франции с США известный философ А. Бадью сравнил с петэнизмом. А. Ф. Петэн, лидер вишистского режима во Франции в годы Второй мировой войны, утверждал, что война намного страшнее поражения, поэтому ее всячески нужно избегать. Философ усмотрел неопетэнизм Н. Саркози в стремлении наладить отношения с американцами с той целью, чтобы участвовать в боевых действиях за пределами страны, бороться с террористами, убеждая народ в том, что в противном случае террористы придут в Европу и начнется война [1, с. 17].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что во Франции политики «правого» толка проявили наибольшую заинтересованность и активность в развитии евроинтеграционного процесса. При этом личности французских президентов, их убеждения, партийная принадлежность, политические симпатии и антипатии оказывали большое влияние на позицию Франции в области евроинтеграции. Нельзя не отметить преемственность позиции по главному вопросу — должна ли Европа быть единой. Даже социалист Ф. Миттеран ничего не изменил в этом плане. Однако по поводу формы союза возникали постоянные споры, начиная с Ш. де Голля. Каждый президент видел единую Европу по-своему. Поэтому основные этапы эволюции позиции Франции в области европейской политики соответствуют периодам пребывания на посту президентов, но в целом можно проследить постепенный отход от конфедерализма к федерализму.

Список использованных источников

1. Бадью, А. *Обстоятельства, 4. Что именуется именем Саркози?* / А. Бадью. — СПб.: Акад. исследования культуры, 2008. — 190 с.
2. Богословская, О. В. Шарль де Голль и Поль-Анри Спаак: две концепции «объединенной Европы» / О. В. Богословская // Шарль де Голль, 1890—1970: сб. ст. / под ред. М. Ц. Арзакарян и А. О. Чубарьяна. — М.: ИВИ РАН, 2000. — С. 182—197.
3. Дубинин, Ю. В. Россия и Франция: геополитический фактор в истории взаимоотношений / Ю. В. Дубинин // Новая и новейшая история. — 2009. — № 3. — С. 107—120.
4. Исмаль, К. Политические партии и их роль / К. Исмаль // Политика и общество во Франции. — М.: Отдел печати Посольства Франции, 1993. — С. 6—16.
5. Лебедева, Т. Ю. Путь к власти. Франция: выборы президента / Т. Ю. Лебедева. — М.: Изд-во Москов. ун-та, 1995. — 123 с.
6. Липкин, М. А. Европейская интеграция и советские экономические инициативы (1950-е — первая половина 1970-х годов) / М. А. Липкин // Новая и новейшая история. — 2009. — № 3. — С. 47—64.
7. Моссюз-Лаво, Ж. Поведение избирателей на выборах / Ж. Моссюз-Лаво // Политика и общество во Франции. — М.: Отдел печати Посольства Франции, 1993. — С. 46—60.
8. Нарочницкая, Е. А. Франция в блоковой системе Европы, 1960—1980-е гг. / Е. А. Нарочницкая. — М.: Наука, 1993. — 236 с.
9. Рубинский, Ю. И. Де Голль и европейское строительство / Ю. И. Рубинский // Шарль де Голль, 1890—1970: сб. ст. / под ред. М. Ц. Арзакарян и А. О. Чубарьяна. — М.: ИВИ РАН, 2000. — С. 167—181.
10. Рубинский, Ю. И. Франция. Время Саркози / Ю. И. Рубинский. — М.: Междунар. отношения, 2011. — 316 с.
11. Червяков, А. И. Военная политика Франции, 1958—1993 / А. И. Червяков. — М.: Наука, 1994. — 108 с.
12. Чернега, В. Н. Политическая борьба во Франции и эволюция голлистской партии в 60—70-е годы XX в. / В. Н. Чернега. — М.: Наука, 1984. — 237 с.
13. Чернов, И. В. Французские правоцентристы: опыт создания единой партии, 1988—1995 гг. / И. В. Чернов. — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2003. — 234 с.
14. Шадурский, В. Г. Внешняя политика Франции (1945—2002 гг.) / В. Г. Шадурский. — Минск: БГУ, 2004. — 175 с.
15. Beauchesne, V. Relations internationales 2012/2013 / V. Beauchesne. — Paris: Ellipses Edition Marketing S.A., 2012. — 432 p.
16. Césari, J. L'islam en Europe / J. Césari [Electronic resource] // Cahiers d'études sur la Méditerranée Orientale et le monde Turco-Iranien. — 2002. — N 33. — Mode of access: <<http://cemoti.revues.org/720>>. — Date of access: 26.12.2015.
17. Geisser, V. Musulmans et islamophobie en Europe / V. Geisser // La fin du monde unique. 50 idées-forces pour comprendre / Sous la direction de B. Badie et D. Vidal. — Paris: Editions La Découverte, 2010. — P. 159—165.
18. Giscard d'Estaing, V. Europa. La dernière chance de l'Europe / V. Giscard d'Estaing. — Paris: Editions, 2014. — 192 p.
19. Herbet, M. Roms et gens du voyage: le gouvernement durcit le ton [Electronic resource] / M. Herbet // Le Figaro. — Mode of access: <<http://www.lefigaro.fr/actualite-france/2010/07/28/01016-20100728ARTFIG00526-roms-et-gens-du-voyage-le-gouvernement-durcit-le-ton.php>>. — Date of access: 08.07.2015.
20. Legay, H. Nicolas Sarkozy, un Européen accompli mais incompris [Electronic resource] / H. Legay // Duel Amical. — 05.05.2012. — Mode of access: <<http://duelamical.eu/fr/articles/92>>. — Date of access: 08.07.2015.
21. Les traités sur l'Union Européenne — 1992 [Electronic resource] // Association Européenne pour la Défense des Droites de l'Homme. — Mode of access: <<http://www.aedh.eu/Traite-sur-l-Union-Europeenne-1992.html>>. — Date of access: 27.12.2015.
22. Marcou, J. La Turquie, puissance régionale au Moyen-Orient / J. Marcou // La fin du monde unique. 50 idées-forces pour comprendre / sous la direction de B. Badie et D. Vidal. — Paris: Editions La Découverte, 2010. — P. 267—271.
23. Prate, A. La France en Europe / A. Prate. — Paris: Ed. Economica, 1995. — 376 p.
24. Programme de campagne d'Arnaud Gouillon, candidat de la jeunesse européenne [Electronic resource] // Le Bloc identitaire. — Mode of access: <http://www.bloc-identitaire.com/files/image/actualite/Presidentielle_2012/Programme_de_campagne.pdf>. — Date of access: 30.12.2015.
25. Protocole sur certaines dispositions relatives au Royaume-Uni de Grande-Bretagne et d'Irlande du Nord / Les traités de Rome, Maastricht, Amsterdam et Nice: textes comparés. — Paris: La Documentation française, 2002. — P. 220—221.
26. Sarkozy, N. Limiter l'immigration familiale au profit de l'immigration économique? / N. Sarkozy, P. Weil // Problèmes politiques et sociaux. — 2005. — N 916. — P. 104—107.

Статья поступила в редакцию в феврале 2016 г.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЭКСПОРТНЫХ КРЕДИТНЫХ АГЕНТСТВ — ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ: ПЕРСПЕКТИВЫ ДЛЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Алексей Данильченко, Павел Артемьев

В статье рассмотрен опыт Великобритании в области финансово-кредитного стимулирования экспорта. Исследована специфика функционирования Департамента гарантирования экспортных кредитов (*Export Credits Guarantee Department — ECGD*) как экспортного кредитного агентства (ЭКА), имеющего статус органа государственного управления. Проанализирована структура финансовых услуг *ECGD*. Рассмотрены особенности законодательного обеспечения работы британского ЭКА, специфика взаимодействия *ECGD* с вышестоящими органами государственного управления, другими ЭКА в рамках реализации совместных программ стимулирования экспорта. Предложена модель ЭКА — органа государственного управления в Республике Беларусь. Обсуждены возможности ее создания и функционирования, а также преимущества по сравнению с традиционным ЭКА. Вынесены предложения по возможности применения отдельных практик функционирования *ECGD* при реализации стимулирующей экспортной политики в Республике Беларусь.

Ключевые слова: Департамент гарантирования экспортных кредитов, орган государственного управления, финансово-кредитное стимулирование экспорта, финансовый продукт, экспортное кредитное агентство.

«The Functioning of Export Credit Agencies — Public Administration Bodies: Prospects for the Republic of Belarus» (Alexey Danilchenko, Pavel Artsemyeu)

The article deals with the British experience in the sphere of financial and credit export promotion. Peculiarities of the Export Credits Guarantee Department (*ECGD*) functioning as an export credit agency (ECA) that has a public administration body status have been explored. The structure of the *ECGD* financial services has been analyzed. Peculiarities of the legislative support for the work of the British ECA, *ECGD* specificity of interaction with the higher bodies of state administration, other ECAs within the framework of the joint export promotion programmes have been considered. A model of the ECA — a public administration body in the Republic of Belarus — has been proposed. Possibilities of its establishment and functioning as well as its advantages in comparison with traditional ECAs have been justified. Proposals on the application opportunity of certain *ECGD* functioning practices in the implementation of export promotion policy in the Republic of Belarus have been carried out.

Keywords: administrative body, export credit agency, Export Credits Guarantee Department, financial and credit export promotion, financial product.

Authors:

Danilchenko Alexey — Doctor of Economy, Professor, Head of the Department of International Economic Relations of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: danilchanka@bsu.by

Artsemyeu Pavel — post-graduate student of the Department of International Economic Relations of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: artemyeup@mail.ru
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., 220030, Minsk, BELARUS

Введение

Финансово-кредитное стимулирование экспорта является элементом внешнеторговой политики страны. Участие государства в финансовом стимулировании экспортеров допу-

скается международными организациями и находит значительное применение в международной практике. Рамочные правила данного участия разработаны Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Соответствующим международным докумен-

Авторы:

Данильченко Алексей Васильевич — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой международных экономических отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета, e-mail: danilchanka@bsu.by

Артемьев Павел Петрович — аспирант кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета, e-mail: artemyeup@mail.ru
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр-т Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Рецензенты:

Давыденко Елена Леонидовна — доктор экономических наук, профессор кафедры международных экономических отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Томкович Михаил Петрович — кандидат экономических наук, заведующий центром аналитических исследований Научно-исследовательского экономического института Министерства экономики Республики Беларусь

том, определяющим «правила игры» при реализации международной практики финансового содействия экспортерам, является Соглашение по официально поддерживаемым экспортным кредитам [20].

В научной литературе исследованию различных мер, методик и способов реализации внешнеэкономической политики посвящены работы отечественных ученых-экономистов. В этой связи следует выделить труды А. В. Алехнович [1], В. Ф. Медведева [6], А. Е. Дайнеко [7], С. М. Кобринского [8], К. В. Рудого [15], С. Н. Румаса [16] и др. Л. М. Петровской и А. В. Данильченко была написана отдельная монография, посвященная стимулирующей экспортной политике [11].

Среди российских авторов по рассматриваемой тематике целесообразно выделить работы А. В. Агаева [4], С. В. Волковой [5], В. В. Пыхтина [12], Н. Ю. Родыгиной [13; 14].

В зарубежной литературе считаем необходимым выделить труды представителей направления «Стратегической внешнеэкономической политики» («*Strategic Trade Policy*»), к которому следует отнести таких ученых, как Дж. Брандер, Б. Спенсер [23], У. Корден [25], Э. Диксит, Дж. Гроссман [28], Дж. Итон [29] и др. Следует также отметить работы ученых и практиков, исследовавших международную институциональную инфраструктуру финансового стимулирования экспорта. К ним относятся Д. Джантурко [35], А. Менделович [37], Р. Родригез [38] и др.

Указанные авторы внесли значительный вклад в развитие научно-практического направления в области проведения государственной политики стимулирования экспорта. Так, было определено место стимулирующей политики в контексте внешнеэкономической политики [4; 7; 12]; исследованы отдельные аспекты экспортного и внешнеэкономического финансирования в целом [8; 15; 16]; проанализирована связь внешнеэкономической политики и стимулирующей экспортной политики на макроэкономическом уровне (на уровне платежного баланса страны) [11].

Вместе с тем на сегодняшний день отсутствует отдельное исследование основных практик в области финансово-кредитного стимулирования экспорта на предмет их возможного применения в Республике Беларусь. В диссертационной работе В. В. Углова было вынесено предложение о создании в Республике Беларусь ЭКА. Совершенно справедливо автор полагает, что в настоящее время в Республике Беларусь сложилась трехуровневая структура внешнеэкономического финансирования: органы государственного управления — коммерческие банки — предприятия экспортеры-импортеры. Как страховое агентство БРУПЭИС «Белэксимгарант», так и до приобретения Сбербанком России экспортно-импортный банк «БПС-Банк» (сейчас ОАО «БПС-Сбербанк») остава-

лись и продолжают оставаться универсальными по своему статусу [17]. Впоследствии рассматривался вопрос создания ЭКА на базе не банка, а отдела в каком-либо системообразующем банке. Но и эта идея не была реализована.

Практика финансового стимулирования экспорта свидетельствует о том, что создание полноценного ЭКА в стране является весомым шагом на пути к тесному сотрудничеству со странами — членами ОЭСР. Таким образом будут решаться две важнейшие задачи: 1) значительно снижаются транзакционные издержки финансового стимулирования экспорта; 2) упрощается процесс взаимодействия с наднациональными структурами и международными организациями (ОЭСР, ВТО), в той или иной степени регулируемыми данное направление внешнеэкономической политики. В международной практике существует определенное количество вариантов создания и функционирования ЭКА, а также их взаимодействия с органами государственного управления, наднациональными структурами и международными организациями. Следует отметить, что некоторого «идеального» варианта создания ЭКА не существует. Много зависит от традиций той или иной страны, значения экспорта для экономики страны в целом, финансово-кредитной инфраструктуры, ситуации с государственными финансами и многого другого.

Тем не менее, мы полагаем возможным создание в Республике Беларусь ЭКА — органа государственного управления. Данный тезис мы обосновываем тем фактом, что подавляющее число валообразующих предприятий страны — основных экспортеров являются подведомственными организациями. Соответственно, можно небезосновательно предположить, что ЭКА — орган государственного управления лучше впишется в институциональную структуру финансово-кредитного стимулирования экспортеров по сравнению с обычным ЭКА, который имеет намного больше черт финансовой организации.

Кроме того, следует учитывать и тот факт, что создание ЭКА на базе финансового института в Республике Беларусь не осуществляется на протяжении практически десяти лет. **Таким образом, на основании проведенных нами исследований мы полагаем, что данное ЭКА может быть создано на базе органа государственного управления.**

В международной практике функционирование ЭКА — органа государственного управления представляет весьма редкое явление. Фактически единственным ЭКА — государственным органом считается Департамент гарантирования экспортных кредитов (*Export Credits Guarantee Department — ECGD*) в Великобритании. Иногда его также называют Британской службой экспортного финансирования (*UK Export Finance — UKEF*).

В настоящей статье сосредоточим основное внимание на функционировании данной структуры с целью вынесения практико-ориентированных предложений о возможности использования британского опыта в условиях экспортного стимулирования в Республике Беларусь.

Особенности функционирования британского ЭКА ECGD

Миссия ECGD связывает деятельность данной организации с макроэкономическими интересами страны. Миссией четко обозначены основные финансовые продукты ECGD: страхование, гарантирование и перестрахование. Кроме того, официально декларируются увязка бизнес-плана деятельности ECGD с циклами деловой активности, а также обеспечение должного уровня соответствия другим ЭКА в формировании необходимого «игрового поля» для своих экспортеров [18, р. 6, 14].

Основным нормативным правовым актом, регламентирующим деятельность ECGD, является Закон 1991 г. «Об экспортных и инвестиционных гарантиях» (далее — Закон 1991 г.) [30].

Законом 1991 г. предусматривается перечень функций, которые осуществляет государство в лице исполнительного органа государственного управления (в настоящее время это Министерство по делам бизнеса, инноваций и профессиональной подготовки) по официальной поддержке экспортеров произведенных в Соединенном Королевстве товаров и услуг, а также инвестиций за рубеж. Данная поддержка включает гарантирование, страхование, выдачу грантов и прямое кредитование, т. е. не ограничивается лишь выдачей гарантий и страхованием со стороны ECGD. Фактически Закон 1991 г. прописывает не столько функции ECGD, сколько перечень функций исполнительного органа государственного управления, большинство из которых могут быть переданы ECGD [30]. В этой связи утверждение ОЭСР о том, что в Великобритании нет официального института по прямому экспортному кредитованию и рефинансированию [31], может быть уточнено тем фактом, что Законом 1991 г. предусмотрено право исполнительного органа государственного управления передавать не только функции прямого кредитора с официальной поддержкой, но и исключительное право выдачи грантов от имени государства [30]. Имеющая место в настоящее время диверсификация финансовых продуктов ECGD подтверждает данный тезис. **Таким образом, в британской практике ни страхование, ни гарантирование, ни прямое кредитование экспортеров с государственной поддержкой не считаются административным содействием, а допу-**

скаются на законодательном уровне при соответствии нормам международного права.

Законом 1991 г. устанавливается иерархия органов государственного управления в рамках оказания содействия экспортерам произведенных в Великобритании товаров и услуг, а также инвесторам за рубежом, являющимся резидентами Великобритании.

Основным органом управления, определяющим количество денежных средств на цели содействия, является парламент [30]. Для любой сделки ECGD должен получить одобрение Казначейства Ее Величества. Вместе с тем последнее дает постоянное согласие на осуществление операций ECGD в пределах установленных лимитов. По тем сделкам, которые считаются спорными в финансовом плане и относительно новыми, ECGD проводит предварительные консультации с казначейством и иными заинтересованными органами государственного управления. Председатель правления ECGD является одновременно главным бухгалтером. Функции последнего ему помогают выполнять управление [31].

Ключевые финансовые ориентиры ECGD определяет Казначейство. Среди них важнейшие отображены в таблице.

Основным целевым ориентиром является максимальный объем принятых обязательств ECGD. При этом до недавнего времени он выражался как в фунтах стерлингов, так и в специальных правах заимствования (для операций в иностранной валюте). Кроме того, целевой ориентир по данному показателю изменялся в количественном отношении [30; 31]. Характерно, что Законом 1991 г. разграничиваются лимиты ответственности исполнительного органа государственного управления и лимиты ответственности в рамках «портфеля» обязательств ECGD. На практике же в настоящее время лимит максимальных обязательств ECGD в количественном отношении ближе к законодательно установленному лимиту исполнительного органа государственного управления. Рассматриваемых разграничений в используемых нами отчетных данных обнаружено не было. **С учетом расширения и диверсификации финансовых продуктов ECGD это может быть свидетельством того, что законодательно установленные функции исполнительного органа государственного управления по оказанию финансово-кредитного содействия экспортерам с 1991 г. все больше переходят в ведение британского ЭКА.**

Иными словами, деятельность британского ЭКА закономерно обособляется от деятельности исполнительного органа государственного управления и имеет постоянную тенденцию приобретения все большего перечня профиль-

Описание и выполнение важнейших индикаторов при соблюдении ориентира финансовой деятельности *ECGD* в 2014/2015 отчетном году

Индикатор	Описание	Целевой ориентир	Значение показателя в 2014/2015 отчетном году
Максимальный объем принятых обязательств	Устанавливает максимальный размер принятого номинального риска, или общее количество денежных средств налогоплательщиков, которые подвержены риску	50 млрд ф. ст. (без поправок на курсовую разницу)	21 млрд ф. ст.
Лимит в отношении приемлемого уровня рисков	Устанавливается в размере 99,1 % оцененных <i>ECGD</i> распределенных потерь за 10 лет	2,7 млрд ф. ст. (с поправкой на курсовую разницу)	1,3 млрд ф. ст.
Индекс резерва	Обозначает, накоплены ли достаточные доходы для покрытия потерь с 77,5 % доверительным уровнем	1,00	4,48
Показатель (индекс) достаточности цены	Показывает, получает ли <i>ECGD</i> достаточную премию, чтобы покрыть риски и текущие затраты на период в три года	1,00	1,56; 1,37; 1,25 (в зависимости от периода)
Соотношение премии и риска	Указывает, достаточную ли премию взимает <i>ECGD</i> , чтобы покрыть риски наряду с административными расходами	1,35	1,80

Источники: составлено на основе [18, р. 17, таблица].

ных функций, которые изначально были определены для исполнительного органа государственного управления.

Предполагается, что *ECGD* будет осуществлять операции по страхованию и гарантированию кредитов, чтобы создавать достаточный резерв и обеспечить безубыточность собственной деятельности, что является требованием правительства. Доход *ECGD* составляют, в первую очередь, премии от страхования и гарантирования. Полученное превышение дохода над расходами *ECGD* уплачивает в Консолидированный фонд Соединенного Королевства. В случае необходимости (при наличии убытков) организация может получить средства из данного фонда. За средства, находящиеся в фонде, *ECGD* получает процент. Кроме того, *ECGD* уплачивает процент, пользуясь средствами фонда. Вторичные доходы организации формируются за счет возврата уплаченных страховых выплат, процентных выплат по средствам, размещенным в фонде, процентного дохода, получаемого в соответствии с договорами о реструктуризации международной задолженности [31].

Несмотря на определенную диверсификацию финансовых инструментов стимулирования экспорта *ECGD*, средне- и долгосрочные операции по предоставлению гарантий банкам в рамках предоставленных кредитов продавцу и покупателю при продаже и покупке капитального оборудования соответственно сохраняют лидирующие позиции в финансовом «портфеле» британского ЭКА. Более того, их доля увеличилась с 66 % в 2005/2006 отчетном году до 91 % в 2014/2015 году [18, р. 18; 19, р. 12]. Гарантии кредита поставщику и покупателю являются в целом традиционными финансовыми услугами *ECGD* со сроком действия от 2 лет, вследствие чего на них распространяются требования Соглашения ОЭСР по официально поддерживаемым экспортным кредитам о финансировании не более 85 % контрактной стоимости продукции. В рамках данных схем *ECGD* также работает непосредственно с банковскими структурами [24; 39].

В отношении сравнительно новой финансовой услуги *ECGD* — прямого кредитования — необходимо отметить два принципиальных момента. Во-первых, на данный продукт установлен лимит максимальной суммы всех вы-

даваемых кредитов в 3 млрд ф. ст. [27]. Однако пока было использовано лишь 45 млн ф. ст., или 1,5 % запланированного объема. Данный факт может свидетельствовать, в том числе, и о том, что покупатели (нерезиденты Великобритании) находят пока более выгодным обслуживание в рамках средне- и долгосрочного кредитования у собственных финансовых институтов (в стране назначения) либо у транснациональных банков (ТНБ) без привлечения британского ЭКА.

Во-вторых, непосредственно британское ЭКА стремится действовать в рамках данной схемы через специально подобранные банки-агенты либо в партнерстве с наиболее надежными банками, а не кредитовать напрямую. В настоящее время из банков — партнеров ECGD в рамках данной схемы следует выделить такие крупные финансовые институты, как *Banco Santander*, *Bank of China*, *Barclays Bank Group*, *Deutsche Bank*, *JPMorgan Chase Bank*, *Natixis*, *Societe Generale*, *The Bank of Tokyo-Mitsubishi UFJ, Ltd* и др. В случае предоставления прямого кредита без посредников стоимость данного финансового продукта будет выше для кредитополучателя [27].

Как видим, ECGD сотрудничает с весьма надежными кредитно-финансовыми учреждениями в рамках рассматриваемой схемы.

Несмотря на то, что в рамках прямого кредитования ECGD традиционно стремится действовать посредством схемы «кредит — организации-нерезиденту», **каких-либо ограничений на кредитование резидентов-экспортеров ECGD не имеет.** Решение о приобретении экспортного кредита с государственным содействием является правом экспортера Великобритании. Однако ввиду значительной конкуренции на рынке банковского кредитования, как для экспортеров, так и для покупателей предпочтительнее (и дешевле) получить кредит у ТНБ, а не непосредственно у британского ЭКА, но с одновременной гарантией последнего. В этой связи оправдан вывод о том, что само прямое кредитование с государственной поддержкой в Великобритании эволюционировало в поддержку нерезидентов, о чем будет сказано ниже.

Помимо отмеченных финансовых услуг ECGD стоит также выделить схему рефинансирования. Можно отметить, что данная схема является своего рода «страхованием» от неблагоприятной конъюнктуры на международном рынке долгового и ссудного капитала [31]. Социальные функции перед развивающимися странами помогает выполнить схема конверсии долговых обязательств определенного перечня стран [24].

Наиболее близкой к белорусской практике экспортного кредитования с государственной поддержкой являлась программа ECGD «Схема экспортного финансирования по фиксированной процентной ставке» (*Fixed-rate export*

finance scheme). Ввиду диверсификации финансовых продуктов ECGD (в том числе и в части появления такого инструмента, как прямое кредитование) на сегодняшний день уже не осуществляются сделки по данной программе. Все операции по указанной схеме учитываются по счету 4 в рамках учетной политики ECGD [18, р. 30—31]. ECGD одновременно выступал гарантом по выдаваемым экспортным кредитам с государственной поддержкой. Для сравнения, в Республике Беларусь кредитуют и страхуют различные юридические лица. Кроме того, отличие заключается и в том, что страховался не непосредственно экспортный контракт, а британское ЭКА имело дело лишь с кредитом, гарантируя его. Это автоматически позволяло передать банкам часть полномочий при оценке экспортных рисков. Отличием от белорусской практики являлось также и то, что ECGD компенсировал непосредственно процентную ставку CIRR в рамках Соглашения ОЭСР для соответствующей валюты кредита. При этом банк имел право на получение дохода по рыночной ставке. Однако если этот доход (по коммерческому проценту) был меньше компенсируемого дохода банка, рассчитанного исходя из ставки CIRR, то банк должен был выплатить разницу ECGD. В противном случае ее компенсировал ECGD [31]. (В случае опыта Великобритании ставка CIRR в соответствии с Соглашением ОЭСР с учетом ситуации на кредитном рынке отражала минимальный уровень компенсации недополученного процентного дохода банка [20]. В белорусской же практике по Указу Президента Республики Беларусь от 25 августа 2006 г. № 534 осуществляется компенсация не ставки CIRR, а ее разности с рыночной процентной ставкой [10].)

Таким образом, теоретически ECGD мог компенсировать процентный доход, как превышающий доход, полученный по ставке CIRR, так и меньший доход в зависимости от ситуации на рынке банковского кредитования.

При этом, чтобы страховать процентные риски, ECGD принимал участие в процентных свопах. Более того, до 2003 г. с целью снижения издержек по компенсации применялась схема рефинансирования при участии частной компании, сотрудничавшей с ECGD. Рефинансировались кредиты, которым ECGD оказывал поддержку с целью снижения расходов на нее. Данная частная компания пополняла собственные фонды за счет участия на рынке капитала под гарантию ECGD. Впоследствии ECGD сам пополнял фонды данной компании по фиксированной процентной ставке. Такое пополнение фондов позволяло избежать убытков при операциях рефинансирования. При этом банки, осуществлявшие экспортное кредитование с государственной поддержкой в качестве банков-агентов либо независимых кредиторов, специально отбирались ECGD. Кроме

того, это мог быть банк за пределами Великобритании, если были соблюдены как все нормативные документы в стране — местонахождения банка, так и требования английского законодательства в общем и *ECGD* в частности. Важно отметить, что в рамках данной схемы допускалось кредитование как экспортера, так и покупателя [31].

На сегодняшний день схема экспортного финансирования по фиксированной процентной ставке отменена. Фактически ее заменила внедренная с 2014 г. схема прямого кредитования, в рамках которой *ECGD* получил полномочия по предоставлению прямого кредита (также в партнерстве с коммерческими банками) покупателям капитального оборудования и (или) услуг по справочной коммерческой процентной ставке *CIRR*, устанавливаемой в рамках Соглашения ОЭСР по официально поддерживаемым экспортным кредитам [27]. Можно сделать однозначный вывод об определенной эволюции данной поддержки экспортеров. **Во-первых, внедрение прямого кредитования вполне могло быть результатом успешной финансовой деятельности *ECGD*. Во-вторых, прямое кредитование значительно сокращает транзакционные издержки: у *ECGD* нет необходимости одновременно выступать гарантом предоставляемых кредитов, а также участвовать в операциях своп и хеджировать процентные риски, что в совокупности значительно упрощает процесс поддержки.** Тем не менее, конкретных данных о компенсационных выплатах в рамках прямого кредитования не имеется. С учетом ориентации данного вида финансового продукта на покупателя, можно предположить отсутствие какой-либо компенсации в принципе.

Как отмечалось выше, пока приходится констатировать, что в рамках лимита в 3 млрд ф. ст. был использован незначительный объем кредитных ресурсов на реализацию схемы прямого кредитования.

ECGD также задействован в лизинговых операциях, выполняя роль лизингодателя при поставках авиатехники. Кроме того, при поддержке подрядчиков крупных проектов со стороны *ECGD* поддерживаются в той или иной степени все участники цепочки создания стоимости: по оценкам, из 233 фирм, которые английское ЭКА поддержало напрямую в прошлом году, выгоду получают, по крайней мере, 6000 фирм. Более детальные оценки показывают, что в среднем 27 компаний получают выгоду косвенно при стимулировании экспорта и инвестиций одной компании [18, р. 19].

Важно отметить также и тот факт, что *ECGD* осуществляется стимулирование не только производителей и поставщиков комплектующих. Британское ЭКА может также участвовать в поддержке посреднических структур,

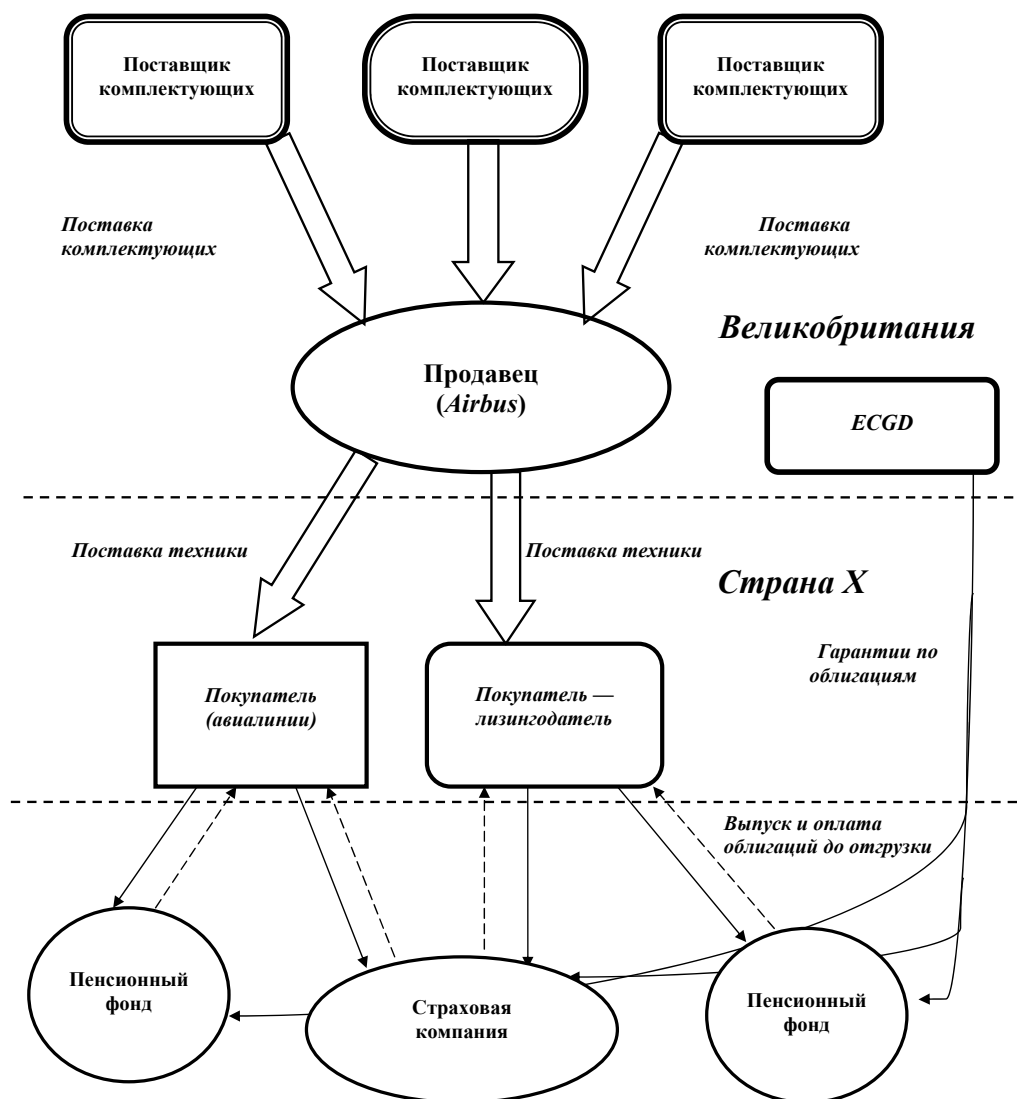
основной деятельностью которых является экспорт продукции, произведенной в Соединенном Королевстве.

Схема выхода *ECGD* на международный рынок долгового капитала в рамках средне- и долгосрочного финансирования поставок капитального оборудования приведена на рис. 1.

При этом стимулируются поставки капитального, полукапитального оборудования (*semi-capital goods*) стоимостью от 5 млн ф. ст. до 1 млрд ф. ст. и более и сопутствующие услуги. Под закупку данного оборудования запрашивается кредит со сроком погашения от 5 до 12 лет и более. Покупатель, представленный на рис. 1 условно авиалиниями либо компанией-лизингодателем за рубежом, осуществляет выпуск облигационных займов. При этом важно отметить, что эмиссия и оплата облигаций происходят до момента отгрузки продукции. Помимо традиционных участников международного рынка долгового капитала — специализированных финансовых институтов и коммерческих банков — новой тенденцией в последнее время становится участие на нем пенсионных фондов и страховых компаний.

Схема, представленная на рис. 1, также частично отражает схему рефинансирования — нового финансового продукта *ECGD* — с необходимостью включения в данную схему коммерческого банка — резидента Великобритании. Последний осуществляет частичное кредитование покупателя, однако ввиду ограничений по достаточности капитала в рамках более строгих (по сравнению с предыдущими) стандартов Базель III не может полностью прокредитовать поставку техники либо проект, поэтому в схему подключается британское ЭКА. Кроме того, в рамках схемы рефинансирования *ECGD* берет на себя обязательства по дальнейшему финансированию проекта при отсутствии возможности продолжения финансирования со стороны коммерческого банка [18, р. 15; 33].

Отдельный вопрос представляют операции перестрахования, особенно, когда речь идет о стимулировании совместно собранной техники. Перестраховочные операции могут осуществляться во взаимодействии с частным сектором, которому в свое время были переданы обязательства *ECGD* по страхованию краткосрочных экспортных кредитов. *ECGD* оставил за собой право осуществления операций перестрахования в отношении краткосрочных сделок в случае, если это отвечает национальным интересам. *ECGD* также сохранил за собой право взаимодействовать с ЭКА других стран в рамках операций перестрахования для финансирования заказов собранной в Великобритании и других странах техники и сопутствующих услуг. Таким образом, при взаимодействии с другими ЭКА формируется единый финансовый продукт и осуществляется совместное стимулирование экспорта. Напри-

Международный рынок долгового капитала

Рис. 1. Выход ECGD на международный рынок долгового капитала

Источники: собственная разработка.

мер, поддержка Airbus со стороны ECGD предоставляется совместно с французским и немецким ЭКА в основном в соответствии с долями каждой страны в совокупном продукте. В отношении Великобритании указанная доля колеблется от 18 до 38 %. Эта поддержка основана на перестраховочном механизме, когда есть ЭКА-лидер, а остальные два ЭКА оказывают поддержку. Указанная доля английской компоненты соответствует стандартным 20 % в рамках требований ECGD при предоставлении основных финансовых продуктов [18, р. 19; 21; 22; 24; 27; 31; 33; 34; 39].

Помимо операций перестрахования в отношении совместно собранной техники ECGD и ЭКА Германии и Франции также применяется схема сострахования, когда каждым ЭКА по от-

дельности страхуется лишь национальная составляющая часть в общей стоимости продукции.

Вместе с тем исследования показывают, что **совместное финансовое стимулирование даже в рамках стран — участниц единой интеграционной группировки (например, Великобритания, Германия, Франция в рамках ЕС) позволяет предоставлять намного меньше финансовых продуктов по сравнению с финансово-кредитным стимулированием каждой страны в отдельности.** И хотя страны — члены интеграционной группировки взаимодействуют между собой по созданию единых «правил игры» в области финансового содействия экспортерам (особенно, в рамках Евро-

комиссии), ключевые вопросы они предпочитают решать самостоятельно. При этом подобного рода сотрудничество имеет в основном добровольный характер.

Совместное стимулирование германского *Euler Hermes* (в рамках бюджетной программы *Hermes cover*), французского *Coface* и британского *ECGD* позволяет предоставлять лишь два финансовых продукта: перестрахование и сострахование. В этой связи мы делаем вывод о том, что **в области финансового стимулирования первичным должно оставаться соблюдение национальных интересов и реализация совместных программ лишь на принципах взаимной выгоды и партнерства после тщательного мониторинга каждой страной целесообразности участия в проекте.**

Начиная с 2011 г., *ECGD* активно использует инструменты краткосрочного финансирования (финансовые продукты со сроком до 2 лет). В рамках данного направления стимулируются поставки за рубеж, в частности, потребительских товаров: сырья, товаров длительного пользования и др. Данная продукция продается на основе краткосрочного кредита (как правило, до одного года). При этом у экспортера возникают две основные проблемы:

- а) риск неплатежа со стороны контрагента;
- б) необходимость финансирования оборотного капитала (предотгрузочное финансирование — *pre-shipment financing*) и финансирования в период действия коммерческого кредита (финансирование после отгрузки товара).

Для этих целей *ECGD* разработало систему поддержки экспортеров при реализации продукции на срок менее 2 лет, рассматривая свою деятельность как дополнение финансовым инструментам коммерческих структур [18, р. 12, 25].

На сегодняшний день к краткосрочным финансовым продуктам в той или иной степени следует относить прямое страхование индивидуальных экспортных контрактов [32], гарантирование контрактных облигаций экспортера [22], страхование контрактных облигаций экспортера [21], финансирование оборотного капитала [34], гарантию подтвержденного аккредитива [36]. При этом такие финансовые инструменты, как прямое страхование индивидуальных экспортных контрактов, гарантирование и страхование контрактных облигаций экспортера, имеют индивидуальные сроки в зависимости от условий внешнеторгового договора.

Как видим, **финансирование оборотного капитала является вполне одобряемым финансовым продуктом краткосрочного характера с государственной поддержкой.** Именно своевременное пополнение оборотного капитала позволяет обеспечивать ритмичную работу предприятия в краткосрочном периоде, особенно предприятия, заключающего множество контрактов на по-

ставку. Данный вид содействия особо эффективен, когда экспортер заключает достаточно много экспортных контрактов либо когда стоимость изготовления продукции (и, как следствие, стоимость контракта) превышает обычное ее значение для данного вида продукции. Тем не менее, этот финансовый продукт предусматривает лишь гарантию со стороны *ECGD* банку, осуществляющему прямое кредитование.

***ECGD* непосредственно участвует в закупках оборудования для проектов за рубежом, однако не напрямую (это запрещено нормами ВТО), а косвенно предлагая наиболее выгодные способы финансового содействия** [18, р. 24, 27].

В целом можно сделать вывод, что *ECGD* является весьма успешным ЭКА, к деятельности которого на международной арене значительно меньше претензий по сравнению с другими типами подобных агентств. *ECGD* придает особое значение стимулирование всей цепочки создания стоимости, конечным звеном которой должна стать экспортная поставка, а не только стимулирование экспорта непосредственного производителя. *ECGD* выполняет также несвойственную для обычного ЭКА роль лизингодателя, участвует на международных долговых рынках и содействует оказанию помощи развитию наиболее бедных стран. Являясь органом государственного управления, *ECGD* активно взаимодействует с иными госорганами, международными организациями, неправительственными ассоциациями. Как видим, наличие статуса органа государственного управления не препятствует диверсификации финансовых продуктов британского ЭКА.

Кроме того, анализ показал, что в целом *ECGD* функционирует в благоприятной финансово-экономической среде при отсутствии тенденций к значительной волатильности на финансовых рынках. При этом британское ЭКА имеет намного более устойчивые финансово-экономические показатели по сравнению с основными системообразующими банками Великобритании.

Перспективы создания ЭКА — органа государственного управления и использования отдельных практик *ECGD* в Республике Беларусь

Анализ основных результатов деятельности *ECGD* позволил сделать вывод о возможности создания ЭКА — органа государственного управления в Республике Беларусь.

Как отмечалось выше, благоприятную почву для данной институциональной структуры финансового стимулирования экспорта создают факт подведомственной подчиненности значительного числа валообразующих предприятий страны, а также неопределенность буду-

щего концернов как государственных структур. На рис. 2 приведена схема функционирования ЭКА — органа госуправления в Беларуси.

Структуру предлагаемого нами ЭКА — органа государственного управления можно описать следующим образом. Головной офис ЭКА-госоргана создается на базе департамента, либо главного управления, либо отдела в неотраслевом органе государственного управления. Этим госорганом может быть, например, предполагаемое к созданию на базе Министерства промышленности Министерство промышленной политики, которое не имело бы подведомственных организаций и занималось бы исключительно вопросами макроэкономического регулирования.

Одновременно в концернах создаются филиалы данного ЭКА в виде отделов, которые не являются юридическими лицами. Тот факт, что филиалы ЭКА не будут иметь статус самостоятельных юридических лиц и не будут в индивидуальном порядке принимать решения об оказании государственной поддержки, создаст серьезный аргумент в защиту того, что поддержка не будет иметь специфический характер в терминологии ВТО, поскольку каждый концерн имеет дело с собственным ограниченным кругом предприятий. Окончательное решение в области государственного содействия

должен принимать головной офис ЭКА. Кроме того, в функции головного офиса будет входить взаимодействие с предприятиями без ведомственной подчиненности.

На рис. 2 также приведен перечень основных и дополнительных функций ЭКА-госоргана: реализация политики финансового стимулирования экспорта, взаимодействие с другими госорганами, представление интересов Республики Беларусь в ОЭСР, ВТО, ЕЭК, взаимодействие с ЭКА стран-партнеров. Данное ЭКА будет также осуществлять непосредственное финансовое стимулирование экспорта продукции: страхование, гарантирование, прямое кредитование. Предполагается сосредоточение основных функций по реализации указов Президента Республики Беларусь от 24 сентября 2009 г. № 466 [9] и от 25 августа 2006 г. № 534 в рамках данного ЭКА [10].

Кроме того, к дополнительным функциям следует отнести участие и содействие в участии в иных формах стимулирования экспорта, помимо финансовых: участие в разработке рекомендательных документов системы менеджмента качества (о предложении по созданию данных типов документов см. подробнее [2, с. 75]). К дополнительным функциям, выполняемым данным ЭКА, можно также отнести участие в совершенствовании инфраструк-

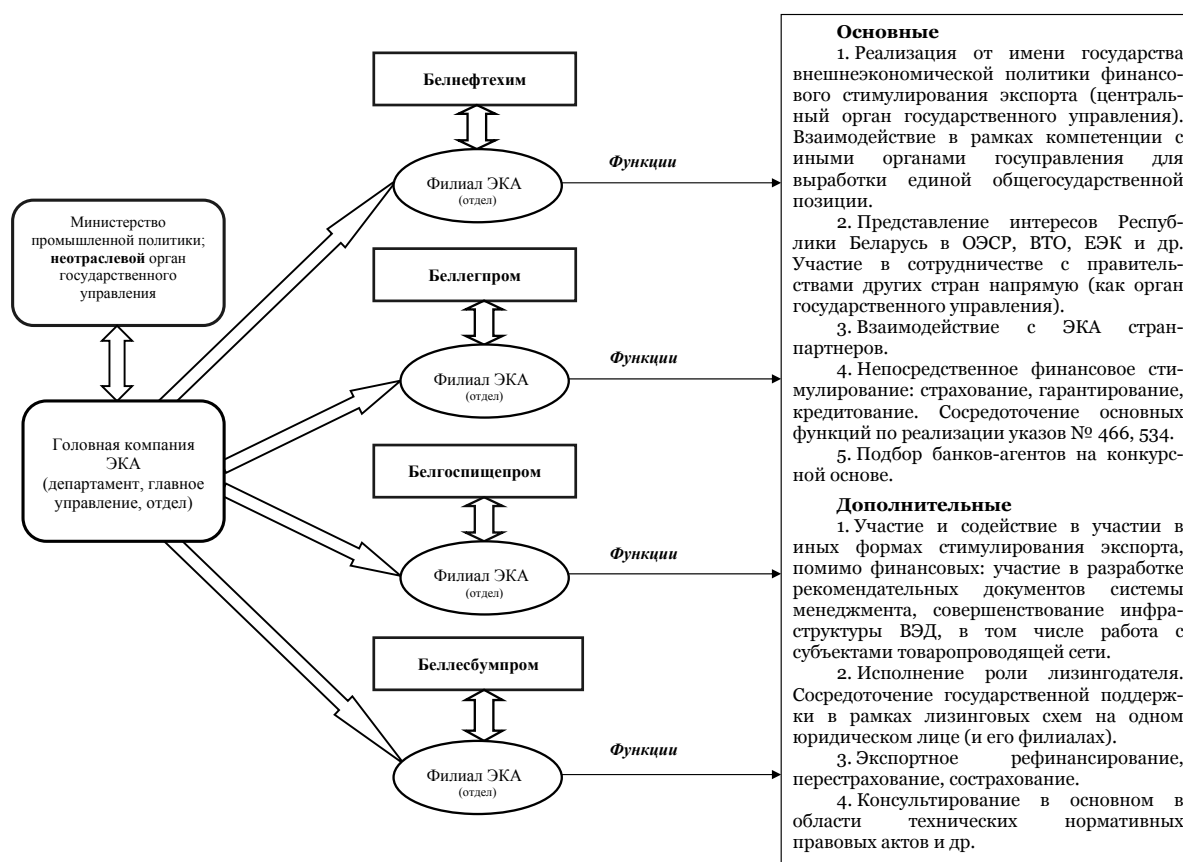

Рис. 2. Схема создания ЭКА — органа государственного управления в Республике Беларусь

Источник: собственная разработка.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

туры внешнеэкономической деятельности, в том числе работу с субъектами товаропроводящей сети отечественных предприятий; исполнение роли лизингодателя, консультанта в области финансового содействия экспорту, а также использование дополнительных финансовых продуктов: экспортное рефинансирование, перестрахование, сострахование (последние два, преимущественно, в рамках совместных программ стимулирования со странами ЕАЭС и иными заинтересованными государствами).

Обозначим основные преимущества ЭКА — органа государственного управления.

1. Возможность ведения бухгалтерского учета по упрощенной схеме (нет необходимости внедрения международных стандартов финансовой отчетности).

2. Концерн как юридическое лицо не распускается. Сохраняются рабочие места.

3. Источником финансирования могут быть как бюджет (но не дополнительные затраты, а перераспределенные денежные средства от источников, ежегодно резервируемых на финансовое содействие экспорту в республиканском бюджете), так и денежные ресурсы самих предприятий (принцип: «вы нам денежные средства — мы вам защиту и содействие»). Формируется партнерство государства и бизнеса.

4. Значительный опыт работы с подведомственными предприятиями концернов, знание ими специфики предприятий.

5. Непротиворечие основной цели функционирования концерна — защите подведомственных предприятий.

6. Отсутствие необходимости быть прибыльной организацией, в то время как финансовое ЭКА, как правило, получает больше целевых показателей по прибыли.

7. Тенденция к «универсализму» финансовых ЭКА делает их более похожими на «рыночные окна» (более подробно о «рыночных окнах» см. [37]), в то время как ЭКА — орган государственного управления характеризует весьма высокая «прозрачность» основной деятельности.

8. Возможность придания большего перечня дополнительных функций, в том числе по совершенствованию инфраструктуры внешнеэкономической деятельности, работе с товаропроводящей сетью и др.; возможность выбора банков-агентов и сохранения структуры стимулирования, близкой к действующей в Республике Беларусь.

Таким образом, в условиях довольно непростой ситуации с поставками отечественной продукции за рубеж, полагаем, что формирование должной институциональной структуры поддержки экспорта путем создания ЭКА — органа государственного управления, в основу которого будет положен принцип функционирования британского ЭКА *ECGD*, создаст дей-

ственный инструмент по стимулированию наращивания экспорта белорусской продукции на внешние рынки.

При этом с учетом опыта Великобритании полагаем возможным при создании ЭКА — органа государственного управления основные функции («расширенную» их версию) прописывать не для самого ЭКА (поскольку это будет лишь подразделение в рамках исполнительного органа государственного управления), а для министерства, которому оно будет непосредственно подчинено (например, Министерство промышленной политики, как приведено на рис. 2). На начальном этапе это упростит нормотворческий процесс, поскольку изначально проще определить «рамочные» правила функционирования ЭКА как функции курирующего органа государственной власти.

Одновременно важно прописать возможность передачи ключевых функций данного госоргана создаваемому ЭКА и вести на постоянной основе мониторинг данного законодательства. На основе опыта Великобритании можно предположить постепенный переход ключевых функций в ведение создаваемого ЭКА. При этом подобный «переход» будет адаптируемым к белорусской практике финансового стимулирования экспорта.

Впоследствии при накоплении достаточных резервов возможно создание Консолидированного фонда, в котором будет накапливаться чистый денежный доход от функционирования ЭКА. Поскольку ресурсы создаваемого ЭКА будут фактически представлять бюджетные средства, стратегический контроль использования средств Фонда целесообразно возложить на Министерство финансов Республики Беларусь, а оперативное управление — на Банк развития либо один из крупных системообразующих банков страны. Оперативное управление в данном случае подразумевает, в том числе, инвестирование части средств фонда в заранее отобранные высокодоходные проекты в Республике Беларусь либо за рубежом, а также в высоколиквидные ценные бумаги. С целью диверсификации рисков и обеспечения доступности кредитных ресурсов полагаем необходимым при финансовом содействии экспортерам создаваемым ЭКА задействовать банки-агенты, в том числе и Банк развития Республики Беларусь. В частности, на основе исследования функционирования *ECGD* в партнерстве с крупнейшими финансовыми институтами, включая ТНБ, в практике реализации прямого кредитования можно сделать вывод о том, что в практике финансового стимулирования экспорта в Республике Беларусь придание, например, Банку развития Республики Беларусь полномочий по выполнению роли агента правительства при реализации экспортного кредитования (в том числе полного комплекса услуг по Указу № 534, а не сокращенного) будет весьма своевременным и не пони-

зит рейтинг данного учреждения от перечисления денежных средств «транзитом» либо от кредитования резидентов с государственной поддержкой. К данной практике возможно перейти, в том числе, в процессе создания и функционирования в Беларуси ЭКА — органа государственного управления, сохранив за Банком развития либо за одним из системообразующих банков роль партнера и агента создаваемого ЭКА.

Целесообразно также основное внимание в предлагаемом перечне финансовых продуктов создаваемого ЭКА сосредоточить на косвенном стимулировании в виде гарантий и страхования. При этом приоритет следует отдавать именно гарантированию, поскольку данный инструмент значительно диверсифицирует риски с кредитующим учреждением. В то же время, исходя из опыта Великобритании при реализации схемы прямого кредитования посредством банков-агентов, считаем возможным (через Банк развития либо системообразующий коммерческий банк) осуществлять рефинансирование коммерческого банка, непосредственно выдающего кредит, что в состоянии понизить процентную ставку, делая кредит более доступным.

Анализ опыта Великобритании помогает также сделать вывод о том, что прямое кредитование резидентов является допустимой (не запрещенной) практикой содействия. Вместе с тем относительно небольшое применение практики кредитования резидентов в Великобритании объясняется скорее доступностью кредитных ресурсов и невысокой их стоимостью, а не административными ограничениями. В этой связи схему кредитования с государственной поддержкой «кредит — организации резиденту» считаем допустимой, используемой в международной практике и не противоречащей нормам международного права. Данную практику полагаем сохранить как до, так и после создания ЭКА — органа государственного управления.

Полагаем, что ЭКА — орган государственного управления по аналогии с *ECGD* помимо выполнения роли лизингодателя может также оказывать финансовое содействие как производителям, так и поставщикам комплектующих и компаниям-посредникам, осуществляющим непосредственную реализацию отечественной продукции.

Нами уже предлагалось создание посреднической структуры в Республике Беларусь государственной формы собственности (в данном случае важно вести речь именно о посреднической структуре, не являющейся органом государственного управления, чтобы рассматриваемая практика не была расценена как прямое участие государства в закупках продукции с целью последующей реализации за рубежом, что запрещено нормами ВТО), в функции которой входили бы закупка продукции у промышлен-

ных предприятий и их последующая реализация за рубежом, а также функции консультирования и информирования иностранных потенциальных партнеров о белорусских экспортных [3, с. 57]. Указанное предложение можно дополнить тем, чтобы данная посредническая организация (исходя из опыта Великобритании) сосредоточивала основную деятельность не на непосредственной закупке произведенной продукции, а на предоставлении наиболее выгодных форм финансирования при участии белорусской организации в проекте за рубежом либо при разовых экспортных поставках. Впоследствии, при создании ЭКА — органа государственного управления, полагаем возможным создать отдельное юридическое лицо государственной формы собственности и коммерческой направленности, которое бы выполняло функции данной посреднической организации, деятельность которой контролировалась бы созданным ЭКА посредством участия в капитале.

Опыт совместного стимулирования капиталоемкой продукции ЭКА Великобритании, Германии и Франции может быть использован и в рамках ЕАЭС. В данной связи органами государственного управления в настоящее время в сфере совместного финансово-кредитного стимулирования поставок техники за рубеж предлагается создание перестраховочного пула. Речь ведется преимущественно о Российской Федерации, Республике Беларусь и Республике Казахстан. Однако в данном случае следует отметить, что исходя из международной практики наиболее эффективным представляется стимулирование не различной продукции, а **совместно собранной техники**, как это осуществляют французское, немецкое и английское ЭКА, в том числе на примере *Airbus* [18; 19]. Национальные интересы в области стимулирования расходятся между Республикой Беларусь (продукция машиностроения), Российской Федерацией (оборонная промышленность) и Республикой Казахстан (в большей степени — наукоемкая продукция). Следовательно, стимулироваться должна продукция отраслей с высокой степенью интернационализации и (как показывают исследования) с высокой добавленной стоимостью. При этом важно принимать во внимание, что количество различных финансовых продуктов при совместном стимулировании намного меньше, чем при осуществлении содействия каждой отдельной страной.

С учетом того, что в настоящее время в условиях интеграционных группировок не существует каких-либо императивных правил совместного стимулирования, полагаем целесообразным ключевые вопросы финансового стимулирования (в том числе вопросы определения процентных ставок *CIRR*) решать в индивидуальном порядке каждой страной при сотрудничестве со странами ОЭСР, что допускается

статьей 20 Соглашения ОЭСР [20]. В дальнейшем считаем возможным согласование основных методик стимулирования в рамках интеграционных объединений с участием Республики Беларусь на партнерской основе, исходя из национальных приоритетов каждой из стран.

Выводы

На основе исследования опыта Великобритании в области финансово-кредитного стимулирования экспорта можно сделать вывод о возможном применении отдельных практик данного содействия в Республике Беларусь. В то же время важно учитывать особенности уже имеющейся институциональной инфраструктуры поддержки экспортеров в нашей стране, повышенную значимость экспорта для ее экономики, проводимую макроэкономи-

ческую и международную политику и другие ключевые факторы, отражающие национальные интересы Республики Беларусь.

Лучшее из опыта Великобритании в сфере содействия экспортерам следует принимать поэтапно, начиная с разработки основополагающих нормативных правовых актов. С нашей точки зрения, создание ЭКА в форме органа государственного управления (департамента, главного управления, управления) на базе неотраслевого министерства имеет значительные преимущества по сравнению с ЭКА, имеющим статус финансово-кредитного учреждения. Однако работа по созданию данной структуры должна вестись при непосредственном взаимодействии с партнерами по ЕАЭС, а также с участием экспертов ОЭСР, ВТО и других заинтересованных наднациональных органов управления и международных структур.

Список использованных источников

1. Алехнович, А. В. Управление внешнеэкономической деятельностью Республики Беларусь: практ. пособие / А. В. Алехнович. — Минск: Амалфея, 2005. — 416 с.
2. Артемьев, П. П. Роль государства в стимулировании промышленного экспорта: теоретический подход / П. П. Артемьев // Проблемы управления. — 2015. — № 1 (54). — С. 69–76.
3. Артемьев, П. П. Стимулирование экспорта продукции промышленности: опыт зарубежных стран, направления совершенствования в Республике Беларусь / П. П. Артемьев // Белорус. экон. журн. — 2015. — № 3 (72). — С. 38–59.
4. Атаев, А. В. Современные тенденции и направления государственной поддержки экспорта за рубежом и в России: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.14 / А. В. Атаев. — М., 2005. — 198 л.
5. Волкова, С. В. Федеральные и местные институты в системе государственного стимулирования экспорта США: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.14 / С. В. Волкова; Рос. акад. наук, Ин-т США и Канады. — М., 1993. — 25 с.
6. Всемирная торговая организация: Беларусь на пути в ВТО / В. Ф. Медведев [и др.]; под науч. ред. П. Г. Никитенко; Ин-т экономики Нац. акад. наук Беларуси. — Минск: Право и экономика, 2002. — 146 с.
7. Дайнеко, А. Е. Геоэкономические приоритеты Республики Беларусь / А. Е. Дайнеко. — Минск: Беларус. навука, 2011. — 364 с.
8. Кобринский, С. Финансирование экспорта: освоение новых рынков сбыта / С. Кобринский // Банк. вестн. — 2009. — № 16. — С. 54–57.
9. О некоторых мерах по реализации товаров, произведенных в Республике Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь от 24 сент. 2009 г. № 466 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2016.
10. О содействии развитию экспорта товаров (работ, услуг): Указ Президента Респ. Беларусь от 25 авг. 2006 г. № 534 [Электронный ресурс] // Там же.
11. Петровская, Л. М. Стимулирование экспорта и экспортные барьеры: теорет. и практ. аспекты / Л. М. Петровская, А. В. Данильченко. — Минск: Право и экономика, 2007. — 95 с.
12. Пыхтин, В. В. Формирование системы государственной поддержки российского экспорта продукции обрабатывающей промышленности: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.14 / В. В. Пыхтин. — М., 2004. — 197 л.
13. Родыгина, Н. Ю. Французский опыт работы на внешних рынках и использование его в России / Н. Ю. Родыгина. — М.: Изд-во Рос. гос. торг.-экон. ун-та, 2004. — 128 с.
14. Родыгина, Н. Ю. Экспортные стратегии промышленно развитых стран: возможности использования для России / Н. Ю. Родыгина. — М.: Изд-во Рос. гос. торг.-экон. ун-та, 2005. — 190 с.
15. Рудый, К. В. Финансы внешнеэкономической деятельности: учеб. пособие для вузов / К. В. Рудый. — Минск: Выш. шк., 2004. — 348 с.
16. Румас, С. Инструменты внешнеторгового финансирования: формы и методы / С. Румас // Банк. вестн. — 2009. — № 10. — С. 18–22.
17. Углов, В. В. Внешнеторговое финансирование в странах в период трансформации: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.14 / В. В. Углов. — Минск, 2009. — 127 л.
18. Annual Report and Accounts, 2014-15 / Export Credits Guarantee Department. — London: The Williams Lea Group, 2015. — 174 p.
19. Annual Review and Resource Accounts, 2005-06 / Export Credits Guarantee Department. — London: TSO, 2006. — 101 p.
20. Arrangement on Officially Supported Export Credits: Doc. TAD/PG(2014)1, 15.01.2014 [Electronic resource] // Organisation for Economic Co-operation and Development. — Mode of access: <<http://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?doclanguage=en&cite=tad/pg%282014%291>>. — Date of access: 11.05.2015.
21. Bond insurance policy [Electronic resource] // GOV.UK. — 19.04.2013. — Mode of access: <<https://www.gov.uk/guidance/bond-insurance-policy>>. — Date of access: 03.01.2016.
22. Bond support scheme [Electronic resource] // GOV.UK. — 25.04.2013. — Mode of access: <<https://www.gov.uk/guidance/bond-support-scheme-overview-and-how-to-apply>>. — Date of access: 02.01.2016.
23. Brander, J. Export Subsidies and International Market Share Rivalry / J. Brander, B. Spencer // Journal of International Economics. — 1985. — Vol. 18, N 1-2. — P. 83–100.
24. Buyer credit facility [Electronic resource] // GOV.UK. — 20.04.2013. — Mode of access: <<https://www.gov.uk/guidance/buyer-credit-facility>>. — Date of access: 04.01.2016.

25. Corden, W. Strategic Trade Policy: How New? How Sensible? / W. Corden // World Bank Policy Research Working Paper Series. — 1990. — N 396. — P. 1—32.
26. Debt conversion scheme [Electronic resource] // GOV.UK. — 17.04.2013. — Mode of access: <<https://www.gov.uk/guidance/debt-conversion-scheme>>. — Date of access: 06.01.2016.
27. Direct lending facility [Electronic resource] // GOV.UK. — 03.03.2014. — Mode of access: <<https://www.gov.uk/guidance/direct-lending-scheme>>. — Date of access: 04.01.2016.
28. Dixit, A. Targeted Export Promotion with Several Oligopolistic Industries / A. Dixit, G. Grossman // Journal of International Economics. — 1986. — Vol. 21, N 3-4. — P. 233—249.
29. Eaton, J. Optimal Trade and Industrial Policy under Oligopoly / J. Eaton, G. Grossman // Quarterly Journal of Economics. — 1986. — Vol. 101, N 2. — P. 383—406.
30. Export and Investment Guarantees Act 1991 [Electronic resource] // UK Legislation. — Mode of access: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1991/67/pdfs/ukpga_19910067_en.pdf>. — Date of access: 26.12.2015.
31. Export Credit Financing Systems in OECD Member Countries and Non-Member Economies: United Kingdom [Electronic resource] // OECD iLibrary. — Mode of access: <http://www.oecd-ilibrary.org/trade/export-credit-financing-systems-in-oecd-member-countries-and-non-member-economies-united-kingdom_9789264071995-en>. — Date of access: 24.12.2015.
32. Export insurance policy [Electronic resource] // GOV.UK. — 26.04.2013. — Mode of access: <<https://www.gov.uk/guidance/export-insurance-policy>>. — Date of access: 02.01.2016.
33. Export refinancing facility [Electronic resource] // GOV.UK. — 19.03.2014. — Mode of access: <<https://www.gov.uk/guidance/export-refinancing-facility>>. — Date of access: 04.01.2016.
34. Export working capital scheme [Electronic resource] // GOV.UK. — 24.04.2013. — Mode of access: <<https://www.gov.uk/guidance/export-working-capital-scheme-overview-and-how-to-apply>>. — Date of access: 03.01.2016.
35. Gianturco, D. E. Export Credit Agencies: the Unsung Giants of International Trade and Finance / D. E. Gianturco. — London: Quorum Books, 2001. — 198 p.
36. Letter of Credit Guarantee Scheme [Electronic resource] // GOV.UK. — 23.04.2013. — Mode of access: <<https://www.gov.uk/guidance/letter-of-credit-guarantee-scheme-overview-and-how-to-apply>>. — Date of access: 03.01.2016.
37. Mendelowitz, A. The New World of Government-Supported International Finance / A. Mendelowitz // Ex-Im Bank in the 21st Century. — Washington DC: Institute of International Economics, 2002. — P. 159—189.
38. Rodriguez, R. Ex-Im Bank: Overview, Challenges and Policy Options / R. Rodriguez // Ex-Im Bank in the 21st Century. — Washington DC: Institute of International Economics, 2002. — P. 3—34.
39. Supplier Credit Financing Facility [Electronic resource] // GOV.UK. — 21.04.2013. — Mode of access: <<https://www.gov.uk/guidance/supplier-credit-financing-facility>>. — Date of access: 04.01.2016.

Статья поступила в редакцию в апреле 2016 г.

ЭВОЛЮЦИЯ МОДЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ

О Док Хи, Дмитрий Калинин

В статье представлен краткий обзор эволюции модели экономического развития Республики Корея. Проведен анализ основных этапов экономического развития страны, характеризующихся активным и, вместе с тем, достаточно адаптивным управлением со стороны государства.

В отличие от общепринятого в рыночных концепциях постулата установлено, что активное государственное вмешательство в экономические процессы может выступать важнейшим фактором интенсификации экономического роста страны, а также основным драйвером модернизации и структурной перестройки национальной экономики.

Ключевые слова: государственное регулирование, добавленная стоимость, креативная экономика, модель экономического развития, модернизация, эволюция, экономический рост.

«Evolution of the Model of the Economic Development State Regulation in the Republic of Korea» (Oh Dok Hee, Dmitry Kalinin)

The article features a brief evolution overview of the economic development model of the Republic of Korea. Also the analysis of the main stages of economic development, characterized by active and, at the same time, quite adaptive state governance is provided in the article. In contrast to the generally accepted postulate in market concepts, it is detected that the active state intervention into economic processes can be an important factor in the intensification of the country's economic growth. It may also be the main driver of modernisation and restructuring of the national economy.

Keywords: added value, creative economy, economic development model, economic growth, evolution, modernisation, state regulation.

Authors:

Oh Dok Hee — post-graduate student of the Department of International Economic Relations of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: paulmink@mail.ru

Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., 220030, Minsk, BELARUS

Kalinin Dmitry — Candidate of Economy (PhD), Director of the Belarusian Innovative Foundation, e-mail: kalinin.dzmitry@gmail.com

Belarusian Innovative Foundation. Address: 31a, Very Khoruzhy str., 220002, Minsk, BELARUS

Вопросы эффективного управления и государственного регулирования национальной экономики являются актуальными в экономической системе любого типа. Однако их значение особенно остро в странах, находящихся на пути экономической трансформации и обладающих определенной амбициозностью целей своего социально-экономического и промышленного развития. Разрабатывая и проводя свою экономическую политику, государству необходимо сбалансированно подходить к эффективному сочетанию рыночных и административных рычагов воздействия.

Для Республики Беларусь особо актуальным представляется анализ и возможность применения наиболее близких и успешных моделей экономического развития зарубежных стран. Безусловно, большого внимания заслуживает модель экономического развития Республики Корея, которая является примером динамичного экономического и промышленного роста страны с опорой на активное вмешательство со стороны государственной власти.

Рассмотрению отдельных вопросов государственного регулирования экономики Республики Корея посвящены работы ряда исследователей. Однако в рамках данной статьи кон-

Авторы:

О Док Хи — аспирант кафедры международных экономических отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета, e-mail: paulmink@mail.ru

Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Калинин Дмитрий Станиславович — кандидат экономических наук, директор Белорусского инновационного фонда, e-mail: kalinin.dzmitry@gmail.com

Белорусский инновационный фонд. Адрес: 31а, ул. Веры Хоружей, Минск, 220002, БЕЛАРУСЬ

Рецензенты:

Томкович Михаил Петрович — кандидат экономических наук, заведующий центром аналитических исследований Научно-исследовательского экономического института Министерства экономики Республики Беларусь

Ботенковская Екатерина Сергеевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры международных экономических отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета

цептуальной основой выступили наработки, прежде всего, южно-корейских ученых: Гил Кюн Сук [2], Джанг Гихва [3], Канг Чанхо [4], Ким Вункю [6], Ким Санхванг [7], Чон Сонхо [9]. Данные авторы достаточно подробно рассмотрели проблематику влияния активного государственного регулирования на экономический рост и повышение на его основе национального благосостояния Республики Корея. Отдельное внимание необходимо уделить таким авторам, как Ан Чальсу [1], Канг Чанхо [4–5], Лим Зинхо [8]. Их исследования посвящены анализу современных процессов и наиболее актуальных трансформаций в государственном регулировании экономики Республики Корея в XXI в.: политика сбалансированного роста и становление креативной экономики. Эти вопросы до сих пор практически не изучены в белорусской экономической науке.

В середине XX в. Республика Корея по своему экономическому потенциалу была сопоставима с беднейшими африканскими странами. Однако стране удалось достичь серьезных экономических успехов в самые кратчайшие сроки. Без обладания серьезными запасами природно-сырьевых ресурсов страна не только приблизилась по уровню своего экономического развития к развитым странам мира, но и устойчиво входит в число 20 наиболее развитых из них.

До сих пор в корейских научных кругах ведутся многочисленные дискуссии о том, какие факторы позволили достичь подобного экономического роста, но общепризнанна при этом, прежде всего, роль жесткого государственного регулирования. Оно реализуется авторитарными правительствами при использовании как экономических, так и административных методов управления. При этом концепция государственного регулирования и ее связь с качеством экономического роста прошли несколько этапов развития. Каждый из них в определенной степени связан со сменой правительства Республики Корея, с воздействием внешних экономических вызовов и благоприятных возможностей:

- государственное управление первичным экономическим ростом;
- развитие базовых отраслей и стимулирование экспорта с более высокой добавленной стоимостью;
- курс национальной экономики «сначала — рост, потом — распределение»;
- сбалансированный рост национальной экономики;
- концепция креативной экономики.

Государственное управление первичным экономическим ростом. Играть главенствующую роль в национальной экономике правительство Республики Корея начало в 1960-х гг., взяв за основу пятилетний план, направленный на экономический рост за счет

стимулирования экспорта и наращивания инвестиций. В результате оно смогло достичь и сохранить быстрые темпы экономического роста. В этот период в зависимости от внешних условий государством постоянно проводились структурные изменения, а также использовались традиционные меры стимулирующего характера. Так, в случае изменения рыночной конъюнктуры и ситуации на мировом рынке для сохранения устойчивого роста проводилась соответствующая корректировка валютного курса.

В различные периоды начального этапа политика экономического роста с доминирующей ролью государства в значительной степени варьировалась. В 1960-е гг. посредством так называемой экспортноориентированной политики иностранный и национальный капитал распределялся для поощрения экспорта, прежде всего продукции легкой промышленности. В 1970–1980-е гг. приоритеты несколько изменились — в целях развития тяжелой и химической промышленности для соответствующих предприятий вводились налоговые и финансовые преференции, что делало эти отрасли привлекательными для инвесторов. Как результат, правительство Республики Корея смогло одновременно добиться как наращивания экспорта, так и роста экономики в целом.

В 1990-е гг. потребовались масштабные инвестиционные вложения в производство полупроводников. Для стимулирования потенциальных инвесторов правительство и банки оказывали им мощную поддержку в развитии отрасли. Центральная роль правительства заключалась в постановке задач развития национальной экономики. Соответственно, оно являлось субъектом, создающим общественный продукт, поскольку в любой стране лишь государство обладает законным правом эффективно распределять ресурсы между различными субъектами экономики, исходя из широкомасштабных планов общего экономического развития.

Таким образом, как показывает корейский опыт, для успешного экономического роста важна встроенная автономия государства, влияющая на аккумуляцию национального капитала [см.: 6], так как в отличие от частных инвесторов государство способно выделять средства на развитие и проведение фундаментальных НИОКР и инновационных технологий, не приносящих прибыли в краткосрочном периоде.

С другой стороны, чрезмерное вмешательство корейского правительства в рыночные механизмы оказывало деформирующий эффект на рынок капитала. Например, финансовая поддержка обанкротившейся компании «*Hanbo Group*» лишь увеличивала неплатежеспособность и долги этой корпорации. В итоге, не наблюдалось эффективное развитие рынка капитала, а также образовался коррупционный альянс политики и бизнеса [см.: 10]. Валютно-финансовый кризис 1997–1998 гг.

был обусловлен, в том числе и подобными негативными явлениями. Кроме того, при неэффективном экономическом регулировании предприятия, имеющие государственную поддержку, теряют инициативность, креативность, способность к эффективному развитию, что в итоге приводит к снижению уровня их конкурентоспособности.

Несмотря на эти недостатки, в качестве основного преимущества государственной экономической политики Республики Корея перед политикой других стран была ее целевая направленность и ориентация на конечный результат.

Развитие базовых отраслей и стимулирование экспорта с более высокой добавленной стоимостью. Во второй половине 1960-х гг. страна начала переход от концепции замещения импорта к концепции экспортной ориентации. Причина смены курса Республики Корея заключалась в следующем: с одной стороны, внутренний рынок был уже насыщен собственной продукцией легкой промышленности, с другой — капиталоемкое строительство предприятий тяжелой промышленности предполагало необходимость в значительных финансовых ресурсах. В частности, дешевую и высококвалифицированную рабочую силу можно было использовать в целях получения прибыли от инвестированных средств при условии доступа к иностранному капиталу и технологиям, чтобы покрыть нехватку собственных ресурсов и максимально использовать свои преимущества для развития национальной экономики.

Экспорт продукции отраслей легкой промышленности создавал основу для последующего вовлечения в этот процесс капиталоемких и высокотехнологичных производств. В 1973 г. на государственном уровне была принята программа по развитию шести стратегических отраслей тяжелой и химической индустрии: черной и цветной металлургии, сталелитейной, автомобильной и судостроительной, электронной, нефтехимической [см.: 10]. В конце 1970-х гг. продукция тяжелой и химической промышленности начала занимать все большую долю в объеме экспорта. А в 1980-х гг. стали заметны положительные результаты выбранной стратегии. Результаты применения политики стимулирования экспорта и роста тяжелой и химической промышленности в Республике Корея выгодно отличались от политики замещения импорта в Латинской Америке и ряде азиатских стран. В 1990-е гг. высокоразвитыми стали отрасли электроники, полупроводников и автомобильной промышленности, а в 2000-х гг. — IT-отрасль.

Таким образом, Республика Корея превратилась в страну с развивающимся типом экономики, благодаря стратегии стимулирования экспорта, которая включала следующие меры:

- освобождение от таможенных тарифов на импорт сырья и материалов, предназначенных для выпуска готовой продукции на экспорт;

- освобождение от косвенных внутренних налогов на импортируемые полуфабрикаты, комплектующие изделия, предназначенные как для производства товаров на экспорт, так и для перепродажи за рубеж и получения прибыли за посреднические услуги;

- освобождение от тарифов и налогов национальных поставщиков полуфабрикатов и субподрядчиков фирм — производителей продукции на экспорт;

- снижение ставок прямых налогов на доходы фирм от экспорта и другие поступления от внешнеэкономической деятельности;

- льготные кредиты для увеличения производства на экспорт;

- систему взаимосвязи объемов разрешенного импорта с суммой полученной экспортной выручки предприятий и фирм;

- государственные субсидии тем производителям, которые имели убытки при экспорте своей продукции [см.: 2].

В числе основных итогов реализации экономической политики в период с 1962 по 1992 г. стали:

- стремительное создание индустриально развитого государства и усовершенствование отраслевой структуры промышленности;

- формирование собственного производства ресурсов: благодаря постепенному переходу на отечественное сырье стране удалось преодолеть зависимость от импорта;

- осуществление перехода от трудоемкого к высоко- и технологически емкому производству;

- развитие средних и малых предприятий: для успешного проведения политики индустриализации было необходимо эффективное сотрудничество крупных предприятий, ресурсов которых было недостаточно, со специализированными средними и мелкими предприятиями;

- создание военно-промышленного комплекса: металлургическая, машиностроительная и электронная отрасли производили военное снаряжение и оборудование;

- глобализация производства: производственная мощь достигла международных масштабов, корейские предприятия стали бороться за мировое первенство в цене и качестве;

- создание производственных комплексов: концентрация и интенсификация промышленности;

- умножение и совершенствование технических кадров: одним из факторов претворения в жизнь политики индустриализации являлось обилие высокообразованных трудовых ресурсов;

- создание системы научных исследований и разработок. Очевидно, что индустри-

лизация была бы невозможна без внедрения, освоения и широкого применения техники, а также разработки новых технологий.

В результате государственного регулирования Республика Корея менее чем за три десятилетия сформировала практически все отрасли промышленности, присущие развитой экономике, а ориентация капиталоемких производств на более емкий внешний рынок позволила получить существенные выгоды от эффекта масштаба производства.

Новый курс национальной экономики «сначала — рост, потом — распределение». Основным направлением новой экономической политики являлся очевидный приоритет роста частного крупного бизнеса. Его суть сводилась к концентрации национально-го капитала в наиболее перспективных точках роста в противовес распределению финансов на нужды общего социального обеспечения. На этом этапе основной стратегией корейского экономического развития был выбран принцип «сначала — рост, потом — распределение». Причиной этого послужила необходимость наращивания экономического потенциала страны (большее значение придавалось не качественному, а количественному экономическому росту), ставшая главной задачей корейского правительства.

На начальном этапе крупные предприятия за счет государственной поддержки смогли достичь успехов в капиталоемкой промышленности. Государство предоставляло капитал немногочисленным крупным концернам — «чэ-болям», которым была поручена роль «локомотивов» национального экономического роста. Кроме того, предприятиям, проводившим курс на наращивание экспорта, предоставлялись различные системные преференции. В результате концентрация экономического потенциала в рамках крупных компаний еще более усиливалась.

Именно принцип «сначала — рост, потом — распределение» вывел Республику Корея из числа беднейших стран в так называемые новые индустриальные страны. В этот период была заложена основа конкурентоспособности многих корейских компаний. Отдельные из них (*Samsung Electronics, Hyundai Motor* и др.) до сих пор удерживают лидерские позиции мировых высокотехнологичных компаний и являются примером успешного развития для развивающихся стран.

Концепция сбалансированного роста национальной экономики стала реализовываться в начале XXI в. Специфика концепции сбалансированного роста заключается в том, что она предполагает не столько развитие отдельных отраслей национальной промышленности или регионов страны, сколько комплексное развитие всего государства с максимально эффективным использованием всех имеющихся ресурсов. Следовательно, концеп-

ция, рассматривая государство как единое целое, берет за основу повышение эффективности использования ресурсов, достижение экономического роста и социальной справедливости. При этом целью является сокращение разрыва между различными социальными слоями и регионами страны.

Причиной эволюции корейской экономической политики в начале XXI в. в сторону политики сбалансированного роста стали быстрые изменения глобального экономического пространства. Концепция сбалансированного роста подразумевает, что для повышения уровня конкурентоспособности национальных компаний усилия должно прилагать все общество, и считает, что экономическая экосистема должна включать не только крупные предприятия, малый и средний бизнес, но быть тесно увязана со всеми элементами общества в целом. Исходя из этого новая современная концепция по сути предполагает изменение всей парадигмы взаимодействия общества и бизнеса.

Можно выделить следующие причины переориентации корейской экономической политики на курс «сбалансированного роста»:

1) *изменения в структуре населения и уровне доходов.* С точки зрения структуры населения Республика Корея в XXI в. полномасштабно вступила в эпоху низкой рождаемости и демографического старения, а в плане структуры доходов наблюдается усиление поляризации общества. В ситуации сокращения темпов экономического роста усиливается дисбаланс экономического развития различных слоев населения, регионов страны и групп предприятий, что приводит к обострению социальных проблем. Для их преодоления необходима разработка и проведение политики сбалансированного экономического роста;

2) *быстрое развитие информационных и сетевых технологий.* Благодаря быстрому развитию информационных и сетевых технологий усиливается слияние и взаимодействие промышленных технологий различных отраслей. В области независимых НИОКР также настоятельно требуется развитие так называемых партнерских технологий. Рост потребности субъектов экономики в информации обусловил вступление в эпоху «больших данных», а с развитием сетевых технологий требуются перемены во всей экономической экосистеме;

3) *ускоряющаяся глобализация.* Тенденция открытости всему миру, а также нарастающий процесс глобализации затрагивает не только экономическую сферу, но касается также образования, аудита, здравоохранения, законодательства и др. Глобализация затрагивает полностью все общество и подразумевает наличие сформированной системы, в которой каждый может составить конкуренцию каждому. Таким образом, только за счет сбалансированного роста можно использовать преимущества глобализации на пользу каждой сфере общества;

4) *расширение участия общества в экономической политике и рост демократического сознания общества.* Благодаря развитию глобальных сетей и социальных медиаструктур удается не просто выражать активную гражданскую позицию: через них реализуется вовлечение общества в политику и усиливается его решающая роль в ней. Развивающееся сознание независимого потребителя также увеличивает потребность общественного контроля отчетности через вовлеченность общества в демократию, т. е. стабилизация общества дала эффект увеличения потребности в сбалансированном росте;

5) *необходимость выстраивания экосистемы здорового бизнеса.* Сбалансированный рост крайне необходим для минимизации социальных конфликтов в ходе будущего объединения с системой социалистической экономики КНДР.

Предпосылки для новой экономической политики. Рассмотрим предпосылки формирования новой концепции инновационной экономической политики Республики Корея в начале XXI в. В частности, ускорение процессов глобализации и новых тенденций во взаимоотношениях национальных государств и их роль в решении глобальных проблем мировой экономики заставляют по-новому взглянуть на противопоставление внутренних национальных и внешних экономических интересов. При резком возрастании значения внешнеэкономической сферы произошло сближение интересов в области внутренней и внешней экономической политики для всех субъектов хозяйственной деятельности. Следовательно, правительству Республики Корея требуется новая концепция инновационной экономической политики для адаптации к изменениям мировой экономики XXI в.

В настоящее время корейской экономике предстоит сформировать новую модель развития, которая бы соответствовала быстро меняющимся условиям глобализованного мира. Необходимо, чтобы государство отказалось от своей прежней роли жесткого регулятора процессов в экономике и начало выстраивать новую инновационную по духу политику. При этом роль государства должна пониматься не только как «вмешательство» и «контроль», но и как «посредничество» и «урегулирование» взаимоотношений между действующими субъектами экономики, а также их стимулирование для участия в формировании и реализации согласованной экономической политики.

Следовательно, современная южнокорейская модель развития базируется на принципах сбалансированного роста и креативной экономики. Она включает в себя следующие важные показатели:

1) *гражданская активность и подотчетность* являются показателем, отражающим открытость госструктур, учитывающим права

граждан и связанную с ними демократическую ответственность;

2) *политическая стабильность* означает, насколько способно государство обеспечивать порядок в случае политической нестабильности, а также гарантировать жизнь и безопасность граждан в случае террористической угрозы или других проявлений насилия;

3) *эффективность работы госструктур* является индикатором степени бюрократии, того, как воспринимаются госорганы, а также способности государства к разработке и проведению политического курса;

4) *степень регулируемости* означает усиление регулируемости экономики в целях установления справедливой конкуренции при ориентации на рыночный характер отношений;

5) *конституционализм* означает доверие к закону и государственным институтам, а также равенство субъектов экономики страны перед законом;

6) *контроль коррупции* означает степень доверия государственным служащим [9, с. 25—28].

Для соответствия требованиям XXI в. экономическая политика с гибким государственным управлением должна, определив курс на сбалансированное развитие, стимулировать активное участие различных субъектов экономики в его реализации. Показатели свидетельствуют о том, что деятельность правительства (государства) качественно улучшилась с течением времени, что оказывает положительное влияние на экономический рост и уровень национального благосостояния.

Концепция креативной экономики. Под креативной понимается экономика, основанная на творчестве, оригинальности и научных разработках (технологиях), способных создавать новые рынки и рабочие места. Корейский ученый Джанг Гихва считает, что конкурентоспособность в XXI в. зависит, прежде всего, именно от потенциала креативного капитала, который позволяет установить в стране атмосферу открытой экономики, направленной на инновации, креативность и оригинальность идей [3, с. 23]. В Республике Корея речь идет о развитии креативной экономики, концептуальные положения которой изложены правительством в Основах развития культурной индустрии [см.: 3, с. 30]. В данном документе парадигма развития национальной экономики понимается не как сугубо секторально-отраслевая, а как макроконцепция. Отличительной чертой документа является акцентирование внимания на ключевой роли информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в рамках создания и развития креативной экономики.

Важную роль в вопросе реализации концепции креативной экономики играет наличие в Республике Корея интеллектуального капитала. Как уже упоминалось, креативная эконо-

мика основана на оригинальности интеллектуального ресурса. Соответственно, под интеллектуальным капиталом понимаются нематериальные активы, имеющие осязаемую форму, и нематериальный капитал, в своей основе содержащий знания. Исследователь института внешнеэкономической политики Ким Санхванг определяет три типа интеллектуального капитала, обладающего экономическим потенциалом: а) программное обеспечение или базы данных для компьютеров; б) патенты, авторские права, фирменные наименования, дизайнерские права, права на торговую марку и другие права на промышленную собственность; в) стоимость бренда, человеческий капитал предприятия, совокупность людей и учреждений, вовлеченных в деятельность организации, организационные ноу-хау, реклама и маркетинг [7, с. 34–39].

В настоящее время по странам — членам Организации экономического сотрудничества и развития наблюдается рост инвестиций в интеллектуальный капитал, играющий ведущую роль в развитии экономики стран. Кроме того, усиливается тенденция увеличения доли интеллектуального капитала среди ведущих глобальных концернов. Национальное богатство определяется тем, какой инвестиционный климат для интеллектуального капитала существует в стране, а также тем, как страна сможет создать большие объемы добавленной стоимости за счет привлечения глобальных инвестиций.

В частности, инвестиции предприятий в интеллектуальный капитал оказывают положительное влияние на экономический рост и рост производительности труда. За счет инвестиций в интеллектуальный капитал рост производительности труда на корейских предприятиях, начиная с 2000-х гг. дает увеличение ВВП на 2 % [7, с. 42]. Более того, инвестиции в интеллектуальный капитал повышают производительность труда, а также увеличивают прибыльность инвестиций на 20–30 % в сфере НИОКР, что дает большую экономическую эффективность, чем инвестиционные вложения в материальный капитал [7, с. 47].

Выделяют следующие ключевые компоненты креативной экономики: интеллектуальные экосистемы, человеческий капитал, инновационные экосистемы, предпринимательские способности и открытие собственного бизнеса, социальный капитал. Существенную роль в развитии креативной экономики играет развитость ИКТ. Поэтому им выделяется ведущая роль в новой парадигме экономической политики корейского правительства, направленной на реализацию креативной экономики.

ИКТ понимаются как инструмент усиления и дополнения перечисленных центральных компонентов. Другими словами, активное использование ИКТ для установления связей между субъектами экономической деятельности, распределения знаний, накопления чело-

веческого капитала и развития бизнеса дает возможность создания рабочих мест и новых рынков, что в результате обеспечивает качественный рост экономики.

В общих чертах можно выделить три основные функции, которые ИКТ выполняют в креативной экономике, реализуемой корейским правительством.

Во-первых, это функция главного фактора развития креативной экономики. ИКТ создают условия для трансформации экономической парадигмы в креативную экономику знаний и в то же время решают многочисленные социальные проблемы. Так, ИКТ могут внести вклад в решение таких проблем современного общества, как, например, неравные шансы на качественное образование или демографическое старение.

Во-вторых, важнейшей функцией ИКТ как элемента креативной экономики является создание новых рабочих мест и рынков. Современная парадигма ИКТ, образцом которой являются смарт-технологии, постепенно эволюционирует в гиперподключенность с постоянной сетью непрерывно работающих устройств по типу «человек—машина» и «машина—машина». Возникают огромные объемы информации, так называемые «большие данные», которые сами по себе привлекают внимание как источник, создающий новую стоимость.

В-третьих, ИКТ являются главным фактором повышения конкурентоспособности прочих отраслей экономики. «Смарт-революция» выходит за рамки ИКТ, взаимодействуя с традиционными производствами, и будет способствовать развитию инновационных отраслей для дальнейшего экономического развития страны. Например, производством компьютерных терминалов и построением социальных сетей традиционно занимались в области ИКТ, но сейчас благодаря революции смарт-технологии осуществляется взаимодействие традиционного производства с возможностями инновационных отраслей. В дальнейшем ожидается, что различия между отраслью ИКТ и не относящимися к ней исчезнут и произойдет их интеграция.

В настоящее время наблюдается глобальная тенденция того, что разница в конкурентоспособности Интернет-ресурсов определяет технологическую границу между передовыми и развивающимися странами. В дальнейшем, по мере увеличения числа стран, использующих сетевую инфраструктуру, повысится и индекс национальной конкурентоспособности, при этом сеть станет не просто средством коммуникации, а средством, связывающим инфраструктуру экономики, общества, культуры и образования.

По уровню охвата инфраструктура кабельного Интернета в Республике Корея занимает 97,2 % и в итоге находится на первом месте в мире (в среднем по странам ОЭСР — 72 %); по

распространенности беспроводного Интернета на 100 человек Республика Корея также находится на первом месте в мире (100,6 человека; в среднем по странам Организации экономического сотрудничества и развития — 54,3 человека) [см.: 5]. Данные свидетельствуют, что Республика Корея имеет потенциал конкурентоспособности прочих видов индустрии страны для повышения эффективности их использования в сфере ИКТ. В настоящий момент доля Интернет-ресурсов в промышленности незначительна, но в будущем их важность возрастет настолько, что Интернет, подобно электричеству или водопроводу, станет необходимым элементом инфраструктуры страны для развития национальной экономики.

Масштабы использования Интернет-ресурсов увеличиваются за счет не только частных лиц, но и сферы промышленности. Таким образом, в отличие от других стран в корейской экономике создается новый вид стоимости за счет использования инновационных технологий. Показательным примером, деионстрирующим размах Интернет-подключенности, является увеличение числа пользователей смартфонов. Это доказывает, что построение общества смарт-технологий в Республике Корея можно реализовать быстрее, чем в других странах мира. Вследствие этого правительство страны среди основных стратегий развития индустрии будущего особое внимание уделяет созданию новой стоимости за счет построения инфраструктуры общества, основанной на смарт-технологиях (например, электронное правительство, концепция «смарт-сити» и т. д.).

Первоочередные задачи политики креативной экономики, реализуемой правительством Республики Корея, — это создание но-

вой добавленной стоимости и новых рабочих мест за счет взаимодействия научных технологий с ИКТ, межотраслевого взаимодействия в промышленности, а также взаимодействия промышленности со сферой культуры. Кроме того, Интернет занимает важное место в индустрии будущего, когда обретут ценность разнообразные нематериальные сетевые продукты. Таково видение средне- и долгосрочной национальной стратегии, в рамках которой будет осуществляться политика экономического развития Республики Корея в XXI в.

Таким образом, на основе анализа эволюции модели экономического развития Республики Корея можно отметить главенствующую роль государственного управления экономическими, промышленными и общественными трансформациями в стране.

В отличие от общепринятого в рыночных концепциях постулата установлено, что активное государственное вмешательство в экономические процессы может выступать важнейшим фактором интенсификации экономического роста страны, а также основным драйвером модернизации и структурной перестройки национальной экономики. Выявлено, что по мере роста национального благосостояния государственное вмешательство переходит ко все более гибким формам, основанным на роли государства как авторитетного арбитра ключевых общественных и экономических процессов.

Установлено, что на современном этапе основное конкурентное преимущество национальных экономик все больше перемещается в информационно-технологическую сферу. В этой связи все более очевидным представляется смещение внимания органов государственной власти на активизацию и стратегическое управление указанной сферой.

Список использованных источников

1. Ан Чальсу. Информационная политика XXI века / Ан Чальсу // Журн. Центра стратегических исследований экономики Кореи. — 2011. — № 9. — С. 20—30 (на кор. яз.).
2. Гил Кюн Сук. Эволюция и механизмы стимулирования экспортной активности южнокорейских предприятий на различных этапах экономического развития / Гил Кюн Сук // Журн. междунар. права и междунар. отношений. — 2005. — № 3. — С. 94—99.
3. Джанг Гихва. Понимание креативной экономики / Джанг Гихва // Журн. Ин-та экон. исследований Кореи. — 2011. — № 4. — С. 23—30 (на кор. яз.).
4. Канг Чанхо. Роль ИКТ в рамках креативной экономики / Канг Чанхо // Журн. Ин-та поощрения культуры. — 2012. — № 5. — С. 23—35 (на кор. яз.).
5. Канг Чанхо. Исследования в области ИКТ и отношения конкурентоспособности национальной экономики / Канг Чанхо // Там же. — 2013. — № 5. — С. 34—45 (на кор. яз.).
6. Ким Вункю. Экономический рост Республики Корея / Ким Вункю. — Сеул: Ханганг, 2000. — 101 с. (на кор. яз.).
7. Ким Санхванг. Концепция креативной экономики и анализ политики развитых стран / Ким Санхванг // Журн. Ин-та внешнеэкон. политики. — 2012. — № 8. — С. 10—47 (на кор. яз.).
8. Лим Зинхо. Роль ИКТ в рамках креативной экономики / Лим Зинхо // Журн. Ин-та поощрения культуры. — 2013. — № 5. — С. 27—31 (на кор. яз.).
9. Чон Сонхо. Система управления / Чон Сонхо // Журн. Юнсе ун-та. — 2010. — №3. — С. 4—32 (на кор. яз.).
10. Чой Янгун. Исследование корейской экономики в 1970—1980-хх гг. / Чой Янгун. — Сеул: Пакюнса, 2009. — 390 с.

Статья поступила в редакцию в июне 2016 г.

СТРАТЕГИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В СФЕРЕ ВНЕШНЕЙ МИГРАЦИИ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

Владимир Загорец, Ирина Загорец

В статье проанализированы современные тенденции развития мирового миграционного пространства, определено место и роль в нем Республики Беларусь. Дан анализ структуры и географии современных миграционных потоков.

Разработаны предложения по совершенствованию миграционной политики страны в тактическом и стратегическом плане. Обоснована целесообразность перенесения основного акцента в миграционной политике с количественной на качественную сторону.

Ключевые слова: Беларусь, миграционная политика, миграционные потоки, миграция, трудовая миграция.

«Strategy of the Republic of Belarus in the Sphere of External Migration: New Challenges and Opportunities» (Uladzimir Zaharets, Iryna Zaharets)

The article analyses current trends in global migration space, the place and role of the Republic of Belarus. Analysis of the structure and geography of contemporary migration flows is given.

Proposals on improving migration policy of the country in tactical and strategic terms are developed. The expediency of shifting the main emphasis in the migration policy from the quantitative to the qualitative aspect is justified.

Keywords: labour migration, migration, migration flows, migration policy, Belarus.

Authors:

Zaharets Uladzimir — Candidate of Economy (PhD), Associate Professor of the Department of Taxes and Taxation of the Faculty of Finance and Banking, Belarusian State Economic University, e-mail: zaharets.uladzimir@gmail.com
Belarusian State Economic University. Address: 26, Partizanky ave., 220070, Minsk, BELARUS

Zaharets Iryna — Candidate of Geography (PhD), Associate Professor of the Department of Regional Development of the Institute of Civil Service, Academy of Public Administration under Aegis of the President of Republic of Belarus, e-mail: zaharets_iryna@tut.by
Academy of Public Administration under Aegis of the President of Republic of Belarus. Address: 17, Moskovskaya str., 220007, Minsk, BELARUS

В настоящее время в современном мировом миграционном пространстве происходят значительные изменения. Эти изменения не вполне осознаны в научной среде и тем более не переведены в плоскость нормативно-правовых решений в сфере государственного регулирования процессов внешней миграции. В то же время для многих стран мира эти процессы стали одним из главных политических вызовов современности. Нуждается в переосмыслении, поиске новых путей, методов и механизмов воздействия на процессы внешней миграции и миграционная стратегия Республики Беларусь. Именно поэтому целью данной

статьи определена разработка предложений по совершенствованию государственной миграционной стратегии страны на ближайшую перспективу.

Для достижения этой цели и определения основных направлений совершенствования миграционной стратегии Беларуси в рамках современного мирового миграционного пространства необходимо решить две предварительные задачи:

— проанализировать современные тенденции развития мирового миграционного пространства и установить основные факторы, определяющие эти тенденции;

Авторы:

Загорец Владимир Семёнович — кандидат экономических наук, доцент кафедры налогов и налогообложения факультета финансов и банковского дела Белорусского государственного экономического университета, e-mail: zaharets.uladzimir@gmail.com

Белорусский государственный экономический университет. Адрес: 26, Партизанский пр., Минск, 220070, БЕЛАРУСЬ
Загорец Ирина Викторовна — кандидат географических наук, доцент кафедры управления региональным развитием факультета подготовки и переподготовки Института государственной службы Академии управления при Президенте Республики Беларусь, e-mail: zaharets_iryna@tut.by

Академия управления при Президенте Республики Беларусь. Адрес: 17, ул. Московская, Минск, 220007, БЕЛАРУСЬ

Рецензенты:

Данильченко Алексей Васильевич — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой международных экономических отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета
Наумчик Сергей Олегович — кандидат экономических наук, доцент кафедры налогов и налогообложения факультета финансов и банковского дела Белорусского государственного экономического университета

— обозначить место и роль Республики Беларусь в современном мировом миграционном пространстве.

Значение и роль миграции существенно различались на разных этапах развития человеческой цивилизации. В далеком прошлом, в период «великого переселения народов» (IV—VII вв. или, по мнению некоторых авторов IV—XIII вв.), миграция играла важнейшую роль в формировании населения отдельных стран и регионов. Результатом данного процесса стали современный расовый и этнический состав населения Европы, части Азии и Африки, а также образование ряда новых этнических общностей: англичан, французов, русских и др.

Существенное влияние миграции сохранялось и в более поздние времена, например в период, последовавший за эпохой «Великих географических открытий» (XV—XVII вв.), создавшей предпосылки последующих массовых переселений. Присоединенные открывателями к своим странам территории в дальнейшем осваивались и заселялись. Примером таких миграций является переселение из европейских стран в страны Северной и Южной Америки в XIX — начале XX в., когда из европейских стран в Америку выехало около 60 млн человек [3, с. 25].

Другие значительные миграции первой половины XX в. были связаны с двумя мировыми войнами и последовавшими за ними потоками беженцев, депортациями и репатриациями ряда народов. После Второй мировой войны количество политических и этнических миграций в Европе в 1945—1949 гг. составило несколько десятков миллионов человек [3, с. 28].

Влияние миграций второй половины прошедшего столетия на формирование человеческих ресурсов отдельных стран и частей света являлось не столь значительным. Главную роль в этом процессе играли естественнотендемографические факторы. Но в конце XX — начале XXI в. значение миграции в демографическом развитии вновь стало возрастать. Резко увеличились объемы миграции, миграционный прирост стал главным компонентом роста населения в ряде стран мира. Именно миграционный прирост обеспечивает в настоящее время увеличение численности человеческих и трудовых ресурсов значительной части европейских и ряда других стран, для которых характерен суженный тип собственного естественнотендемографического воспроизводства населения.

При этом двумя главными причинами международных перемещений человеческих ресурсов в современном мире остаются экономические и политические факторы. Действие первых из них, вызвавшее интенсификацию миграционных потоков, объясняется ростом дифференциации уровня экономического развития между отдельными странами и регионами. Разрыв в размере валового вну-

треннего продукта на душу населения между странами, имеющими максимальную (Монако — 163 036 дол.) и минимальную (Малави — 253 дол.) величину данного показателя, составляет более 600 раз [14].

За первое десятилетие XXI в. положительное сальдо миграции стран мира с высоким уровнем развития составило почти 40 млн человек. Десятку крупнейших нетто-импортеров человеческих ресурсов за этот период составили США, Испания, ОАЭ, Италия, Канада, Великобритания, Австралия, Германия, Россия и Саудовская Аравия. Из них только Россия не относится к странам с высокими доходами населения, но эта страна активно привлекала мигрантов с постсоветского пространства [17, р. 360—362; 18, р. 382—384].

Поставщиками или экспортерами мигрантов стали страны с низким и средним уровнем доходов, в том числе постсоциалистические и постсоветские государства. Общее отрицательное сальдо международной миграции для них было практически равным положительному сальдо стран с высоким уровнем развития. Конечно, международная экономическая миграция человеческих ресурсов не ограничивается только одним направлением — из наименее в наиболее развитые страны. Значительные потоки мигрантов отмечаются и между странами близкого уровня экономического развития. Существуют также минимальные по размеру обратные движения населения из более развитых в менее развитые страны. Но это не отменяет главной детерминанты современной экономической миграции: движения населения в более развитые в экономическом отношении страны.

В научной литературе и международной статистике используются различные классификации стран мира по уровню экономического развития. Они могут быть основаны как на отдельных, так и на комплексе различных показателей. К последним можно отнести классификацию (типологию) стран по индексу развития человеческого потенциала (ИРЧП). Но в данной и других типологиях, использующих ряд показателей, главной проблемой и недостатком является сложность определения удельного веса отдельных показателей в общем интегральном показателе. Субъективность и произвольность определения этого удельного веса резко снижает возможность использования данных типологий в исследовании зависимостей различных процессов от их величины. На наш взгляд, более точно характеризует страновой уровень экономического развития классификация Всемирного банка, использующая показатель валового внутреннего продукта на душу населения. Согласно методологии Всемирного банка, государства и территории классифицируются на три категории:

— страны с высоким уровнем дохода на душу населения (от 12 616 дол. США и выше);

- страны со средним уровнем дохода на душу населения (от 1036 до 12 615 дол. США);
- страны с низким уровнем дохода на душу населения (ниже 1035 дол. США).

Внутри группы со средним уровнем выделяются подуровни: выше или ниже среднего. В качестве источника информации выступает база данных Всемирного банка «Показатели мирового развития» (*World Development Indicators*). Статистика фиксируется в течение финансового года (окончание 30 июня) и обновляется ежегодно (уточненная статистика обычно публикуется в октябре—ноябре).

Единственное замечание к классификации Всемирного банка, несколько затрудняющее анализ связи уровня экономического развития и интенсивности миграционного обмена, связано с недостаточным, на наш взгляд, учетом роста дифференциации стран и территорий и выделением малого числа групп и подгрупп. Поэтому для целей вышеуказанного анализа нами была проведена дополнительная более подробная градация стран и территорий, основанная на данных Всемирного банка по величине валового внутреннего продукта на душу населения за 2014 г. (табл. 1).

По некоторым странам и территориям показатели за последние годы отсутствовали и такие страны не включены нами в классификацию, по другим Всемирный банк использует показатели за 2011—2013 гг., соответственно эти страны включены по данным этих лет.

Распределение стран в данной классификации имеет высокую степень корреляции с их местом и ролью в современной мировой миграционной системе. В целом отмечается четкая зависимость между величиной и направлением международной трудовой миграции в той или иной стране и ее отнесением к группе стран по величине валового внутреннего продукта на душу населения. При этом современная международная миграционная система в сегменте трудовой миграции имеет ярко выраженный многоуровневый или ступенчатый характер. Градация отдельных уровней также во многом совпадает с проведенной нами классификацией стран по уровню их экономического развития.

Данное совпадение наиболее четко можно подтвердить на примере основных потоков трудовой миграции на постсоветском миграционном пространстве, а также в целом в Европе. На постсоветском пространстве основные потоки трудовых мигрантов направляются из менее развитых стран 3-й и 4-й групп (Молдова, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан, Армения, Грузия, Украина) в более развитые страны 5-й и 6-й групп (Беларусь, Казахстан, Россия). В свою очередь трудовые мигранты из стран 5-й группы — Беларуси и Казахстана, как и мигранты из 3-й и 4-й групп также направляются в Россию (табл. 2). Таким образом, как мы уже отмечали выше, на

территории постсоветского пространства сложилась локальная миграционная система, функцию центра которой, активно привлекающего мигрантов с периферии, выполняет Россия.

Основными факторами формирования постсоветской миграционной системы является общность исторического развития входящих в нее стран, существовавшие длительное время и в значительной мере сохранившиеся экономические, культурные и другие связи. Значительная часть мигрантов из периферийных стран владеет русским языком, для многих из них он является основным языком общения в своих странах. Это, а также отсутствие или минимальное количество визовых, административных и других преград, несомненно, облегчают переезд трудовых мигрантов в Россию и последующую адаптацию там.

Необходимо отметить, что в 2014 — первой половине 2015 г. на постсоветском миграционном пространстве произошли некоторые изменения. Девальвация российского рубля сделала работу в России для иностранцев не такой привлекательной. Помимо этого, с 1 января 2015 г. в России повысились налоги и сборы для мигрантов — стоимость патента на работу в стране составляет до 4000 руб. в месяц, в то время как еще в 2014 г. иностранцам приходилось платить всего 1200 руб. Соответственно по некоторым странам-донорам во второй половине 2014 г. произошло сокращение числа легально работающих в России (см. табл. 2). В то же время общее количество мигрантов из постсоветских стран за 2014 г. выросло почти на 1 млн человек (рост был достигнут в первую очередь за счет граждан Украины и Беларуси). За первое полугодие 2015 г., по данным Федеральной миграционной службы Российской Федерации, общая численность всех иностранных мигрантов, находящихся на территории России, продолжала расти и составила 11 104 604 человека, по сравнению с 11 072 255 человек на начало года [8].

Но на общеевропейском и глобальном уровнях Россия не является единственным подобным центром, она сама «отдает» мигрантов, поскольку существует большое количество стран и регионов, имеющих более высокий уровень экономического развития и, соответственно, активно притягивающих мигрантов из менее развитых стран. Одним из важнейших подобных центров являются страны Евросоюза и, в первую очередь, крупнейшие из них: Германия, Великобритания, Франция, Италия, Испания. Эти и другие развитые европейские государства с высоким уровнем экономического развития, относящиеся к 7—9-й группам, являются центром притяжения мигрантов не только из близлежащих, но и из находящихся от них на значительном удалении стран и регионов: Африки, Азии и Латинской Америки.

**Классификация стран и территорий по величине
валового внутреннего продукта на душу населения в 2014 г.**

Группы стран по уровню экономического развития		Величина ВВП на душу населения, дол. США	Страна/территория
Низкий	1. Минимальный	Менее 499	Бурунди, Демократическая Республика Конго, Гамбия, Либерия, Мадагаскар, Малави, Центрально-Африканская Республика
	2. Низкий	500—999	Афганистан, Бенин, Буркина-Фасо, Зимбабве, Коморские о-ва, Гвинея, Гвинея-Бисау, Гаити, Лесото, Мали, Мозамбик, Танзания, Того, Уганда, Эритрея, Эфиопия,
	3. Переходный к среднему	1000—2499	Бангладеш, Бутан, Вьетнам, Гана, Гондурас, Джибути, Замбия, Индия, Йемен, Камбоджа, Киргизия , Камерун, Кения, Кирибати, Кот-д'Ивуар, Лаос, Мавритания, Молдова , Мьянма, Никарагуа, Пакистан, Папуа — Новая Гвинея, Сан-Томе и Принсипи, Сенегал, Судан, Таджикистан , Тимор, Узбекистан , Чад, Южный Судан
Средний	4. Нижний средний	2500—4999	Албания, Армения , Белиз, Боливия, Босния и Герцеговина, Гайана, Гватемала, Грузия , Египет, Индонезия, Кабо-Верде, Монголия, Марокко, Нигерия, Парагвай, Республика Конго, Филиппины, Самоа, Сальвадор, Свазиленд, Тонга, Тувалу, Тунис, Украина , Фиджи, Шри-Ланка
	5. Средний	5000—9999	Алжир, Ангола, Азербайджан , Беларусь (8040) , Болгария , Ботсвана, Гренада, Доминиканская Республика, Иордания, Ирак, Иран, Китай, Колумбия, Куба, Ливия, Мальдивские о-ва, Македония, Намибия, Перу, Румыния , Сербия, Сент-Люсия, Суринам, Таиланд, Туркменистан , Черногория, Эквадор, ЮАР, Ямайка
	6. Переходный к высокому	10 000—19 999	Антигуа и Барбуда, Аргентина, Барбадос, Бразилия, Венгрия , Венесуэла, Габон, Казахстан , Коста-Рика, Латвия , Ливан, Литва , Маврикий, Малайзия, Мексика, Палау, Панама, Польша , Россия , Сейшельские о-ва, Сент-Китс и Невис, Словакия , Тринидад и Тобаго, Турция, Уругвай, Хорватия , Чехия , Чили, Экваториальная Гвинея, Эстония
Высокий	7. Нижний высокий	20 000—49 999	Андорра, Аруба, Багамские о-ва, Бахрейн, Бельгия, Бруней, Великобритания, Германия, Гонконг, Греция, Израиль, Испания, Италия, Кипр, Мальта, Новая Зеландия, ОАЭ, Оман, Португалия, Пуэрто-Рико, Республика Корея, Саудовская Аравия, Словения, Финляндия, Франция, Япония
	8. Высокий	50 000—99 999	Австралия, Австрия, Бермудские о-ва, Дания, Ирландия, Исландия, Канада, Катар, Кувейт, Макао, Нидерланды, Норвегия, Сингапур, США, Фарерские о-ва, Швеция, Швейцария
	9. Максимальный	Более 100 000	Лихтенштейн, Люксембург, Монако

Источник: [14].

Численность мигрантов из постсоветских стран в России, чел.

Гражданство	Общее число иностранцев, находящихся в России		Изменение в 2014 г.		
	В январе 2014 г.	В январе 2015 г.	За I полугодие	За II полугодие	За год
Узбекистан	2 316 348	2 215 780	264 258	-364 826	-100 568
Таджикистан	1 021 379	999 169	156 325	-178 535	-22 210
Азербайджан	591 228	579 493	16 461	-28 196	-11 735
Грузия	28 404	30 836	176	2256	2432
Молдова	544 511	561 033	51 949	-35 427	16 522
Киргизия	524 877	544 956	27 375	-7296	20 079
Казахстан	571 527	597 559	5450	20 582	26 032
Армения	435 661	480 017	89 228	-44 872	44 356
Беларусь	390 564	517 828	40 741	86 523	127 264
Украина	1 559 921	2 417 575	305 168	552 486	857 654
Всего	7 984 420	8 944 246			

Источник: [7].

В то же время европейская миграционная система не является однородной, в ней четко выделяются собственные уровни, между которыми также осуществляется миграционный обмен. Вообще миграционные потоки в Евросоюзе включают четыре основных направления. Первое формируется из взаимных движений человеческих ресурсов между «старыми» странами-членами, имеющими одинаковый или близкий уровень экономического развития. Второе направление движения мигрантов предстало перемещением населения из менее экономически развитых «новых» членов Евросоюза в более развитые «старые» его члены. Третье направление миграции человеческих ресурсов формируется из государств, входящих в Евросоюз и Шенгенскую зону, и, наконец, четвертое включает обратные миграции из стран Евросоюза в другие государства мира. Если первое и четвертое направления по численности и удельному весу мигрантов в населении собственных стран относительно невелики, то второе и третье имеют значительную величину и интенсивность.

Миграции из «новых» стран, вступивших в Евросоюз в 2004, 2007 и 2013 гг., в «старые» детерминированы существенной разницей уровня экономического развития этих стран. Если все «старые» члены Евросоюза относятся к странам, имеющим высокий уровень экономического развития (7–9-я группы), то «новые» страны имеют средний уровень экономического развития. Несколько из них относятся к странам 5-й группы (Болгария, Румыния), а большая часть — к странам 6-й группы (Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Словакия, Хорватия, Чехия, Эстония).

Миграционные потоки из этих стран в более развитые страны Евросоюза достигают значительных размеров, в них вовлечена большая часть населения некоторых из «новых» членов Евросоюза. К таким странам, в част-

ности, относятся и ближайшие соседи Беларуси — Польша и Литва. В этих странах уровень экономического развития существенно уступает более развитым государствам Евросоюза. В 2014 г. размер ВВП на душу населения составлял: в Польше — 14 423 дол. США, в Литве — 16 445 дол. США, в то время как в Великобритании этот показатель достигал 45 603 дол. США, а в Германии — 47 627 дол. США [14]. Соответственно, при отсутствии административных и законодательных ограничений на эмиграцию в более развитые страны Евросоюза значительная часть экономически активного населения Польши и Литвы воспользовалась такой возможностью. Согласно данным, полученным в ходе переписи населения, проведенной в Великобритании в 2011 г., мигранты из Польши и Литвы составили более 60 % общего притока мигрантов из стран Центральной и Восточной Европы — членов Евросоюза [16].

Общее число проживающих в Англии и Уэльсе поляков, у которых родным языком является польский, по данным переписи, составило 572 тыс. человек, или примерно 1 % к англоговорящим жителям Англии и Уэльса (в день проведения переписи 27 марта 2011 г. население Англии и Уэльса составило 56 075 912 человек). Польский стал вторым после английского языком в Англии. В период после переписи 2001 г. численность поляков выросла почти в 10 раз (с 58 тыс. человек). Национальный состав мигрантов в Великобританию из стран Центральной и Восточной Европы — членов Евросоюза, по данным переписи 2011 г., выглядит следующим образом: поляки — 51,97 %, литовцы — 8,71, румыны — 32,17, другие национальности — 32,17 % [16].

По данным Государственного управления статистики Польши, за пределами страны в конце 2011 г. находилось 2,6 млн граждан. Из них в Европе пребывало свыше 1750 тыс. эмигрантов из Польши, из этого числа подавля-

ющее большинство — в странах Евросоюза. Больше всего поляков находилось в Великобритании (625 тыс.), затем следуют Германия (470 тыс.), Ирландия (120 тыс.), а также Нидерланды (95 тыс.) [1].

Еще более быстрыми темпами увеличивалось количество проживающих в Англии и Уэльсе литовцев. Если по переписи 2001 г. их число составляло 4 тыс., то в 2011 г. уже в 25 раз больше — 97 083 человека. При этом количество литовцев, официально проживающих только в Великобритании, составило 3 % от населения Литвы, которое составляло 3,3 млн человек [16].

По другим данным, рассчитанным посольством Литвы в Лондоне, в Великобритании сейчас может находиться в 2 раза больше граждан Литвы, чем это было заявлено по итогам переписи, т. е. около 200 тыс. человек [5]. Таким образом, в Великобритании проживает самая большая диаспора литовцев, за ней идут Ирландия, Германия, Испания и другие страны Евросоюза.

Отток населения значительно повлиял на экономику Польши и Литвы, понизив уровень безработицы и даже нехватку кадров в отдельных областях. Но поскольку эти страны имеют достаточно высокий уровень экономического развития и относятся к 6-й группе в изложенной выше классификации, то места, высвобожденные в результате миграции собственных трудовых ресурсов, замещались выходцами из более бедных стран. В частности, для Польши основными странами-реципиентами стали страны 3—5-й групп: Украина (4-я группа), Китай и Беларусь (5-я группа), а также в последние годы Вьетнам (3-я группа). Так, в год проведения английской переписи из общего числа получивших официальное разрешение на работу в Польше 49,7 % составили граждане Украины, 14,3 % — Китая, 5,6 % — Вьетнама и 4 % — Беларуси [15].

Таким образом, анализ постсоветской и европейской миграционных систем доказывает существование четко выраженной их ступенчатости, а также зависимости численности и направления международной трудовой миграции в отдельных странах от уровня их экономического развития. При этом трудовые ресурсы из стран, имеющих сравнительно более высокий уровень валового внутреннего продукта на душу населения, мигрируют в страны с еще более высоким уровнем развития. В свою очередь их место занимают мигранты из менее развитых стран.

Республика Беларусь в обеих миграционных системах выполняет в первую очередь роль донора или поставщика трудовых ресурсов. Главным направлением миграции трудовых ресурсов из Беларуси является восточное. В России, по данным Федеральной миграционной службы, в начале 2015 г. находилось 517 828 граждан нашей страны, при этом за год их численность выросла на 127 264 человека (см. табл. 2). Вторым важным направлением является западное, на котором белорусские трудовые ресурсы в первую очередь восполняют убыль трудовых ресурсов в странах-соседах за счет миграции последних в более развитые страны Европы.

Мы уже отмечали, что Беларусь является одной из основных стран-реципиентов трудовых мигрантов на польском рынке труда. Беларусь также входит и в число основных стран, выходцы из которых переселяются в Польшу. Эмиграция из Беларуси в Польшу достаточно стабильна и составляет около 200 человек в год (табл. 3). Трудовая миграция многократно превышает эту цифру.

Кроме Польши выходцы из нашей страны находятся и в других странах Евросоюза. При этом они также представлены не только временными трудовыми мигрантами: часть из них постоянно проживает в европейских странах и учитывается ими в переписях. По данным последних переписей населения, проводившихся в странах Евросоюза в 2011 г., в них проживало около 200 тыс. уроженцев Беларуси (табл. 4). К сожалению, установить точную цифру не представляется возможным, поскольку не по всем странам статистическая информация представлена на сайте Евростата.

Хотя выходцы из нашей страны отмечены практически во всех странах региона, распределялись они неравномерно, более 80 % проживали в трех странах — Польше, Латвии и Германии. Страновые предпочтения объясняются территориальной близостью и социокультурной общностью (Польша, Латвия), а также значительно более высоким уровнем экономического развития в стране-реципиенте (Германия, Великобритания).

Обратный приток трудовых ресурсов в нашу страну существенно уступает их оттоку в более развитые страны (табл. 5). По данным департамента по гражданству и миграции МВД Беларуси, в первой половине 2015 г. в Беларуси официально зарегистрированы и получили разрешение осуществления трудовой деятельности 15 379 человек, въехавших в страну. Кро-

Таблица 3

Динамика иммиграции из Республики Беларусь в Республику Польша на постоянное место жительства, чел.

2002	2003	2004	2005	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
130	123	262	364	222	212	173	209	231	210	233

Источник: [19].

Таблица 4

**Количество уроженцев Республики Беларусь среди проживавших
в странах Европейского союза в 2011 г.**

Страна проживания	Всего населения, чел.	Уроженцы Республики Беларусь, чел.	% от общей численности населения страны	% от общего числа уроженцев Беларуси, проживающих в странах Евросоюза
Германия	79 652 370	19 790	0,02	10,17
Латвия	2 070 371	54 959	2,65	28,23
Польша	38 044 565	85 048	0,22	43,69
Чехия	10 436 560	4443	0,04	2,28
Эстония	1 294 455	11 593	0,90	5,95
Италия	59 433 744	9170	0,02	4,7
Швеция	9 482 855	2224	0,02	1,14
Великобритания	63 182 180	4405	0,01	2,26
Швейцария	6 587 556	1046	0,02	0,54

Источник: [12].

Таблица 5

**Численность трудящихся мигрантов, въехавших в Республику Беларусь
за январь—июнь 2015 г., чел.**

Основные страны гражданской принадлежности трудовых мигрантов	Всего	В том числе руководители и квалифицированные специалисты
Азербайджан	197	52
Армения	15	1
Бангладеш	17	—
Болгария	18	7
Великобритания	14	14
Венгрия	43	43
Вьетнам	225	1
Германия	31	30
Грузия	291	35
Израиль	17	17
Индия	11	11
Иран	42	35
Италия	41	32
Китай	3835	559
КНДР	145	1
Кыргызстан	23	5
Латвия	144	80
Ливан	11	9
Литва	345	237
Молдова	160	25
Польша	74	46
Румыния	16	1
Сербия	92	54
Сирия	10	7
Словения	15	13
США	15	14
Таджикистан	123	3
Туркменистан	129	19
Турция	384	140
Узбекистан	711	33
Украина	7898	1681
Филиппины	65	8
Чехия	50	21
Эстония	10	9
Лица без гражданства	11	6
Всего по данным странам	15 282	3254
Итого по всем странам мира	15 379	3319

Источник: [10].

ме того, в страну за тот же период въехало 1166 граждан из государств — членов Единого экономического пространства, которым не требуется разрешение, в том числе 762 из России и 249 из Казахстана [10].

Анализ численности и структуры трудовых мигрантов в Республику Беларусь позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, приток трудовых мигрантов в 2015 г. в среднегодовом исчислении несколько снизился по сравнению с 2014 гг., когда он достиг рекордных в истории Беларуси 37 686 человек. Во-вторых, в структуре трудовых мигрантов в нашу страну преобладали специалисты невысокой квалификации, а на долю руководителей и квалифицированных специалистов приходилось 21,2 % в первой половине 2015 г. и 17,0 % в 2014 г. С учетом того, что в структуре трудовых мигрантов из нашей страны работники высокой квалификации занимают значительно больший удельный вес, приходится констатировать, что внешняя трудовая миграция сокращает трудовой потенциал страны не только количественно, но и качественно.

Третий вывод также связан со структурой мигрантов, но не по уровню квалификации, а по уровню экономического развития страны гражданской принадлежности трудовых мигрантов. Данная структура в целом подтверждает общий тезис статьи о детерминированности международной экономической трудовой миграции уровнем экономического развития той или иной страны. В общем количестве трудовых мигрантов из основных стран-доноров 63 % приходится на страны, относящиеся ко 2–4-й группам, имеющие более низкий уровень экономического развития, чем Беларусь. Несколько меньше — около 1/3 (28 %) — приходится на страны, имеющие близкий уровень экономического развития и входящие в ту же 5-ю группу, что и Беларусь. Но при этом необходимо отметить, что 89 % в данной группе, или 25 % всех трудовых мигрантов, составляют граждане Китая. Очевидно, это вызвано не столько экономическими, сколько политическими факторами: именно с этой страной Беларусь развивает тесные и экономические, и политические отношения. В Беларуси Китаем осуществляются многочисленные инвестиционные проекты, в которых предусматривается использование китайской рабочей силы. Во многом политическими факторами объясняется также резкий рост в последние годы мигрантов из Украины (табл. 6). Трудовые мигранты из Украины в течение всего рассмо-

тренного периода занимали первое место среди всех стран-доноров. Это объясняется как подобием менталитета населения, географической близостью двух стран, общностью исторического развития и использованием в общении одного языка, так и более высоким уровнем экономического развития Беларуси, всегда привлекавшим украинских трудовых мигрантов в нашу страну. Но почти трехкратный рост данного направления миграции в 2014–2015 гг. является следствием уже не экономических, а политических факторов.

События последних лет, приведшие к резкому обострению внутри- и внешнеполитической ситуации вокруг Украины, вызвали взрывоподобный рост миграции человеческих и трудовых ресурсов из этой страны не только в нашу, но и в другие страны мира. Основная часть мигрантов из Украины направилась в Россию. Как уже отмечалось выше, численность граждан Украины, находившихся в России, в 2014 г. выросла почти на 1 млн человек (см. табл. 2).

Необходимо отметить, что политические факторы в некоторых случаях существенно искажают детерминированность направления международной миграции уровнем экономического развития стран и регионов. Подтверждает это и рассчитанный нами показатель интенсивности эмиграции населения, в котором в знаменателе — общий миграционный отток за период 2005–2010 гг., а в числителе — численность населения страны на конец периода (табл. 7).

Среди 30 стран, имевших максимальную интенсивность миграционной убыли населения в 2005–2010 гг., 6 относилось ко 2-й группе по уровню экономического развития, более половины (19) представлены государствами 3-й и 4-й групп. Вместе с тем в числе стран с максимальной интенсивностью миграционной убыли оказалось и две страны 6-й и 7-й групп (Мексика и Пуэрто-Рико). В данном случае определяющим фактором стало их географическое положение и особые политические отношения со страной-реципиентом — США. Обе страны имеют теснейшие связи с США: политические, экономические и в ряде других сфер, включая сферу миграционного обмена. К тому же Пуэрто-Рико является зависимой на государственном уровне от США территорией и имеет общие с ними гражданство и валюту.

Характерно то, что ни одна из стран с наиболее интенсивной убылью населения в анализируемый период не входила в число стран

Таблица 6

Численность трудящихся мигрантов, граждан Украины, въехавших в Республику Беларусь за период 2011–2015 гг., чел.

2011	2012	2013	2014	I полугодие 2015 г.	Всего за 2011–2015 гг.
3423	2854	6928	17 778	7898	38 881

Источник: [10].

Страны мира, имевшие максимальный коэффициент интенсивности миграционной убыли населения за 2005—2010 гг., миграционная убыль за 2005—2010 гг./численность населения в 2010 г.

№ п/п	Страна	Коэффициент интенсивности результативности миграции
1	Зимбабве	0,071
2	Молдова	0,048
3	Сальвадор	0,047
4	Таджикистан	0,043
5	Ямайка	0,037
6	Эфиопия	0,036
7	Пуэрто-Рико	0,036
8	Никарагуа	0,034
9	Грузия	0,033
10	Сомали	0,032
11	Гвинея	0,030
12	Перу	0,025
13	Гаити	0,024
14	Армения	0,024
15	Марокко	0,021
16	Бангладеш	0,020
17	Узбекистан	0,018
18	Камбоджа	0,018
19	Боливия	0,017
20	Куба	0,017
21	Мексика	0,016
22	Албания	0,015
23	Гватемала	0,014
24	Гондурас	0,013
25	Филиппины	0,013
26	Шри-Ланка	0,012
27	Пакистан	0,012
28	Сенегал	0,011
28	Афганистан	0,011
30	Мьянма	0,010

Источники: рассчитано по [18, р. 42–44, 382–384].

1-й группы с минимальным уровнем экономического развития. Это свидетельствует о том, что население данных стран, в значительной степени занятое натуральным хозяйством и не имеющее достаточной информации и минимальных финансовых средств для международной миграции, вообще находится вне современной мировой экономической миграционной системы.

В большей части из 8 стран с минимальным уровнем экономического развития интенсивность миграционной убыли была минимальной (Мадагаскар, Демократическая Республика Конго, Нигер и Малави — 0,000—0,002) или незначительной (Гамбия — 0,008). Более того, несколько стран с минимальным уровнем экономического развития в анализируемый период имело миграционный прирост (Бурун-

ди, Либерия и Центрально-Африканская Республика). Данный парадокс объясняется исключительно политическими факторами, тем, что в ряде соседних стран происходили острые внутривнутриполитические конфликты. Поэтому перед их гражданами стоял вопрос не улучшить свою жизнь, а вообще ее сохранить.

Политические факторы вызвали и резкий рост миграции в европейские страны граждан африканских и азиатских стран, произошедший в 2015 г. Вместе с тем данный миграционный поток далеко не однороден. Часть этих мигрантов составили граждане Сирии, Афганистана, Ливии и ряда других стран, в которых происходит гражданская война и действительно нарушается фундаментальное право человека — право на жизнь. Но даже эта часть мигрантов, называ-

ющих себя политическим беженцев, ищет убежища не в ближайших безопасных странах и даже не в ближайших странах Евросоюза, а в наиболее развитых из них. Следовательно, и в данном случае присутствует большая доля экономической составляющей в причинах миграции.

Вторая часть мигрантов представлена гражданами отдельных европейских стран, например Албании, а также африканских и азиатских стран, в которых внутривнутриполитическая обстановка не представляет угрозы жизни и здоровью мнимых беженцев. Очевидно, детерминирующими причинами этого миграционного потока являются не политические, а чисто экономические факторы, т. е. не спасение от угроз жизни и здоровью, а попытка получить максимальные социальные выплаты и льготы. Это обязательно должно учитываться при выработке миграционной стратегии на длительную перспективу и миграционной политики на ближайшие годы странами Евросоюза, для которого нелегальная, практически бесконтрольная миграция стала одним из главных политических вызовов современности. Несомненно, если объемы данной миграции будут ежегодно составлять миллионы человек, это обязательно скажется на экономической и политической ситуации в странах Евросоюза уже в ближайшем будущем, а в отдаленной перспективе может в корне изменить национальный, расовый и религиозный состав населения значительной части европейских стран.

Для Республики Беларусь современные процессы в сфере внешней миграции также создают как новые вызовы, так и новые возможности. В пассив можно записать отток значительной части наиболее активных, квалифицированных трудовых ресурсов из страны. Данное негативное воздействие усугубляется тем, что этот отток происходит на фоне продолжающегося уже несколько десятилетий процесса естественно демографического сокращения численности населения страны. Начиная с 2008 г., уменьшение человеческих ресурсов Беларуси дополнилось и сокращением ее трудовых ресурсов. В 2013 г. их численность снизилась по сравнению с 2007 г. на 120,8 тыс. человек [9, с. 29]. Еще более значительное сокращение трудовых ресурсов будет происходить в ближайшие пятилетия.

Авторами данной статьи был проведен анализ половозрастной структуры населения Беларуси по данным переписи 2009 г. с использованием метода передвижки возрастов. Этот анализ показал, что за период 2010—2025 гг. трудовые ресурсы Беларуси (при неизменности существующих границ трудоспособного возраста) сократятся более чем на 1 млн человек [2, с. 79]. Следовательно, миграционная убыль может еще более обострить проблему обеспечения организаций страны персоналом.

Положительными аспектами современной внешней миграции человеческих и трудовых ресурсов Республики Беларусь отдельные исследователи обычно называют два фактора. Первый из них связывают с низким уровнем безработицы в стране в настоящее время и ближайшем будущем. Но учитывая сказанное выше, проблемой для экономики страны и ее хозяйствующих субъектов может стать не безработица, а, наоборот, нехватка трудовых ресурсов. Второй фактор — это приток валюты в страну от трудовых мигрантов, работающих за ее пределами. Часть этой валюты ввозится в страну в виде наличных денег и точному измерению не подлежит. Вторая часть осуществляется путем банковских переводов, и их динамика отражена в статистике Национального банка как личные переводы.

Согласно методологии Национального банка, личные переводы как составная часть показателя «Денежные переводы» определяются следующим образом: сумма текущих и капитальных трансфертов в денежной или натуральной форме между домашними хозяйствами — резидентами и домашними хозяйствами — нерезидентами, плюс оплата труда работников, минус налоги и отчисления на социальные нужды, выплаченные работниками-нерезидентами в стране найма, минус расходы на транспорт и поездки, связанные с работой за границей. Сальдо между полученными и отправленными переводами означает чистый приток валюты в страну. В последние годы оно составляло около 1 млрд дол. США [4].

С одной стороны, данная сумма представляется довольно значительной, особенно с учетом того, что часть перечислений от белорусов, работающих за пределами страны, поступает, минуя банковскую систему.

С другой стороны, неиспользование большей части трудовых ресурсов в собственной стране и их неучастие в создании ВВП ведут к гораздо большим потерям для ее экономики. В 2014 г. в экономике Беларуси было занято 4572,8 тыс. человек [11], а ВВП составил 76 139 250 364,5 дол. США [13]. Соответственно на одного занятого в экономике приходится 16 650,5 дол. созданного ВВП. Если бы белорусы, находившиеся на конец 2014 г. только в Российской Федерации (517 828 человек — см. табл. 2), работали в нашей стране со средней для нее производительностью, они бы создали дополнительный ВВП в размере 8 622 077 444,4 дол. США (более 11 % ВВП страны в 2014 г.). А ведь кроме России белорусские трудовые мигранты способствуют росту ВВП и ряда других стран мира. Следовательно, неучастие в общественном производстве страны значительной части ее трудовых ресурсов приносит экономике ущерб, намного превышающий поступление валюты от трудовых мигрантов.

Таким образом, в целом современная международная миграция не способствует, а скорее тормозит экономическое развитие Республики Беларусь. Соответственно, миграционная стратегия и миграционная политика страны нуждаются в совершенствовании.

Первый вопрос, на который необходимо ответить при разработке направлений ее совершенствования: можно ли прекратить или резко уменьшить отток трудовых ресурсов из Беларуси в другие более развитые страны? Теоретически, наверное, можно, применив ряд административных мер, существенно ограничив или запретив выезд граждан страны за ее пределы. Но в условиях глобализации и резкого роста мирохозяйственных связей мнимые плюсы от устранения оттока трудовых ресурсов многократно перекроются потерями от неизбежного нарушения этих связей для экономики и предприятий страны. Кроме того, в этом случае вырастет нелегальная эмиграция и значительная часть нынешних трудовых мигрантов останется в странах-реципиентах навсегда. Тем не менее, другая крайность — полный отказ государства от воздействия на этот процесс — также неприемлем.

Для недопущения неконтролируемости процессов внешней миграции требуется наладить контакты и заключить межправительственные соглашения со странами — потенциальными донорами трудовых мигрантов и со странами-реципиентами, в первую очередь с Российской Федерацией. Эти соглашения будут способствовать более эффективной защите прав наших граждан, проживающих и работающих вне страны, и граждан других стран, работающих в Беларуси. Решение данных проблем также можно и нужно инициировать и на наднациональном уровне органов и институтов, например Евразийского экономического союза (ЕАЭС). В этом случае большая часть нынешних трудовых мигрантов через некоторое время может вернуться в Беларусь. При этом они вернутся обогащенные опытом работы на других предприятиях, часто с более передовыми технологиями, в условиях другого менеджмента. Соответственно вместо торможения экономического развития страны внешняя трудовая миграция может создать «точки» его роста.

Первым шагом в совершенствовании государственного управления процессами внешней миграции является создание единого государственного органа по регулированию всех аспектов международной миграции. То, что в настоящее время функции этого управления возложены на Министерство внутренних дел, совершенно нелогично. Несомненно, контроль легального пересечения границы и легального статуса мигрантов в нашей стране — функция органов правопорядка. С этой функцией Департамент по гражданству и миграции МВД Республики Беларусь справляет-

ся успешно. Однако миграционные процессы и проблемы являются комплексными и включают не только вопросы правопорядка — внешняя миграция тесно связана с экономическим и социально-культурным развитием страны.

Поэтому государственный орган по управлению внешней миграцией не может существовать в рамках отдельного ведомства. Целесообразны его подчинение Совету Министров и укомплектование специалистами различного профиля: экономистами, демографами, социологами, психологами, а не только правоохранителями.

Наиболее тесные связи просматриваются между миграцией и экономикой. С одной стороны, уровень экономического развития является главным фактором, детерминирующим место страны в современной международной миграционной системе. С другой стороны, внешняя миграция сама оказывает значительное влияние на формирование трудовых ресурсов страны и на ее экономическое развитие. Соответственно в своей деятельности государственный орган по управлению процессами внешней миграции должен максимально плотно контактировать с министерствами труда и экономики.

Вторая задача, которую необходимо решить до разработки долго-, средне- и краткосрочных мероприятий в сфере управления внешней трудовой миграцией, связана с совершенствованием статистики в этой области. Невозможно выработать правильные решения в сфере миграции на основании искаженных данных о направлении, величине и сальдо миграционных потоков.

Существует большое количество методов учета внешней миграции, позволяющих достаточно точно установить количество выехавших из страны, главным из которых является обмен статистическими данными со странами-реципиентами. Учет реального сальдо внешней миграции позволит осознать угрозу сокращения численности трудовых ресурсов Беларуси из-за ее последствий. Для минимизации этой угрозы требуется осуществлять не только ряд мер по управлению демографическими процессами, но и модернизацию производства. Целесообразно создавать преференции не предприятиям, наращивающим численность занятых, а предприятиям, сокращающим ее при росте объемов производства за счет производительности труда, т. е. внедряющим трудосберегающие технологии.

Данные предварительные меры позволят выработать стратегические подходы к управлению миграционными процессами и политике их реализации. При этом необходимо понимать, что изменить место страны в современной мировой миграционной системе и, соответственно, направление потоков внешней миграции невозможно без изменения места страны среди других государств по уровню

экономического развития. Поэтому Беларусь по-прежнему будет выполнять функции поставщика человеческих и трудовых ресурсов в более развитые страны. В свою очередь в качестве возможных поставщиков трудовых ресурсов для нашей страны можно рассматривать менее развитые страны и регионы. Но привлечение мигрантов из менее развитых стран не должно пониматься как привлечение неквалифицированной рабочей силы.

Да, с помощью мигрантов можно заполнить вакантные рабочие места с минимальным уровнем заработной платы в маргинальном секторе рынка труда и решить сиюминутные задачи. Но в долгосрочной перспективе привлечение низкоквалифицированных мигрантов не будет способствовать увеличению трудового потенциала страны, не приведет к росту экономики. Кроме того, оно может генерировать ряд социальных и политических проблем и не может быть стратегически оправданным.

Конечно, уровень экономического развития Республики Беларусь не позволяет в больших объемах привлекать высококвалифицированную рабочую силу из высокоразвитых стран. В то же время отдельные элементы опыта, накопленного с данной сфере в странах, традиционно проводящих селективную миграционную политику (Канада, Австралия, страны Евросоюза), могут быть использованы и в Беларуси. Полагаем целесообразным ввести в Республике Беларусь аналог применяемой в странах Евросоюза так называемой «Голубой карты». Частично данный механизм уже предлагался в демографической политике Республики Беларусь. Так, в Национальной программе демографической безопасности Республики Беларусь на 2011–2015 годы ставилась цель «создать механизм, основанный на избирательном подходе к привлечению иммигрантов, с учетом инвестиционного и образовательного потенциала, возраста» [6]. В то же время нормативной базы подобного механизма до настоящего времени создано не было. Планировалось также предоставлять льготы при получении гражданства иностранцам — выпускникам белорусских вузов, но при этом без учета того, является ли полученная ими специальность дефицитной для нашей страны и работают ли они по этой специальности.

На наш взгляд, необходимо установить четкие критерии для внешних мигрантов, при соблюдении которых они могут получать вид на жительство и разрешение на трудовую деятельность в максимально облегченном варианте. Такими критериями должны быть уровень образования и квалификации, связь данного образования и квалификации с отраслями, определяющими НТП, дефицитность профессии мигранта для нашей страны, минимальный уровень заработной платы на должностях, на которые претендуют мигранты.

При этом в качестве основного региона привлечения мигрантов необходимо рассматривать Украину. Для привлечения мигрантов из этой страны целесообразно приравнять их к гражданам Евразийского экономического союза и устранить все административные барьеры при получении ими вида на жительство и разрешения на трудовую деятельность. Это позволит в полной мере использовать появившиеся шансы привлечения высококвалифицированных специалистов из данного региона.

Основной акцент в миграционной политике должен быть перенесен с количественной на качественную сторону. Организуя плановый приток высококвалифицированных кадров с опытом мирового уровня даже в небольших объемах, мы создаем своеобразные «точки» роста национальной экономики. Возглавляемые такими специалистами предприятия имеют больше шансов на благоприятное включение в мировой рынок, привлечение крупных инвесторов, внедрение передовых технологий. Накопленный в общении с ними опыт передается белорусским работникам, повышает их квалификацию и конкурентоспособность. При этом экономически целесообразнее привлекать иностранцев-педагогов, чем посылать на обучение своих граждан (да еще и при отсутствии гарантий их возврата). Подобная политика будет способствовать повышению уровня экономического развития страны и в стратегическом плане облегчит в будущем возможность более массовой иммиграции рабочей силы требуемого качества.

Одновременно с разработкой стратегических направлений государственного управления миграционными процессами необходимо решать и более краткосрочные задачи. Так, уже сегодня требуется осуществление мониторинга потребности Республики Беларусь в трудовых ресурсах в разрезе отдельных профессий и территорий для обоснования привлечения трудовых мигрантов извне на постоянной и временной основе. В ближайшее время надо разработать и внедрить Программу социально-психологической адаптации трудовых мигрантов. Частью этой программы являются создание сети адаптационных центров, курирующих и помогающих вновь прибывшим мигрантам в изучении языка, культуры, традиций страны пребывания, получении работы, жилья, оказание им материальной помощи на начальных этапах адаптации. Подобный опыт в нашей стране уже существует, но пока не для трудовых мигрантов, а для беженцев.

Реализация этих предложений будет способствовать совершенствованию государственного управления процессами внешней миграции и тем самым ускорению социально-экономического развития Республики Беларусь.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. В ЕС выросло число трудовых мигрантов из Польши [Электронный ресурс] // Международный русскоязычный информационно-аналитический портал «NewsBalt». — 27.09.2012. — Режим доступа: <<http://www.news Balt.ru/detail/?ID=6070>>. — Дата доступа: 04.09.2015.
2. Загорец, В. С. Воспроизводство человеческих ресурсов Республики Беларусь: современные тенденции и проблемы / В. С. Загорец, И. В. Загорец // Вестн. БГУ. Серия 2. — 2015. — № 2. — С. 76—81.
3. Загорец, И. В. Миграции населения и миграционная политика / И. В. Загорец. — Минск: Лучи Софии, 2000. — 86 с.
4. Личные переводы [Электронный ресурс] // Национальный банк Республики Беларусь. — Режим доступа: <<http://www.nbrb.by/statistics/remittances>>. — Дата доступа: 25.09.2015.
5. Миграция в Великобританию [Электронный ресурс] // Информационное агентство «REGNUM». — 02.02.2013. — Режим доступа: <<http://www.regnum.ru/news/polit/1620447.html>>. — Дата доступа: 04.09.2015.
6. Об утверждении Национальной программы демографической безопасности Республики Беларусь на 2011—2015 годы: Указ Президента Респ. Беларусь от 11 авг. 2011 г. № 357 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2015.
7. Опалев, С. Исследование РБК: как из России уезжают иностранцы / С. Опалев, Е. Мязина [Электронный ресурс] // Росбизнесконсалтинг. — Режим доступа: <<http://top.rbc.ru/society/04/02/2015/54d0c05e9a7947df123f23e1#xtor=AL->>. — Дата доступа: 28.08.2015.
8. Статистические сведения по миграционной ситуации в Российской Федерации [Электронный ресурс] // Федеральная миграционная служба России. — Режим доступа: <<http://www.fms.gov.ru/about/statistics/data/>>. — Дата доступа: 14.09.2015.
9. Труд и занятость в Республике Беларусь: стат. сб. — Минск: Нац. стат. комитет Респ. Беларусь, 2014. — 321 с.
10. Учет трудящихся-эмигрантов и трудящихся-иммигрантов [Электронный ресурс] // Департамент по гражданству и миграции Министерства внутренних дел Республики Беларусь. — Режим доступа: <<http://mvd.gov.by/ru/main.aspx?guid=174673>>. — Дата доступа: 25.09.2015.
11. Численность экономически активного населения [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. — Режим доступа: <<http://belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/otrasli-statistiki/naselenie/trud/godovye-dannye/chislennost-ekonomicheski-aktivnogo-naseleniya/>>. — Дата доступа: 25.09.2015.
12. Census Data [Electronic resource] // European Statistical System. — Mode of access: <<https://ec.europa.eu/CensusHub2/intermediate.do?&method=forwardResult>>. — Date of access: 15.09.2015.
13. GDP (current US\$) [Electronic resource] // World Bank. — Mode of access: <<http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD>>. — Date of access: 04.09.2015.
14. GDP per capita (current US\$) [Electronic resource] // World Bank. — Mode of access: <<http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD>>. — Date of access: 04.09.2015.
15. Rocznic Demograficzny = Demographic Yearbook of Poland 2013 [Electronic resource] // Główny Urząd Statystyczny: Portal Informacyjny. — Mode of access: <http://www.stat.gov.pl/cps/rde/xbr/gus/sy_demographic_yearbook_2013.pdf>. — Date of access: 15.09.2015.
16. 2011 Census [Electronic resource] // Office for National Statistics. — Mode of access: <<http://www.ons.gov.uk/ons/guide-method/census/2011/index.html>>. — Date of access: 04.09.2015.
17. World Development Indicators 2007. — Washington: The World Bank, 2007. — 402 p.
18. World Development Indicators 2012. — Washington: The World Bank, 2012. — 458 p.
19. Wyniki badań bieżących [Electronic resource] // Główny Urząd Statystyczny: Portal Informacyjny. — Mode of access: <<http://demografia.stat.gov.pl/bazademografia/Tables.aspx>>. — Date of access: 15.09.2015.

Статья поступила в редакцию в декабре 2015 г.

Памятка авторам статей для подачи в редакцию «Журнала международного права и международных отношений»

«Журнал международного права и международных отношений» является научным изданием с периодичностью выпуска 4 раза в год.

Журнал включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований по юридическим, историческим и экономическим наукам.

Автор, желающий опубликовать статью в журнале, должен представить в редакцию:

— статью объемом около 10 печатных страниц текста (с учетом списка литературы) (формат страницы — А4, шрифт 12 пт (для компьютера), поля — по 2,5 см с каждой стороны, расстояние между строками — 1,5 интервала). При оформлении статьи автор должен пользоваться **Инструкцией о порядке оформления квалификационной научной работы (диссертации) на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук, автореферата и публикаций по теме диссертации;**

— резюме (краткое содержание) статьи на русском/белорусском языке объемом до 0,5 страницы с аналогичными параметрами (резюме статьи будет переводиться на английский язык. Автор может приложить резюме, уже переведенное на английский язык (обязательно с русским/белорусским вариантом));

— выписку из протокола заседания кафедры (научного отдела или другой подобной структуры) о рекомендации статьи к печати;

— заполненную анкету (форма выдается в редакции).

Исключения возможны по решению редакционного совета.

Обращаем внимание авторов, что они несут ответственность за направление в редакцию уже ранее опубликованных статей или статей, принятых к печати другими изданиями.

Кроме того, в журнале предоставляется возможность первоочередного опубликования статей, представленных лицами, осуществляющими послевузовское обучение (аспирантура, докторантура, соискательство) в год завершения обучения.

В журнале не взимается оплата за опубликование научных статей.

Научное издание

ЖУРНАЛ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ 2016 № 1-2 (76-77) январь—июнь

Подписано в печать 23.09.2016 г. Выход в свет в сентябре—октябре 2016 г.

Формат 60x84^{1/8}. Гарнитура Georgia.

Печать цифровая. Усл. печ. л. 16,74. Тираж 100 экз. Заказ № 2.

Отпечатано с готового оригинала-макета заказчика в ООО «НиктаграфиксПлюс».

ЛП № 02330/0494134 от 03.04.2009.

220030, г. Минск, ул. Краснозвездная, 5/1Н-5, тел.: +375 17 226 32 67